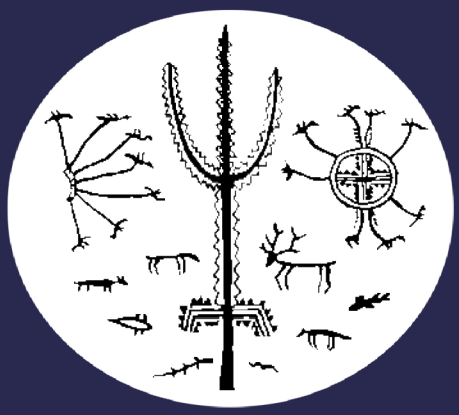


ISSN 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 4 (43) 2021

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 4 (43) 2021

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2021
© Tomsk State University, 2021

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 4 (43) 2021

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2021
© Томский государственный университет, 2021

CONTENTS

No 4 (43) 2021

Alexander I. Grishchenko, Vadim V. Ponaryadov. The newly discovered monuments of the Old Permian language and script 7
Yuri N. Kvashnin. Balok and tent — new dwellings on the outskirts of the Nenets oecumene 35
Denis V. Kuzmin. South Karelia at the end of the Middle Ages 49
Igor L. Kyzlasov. Yenisei runic inscriptions of Yar-Khoto (from the finds of the First archaeological expedition of the Academy of Sciences to East Turkestan) 69
Azim Malikov. Mongolian elements in the ethnonymy and ethnotoponyms of the Zeravshan Valley (15—19th centuries) 84
Fanuza Sh. Nurieva, Gulnaz N. Fakhretdinova. Using Yakov Emelyanov's poems and letters as a language norm for 19th century Kryashen Tatars 106
Irina A. Khomchenkova, Daria O. Zhornik. Nominal coordination and comitative constructions in Northern Mansi 124

Style sheet 149

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4 (43) 2021

А. И. Грищенко, В. В. Понарядов. Новые находки памятников древнепермского языка и письма.....7
Ю. Н. Квашнин. Балок и палатка — новые жилища на окраинах ненецкой ойкумены 35
Д. В. Кузьмин. Южная Карелия в конце эпохи Средневековья 49
И. Л. Кызласов. Енисейские рунические надписи Яр-хото
(Из находок первой археологической экспедиции Академии наук в Восточный Туркестан).....69
А. М. Маликов. Монгольские элементы в этнонимике
и этнотопонимах долины Зеравшана (XV—XIX вв.).....84
Ф. Ш. Нуриева, Г. Н. Фахретдинова. Стихи и письма Якова Емельянова
как источник для изучения языковой нормы татар-кряшен XIX века.....106
И. А. Хомченкова, Д. О. Жорник. Именное сочинение и комитативные конструкции
в северных диалектах мансийского языка 124

Требования к оформлению статей.....149

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широбокова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birsk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-7-34

А. И. Грищенко, В. В. Понарядов

Новые находки памятников древнепермского языка и письма

Грищенко Александр Игоревич, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Институт славяноведения РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); grishchenko.a@pstgu.ru
Понарядов Вадим Васильевич, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар); vadim.ponaryadov@yandex.ru

В статье впервые публикуются ранее неизвестные или не введенные в научный оборот памятники древнепермского языка, записанные абуром. Все эти тексты представляют собой приписки на славяно-русских рукописных книгах XV в.: на смеси древнепермского с русским в «Беседах» Григория Великого (1460—70-е гг.), писцовые записи на книге со словами Исаака Сирина (1486) и на двух томах с новыми церковнославянскими переводами с Вульгаты, сделанными для Геннадиевской Библии (1490-е гг.), а также последнее слово в записи о вкладе еп. Питирима на Ареопагитиках сер. XV в. В новых текстах имеются ранее не зафиксированные для этого периода лексемы.

Ключевые слова: древнепермский язык, абур, палеография, рукописные книги, XV век, Усть-Вымь, Ферапонтов Белозерский монастырь, Геннадиевская Библия, тайнопись

THE NEWLY DISCOVERED MONUMENTS OF THE OLD PERMIAN LANGUAGE AND SCRIPT

Alexander I. Grishchenko, St. Tikhon's Orthodox University, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, and HSE University (Moscow); grishchenko.a@pstgu.ru
Vadim V. Ponaryadov, Institute of Language, Literature and History at the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar); vadim.ponaryadov@yandex.ru

The paper for the first time publishes monuments of the Old Permian language written with Abur, or the script of St. Stephen of Perm; these sources are previously unknown or have not been introduced into academic circulation. They are published here as facsimiles, with transliteration, transcription, and Russian translation. Perhaps the oldest of these inscriptions (from the 1460s — the early 1470s?) is the postscript written in a mixture of Old Permian and Russian at the end of the Church Slavonic *Homilae* by St. Gregory the Great: it was copied in the Ferapontov Monastery, in the White Lake area, perhaps by the hand of St. Martinianus of White Lake (Belozersky). The next earliest of the Old Permian documents — and the earliest to be dated precisely — is scribal marginalia on a manuscript book with the spiritual homilies of St. Isaac the Syrian in a Church Slavonic translation; it was copied in Ust-Vym (the Komi area) in 1486 by Gabriel (Gavrila) the Deacon (Kịldaś). Other Old Permian postscripts were made at the court of the archbishop of Novgorod the Great in the early 1490s in two volumes with the new Church Slavonic translations from the Vulgate; they were prepared in the circle of Archbishop Gennady of Novgorod and Pskov. Finally, the last word of the late 15th — early 16th century inscription in the Church Slavonic *Corpus Areopagiticum* has been re-attributed as Old Permian rather than Slavic cryptography in Abur; this book was donated to the Annunciation Church of Ust-Vym by St. Pitirim, bishop of Perm.

The total number of new texts is 37 word-forms, including lexemes that were not previously recorded for this period — this is significant for the Old Permian corpus of the 15th — early 16th centuries. Although from the graphic, phonetic, grammatical, and lexical points of view, these texts basically represent the same linguistic system found in previously known Old Permian monuments, they demonstrate, on the one hand, the inclusion of Old Permian scribes into the activities of professional Old Russian scriptoria and, on the other, they testify to the emergence of interest on the part of East Slavic bookmen in "indigenous" languages. Knowing these languages could be a sign of belonging to a special intellectual stratum that included both the creators of the first Church Slavonic complete biblical collection (the Gennady Bible) and members of the so-called heresy of the Judaizers.

Keywords: Old Permian, Abur, paleography, manuscript books, 15th century, Ust-Vym, Ferapontov Monastery, Gennady Bible, cryptography

Статья написана в рамках проекта «Языковая ситуация в России XV—XVI вв.: источниковедческие аспекты», поддержанного Фондом сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации.
Авторы выражают глубокую признательность коллегам, которые помогли в написании настоящей статьи: Борису Николаевичу Морозову — за предоставление электронных фотокопий рукописей с древнепермскими записями, Татьяне Владимировне Анисимовой — за кодикологические и палеографические советы, Наталье Вячеславовне Савельевой — за возможность ознакомиться с ее публикацией коми-зырянско-русского словаря по рукописи 1668 г., Алексею Александровичу Вовину — за помощь в организации копирования рукописи с «Постническими словами» Исаака Сирина из собрания СПбИИ РАН в непростое карантинное время, Андрею Александровичу Рыбалке — за уточнение информации об этой уникальной рукописи, Андрею Юрьевичу Виноградову — за библиографическую помощь, Савве Михайловичу Михееву — за уточнение чтения глаголической записи; а также за консультации по латинской палеографии: Владимиру Ивановичу Мажуге, Григорию Михайловичу Воробьёву и Елене Валерьевне Казбековой.

Изучение памятников древнепермского письма (письменности Стефана Пермского) XV—XVI вв., не только содержащих стефановские буквы в качестве тайнописи русских книжников, но также и представляющих материал древнепермского языка, начатое в XIX в., было в целом завершено к 1960-м гг. выдающимся советским финно-угроведом и коми поэтом В. И. Лыткиным (1895—1981). Ему было известно всего лишь четыре памятника древнепермского языка, написанных стефановской азбукой (она же «абур» или «анбур» по названиям первых букв). Среди них два не относились к книжным, поскольку представляли собой надписи на иконах (Троицы — так называемая Зырянская Троица конца XIV в., древнейший и наиболее пространный памятник древнепермского языка и письменности, — и утраченного образа Сошествия Св. Духа XV в.) [Лыткин 1952: 33—43]. Два других — короткие записи в славяно-русских рукописях XV—XVI в.: это приписки дьяка Гавриила Кылдасева (не писца, а владельца рукописи) на списке второй четверти XV в. аскетических сочинений Григория Синаита (БАН, 17.9.11) [Сидоров 1962] и Васюка Кылдасева стефановской азбукой в Уваровской кормчей (Номоканоне) 1510 г. (ГИМ, Увар. 81-4°) [Лыткин 1952: 32—33] (А. С. Сидоров и В. И. Лыткин передавали патроним Васюка как «Кылдашев»: в такой форме он известен и по другой литературе). В последние годы в работах Б. Н. Морозова (также в соавторстве с Р. А. Симоновым) было сообщено о новых находках памятников древнепермской письменности [Морозов 2007; Морозов, Симонов 2008; Морозов 2013], которые — кроме цифровой системы древнепермской письменности, что не имеет прямого отношения к собственно древнепермскому языку, и одной русской записи древнепермскими буквами — до сих пор так и не были введены в научный оборот.

Корпус древнепермских памятников письменности, выполненных абуром, таким образом, не обновлялся с 1962 г., и его объем к настоящему моменту крайне незначителен. Более поздние и несколько более объемные древнепермские тексты — так называемые Лепехинско-Евгеньевские, — содержащие отдельные молитвы из богослужения [Лыткин 1952: 50—74], дошли в списках конца XVII и второй половины XVIII в., причем уже в кириллической транслитерации (шифр старшего, Евгеньевского, списка, который датируется концом XVII в., — ГИМ, сборник Муз. 4068, 12°). Недавно Н. В. Савельевой в Государственном историческом музее в Москве был обнаружен еще один памятник раннего пермского языка — словарик бытовой лексики в составе «Цветника» Прохора Коломнятина 1668 г., озаглавленный «Зва́тельные рѣчи зыра́нского ꙗзы́ка, си̇рѣ́чь си́рскаго» (ГИМ, Муз. 2803, 8°, лл. 185 об.—188 об.): разговорная пермская речь XVII в. в нем также передана кириллицей[1].

Однако пришло время для публикации найденных в недавнее время памятников древнепермской письменности, требующей также подробного археографического и источниковедческого анализа, которого со всей очевидностью не хватает палеопермистике. Речь идет прежде всего о записях на рукописи 1486 г., содержащей «Постнические слова» Исаака Сирина, на которые, судя по всему, впервые обратила внимание М. С. Федотова, сообщив о них в 1996 г. в Сыктывкаре на международной конференции памяти свт. Стефана Пермского [Федотова 1996]. Публикация всех древнепермских записей из этой рукописи с фотокопиями, расшифровкой и комментариями представлена в разделе 2 настоящей статьи: по сути, это на сегодня самый ранний точно датированный писцом, которому и принадлежат записи, книжный памятник древнепермского языка, написанный буквами Стефана Пермского. Возможно, к более раннему времени (1460-м — началу 1470-х гг.) относится запись абуром на смеси древнепермского и русского языков, а также одно древнепермское слово, обнаруженные Т. В. Анисимовой при описании собрания Е. Е. Егорова в Российской государственной библиотеке. Эти записи впервые публикуются и комментируются в разделе 1. Раздел 3 содержит публикацию ранее не введенных в научный оборот (и известных лишь составителям машинописной описи Волоколамского собрания РГБ) древнепермских записей на двух томах библейских книг, переведенных с Вульгаты в книжном кружке новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова), которые были созданы непосредственно в Новгороде, во владычнем скриптории, и посланы в монастырь к Иосифу Волоцкому: этот факт существенно расширяет наши представления о степени распространения древнепермского языка и письма, а также о языковой эрудиции Геннадиевского кружка. Наконец, в разделе 4 осуществлена публикация записи на рукописи, вложенной свт. Питиримом, четвертым епископом Пермским, которая содержит одно древнепермское слово, записанное абуром: изначально оно было прочитано неверно и квалифицировалось как тайнопись на славянском языке.

Публикация памятников древнепермского языка и письма сопровождается описанием их языка (раздел 5), к которому приложен полный словоуказатель (Index verborum).

[1] О лексикографических разделах «Цветника», куда также входят более пространный карело-русский словарь и значительный по объему и содержанию тюркско-русский словарный свод с дополнительными статьями, см. в двух кратких сообщениях [Савельева 2019а, б]. Публикация словарей-разговорников карельского и коми-зырянского языков подготовлена в издании [Савельева и др. 2021].

1. Древнепермские записи в ферапонтовском списке «Сорока бесед на Евангелие» Григория Двоеслова трет. четв. XV в.

Одно из богатейших частных собраний рукописных книг, поступивших сразу после революции в Государственный Румянцевский музей (ныне РГБ), — собрание московского купца-старообрядца Егора Егоровича Егорова (1862—1917) (Отдел рукописей РГБ, ф. 98) — только сейчас дождалось подробного описания, которое осуществляет Т. В. Анисимова, уже выпустившая из печати первые три его тома. В них содержится подробная информация о первых двухстах номерах (из 2073-х) [Каталог 2017—2021]. В процессе работы над четвертой сотней рукописных книг собрания Т. В. Анисимова обнаружила в «Сорока беседах» Григория Двоеслова, папы Римского (ф. 98, № 326, — далее *Егор. 326*), пермскую запись на обороте последнего листа (л. 359 об.), а также еще одно слово пермскими буквами на нижнем поле л. 162. Кодекс написан на бумаге формата в 4° (20,8×14,0 см) и переплетен в доски с тисненой кожей примерно сразу после написания. По водяным знакам бумаги[2] рукопись датируется третьей четвертью XV в. (1460-ми гг.?)[3]; знаков три: 1) «Виноград» (парные знаки на лл. 20, 25 и на лл. 21, 24 — близкие: РНБ Кир.-Бел 7/1084 — третья четверть XV в.; подобные: *Piсc.-XIV*, I, № 764 — 1464—1465 г.); 2) «Корона» трех видов (первый: лл. 3, 10, 11, 18 — типа: *Лих.*, № 2597 — 1460-е гг.; второй: парные знаки на лл. 5, 8, 18, 113 — близкий: *Шварц*, № 440 — 1460-е гг.; подобный: *Лих.*, № 1035 — 1460 г., № 2601 — 1460-е гг.; третий: парные знаки на лл. 54, 61 — близкий: *Лих.*, № 2570 — 1461 г. и на л. 30, 31 — подобный тому же знаку, но дефектный); 3) «Голова быка» с перекрестием на одинарном стержне двух видов (первый: только на лл. 261, 268, 304, 305 — типа: *Piсc.-II*, VII, № 544 — 1440—1442 гг.; второй: только на лл. 301, 308 — подобный: *Piсc.-II*, VII, № 518 — 1424 г.).

«Сорок бесед на Евангелие» папы Римского Григория I Великого (Двоеслова) — памятник, переведенный с латыни на древнечешский извод церковнославянского языка в XI в., но сохранившийся исключительно в восточнославянских рукописях начиная с XIII в. Подготовившему критическое издание памятника В. Конзалу было известно 16 полных его списков, включая *Егор. 326*, который, правда, не был задействован в критическом аппарате [Čtyřicet homilií 2005—2006: XIX].

Запись на смеси древнепермского языка с русским в конце *Егор. 326* см. на рис. 1, пермское слово внутри рукописи на нижнем поле см. на рис. 2.

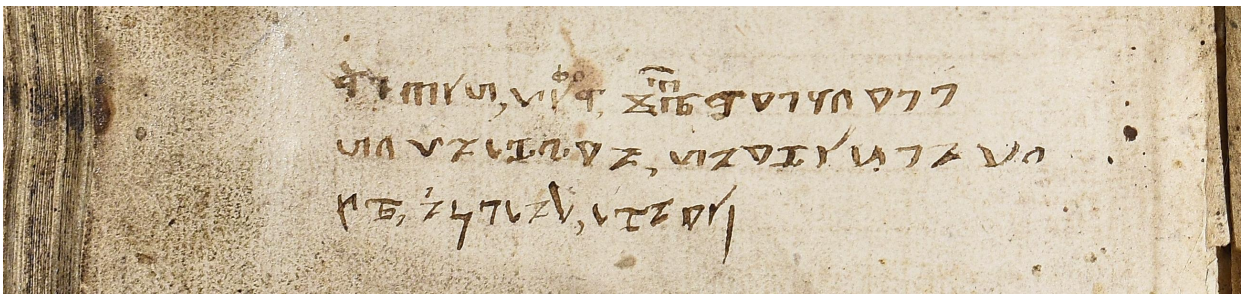


Рис. 1. РГБ, Егор. 326, л. 359 об.

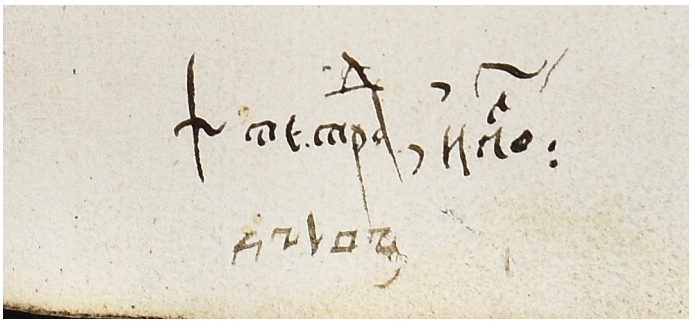


Рис. 2. РГБ, Егор. 326, л. 162

В кириллической транслитерации обе записи с разделением на слова читаются следующим образом.

[2] Здесь и далее филиграни отождествляются по следующим альбомам: *Дианова-«Кувшин»* [Дианова 1989], *Лих.* [Лихачев 1899], *Шварц* [Шварц 1989], *Br.* [Briquet 1907], *Heaw.* [Heawood 1950], *Piсc.-II* [Piccard 1966], *Piсc.-IV* [Piccard 1977], *Piсc.-XIV* [Piccard 1983], *Piсc.-XVI* [Piccard 1996].

[3] Датировка бумаги по водяным знакам принадлежит Т. В. Анисимовой.

Егор. 326, л. 359 об.:
гижем, неѣ, вѣ григории | монастыра, мартемиано|вѣ, а̑ писалі, старец
Транскрипция и перевод пермской части текста:
gižem[4] *ńebęg vęža grigorij…*
‘Написал книгу «Святой Григорий»…’

Егор. 326, л. 162: **кылзы**
Транскрипция и перевод:
kilzi
‘Слушай’.

Запись на л. 359 об. вряд ли писцовая, поскольку о писавшем сказано в третьем лице, а сам он назван «старцем». При этом вполне очевидно, что запись сообщает о месте создания рукописи — Ферапонтовом Белозерском монастыре, который был известен как «Мартемьянов» (например, в духовных грамотах князя Михаила Андреевича Верейского († 1486) и князя Ивана Борисовича Рузского († 1503) [Бриллиантов 1899: 21]) по имени ученика преп. Кирилла Белозерского — преп. Мартиниана Белозерского, между 1427 и 1435 гг. ставшего игуменом основанного преп. Ферапонтом Белозерским около 1398 г. монастыря [Шевченко 1994: 189—190]. В 1447/48 г. Мартиниан по настоянию великого князя Василия Темного возглавляет Троице-Сергиев монастырь, однако в 1455 г. возвращается в Ферапонтов, но в качестве уже не игумена, а «строителя»: «До конца своей жизни он был руководителем для игуменов и братии Ферапонтова монастыря и, умудренный долгим опытом, давал им указания и советы относительно не только духовной жизни, но и внешнего устройства монастыря» [Бриллиантов 1899: 27]; ср. также: «…пр. Мартиниан по возвращении в Ферапонтов монастырь взял на себя не игуменство […], а строительство над монастырем» [там же: прим. 2] (разрядка здесь и далее наша, если не оговорено обратное. — *А. Г.*, *В. П.*). Однако сам термин *строитель* как название одной из монашеских должностей XV—XVII вв. многозначен: это и вообще ‘устроитель’ (также «применительно к духовной жизни»), и ‘эконом, ключник’, и ‘глава, настоятель небольшого монастыря или пустыни’, и ‘в больших русских монастырях — монах, заведующий монастырскими вотчинами и подворьями’ [СлРЯ XI—XVII в., вып. 28: 175—176].

Мартиниан скончался в том же Ферапонтовом монастыре в 1483 г. — в возрасте более 80 лет (считается, что он родился около 1400 г.). Житие Мартиниана, составленное в сер. XVI в., сообщает, что преподобный решается оставить игуменство в Троице-Сергиевом монастыре, «понеже и въ старость уже приходя и многыя недуги приближатися начинаху» [Шевченко 1991: 391]; встречают же его в Ферапонтове «с великою радостью» и «прияша и́акы отца истинно, с великым усердием и честно упокоишя старость его» [там же: 392]; а сам Мартиниан вернулся в родную обитель «плакатися грех своих, покои и безмлъвие старости моей обрети» [там же: 393]. Речь здесь идет прежде всего о преклонном возрасте Мартиниана, который хотя и не именуется в житии «старцем», однако вполне соответствует этому званию: «И толико потрудися блаженныи и подвигы показа на старость жительства своего, яко всем чюдитися и удивити прилежанию его и усердию: и еже по Бозе о благочинии съборнемъ, и устроении монастыръстемъ, и еже к братству въ крепости» [там же]. Таким образом, фраза пермской записи «а писал старец» могла относиться именно к Мартиниану, поскольку «старец» не назван в ней по имени, и по умолчанию таковым мог быть только Мартиниан: никаких иных «старцев» в Ферапонтовом монастыре в 1460-е гг. источники не знают. Более того, Мартиниан был профессиональным книгописцем; правда, атрибуированные ему рукописи относятся к годам его юности, а его личное участие в переписывании более поздних книг, времени его игуменства в Троице-Сергиевом монастыре, предположительно [Шевченко 1994: 191—193][5]. Почерк достоверно переписанных Мартинианом книг отличается от почерка единственного писца *Егор. 326*, однако типологически схож с ним.

Вопрос о времени появления на рукописи *Егор. 326* пермских записей и их авторства еще более проблематичен, хотя и здесь можно сделать одно предположение. Прежде всего, автор записи в конце книги

[4] Вместо ожидаемого *gižęm*. Переход *ę* > *e* в непервых слогах является характерной особенностью верхневычегодского и ижемского диалектов коми-зырянского языка, но в данном памятнике мы едва ли имеем дело с этой диалектной особенностью, потому что в названных диалектах этот переход регулярен, а здесь в следующем слове *ńebęg* он отсутствует. Поэтому более вероятно, что смешение *ę* и *e* произошло под влиянием приемов кириллического письма, использовавшихся на русской почве: великорусский переход ударного *e* > *o* после мягких согласных (в данном случае — исконно палатального *ž*) и перед твердыми часто не отражался даже в бытовом письме, не говоря уже о книжном. С другой стороны, если для автора записи пермский язык не был родным, фонетическое различие безударных гласных *ę* и *e* после шипящего согласного могло быть для него трудноуловимо.

[5] См. также о книжной деятельности преп. Мартиниана: [Сизова 2010: 19—26].

без всяких оговорок свидетельствует о месте хранения и, вероятно, написания рукописи («монастыра Мартемиановѣ»[6]): это значит по меньшей мере то, что во время внесения записи рукопись находилась еще в монастыре. Кроме того, если предположить, что «старец» — это сам Мартиниан, то запись, в которой тот не назван покойным, внесена в книгу до 1483 г. Наконец, с Ферапонтовым монастырем связана деятельность владевшего древнепермской письменностью Филофея — с 1471 г. епископа Пермского, причем поставленного из игуменов этого монастыря. Житие Мартиниана сообщает, что Филофей стал игуменом сразу после ухода первого в Троице-Сергиев монастырь: «В негоже [Мартиниана. — *А. Г.*, *В. П.*] место у Пречистыа въ Ферапонтове [великий князь Василий Васильевич. — *А. Г.*, *В. П.*] постави игумена ихъ же постриженика именемъ Филофиа, после того Великой Перми и Вологде 30 летъ, поведают, владычьство дръжалъ» [Шевченко 1994: 388]. Игуменство Филофея подтверждается летописными сведениями, например Софийской 2-й летописи: «Въ лѣ*т*(о) 6980 [= 1471 г.], ноября 8, поставиша еп(и)*с*(ко)па Перми Филофея, бывши игуме*н* Ферапонтова монастыря» [ПСРЛ, т. VI.2: 208], — однако время его поставления игуменом — сразу после Мартиниана или несколько позднее — дискуссионно, поскольку в 1450—1454 гг. в качестве игумена Ферапонтова монастыря упоминается Герман, а при князе Михаиле Андреевиче Белозерском и Верейском (владел соответствующими уделами в 1432—1486 гг.) упоминается Иоаким, тогда как Филофей — лишь с 1467 г. [Строев 1877: 82].

В любом случае с 1467 по 1471 г. — во время, довольно близкое созданию рукописи *Егор. 326*, — Филофей достоверно был игуменом Ферапонтова монастыря при живом еще Мартиниане. Происхождение Филофея неизвестно (кроме того, что он был постриженикомФерапонтова монастыря), однако использование им пермской азбуки — по меньшей мере в собственной подписи — засвидетельствовано в копии с этой подписи на ставленой грамоте 1473 г. священноиноку Якиму, переписанной в требнике РНБ, Солов. 1085/1194 (текст на л. 589, запись скорописью «А сіа грамота ставленаа игумена Якима Лисицкаго монастыря…» на нижнем поле л. 588 об.). Обнаруженная в незадолго до этого перевезенной в Казанскую духовную академию библиотеке Соловецкого монастыря П. Д. Шестаковым, грамота Филофея была издана им в наборном виде [Шестаков 1868: 87; в оттиске — с. 67], а подпись — факсимильно, в специальной вклейке. В подписи Филофея, написанной стефановскими буквами киноварью, до сих пор поддается прочтению лишь само имя епископа — *Пилопии*, причем эта форма уже П. Д. Шестаковым интерпретировалась как зырянская: «Чтобы понять, как из имени Филофей сделалось *Пилопий*, необходимо заметить, что в зырянском языке совсем нет букв *ф* и *ѳ*. Зыряне обыкновенно произносят эти буквы как *п*: Ефрем, Фома — *Иепрем*, *Пома*; поэтому и Филофей по произношению зырян Пилопей или Пилопий» [там же]. Однако перед именем *Пилопии* в подписи к грамоте Якиму имеется почти целая строка, написанная вязью, причем это единственный на сегодня случай использования вязи для древнепермского письма. П. Д. Шестаков признавал, что целиком эти слова «разобрать трудно, потому что буквы испорчены переписчиком. Более по смыслу, чем по очертанию можно предполагать, что написано: “Смиренный епископ Пермский”» [там же: 88]. Таким образом, П. Д. Шестаков понимал, что перед ним не оригинал грамоты, то есть не автограф Филофея, а лишь копия, о чем свидетельствует прежде всего то, что текст помещен в составе объемной рукописной книги (основной состав занимает требник) — не вклеен в нее, а именно переписан на тех же тетрадях, что и остальные ее статьи, — а также то, что рукопись датирована 1504 г. самим писцом — дьяком Алексием «благословением и повелением господина игумена Якима» «во обители Святыя Богородица Рождества на Лисьи горы»[7], то есть в том самом Лисицком монастыре под Новгородом[8], чьим игуменом и был поставленный

[6] Обращаем также внимание на грамматическое рассогласование в этой древнепермско-русской записи: *монастыра* — род. п., а *Мартемиановѣ* — мест. п. м. р. Учитывая, что между этими двумя формами стоит запятая (как и после *Мартемиановѣ*), вся запись членится на следующие смысловые компоненты: 1) ‘написана книга «Святой Григорий»’, 2) ‘[книга] монастыря’, 3) ‘[написана в] Мартиниановом [монастыре]’, 4) ‘а писал [книгу] старец’. Такого рода эллиптичность характерна для разговорного синтаксиса.

[7] В приписке на л. 604 об., см. в описании рукописи: [Описание рукописей Соловецкого монастыря 1898: 101], где, однако, дата ошибочно пересчитана в 1505 г. Писец сообщает об окончании книги «потребник» 13 сентября 7013 г. (= 1504 г.) при великом князе Иване Васильевиче, митрополите Симоне и архиепископе Новгородском и Псковском Геннадии, который незадолго до этого, в июне 1504 г., отрекся от новгородской кафедры [Макарий, Печников 2005: 596]. Иван III скончался осенью следующего, 1505, года. Сразу за грамотой Филофея в *Солов. 1085/1194* (на лл. 589—590 об.) переписаны две грамоты Ивана III.

[8] А. С. Усачев по неясной причине сомневается в месте написания требника *Солов. 1085/1194* (несмотря на четкие указания писца: «во обители», а не где бы то ни было): «А. Г. Бобров на основе анализа записи резонно заключил [? — *А. Г.*, *В. П.*], что из ее текста прямо не следует, что рукопись была переписана именно в стенах Лисицского монастыря» [Усачев 2018: 118]. Ничего подобного в статье А. Г. Боброва нет [Бобров 1985: 11].

епископом Филофеем в священнический сан Яким. Этот факт вполне объясняет появление текста ставленой грамоты Филофея в требнике. Тем не менее это всего лишь писцовая копия грамоты, и насколько серьезно в ней были искажены начертания древнепермских букв, выведенных, вероятно, самим Филофеем, сказать затруднительно. Нельзя ее использовать и в качестве образца древнепермского почерка Филофея, поэтому наше предположение о том, что запись в конце *Егор. 326* принадлежит Филофею, сугубо гипотетично. Не знаем мы достоверно, владел ли сам Филофей древнепермским языком[9] — прежде всего потому, что копия его подписи стефановскими буквами на ставленой грамоте 1473 г. до сих пор не поддается расшифровке, а сама форма *Пилопии* не может быть надежным свидетельством именно древнекоми фонетики: фонема /ф/ отсутствовала также и в живых славянских говорах, включая старовеликорусские, тем более что исход на *-ий* вместо исконного *-ей* (греч. Φιλόθεος, этимологически правильная церковнославянская форма XV в. *Филоѳеи*) — это гиперкорректное отражение великорусского перехода напряженного редуцированного переднего ряда (*-ĭjь* → *-ej*, орфографически *-ии* → *-еи*/*-ей*).

2. Древнепермские записи Гаврилы Кылдася (Дьякона) в усть-вымском списке «Постнических слов» Исаака Сирина 1486 г.

Впервые на наличие в рукописи с аскетическими сочинениями Исаака Сирина, хранящейся в С.-Петербургском институте истории РАН в собрании **Н. П. Лихачева, № 360** (далее — ***Лих. 360***), записей стефановской азбукой обратила внимание М. С. Федотова, исследовательница славянского перевода Исаака Сирина [Федотова 1996: 294—295]. «Постнические слова» Исаака Сирина в церковнославянском переводе, которые содержит список *Лих. 360*, она относит к первой редакции, наряду со старшими, сербскими, списками третьей четверти XIV в. [Федотова 2001: 501]; описание этой рукописи см. [там же: 502], однако с ошибочным пересчетом даты в выходной записи писца на л. 274 (см. рис. 3; киноварные буквы даны полужирно):

В **лѣт(о) 6 994. индик(та) 4. с**вершисѧ сїа книга гл(агол)емаѧ Исакъ Сѵрїанїнъ. **п**ри бл(а)городномъ, и хр(и)*с*толюбивомъ самодръжавнѣ*м* великомъ кн(ѧ)зѣ Иванѣ Василеви*ч*(и) всеѧ Ру*с*(и). **и** при с(ы)нѣ его велико*м* кн(ѧ)зѣ Иванѣ Иванови*ч*(и) всеѧ Ру*с*(и). **и** при пре(о)с(вѧ)щ(е)н*н*омъ митрополитѣ Геронтїе всеѧ Ру*с*(и), **и** при с(вѧ)щ(е)нномъ б(ог)олюбивѣ*м* еп(и)*с*к(о)пѣ Фѵлоѳѣи Великопермьскомъ. въ градѣ Оусть Выми: **ⰻ ⰼⰻⰻⰻ

В этой записи обращает на себя внимание прежде всего сочетание по меньшей мере трех систем письма — кириллической (полуустав, которым написан основной текст), глаголической (ею зашифровано имя писца) и древнепермской, стефановской (которой приписано слово «амин(ь)»). Однако и в кириллице можно выделить нарочито грецизированные формы букв, которыми записано, и тем самым выделено, место создания рукописной книги — Усть-Вымь.

Указанная самим писцом, причем не в записи на полях, а в торжественном колофоне, дата окончания рукописи «4 июня 6 994 г., индикта 4-го» может соответствовать только 1486 г. (при этом на полях, по-видимому, А. И. Сулакадзевым — о котором ниже — оставлена карандашная помета «1485», которая, вероятно, и ввела в заблуждение исследователей) независимо от того, какой стиль — сентябрьский или мартовский — был использован при указании года, поскольку для июня они полностью совпадают. Невозможна здесь и иная эра, кроме византийской: только в ней 6994 году соответствует 4-й индикт. Таким образом, вопрос о дате написания книги можно считать закрытым, равно как и вопрос о месте ее создания — Усть-Вымском городке[10], который в это время был центром Пермской епархии, возглавляемой уже упоминавшимся выше епископом Филофеем.

Более того, Б. Н. Морозов отождествил писца *Лих. 360* — диакона Гаврилу Лукича — с диаконом епископа Филофея, служившим как раз в Усть-Выми, в Благовещенской кафедральной церкви [Морозов 2007: 177], который поминается в жалованной грамоте 1490 г. великого князя Ивана III Филофею на Вымские и Вычегодские земли (по списку XVII в.): «В Усть-Вымском городке, внутри города, двор владычен болшей, да что двор Устиновской владычня брата Ионы, а живет в нем дьякон владычень благовещенской Гаврило, и то место владычне» [АСЭИ, т. III: 312] (разрядка в публикации. — *А. Г.*, *В. П.*). Учитывая высокий профессионализм писца Гаврилы и нетривиальное содержание переписанной им рукописи, можно вполне согласиться с гипотезой Б. Н. Морозова о существовании особого усть-вымского книгописного центра — первого документально засвидетельствованного на территории современной Республики Коми центра книжности, напрямую связанного с местом служения Стефана Пермского, в том числе по данным других памятников письменности [Морозов 2013: 4—6].

Однако для нас важно не просто наличие этого центра книжности и даже не сам факт знакомства в нем с азбукой Стефана Пермского, хотя и он чрезвычайно показателен (постольку, поскольку она использована в торжественном колофоне писца для написания слова «аминь»), но использование древнепермского языка, причем в древнепермской графике, в записях на рукописной книге *Лих. 360*, созданной непосредственно в Усть-Выми[11]. Рукопись содержит две полистные записи («скрепы») на нижних полях лл. 6, 58, 59 и 60 и еще несколько маргинальных исправлений (лл. 66 об., 213, 215 и 217 об.), которые, хотя и выполнены древнепермскими буквами, представляют собой славянские слова, то есть здесь имеет место использование древнепермской графики в качестве тайнописи.

---

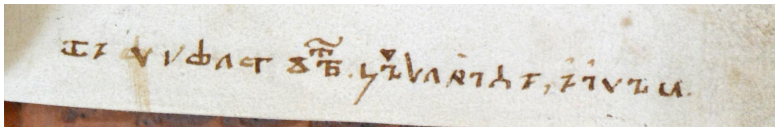
[10] Вслед за Б. Н. Морозовым [Морозов 2007: 177, 180, прим. 6 и 8] также обращаем внимание на неверную локализацию рукописи *Лих. 360* в Великом Устюге, приведенную Н. Н. Розовым [Розов 1981: 133, 138, 141—142]: она была вызвана неверной интерпретацией записи на лл. 4об.—14 с упоминанием великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря (об этой записи см. ниже).

[11] Впервые обнаружившая их М. С. Федотова так и не смогла дать им расшифровку, ср.: «[в записи на л. 6. — *А. Г.*, *В. П.*] несколько слов письменами Стефана Пермского, из которых расшифровать удается только одно — “Исакий”. И это не единственная запись, сделанная “зырянскими письменами” в этой рукописи. На лл. 58—60 также по нижнему полю запись, разбитая на 10 “слов”, из которых читается два — “Исакий” и, может быть, “Гаврило” (?). […] [Д]анные зырянские записи обращают на себя внимание еще и тем, что это, по-видимому, не транслитерация, как многие известные записи подобного рода в рукописях, описанных П. Савваитовым, П. Некрасовым, М. Сперанским. Возможно, они сделаны на одном из диалектов языка коми» [Федотова 1996: 295]; «На л. 58—60 — запись зырянскими буквами, не расшифровывается; также на л. 217 об. и 66 об. (обрывок слова)» [Федотова 2001: 502]. О попытке расшифровать и перевести эти записи лингвистом-финноугроведом В. А. Степановым (псевдоним — Öньö Лав) писали в еженедельной газете Республики Коми «Молодежь Севера»: «…знаток древнерусской книжной культуры Борис Морозов не лингвист и не знает ни современного, ни, тем более, древнего коми языка. Поэтому он и не смог прочитать и расшифровать загадочные строчки. Никто из сыктывкарских ученых и знатоков коми языка также не смог понять эти древние тексты. Казалось, что загадка неразрешима. Тогда корреспондент “МС” попросил помочь москвичу уникального полиглота из Перми — Онье (sic! — *А. Г.*, *В. П.*) Лава (Вячеслава Степанова) […]. Встретившись и побеседовав с московским археографом, наш корреспондент скопировал загадочные тексты и передал их пермскому лингвисту. Благо, оба они в июне работали в сыктывкарских архивах. Правда, про существование друг друга они не знали, знакомы не были, и никогда не встречались. Но сотрудничество двоих, занятых в разных сферах, ученых оказалось плодотворным» [Артеев 2007]. О предложенных В. А. Степановым расшифровке и переводе записи на л. 58 — в изложении, однако, сыктывкарского журналиста — см. ниже.

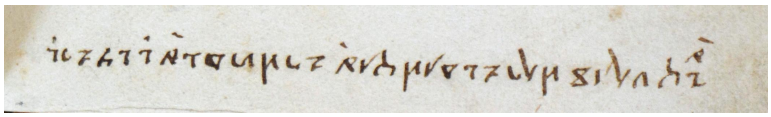
Начнем с самой пространной, и оконченной, записи, которая воспроизведена на рис. 4.

Лих. 360, лл. 58, 59 и 60:
[л. 58] **та небог вѣ пы̆лошида, ӑйным** || [л. 59] **йсакий̆ ш̆ирмуса ш̆ед уериаслу велоды̆** || [л. 60] **сы небог, гаурй̆ло̆, лука пи кылдӑ**

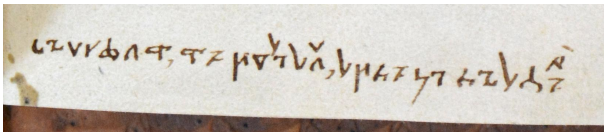
Транскрипция и перевод:
[л. 58] *ta ńebęg vęža pi̯r-lęśi̯da ajni̯m* || [л. 59] *isakij śir-musa śed*[12] *verjaslu velędi̯ś* ||
[л. 60] *si̯ ńebęg gavrillęn luka pi ki̯ldaś*
‘[л. 58] Эта книга святой приснoблагий отец наш || [л. 59] Исаакий Сириец чернецам учитель || [л. 60] та книга Гаврилов Лука-сын Кылдась’.



а) л. 58



б) л. 59



в) л. 60

Рис. 4. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, «скрепа» на лл. 58, 59 и 60

Первая попытка расшифровать и перевести эту запись В. А. Степановым, о чем мы упоминали выше (см. прим. 11), в передаче сыктывкарского журналиста выглядела следующим образом:

> Знающий около тридцати языков и все коми диалекты Онье Лав буквально за час расшифровал тексты. Ему помогло и то, что он когда-то сам писал на анбуре, и совершенное знание современной и древней коми лексики. Надпись на древнейшей коми книге гласит: «та небöг важъ пыр лöсида айным» («Эта книга старая всегда красивая, отец наш»). А отдельное загадочное слово на верхнем поле рукописи читается как «все гда»; возможно, это сокращение от выражения «всемогущий Господь» [Артеев 2007] («загадочное слово» на верхнем поле — это маргиналия на л. 215, о которой ниже. — *А. Г.*, *В. П.*).

Естественно, подходить к этому свидетельству как к факту научного изучения записи в *Лих. 360* нельзя, потому оставим без комментариев ошибочные интерпретации, которые вполне могли принадлежать и журналисту, а не самому В. А. Степанову.

Другая запись представляет собой неоконченный вариант приведенной, но с одним разночтением — формой *ата* вм. *та* в начале (см. рис. 5).

Лих. 360, л. 6:
ӑта небог, вѣ пы̆лошид. йсакий̆ ш̆ирму [...]

Транскрипция и перевод:
ata ńebęg vęža pi̯r-lęśi̯d isakij śir-mu[*sa*]
‘Вот это книга святой приснoблагий Исаакий Сириец’.

[12] Вместо ожидаемого *śęd* с первичным значением ‘черный’. Фонетический переход *ę* > *e* после палатальных согласных спорадически встречается в современном нижневычегодском диалекте коми-зырянского языка [ОКЗР 1971: 7], однако именно в этом слове он не засвидетельствован: в указанном диалекте оно обнаруживается в той же форме *śęd*, что и в других коми диалектах [ССКЗД 1961: 355; Сорвачева 1978: 172]. Поэтому более вероятно, что письменное *śed* в рассматриваемом памятнике отражает не пермскую фонетическую реальность, а интерференционное влияние кириллической графики или русской фонетики, как и в *Егор. 326* (см. выше, в прим. 4).

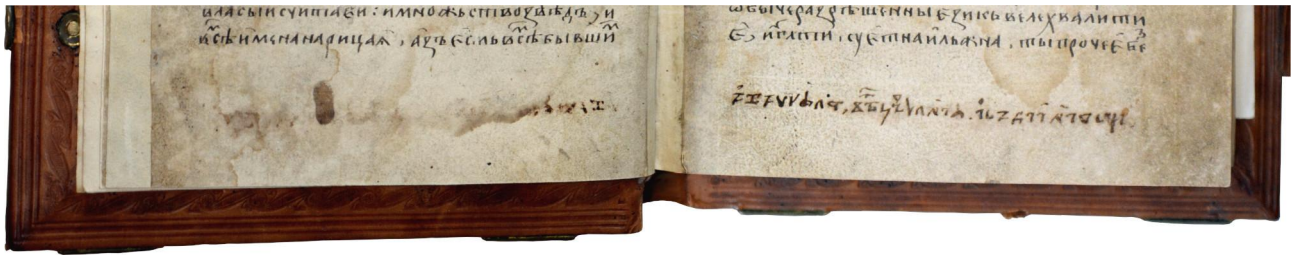


Рис. 5. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, лл. 5 об.—6

Древнепермские буквы на нижнем поле л. 5 об. не являются самостоятельной записью, поскольку это отпечаток записи на л. 6 (о чем свидетельствует их зеркально отраженный облик). Вероятно, писец, не окончив запись на л. 6, быстро, не дождавшись высыхания чернил, захлопнул тетрадь, так что часть букв, ближе к сгибу, отпечаталась на прижатом к ним л. 5 об. Затем, не возвращаясь к л. 6, писец сделал новую запись на лл. 58, 59 и 60, доведя ее теперь до конца (на лл. 57 об., 58 об. и 59 об., однако, имеются еле заметные отпечатки с лл. 58, 59 и 60 соответственно: это значит, что и здесь писец не дал чернилам высохнуть окончательно).

Кроме того, необходимо специально оговорить, что древнепермская запись на л. 6 не имеет отношения к той «скрепе», которая начинается на л. 4 об., при этом М. С. Федотова воспроизводила эту «скрепу» вместе с древнепермской записью, которую, впрочем, не имея возможности ее расшифровать, давала или отточием («На месте троеточия — несколько слов письменами Стефана Пермского…» [Федотова 1996: 295]), или просто пояснением в скобках («несколько слов письменами Стефана Пермского» [Федотова 2001: 502]). При этом, однако, тот факт, что кириллическая русская «скрепа» написана двумя почерками, был отмечен лишь А. А. Рыбалкой, который описал рукопись *Лих. 360* как принадлежавшую коллекции знаменитого собирателя и фальсификатора древностей А. И. Сулакадзева. Специально по его просьбе Д. С. Алексеев изучил рукопись de visu и дал следующую расшифровку «скрепы», с разбивкой по листам (чего не было у М. С. Федотовой), выделив вторую часть записи курсивом: «[4 об] Сия книга глаголемая [6] (несколько слов письменами Стефана Пермского. — *А⟨ндрей⟩ Р⟨ыбалка⟩*) [6 об] Исак Сиринъ [8] Устюга Великаго [9] Архангелскаго м(о)н(ас)т(ы)ря *инока*, [10] *домовая*, *а подари я сыну* [11] *мому духовному*, [12] *а дори ея Боголепу* [13] *индик* д [14] ҂гццѳ (ниже подписано [карандашом. — *А. Г.*, *В. П.*]: 1491. — *А⟨ндрей⟩ Р⟨ыбалка⟩*)» [Рыбалка 2018: 303]. Комментарий А. А. Рыбалки следующий:

> Выделенная фраза, по мнению Алексеева, отличается стилем написания ряда букв от остального текста, не имеет в ожидаемых местах титл, выполнена более темными чернилами и создает впечатление более поздней приписки. Как известно, Боголепом Сулакадзев называл своего прапрадеда, и нельзя исключить, что […] он пытался таким образом создать еще одну «семейную реликвию» [там же].

К этому можно добавить, во-первых, то, что дописанная А. И. Сулакадзевым запись содержит несколько явных ошибок в церковнославянском, которых не допустил бы ни один писец конца XV в. (*подари я* — аорист 3 л. ед. ч. в сочетании с местоименной формой *я*, которая не может быть 1 л. ед. ч. им. п., поскольку она тогда не согласуется с формой аориста, — не с правильной формой *ю* ед. ч. вин. п. ж. р., которая также должна быть вместо ед. ч. род. п. ж. р. *ея* в сочетании *дори ея*). Во-вторых, после записи года на л. 14, выполненной действительно совершенно невозможным для XV—XVII вв. почерком, теми же чернилами выписано два знака, напоминающие китайские иероглифы. В-третьих, ошибочна и датировка: 6999-му (1491-му) году соответствует не 4-й индикт, а 9-й. Номер индикта фальсификатор, не сведущий в хронологии, заимствовал, вероятно, из колофона рукописи, где он совершенно правильно соответствует году 6994-му (1486-му от Р. Х.). Последовательность записей, таким образом, можно установить следующую: 1) во время, близкое созданию рукописи, сам писец сначала делает пробу древнепермской записи на л. 6, затем пишет ее уже полностью на лл. 58, 59 и 60; 2) новый владелец рукописи — в Михайло-Архангельском монастыре в Великом Устюге — не ранее середины XVI в., судя по почерку новой кириллической записи, начинает свою «скрепу» на л. 4 об., но, обнаружив л. 6 уже занятым старой, древнепермской, записью, пропускает соответствующий разворот и продолжает «скрепу» с л. 6 об., закончив ее на лл. 8 и 9; 3) в конце XVIII или в начале XIX в. А. И. Сулакадзев, которому, судя по всему, принадлежат и карандашные приписки[13], решает дополнить предыдущую запись, добавив в нее

[13] См. заключение А. А. Рыбалки о карандашных приписках к колофону: «…внизу л. 274 [но также число «1485» наверху на правом поле, рядом с подлинной датой колофона. — *А. Г.*, *В. П.*] имеются карандашные записи руки Сулакадзева с датами хиротонии и смерти епископов Геронтия и Филофея, упоминаемых в тексте, взятые

упоминание некоего инока (л. 9) и Боголепа, но не справившись ни с церковнославянской грамматикой, ни со средневековой хронологией и «украсив» свою запись еще и псевдокитайскими иероглифами (лл. 10, 11, 12, 13 и 14).

Возвращаясь к древнепермской записи на лл. 58, 59 и 60, следует подчеркнуть ее свидетельство о том, что это книга Гаврилы Лукича, именуемого *Кылдась*. Если сравнить эту запись с информацией о писце, приведенной глаголицей в колофоне на л. 274, то совершенно естественно оказывается, что прозвище *Кылдась* — это перевод славянского *диякон*, о чем — применительно к другой записи, на рукописи с сочинениями Григория Синаита и тоже с упоминанием некоего Гаврилы Кылдася, — высказывался уже В. И. Лыткин. Публикуя запись на рукописной книге второй четверти XV в. (БАН, 17.9.11), он предположил, что *Кылдась Гавриил* — это в действительности ‘дьяк Гавриил’, а не ‘архистратиг (?!) Гавриил’, как то первоначально предложил А. С. Сидоров, обнаруживший в этой рукописи древнепермскую запись и вчерне подготовивший ее публикацию [Сидоров 1962: 180—182]. «Не обозначало ли это слово ‘дьяка’, ‘писца’?» — пока еще задавался вопросом В. И. Лыткин. — «Ср. фамилию *Кылдас'эв*, встречающуюся в приписке в Номоканоне 1510 г. и обозначающую буквально ‘Дьяков’, что являлось, по-видимому, псевдонимом писца» [там же: 182]. Об этимологии древнепермского патронима (а никак не псевдонима, конечно) *Кылдас'эв* В. И. Лыткин писал и ранее, предположив его связь с корнем *кыл-* (сущ. ‘слово, язык’, глаг. ‘слышать’) [Лыткин 1952: 135], и лишь к концу 1970-х, в «Истории коми литературы», он с полной уверенностью дал следующий перевод записи Гавриила на рукописи с сочинениями Григория Синаита: «Этой книги почитатель ушел на [П]рилук в затворники, дьяк Гавриил, на спасение своей души, при игумене при Михаиле» [Лыткин 1980: 15]. С вологодским Спасо-Прилуцким монастырем отождествил «прилук» этой записи Б. Н. Морозов, предположив при этом, что сделавший ее Гавриил — тот же самый, что писал *Лих. 360*, и отец Васюка Кылдасева, писавшего Номоканон 1510 г. [Морозов 2007: 178]. Однако это не столь очевидно.

Прежде всего, следует уточнить семантику самого термина *кылдас'*. Действительно, восходя к корню со значением ‘слово, язык’, он переводит русское *дьяк* ‘писец’, однако *дьяк* через греческий этимон связано с *дьякон* (*диакон*) ‘чин священнослужителя’. Вполне вероятно, что термин *кылдас'* распространился и на наименование диакона, поскольку тот же Васюк в записи 1510 г. называет и свой русский патроним — *Попов*, то есть ‘сын попа (священника)’. Гаврило Лукин (по-современному, Лукич), писец книги *Лих. 360*, называет себя в славянском колофоне именно «дьяконом», а не «дьяком», и точно так же, причем приписанным к Благовещенской кафедральной церкви и лично к епископу Филофею, именуется он в жалованной грамоте 1490 г. Ивана III. Совершенно очевидно, что он был в священном сане диакона.

Сказать то же о Гаврииле, читавшем рукопись с сочинениями Григория Синаита, проблематично: о нем мы из этой записи знаем, что он как будто бы «ушел в затворники» (если *нэблый* — это действительно ‘затворник’, а не просто ‘монах’)[14] в Спасо-Прилуцкий монастырь при игумене Михаиле. И здесь начинаются проблемы с отождествлением двух «кылдасей» Гавриилов: дело в том, что в Спасо-Прилуцком монастыре на сегодня известен лишь один игумен Михаил — в 1420-х — нач. 1450-х гг. [Рыков 1982: 95, прим. 2], то есть во время, близкое к созданию самой рукописи. Перечень известных игуменов Спасо-Прилуцкого монастыря далеко не полон, поэтому к концу XV — началу XVI в. действительно мог среди них появиться и Михаил, однако с 1517 по 1537 г. там игуменствовал Мисаил [Строев 1877: 737]. Что бы ни значило сходство имен *Мисаил* и *Михаил*, при Мисаиле — и ником ином, поскольку указан 1517 г., — Гаврило Кылдась, отец Васюка, еще не был в затворе, хотя уже был в более

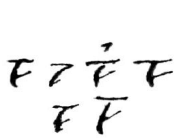
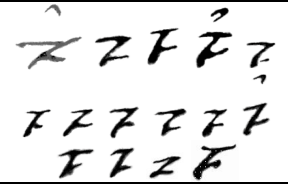
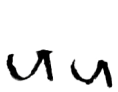
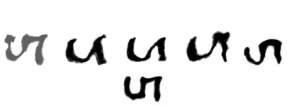
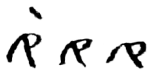
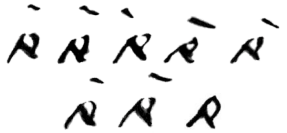
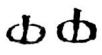
владельцем из “Иерархии российской” и лишний раз удостоверяющие принадлежность рукописи [Сулакадзеву. — *А. Г.*, *В. П.*]» [Рыбалка 2018: 301].

[14] Так В. И. Лыткин переводит (*м*/*у*/*н*) *нэблыйö* со следующим комментарием: «Слово *нэблый* следует понимать как затворник, отшельник, ушедший от мирского соблазна в скит; ср. русские слова с корнем *бл.*: необлазный (не причастный соблазну, непорченый); блыкала (бродяга, развратник)» (со ссылкой на «Словарь русских народных говоров») [Лыткин 1980: 15, прим. 1]. Этимологическое сближение двух этих «русских» слов не очень точно, однако возможное происхождение древнепермского *нэблыйö* в результате заимствования из славянского требует отдельного рассмотрения. Поначалу, в первой публикации 1962 г., В. И. Лыткин принимает версию А. С. Сидорова о том, что *Неблый* — это топоним, и, возможно, эта версия более предпочтительна. В спорном глаголе две буквы стерты, поэтому ни одно из чтений — (*м*)*у*(*н*)*и* ‘ушел’ или (*к*)*у*(*л*)*и* ‘умер’ — не имеет преимущества перед другим. Но при принятии любого из них возникает другая проблема: А. С. Сидоров и В. И. Лыткин [Сидоров 1962: 181] эмендируют чтение предыдущего слова, предполагая там притяжательно-указательный суффикс *-ыс* (*виз'ис'ыс*, от *виз'ис'* ‘почитатель’), в то время как фактически там выписан показатель винительного падежа *-öс* (*виз'ис'öс*), который будет грамматически правильным, только если последующий глагол является переходным. Ни (*м*)*у*(*н*)*и* ‘ушел’, ни (*к*)*у*(*л*)*и* ‘умер’ этому условию не удовлетворяют.

высоком священном сане, правда монашеском, — иеромонаха, и не в Спасо-Прилуцком, а в Спасо-Каменном монастыре той же Вологодско-Пермской епархии, который отстоит от первого на 70 с лишним километров. Об этом свидетельствует запись (официальный колофон) того же Васюка на Псалтыри следованной 1517 г. (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 222): «…а писаны сие ѱ(с)лмы у великѡ(г) чю(до)творца Никѡлы на Лѣнѣ, на Вычегдѣ. пѡвелѣніе(мъ) г(с)дрѧ мѡе(г) сщ҃нноіерѣѧ Герасима служителѧ всемл(с)тва(г) Сп(с)а на Каменнѡ(мъ). а в бы(в)ше(м) чину Га(в)рила. а писавы(и) сие ѱ(с)лмы. азъ мно(г)грѣшны(и). и неключимы(и) ра(б) Васю(к) ѡ(т)ца мое(г) повелѣ(н)е(м) Герасима» [Беляков и др. 2013: 267—268]. Таким образом, отождествление друг с другом обоих Гавриилов довольно сомнительно.

Еще больше сомнений в отождествлении двух «кылдасей» Гавриилов вызывают различия в их почерках, которые на примере пяти букв приведены в табл. 1. Буквы даны в виде прорисей: из записей на книге с сочинения Григория Синаита были прорисованы все встретившиеся буквы, но лишь на последней странице (БАН, 17.9.11, л. 246 об.), без привлечения той записи, что была оставлена прямо на доске переплета, поскольку на имеющемся у нас фото она практически нечитаема[15]; из записей в *Лих. 360* были взяты все примеры хорошо сохранившихся букв, включая колофон с киноварным «аминь» и славянские маргиналии древнепермским письмом.

Таблица 1. Сравнение древнепермских букв в почерках записей на книгах с сочинениями Григория Синаита (*ГС*) и Исаака Сирина (*ИС*)

буква	*ГС*	*ИС*	Описание различий
ꙁ ан			В ГС буква пишется в два движения, с отрывом пера от бумаги, в ИС — в одно, без отрыва, так что в ГС форма выходит чаще F-образная, тогда как в ИС — более Z-образная.
⋂ мэнö			Части буквы левая U-образная и правая I-образная в ГС соединены очень короткой горизонтальной засечкой, тогда как в ИС — при тщательном написании (четыре случая) более длинным горизонтальным штрихом, а при небрежном (два случая) без засечки, наклонным узлом.
ꙗ, ꙗ̀ шôй			Λ-образная часть буквы в ГС более плавная, а в ИС — угловатая. Верхняя петля в ГС пишется практически без изменения угла наклона пера, тогда как в ИС — с вращением пера, из-за чего часть этого элемента буквы сильно истончается, практически исчезая.
V нэнö			В ГС имеются ярко выраженные засечки в верхней части буквы с обеих сторон, а в ИС — только у правого, более тонкого, штриха.
ф бур			В ГС вертикальная черта над округлой нижней частью короткая, а в ИС — длинная.

Вполне очевидно, что записи обоих Гавриилов выполнены в рамках одной графической системы, поскольку формы и значения букв в них совпадают. Однако нет совпадения в самой манере письма, о чем говорят те детали, которые были проанализированы в табл. 1. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить, что они написаны разными писцами. Если совпадение их имен и звания (профессии) не случайность, а первый Гавриил действительно ушел в затвор в Спасо-Прилуцкий монастырь при игумене Михаиле в 1420-х — нач. 1450-х гг., то второй Гавриил, написавший *Лих. 360* в 1486 г., мог приходиться первому внуком или правнуком, поскольку древнерусской системе имянаречения было свойственно такого рода повторение имен внутри одной семьи[16], но это предположение уже совсем гадательно.

[15] Электронные фотокопии этих записей были любезно предоставлены нам Б. Н. Морозовым. Прорись записи на доске переплета, опубликованная В. И. Лыткиным в статье [Сидоров 1962: рис. 2], требует тщательной перепроверки de visu и особого режима съемки для повторного воспроизведения.

[16] Этот вывод сделан на основе анализа данных имен в династии Рюриковичей, поскольку именно для нее источники донесли наибольшее количество информации, ср.: «Одним из главных принципов, которым руководство-

Кроме древнепермских записей, в рукописи *Лих. 360* имеется еще по меньшей мере четыре славянских слова, написанных абуром: это поясняющие маргинальные глоссы к малопонятным и редким словам южнославянского по происхождению перевода «Постнических слов» Исаака Сирина (на левом поле л. 83 об. как будто бы имеется еще пятая глосса, но она сильно смазана, а потому нечитаема, кроме последней буквы «нэнö»). Выполнены они были тем же почерком, что и основные древнепермские записи, поэтому, скорее всего, также принадлежат писцу — Гавриле Кылдасю, так что имеет смысл опубликовать их в настоящем разделе. Итак, это следующие глоссы:

• *Лих. 360*, л. 66 об., левое поле (на уровне пятой строки снизу): **[н?]агло** (см. рис. 6) — обрезанная слева глосса к слову *сцѣгло* в тексте.

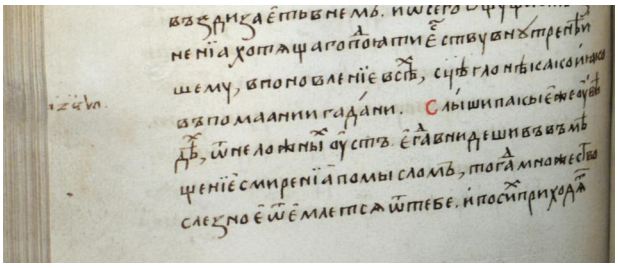


Рис. 6. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 66 об.

Глоссируемый контекст следующий: «и҆ ѿ сего ѻ҆щущаѥ̀ть изм҃|ненїа хотѧщаго по҃ѩти є҆ство внѹ̀тренѣ́й|шему, в поновленїє всѣ̑, *сцѣгло* нѣ̑какоі́ ꙗко | въ помаании гада́ни (= и от этого [ум] ощущает изменения от [Духа,] который хочет возвысить внутреннее естество для обновления всего, как-то *одиноко* и как бы в гадательном указании)». Над словом *сцѣгло* стоит несколько точек — знаков сносок, которые также повторены над маргинальной глоссой. Наречием *съцѣгло*, кроме церковнославянских текстов, известным только по сербохорватской форме *цѝглӣ* ‘единственный, только’, а также древнерусской *чеглыи*, *чеклыи* ‘подлинный, настоящий’ и белорусской *чо́клый* ‘настоящий, прямой, точь-в-точь’ [ЭССЯ, вып. 3: 176], в первой редакции церковнославянского перевода Исаака Сирина передано греческое ἀμυδρῶς ‘неясно, неотчетливо’ (в первой славянской редакции — Слово 12-е, во второй — 65-е; в современном издании греческого текста — также 12-е [Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου 2012: 352_{43}]). Обычно церковнославянским прилагательным *цѣглъ* и наречием *сцѣгло* передавали греч. μόνος ‘один, единственный’ и κατ᾽ ἰδίαν ‘частным образом, особо, отдельно, в частности’ соответственно [SJS, t. IV: 832; СлРЯ XI—XVII в., вып. 29: 108—109], тогда как греч. ἀμυδρῶς вообще не зафиксировано в оригиналах древнейших славянских переводов (отсутствует в [ŘSI, t. I: 312—313]). В иных списках первой редакции славянского перевода «Постнических слов» Исаака Сирина — сербских по происхождению — представлены аналогичные формы: *сцъкло* (*МДА 151.2*[17], л. 37 об.) и *съцѣгло* (*Погод. 72*[18], л. 46; *Погод. 1029*[19], л. 23). Однако во второй редакции *съцѣгло* заменено на более отвечающее греческому оригиналу *неꙗснѣ* (*Тр. 172*[20], л. 288; *МДА 151.1*[21], л. 323; в *МДА 151.2* напротив *сцъкло* на полях также позднее было дописано *неꙗснѣ*).

вались, выбирая имя, было наречение в честь умершего предка, чаще всего в честь предка по мужской линии. […] Существовал строгий запрет на наречение именем отца, если тот был еще жив» [Литвина, Успенский 2006: 11—12]. О том, что этот принцип мог быть характерен не только для княжеского имянаречения, см. также [Успенский 2004: 883]. Конечно, мы ничего не знаем о принципах имянаречения коми XV века, но типологически эта параллель весьма важна: личное имя — в данном случае христианское — могло повторяться в роду, будучи значимым элементом родовой принадлежности, даже если этот род был отнюдь не княжеским.

[17] РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 152.2. Сербский список «Постнических слов» Исаака Сирина первой четверти XIV в., происходящий с Афона [Гранстрем, Тихомиров 2007: 139, 145, 168, прим. 72].

[18] РНБ, ф. 558 (Собрание М. П. Погодина), № 72. Сербский список «Постнических слов» Исаака Сирина второй четверти XIV в. (датировка В. М. Загребина) [Гранстрем, Тихомиров 2007: 139] или 60-х гг. XIV в. [Федотова 2001: 501].

[19] РНБ, ф. 558 (Собрание М. П. Погодина), № 1029. Сербский список «Постнических слов» Исаака Сирина третьей четверти XIV в. [Гранстрем, Тихомиров 2007: 140] (у М. С. Федотовой ошибочно дается под номером «29» [Федотова 2001: 501—502]).

[20] РГБ, ф. 304.I (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 172. Среднеболгарский список «Постнических слов» Исаака Сирина 1380/81 г. [Гранстрем, Тихомиров 2007: 140] (указана ошибочная датировка 1389 г.).

[21] РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание Московской духовной академии), № 152.1. Русский список «Постнических слов» Исаака Сирина первой трети XV в.

Толкование к форме *сцѣгло*, данное писцом *Лих. 360* на полях древнепермскими буквами, было при позднейшем переплете обрезано, так что скорее по догадке (и потому, что ничто иное не подходит) его следует реконструировать как [*н*?]*агло* ‘быстро, внезапно’ [СлРЯ XI—XVII в., вып. 10: 48], что в целом может быть вычитано из общего смысла фразы.

• *Лих. 360*, л. 213, нижнее поле: **на корму** (см. рис. 7) — глосса (обрезанная по нижнему краю, но вполне читаемая) к словоформе *на колителствѣ* в тексте.

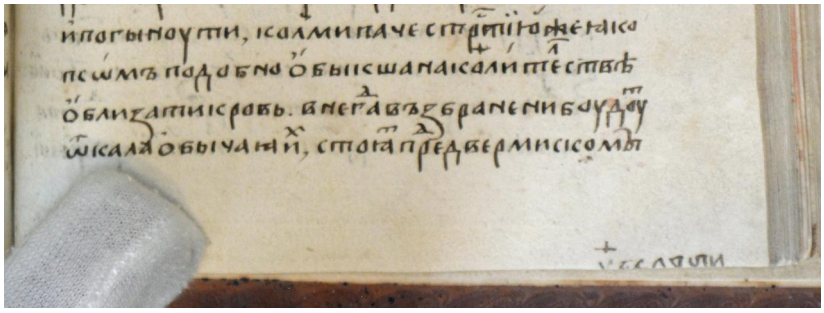


Рис. 7. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 213

Глоссируемый контекст следующий: «...ꙗко | псѡ́мъ подобно ѻ҆быкша *на коли́тѣ҆ствѣ* | ѻ҆близати кровь (= подобно псам, привыкшим лизать кровь *на скотобойне*)». Функцию знака сноски в данном случае выполняет крестик, связывающий словоформу *колителствѣ* и пермскую глоссу на полях. Списки первой и второй редакций славянского перевода «Постнических слов» в данном случае различаются лишь морфемным составом этого слова: *на коли́тельствѣ* (*МДА 151.2*, л. 194; *Погод. 1029*, л. 108), *на колитє́твѣ* (*Погод. 72*, л. 208об.) и *на колитвѣ* (*Тр. 172*, л. 161; *МДА 151.1*, л. 192 об.). Словарь знает только последнюю форму со значением ‘место заклания животных’ (и производную от нее — *колитвенный*), причем в единичных примерах [СлРЯ XI—XVII в., вып. 7: 241]. В греческом оригинале славянского перевода ей соответствует латинизм μάκελλον ‘бойня, мясной рынок’ (в первой славянской редакции — Слово 77-е, во второй — 44-е; в современном издании греческого текста — 58-е [Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου 2012: 710_{62}]). Не зная точного значения слова *колительство*, писец по контексту предположил, что имеется в виду некое место кормления, поэтому оставил на полях глоссу *на корму* в древнепермской графике.

• *Лих. 360*, л. 215, на верхнем поле: **всегда** (см. рис. 8) — глосса, чуть обрезанная по верхнему краю, к слову *бъшию* в тексте.

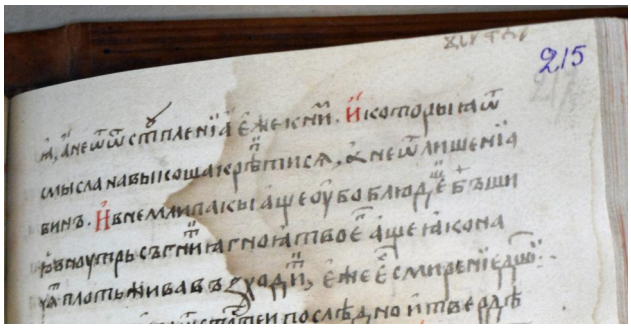


Рис. 8. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 215

Глоссируемый контекст следующий: «**И** внемли пакы а҆ще оу҆бо блюдѐ *бъши*|*ю* вноутрь съгнїꙗ гноꙗ твоѐ... (= и снова послушай, наблюдаешь ли ты совершенно внутри гниения язвы твоей...)». Функцию знака сноски здесь также выполняет крестик (сохранился лишь в тексте). Редкий южнославянизм *бъшиѭ* ‘совсем, безусловно, вообще’ [SJS, t. I: 150—151], известный и более поздней церковнославянской книжности, в том числе бытовавшей в русских списках в форме *бошию* (*бъшию*) ‘совершенно, совсем, окончательно’ [СлРЯ XI—XVII вв., вып. 1: 306], традиционно передает здесь греческое наречие παντελῶς ‘полностью, вполне, совершенно, окончательно’ (в первой славянской редакции — Слово 78-е, во второй — 45-е; в современном издании греческого текста — 59-е [Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου 2012: 714_{22}]). Ранние сербские списки первой редакции также содержат это слово, правда, в специфически сербской орфографической форме *бьшию* (*МДА 151.2*, л. 195 об.; *Погод. 72*, л. 210 об.; *Погод. 1029*, л. 109). Однако во второй редакции это место подвергается правке и читается уже как «и҆ вънемлѝ па́кы · а҆́ще оу҆бѡ̀ зри́ши *въсѐконе́чнѣ* вънатръ съгни́тїа стр8па твоѐго̀» (*Тр. 172*, л. 162 об.); *всеконечнѣ* вместо *бъшию* также

в русских списках (*МДА 151.1*, л. 194 об.). Если слово *бъшию* вызывало затруднения даже у южнославянских книжников, которые заменили его на более понятное, то сомнения книжника восточнославянского тем паче обоснованы: писец рукописи *Лих. 360* подобрал для него не совсем точный, но семантически вполне объяснимый эквивалент *всегда*[22], который был записан на полях в виде глоссы древнепермскими буквами.

• *Лих. 360*, л. 217 об., на левом поле, вертикально: **помышлаѐт** (см. рис. 9) — глосса к слову *козньствоует* в тексте.

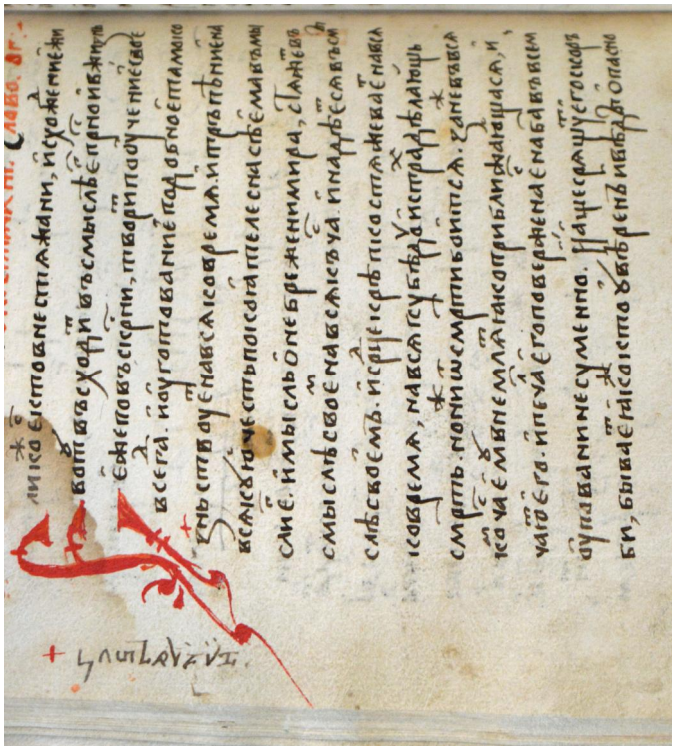


Рис. 9. СПбИИ РАН, Собрание Н. П. Лихачева, № 360, л. 217 об.

Глоссируемый контекст следующий: «Єлико҃ є҃ кто в нестѧжани […] творѝ пооу҃чениѥ̀ свое | всегда. и҆ оу҃готованиѥ̀ подобноѥ̀ тамо *ко|зньствоу҃ѥ̀* на всѧко времѧ (= Насколько тот, кто находится в нестяжательстве, […] размышляет сам всегда и *достигает* соответствующей готовности во всякое время)». Глагол *къзньствовати* в обоих редакциях перевода «Постнических поучений» (*къзьньствоу҃ѥть МДА 151.2*, л. 198 об.; *Погод. 72*, л. 212 об.; Погод. 1029, л. 110 об.; *къзньствѹеть Тр. 172*, л. 188; *козньствѹеть МДА 151.1*, л. 223 об.) соответствует греческому μηχανάω, имеющему множество значений (основное прямое — ‘делать, изготавливать’), так что выражение *оуготованиѥ къзньствоу҃ѥть* (ἑτοιμασίαν μηχανᾶται, в первой славянской редакции — Слово 79-е, во второй — 51-е; в современном издании греческого текста — 65-е [Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου 2012: 765$_{3—4}$]) можно перевести как ‘готовится’. Однако писца, видимо, не устроило то, что в восточнославянском узусе глагол *козньствовати*, кроме нейтрального ‘заниматься ремеслом’, имел и значение с негативными коннотациями — ‘строить козни, замышлять зло’ [СлРЯ XI—XVII в., вып. 7: 227], поэтому он глоссировал его древнепермскими буквами на полях словом *помышляет*, что в целом правильно (нейтральное значение ‘замышлять, изобретать что-либо’ также фиксируется у него словарями [СДРЯ XI—XIV вв., т. 4: 351—352]).

3. Древнепермские записи в библейских книгах из библиотеки Иосифа Волоцкого кон. XV в.

В собрании Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) отдела рукописей Российской государственной библиотеки хранятся два кодекса, содержащие церковнославянские переводы ветхозаветных книг с Вульгаты — за исключением старшего перевода книги Есфирь, к которому новый перевод с латыни был присоединен позже (старший церковнославянский перевод книги Есфири, известный в списках

[22] Именно эта глосса оказалась предметом фантазий сыктывкарского журналиста (см. выше в цитате из [Артеев 2007]). Естественно, сокращения типа *все гда* для *всемогущий Господь* не были приняты в славянской книжности, пусть и в древнепермской графике.

начиная с конца XIV в., был сделан с некоего еврейского текста — причем до сих пор точно неизвестно, собственно древнееврейского, т. е. Масоретского, или с его буквального перевода на греческий, — тогда как в Геннадиевской Библии к этому старшему переводу были добавлены главы, переведенные впервые на церковнославянский с Вульгаты). Эти переводы были выполнены в кружке новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) в 1480—90-е гг. и вошли в состав знаменитой Геннадиевской Библии — первого полного библейского свода на церковнославянском языке (известного по старшей рукописи 1499 г.: Государственный исторический музей (Москва), Син. 915):

ф. 113, № 9 (далее ***Волок. 9***), лл. I—II, 285 + чистый 126а — 1-я и 2-я Паралипоменон, Иудифь, Есфирь, книга Премудрости Соломона и 1—25, 46—52 главы книги пророка Иеремии;

ф. 113, № 11 (далее ***Волок. 11***), лл. I—II, 271 + чистый 265а — 1-я Ездры, Неемии, 2-я и 3-я Ездры, Товит, 1-я и 2-я Маккавейские, 45 и 46 главы Книги пророка Иезекииля.

Оба кодекса составлены из нескольких комплектов тетрадей одного времени и формата (4°, 21×14,5 см). Они были описаны В. А. Ромодановской [Ромодановская 2000: 10—12]. Однако это описание содержит некоторые неточности (например, в идентификации водяных знаков бумаги, а также в датировке переплета), а при наличии в нем всех писцовых записей совершенно обойдены вниманием две интересующих нас древнепермских записи, которые, по-видимому, были сделаны на защитных листах при переплете обоих томов. В связи с этим необходима уточняющая кодикологическая информация.

Водяной знак в *Волок. 9* один — «Колесо» (напр., на лл. 265, 267, подобный *Br.*, № 13441, 1483—92 г.)[23], в *Волок. 11* — то же «Колесо» (напр., лл. 1, 2/3, 8) и «Готическая буква Р» (напр., л. 250/257, 243/248, подобный *Piсc.-IV*, IX, № 2, 1503 г.)[24]. Также оба кодекса переплетены одним способом — «в затылок», то есть «доски в размер блока и кусок кожи, покрывающий корень и доски на одну треть или около этого, без заворотов на внутреннюю сторону досок» [Круглов 2017: 203], на *Волок. 9* имеются застежки самого простого типа: «деревянные спни на лицевой поверхности верхней доски и ремень с прорезью-петлицей на нижней» [там же] (фактически это лишь заготовка полноценного переплета, которая должна была обтягиваться цельным куском кожи, получать застежки, украшаться тиснением и жуковинами). Если написание самих тетрадей можно датировать 1480—90-ми гг. (а точнее, по внешним данным, — после 1 августа 1493 г., когда монахом-доминиканцем Вениамином был завершен перевод библейских книг с Вульгаты на церковнославянский, о чем см. [Ромодановская 2001: 278]), то время переплета также устанавливается по водяным знакам защитных переплетных листов, и оно фактически то же; водяной знак на них — «Голова быка» (*Волок. 9*, л. I[25], *Волок. 11*, лл. I, II, близкий *Piсc.-II*, X, № 482 и 483 (1485—90 гг.))[26].

Комплекты тетрадей существовали, по-видимому, сначала отдельно, поскольку в обоих кодексах имеются соответствующие писцовые записи, из которых важны прежде всего две: «написа҃ кȣзмица златаȣскои паралипомено҃ первыє» (*Волок. 9*, л. 56 об.), — из нее можно узнать имя писца, не фигурирующее среди имен писцов основного, полного, списка Геннадиевской Библии 1499 г.[27]; «сѣ т҃рати писаны на и҆ѡ҃сиѳа на волокъ | а҆ в сѣ҃ х҃етратѣ, и҆ȣдѝ, є҆сѳѣ, прмȣдрость солѡмонѧ» (*Волок. 9*, л. 210 об.), — а здесь сообщается о том, что комплект тетрадей был прислан специально Иосифу Волоцкому в его

[23] Для него В. А. Ромодановская указывает только тип — *Heaw.*, № 4030 (1460 г.).

[24] В. А. Ромодановская соотносит его со знаком *Br.*, № 8629 (1495—98 гг.), который хотя и ближе по датировке к предполагаемому времени написания рукописи, однако не может быть признан близким знаку, содержащемуся в ней.

[25] Перед л. I в *Волок. 9* есть еще один защитный лист, непронумерованный, но бумаги явно позднего происхождения, машинного отлива, без водяных знаков и штемпелей (не ранее нач. XIX в.).

[26] В. А. Ромодановская пишет лишь, что переплет «старый (XVI в.)», однако не сообщает, на основании каких данных это было установлено. Анализ филиграней защитных листов, использовавшихся при переплете, позволяет сделать это более точно: водяной знак с них исследовательница не рассматривает, по меньшей мере не упоминает о нем в описании рукописи *Волок. 11*.

[27] Кузмица (Кузьма) Златоустский имеет прозвище того же типа, что эти писцы: Василь Иерусалимский, Гридя Исповедницкий и Климент Архангельский, — то есть по названию церквей, освященных в честь свт. Иоанна Златоуста, Входа Господня в Иерусалим, Исповедников (без уточнения имён, см. ниже) и св. Архангела Михаила соответственно. Ничего более об этих писцах не известно. Согласно «Семисоборной росписи», составленной между 1468 и 1508 гг. [Янин 1976: 108—109], в Новгороде действительно были церкви с такими названиями: в Детинце, относящиеся к Софийскому соборному участку, — «Исповедники» («у переднее стены с Владычня двора»), «да у Владычня двора Златоуст на воротех», «Вход в Иерусалим» («за Владычным двором на Буевищи»), соборная церковь «на Пруской улици Архангел Михаил» [там же: 111]; кроме того, в том же Михайловском соборном участке была церковь «Иван Златауст в Околотке» [там же: 112], а в Успенском соборном участке, на Торговой стороне, «на Михайлове улици Собор архангела Михаила» [там же: 114].

монастырь, то есть обе рукописи, *Волок. 9* и *Волок. 11*, появились в Иосифо-Волоколамском монастыре еще при его основателе и хранились в нем все последующее время (упоминаются, судя по всему, в описях библиотеки монастыря 1545 и 1573 гг., причем в том же переплете «в затылок» [Ромодановская 2000: 11]) вплоть до 1859 г., когда рукописные книги были переданы из него в Московскую духовную академию [Иосиф 1882: I]. Оба тома написаны одним почерком, который В. А. Ромодановская характеризует как особый мелкий новгородский полуустав рубежа XV—XVI вв., типичный и для других рукописей, вышедших из Геннадиевского переводческого кружка [Ромодановская 2000: 8], и заключает, что «[и]дентичность почерка, первоначальное существование в тетрадных блоках и состав рукописей РГБ, ф. 113, № 9 и 11 позволяют рассматривать их как два тома переведенных в Новгороде текстов Вульгаты XV в., единственный на сегодняшний день самостоятельный список, современный самому переводу» [там же: 12].

Записи пермской азбукой в обеих рукописях упоминаются и приводятся в русской транскрипции в машинописной описи собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, правда, квалифицируются там как «тайнопись»: «На л. 285об. з а п и с ь пермской азбукой (тайнописью), в русской транскрипции читается так: “Атанебог Паралипоменон гижом амин”» и «На л. 271об. […] тайнописью запись (пермской азбукой), которая читается в русской транскрипции: “Атанебог Езздра”» [Тиганова и др. 1972: 5, 6]. Обе записи находятся, судя по всему, на листах основных тетрадей, а не тех, что были добавлены при переплете: хотя на них нет водяных знаков, вержеры и понтюзо соответствуют в них бумаге со знаком «Колесо», и само их расположение говорит о принадлежности к основным тетрадям (в *Волок. 9* л. 285 об. подклеен к шестому листу последней тетради кодекса, после чего она обрывается, а на втором листе, который должен быть частью седьмого, также нет водяного знака, то есть л. 285 об. вполне мог быть седьмым в этой последней тетради, при этом восьмой утрачен; в *Волок. 11* с л. 271 об., который в настоящее время выпадает из книжного блока, ситуация ровно такая же).

Таким образом, пермские записи могли быть сделаны уже самим писцом, еще до создания переплета, который, впрочем, не сильно младше самих тетрадей. Учитывая, что порядок тетрадей был несколько перепутан при переплете, скорее всего, последний делался уже в отрыве от того книгописного центра, где был осуществлен перевод ветхозаветных книг с Вульгаты, то есть предположительно Геннадиевского кружка при Владычнем дворе в новгородском Детинце, где, в частности, располагалась надвратная церковь Иоанна Златоуста, в которой, вероятно, служил писец *Волок. 9* и *Волок. 11* Кузьмица Златоустский.

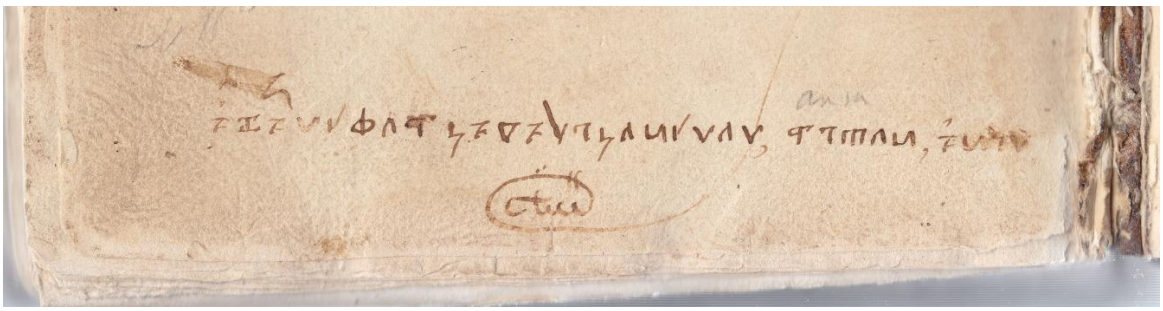


Рис. 10. РГБ, Волок. 9, л. 285 об.

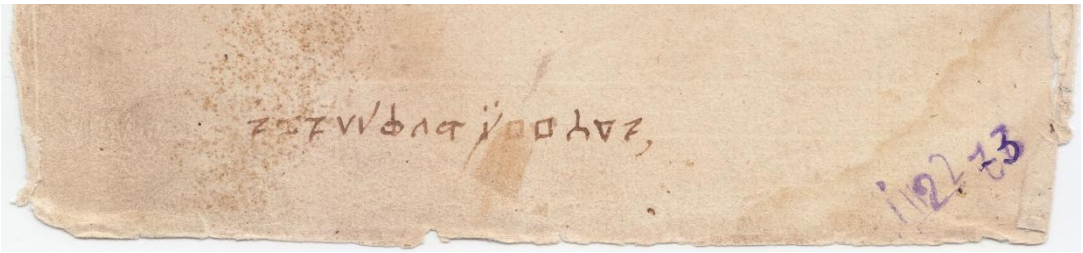


Рис. 11. РГБ, Волок. 11, л. 271 об.

На рис. 10 и рис. 11 мы публикуем фотографии обеих пермских записей, которые в кириллической транслитерации выглядят следующим образом (с древнепермской реконструкцией и переводом ниже):

Волок. 9, л. 285 об.: **а̀та небог паралипоменон, гижом, а̀мѝн̀**

Транскрипция и перевод:

ata ńebęg paral'ipomenon gižęm amiń

‘Вот это книгу Паралипоменон написал, аминь’.

Волок. 11, л. 271 об.: **ȧта небог ѐзздра,**
Транскрипция и перевод:
ata ńebęg ezzdra
‘Вот это книга Ездра’.

Кроме этих двух записей, в *Волок. 11* имеются также две глоссы со странными знаками, которые относятся к слову *инъ* — передаче лат. *hin* (из др.-евр. *hîn* ‘мера объема жидкости’) в книге пророка Иезекииля:

Иез 45:24 (лл. 267 об.—268): «и҆ жрътвꙋ || ѐфи за телецъ: и҆ ефи за ѡ҆вна сътво|рѧ̑ и҆ ѡ҆лѣа̑ и҆нѣ̑ по ѐдина ѐфи» — и глосса: «ꙗ҃ин. є҃ мѣра | трѣ̑ѧ ча̑ ѐфи» (см. рис. 12; глоссируемое слово и первое слово в маргинальной глоссе выделены специальными знаками сноски — повторяющимися спиритусами);

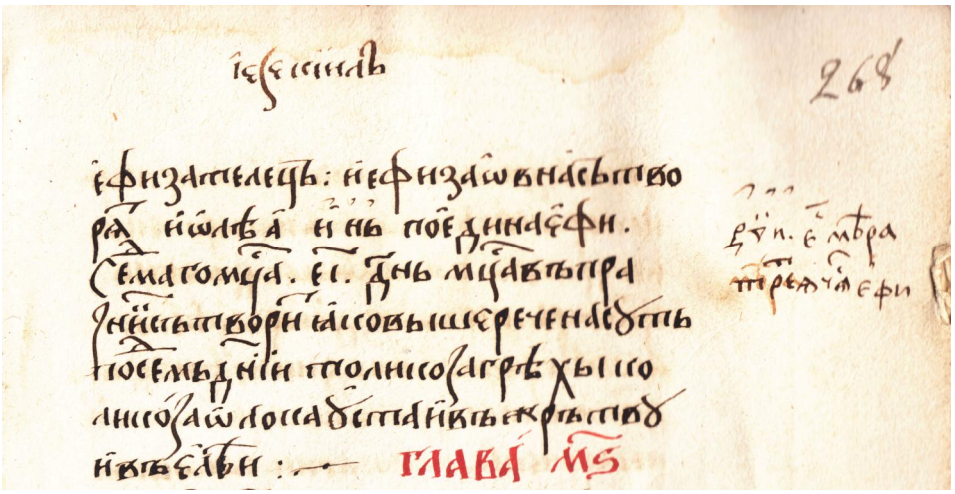


Рис. 12. РГБ, Волок. 11, л. 268

Иез 46:5 (лл. 268 об.): «и҆ жертвꙋ ѐфи за ѡ҆вна. въ а҆гнь|цы̑ жрътвꙋ въздаю̑ рꙋцѣ ѐго: | и҆ ѡ҆лѣа̑ и҆нъ. по ѐдинꙋ ефи» — и глосса того же содержания, но с несколько модифицированным первым знаком: «ꙗ҃ин и҆ є҃| трѣ̑ѧ часть | ѐфи» (см. рис. 13).

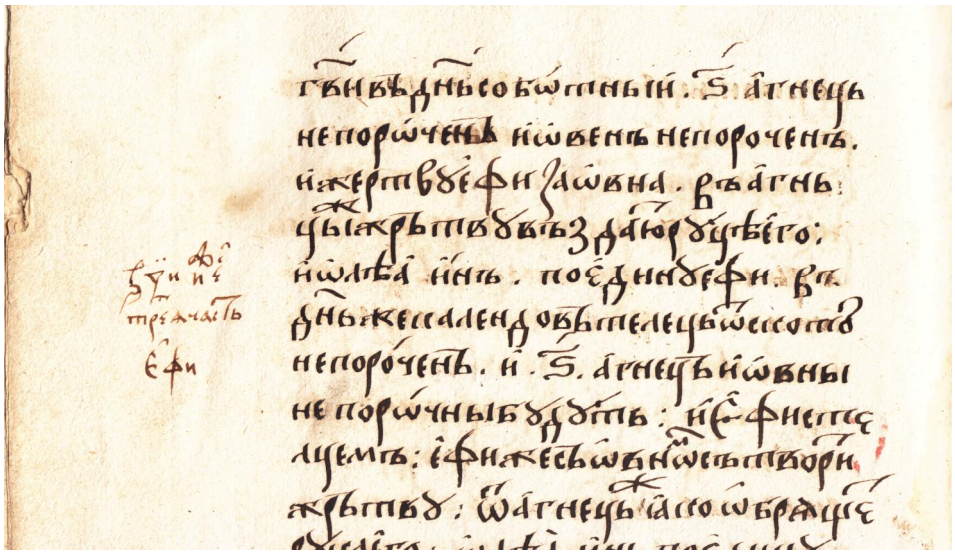


Рис. 13. РГБ, Волок. 11, л. 268 об.

Средние знаки внутри однотипных написаний, вводящих маргинальные глоссы, могут быть интерпретированы только как древнепермские, причем с двумя точками (или кендемой) сверху, однако двумя способами:

1) как буква «рэй», и тогда третий знак совпадает по начертанию и с кириллической «*и* восьмеричной», и с древнепермской буквой «у»; однако первый знак, который в глоссе к Иез 45:24 выглядит как ꙗ, а к Иез 46:5 — как ꙗ, интерпретировать в качестве древнепермского проблематично, в том числе из-за его вариативности, — и тогда объяснение всему этому слову (если это действительно слово) такое: в двух маргинальных глоссах писец использовал смесь кириллицы с пермской азбукой; первый, наиболее

проблемный, знак — лигатура, составленная из кириллических букв «З» (во втором случае — наподобие греческой скорописной ζ) и «Р», второй — пермская буква «рэй», третий — кириллическая «И», и, таким образом, все это слово читается как *зрри*, то есть «зри»[28];

2) как буква «и», над которой появление кендемы более естественно, чем над согласной; в таком случае первый и третий знаки можно интерпретировать не как кириллицу, а как латиницу: первый — «h» (правда, весьма причудливой формы), третий — вполне нормальное «n», — и тогда все слово, написанное на смеси латиницы и пермской азбуки, передает непосредственно латинское написание *hin* (возможно, писец вставил пермскую букву не ради тайнописи, а ради безошибочного чтения, чтобы случайно не перепутать латинское написание *in* с *m*).

Как бы, однако, ни интерпретировать аномальные написания на полях *Волок. 11*, в них со всей очевидностью присутствует по меньшей мере одна древнепермская буква. Поскольку все маргинальные глоссы переведенных в Геннадиевском кружке с Вульгаты библейских книг являются неотъемлемой частью этих переводов и писались одновременно с основным текстом, можно смело утверждать, что новгородский писец Кузьмица Златоустский использовал пермскую азбуку и, по всей вероятности, ему же принадлежат и пермские записи в конце обоих кодексов.

Кроме того, под древнепермской записью в *Волок. 9* (см. рис. 10) имеется еще некая приписка, которая на первый взгляд производит впечатление выполненной латинскими курсивными буквами в виде монограммы. По нашей просьбе несколько коллег, специализирующихся в средневековой латинской палеографии, рассмотрели эту запись и высказали следующие догадки о ее содержании: 1) В. И. Мажуга и Г. М. Воробьев прочли здесь *clici* — сокращенное указание на то, кому предназначен заново подготовленный библейский текст: *cl*(*er*)*ici*(*s*) ‘клирикам’, т. е. людям духовного звания; 2) Е. В. Казбекова предположила, что это *elcii*, и так могло быть зашифровано латинское название библейской книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова — *Ecclesiasticus*, однако стандартное ее сокращение *eccl*, а не *elcii* (кроме того, заметим, что эта книга уже была известна в раннем славянском переводе с греческого, который и вошел в Геннадиевскую Библию: заново с латыни она не переводилась и не сверялась с Вульгатой).

Однако возможно прочитать эту монограмму и как кириллическое *амин*(*ь*) (на чем настаивали, например, А. А. Турилов и Л. В. Мошкова во время обсуждения представленного здесь материала на нашем докладе на заседании Лаборатории лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ 15 февраля 2021 г.); правда, начертания кириллических букв здесь не очень типичны для конца XV — начала XVI вв., и во время второго публичного обсуждения этих записей, на Историко-филологических чтениях в Великом Новгороде 6 августа 2021 г., часть коллег, в частности П. В. Лукин, склонялись к тому, что монограмма была выполнена все же латинскими буквами, а не кириллическими.

Что бы эта монограмма ни значила, если она действительно была выполнена латинскими буквами, то это очередное свидетельство участия западноевропейских книжников в библейском проекте архиепископа Геннадия: вероятно, один из них и оставил ее (в качестве своего удостоверительного автографа?) на тетради, которая была послана Иосифу Волоцкому.

4. Древнепермское слово во вкладной записи усть-вымского списка Ареопагитик епископа Питирима сер. XV в.

Проверка кочующих по литературе сведений, введенных в научный оборот еще в середине XIX в., может дать неожиданные результаты и сейчас. Именно так произошло с информацией о записанном древнепермскими буквами слове, которое прежде относили к случаям использования абура в качестве тайнописи. Описывая древнерусскую рукопись XV в. со славянским переводом творений псевдо-Дионисия Ареопагита из собрания московского купца-старообрядца И. Н. Царского (№ 48), П. М. Строев обнаружил в ней полистную запись («скрепу» — как в случае с рукописью *Лих. 360*, описанном в разделе 2) «поч<ерком> XVI века», повествующую о том, что эта книга была вложена в церковь Благовещения в Усть-Выми Питиримом, четвертым епископом Пермским, канонизированным впоследствии в чине священномученика за принятие мученической кончины от язычников «вогуличей» (вогулов, манси). В конце «скрепы» П. М. Строев отметил «пять букв пермской азбуки, кажется, *аминъ*» [Строев 1848: 25]. Собрание И. Н. Царского было приобретено графом А. С. Уваровым и уже в составе собрания Уварова описано архим. Леонидом (Кавелиным), который лишь повторил формулировку П. М. Строева:

[28] При этом немаловажно, что маргинальная помета *зри*, записанная древнепермскими буквами (однако только ими, без смешения с кириллицей), в большом количестве встречается в славяно-русских рукописных книгах конца XV в. [Лыткин 1952: 76—86], многие из которых были отождествлены как рукописи, созданные представителями так называемой ереси «жидовствующих».

«*за тем пять букв пермской азбуки, кажется,* аминъ» [Леонид 1893: 101, № 162], — и в итоге она попала в книгу В. И. Лыткина, причем в раздел «Русские тексты, написанные древнепермской азбукой» [Лыткин 1952: 83].

На поверку оказалось, что «пять букв пермской азбуки» — это не «аминъ», а запись на древнепермском языке. Публикуем ее полностью в виде фотокопий (см. рис. 14), для того чтобы судить о почерке кириллической части и о форме букв древнепермской приписки.

В настоящее время рукопись ***Увар. 264-1°*** хранится в собрании А. С. Уварова Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея в Москве (ГИМ). По содержанию это сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита (Ареопагитики[29]: лл. 1—288, текст в один и два столбца, беглый полуустав нескольких рук) с дописанными в конец главами из Юстиниановых законных книг (лл. 288об.—300об., текст в два столбца, полуустав нескольких рук). Рукопись реставрировалась в XVII в., так что лл. I—II, 1 содержат восполнение начала Ареопагитик с предисловием, заглавием и кратким оглавлением, написанное поздним почерком на бумаге второй четверти XVII в. (на л. I и 1 имеется водяной знак «Кувшинчик» — парные знаки одного типа (литеры G/RO внутри, детали и размеры не совпадают): *Дианова-«Кувшин»*, № 297, 1644 г.). Переплет XIX в. (доски в светлой коже с тиснением, застежки утрачены, на корешке золотое тиснение «264», «ДЕОНИСИЯ АРЕПОЙГТА»), бумага защитных листов переплета (русская голубая) имеет литеры «УФ» и «НКГ» и белую дату «[18]38». Бумага основного книжного блока (лл. 2—300) имеет водяные знаки одного типа «Три горы», парные, близкие знаку *Piccc.-XVI*, IV, № 1591—92 (оба из одной книги 1452 г.).

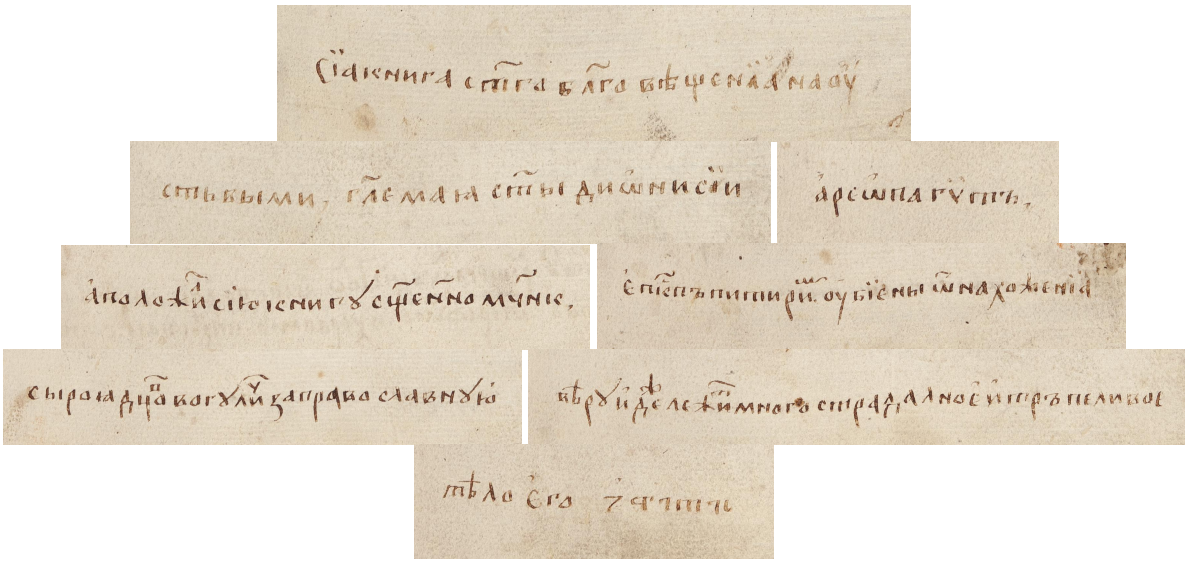


Рис. 14. ГИМ, Увар. 264-1°, л. 23—30

Содержание записи (см. рис. 14) следующее:

Увар. 264-1° (л. 23) Сїа книга с(вѧ)т(а)го Бл(а)говѣщенѧа [sic!] на Оу̑||(л. 24)стьвыми, гл(аго)лемаꙗ с(вѧ)ты Диѡнисїи || (л. 25) Ареѡпагѹ̑ть, || (л. 26) а̑ положил сїю книгꙋ с(вѧ)щенном(у)ч(е)н(и)к, ||

[29] Как один из ранних списков славянских Ареопагитик, рукопись *Увар. 264-1°* была учтена Г. М. Прохоровым, причем как один из двух самых ранних — наряду с РГБ, МДА 144 — русских списков, правда, в одном месте она датирована у него (без упоминания водяных знаков) первой половиной XV в. [Прохоров 1987: 49, 50, прим. 79], а в другом — также вместе с МДА 144 — уже приблизительно серединой XV в. [там же: 55]. Видимо, лишь первой датировке Г. М. Прохорова доверился В. В. Мильков, выбравший именно этот список для наборного издания славянского перевода Ареопагитик (также без ссылок на какое-либо исследование водяных знаков бумаги), и в этом издании *Увар. 264-1°* «датируется первой половиной XV столетия. Данная рукопись — древнейшая в группе собственно русских списков Ареопагитик» [Макаров и др. 2002: 83]. Опубликованный им совместно с А. А. Смирновой текст «лист в лист, столбец в столбец, строка в строку, с делением на слова пробелами» содержит и интересующую нас полистную запись, разбитую также по отдельным листам в виде сносок внизу страниц, но без каких-либо примечаний об отличиях в почерке и предположений о времени ее появления в книге [там же: 125, 127, 129, 131 и 133]. Более того, публикаторы воздержались от квалификации последнего слова этой записи как написанного древнепермскими буквами, воспроизведя его там же в сноске в перерисованном виде, причем неточно, без спиритуса над первой буквой: «Далее зашифрованное слово из пяти знаков — ⁊ᗡ⁊ᗰ⁊ι» [там же: 133, прим. 82].

(л. 27) ѐп(и)ск(о)пъ Питири*м*. оу҆бїены о*т* нахоженїа || (л. 28) сыроѧдцо*в* вогꙋли*ч* за православнꙋю҆ || (л. 29) вѣрꙋ ѝде*ж*(е) лежи*т* многострадалноѐ ѝ тръпеливое || (л. 30) тѣло ѐго [пермскими буквами] **ѝ гижис**

Транскрипция и перевод пермской приписки:
i gižis
‘И написал’.

Епископ Пермский Питирим, по данным множества письменных источников, действительно был убит вогулами. Это прежде всего сообщение нескольких летописей (Новгородской 4-й, Софийской 1-й и 2-й, Воскресенской, Архангелогородского летописца — Устюжского летописного свода): «Въ лѣто 6963 (1455) убіенъ отъ вогуличъ (гогуличъ) владыка пермскій Питиримъ» (формулировка, примерно сведенная И. А. Шляпкиным по нескольким летописным известиям) [Шляпкин 1894: 140—141]. Указанные летописные записи, а также сообщение позднее открытой Вычегодско-Вымской летописи [Доронин 1958: 261—262] дают лишь год убийства Питирима — 6963-й, однако И. А. Шляпкин без точных ссылок на источники приводит «общепринятую» дату — 19 августа (это день церковной памяти святого по Юлианскому календарю), тогда как в Житии Питирима указано 15 августа, в чем тот же И. А. Шляпкин сомневается, считая более достоверной первую дату [Шляпкин 1894: 141]. В любом случае август 6963 года пересчитывается в 1455 г. от Р. Х., и этой датировке не противоречит возраст бумаги (водяной знак, зафиксированный, правда единственный раз, в 1452 г.), на которой был написан текст Ареопагитик в рукописи *Увар. 264-1°*. Поскольку Питирим постоянно находился в разъездах, в том числе в Москве[30], книга могла быть привезена им в Усть-Вымь, а не написана на месте, но факт ее вклада в кафедральную Благовещенскую церковь Питиримом, где тот и был погребен после мученической кончины, вполне достоверно засвидетельствован полистной записью (известна она и исследователям творческого наследия Питирима, который сам был ученым книжником и церковным писателем, автором одной из редакций Жития митрополита Алексея Московского и служб на его память и обретение мощей [Буланин 1989: 194]).

Время внесения вкладной записи, сделанной, конечно, после смерти и погребения епископа Питирима, можно установить лишь по данным палеографии. Почерк основной, кириллической, части этой записи относится к кон. XV — нач. XVI в., поскольку в надстрочном написании используется уже «*в* квадратное», а грецизированных написаний букв «е», «з» и «л» уже нет[31]. Древнепермская приписка выполнена, похоже, более светлыми чернилами, а потому может принадлежать иному писцу. Поскольку же она не содержит цельнооформленного высказывания и явно не дописана, ничего более определенного о времени ее появления в конце вкладной записи сказать нельзя.

5. Лингвистическая характеристика древнепермских записей

Рассматриваемые в настоящей статье древнепермские записи с графической, фонетической, грамматической и лексической точки зрения в основном репрезентируют ту же самую языковую систему, которая представлена в других древнепермских текстах, наиболее полные результаты изучения которых представлены в известной монографии В. И. Лыткина [Лыткин 1952]. Тем не менее необходимо обратить внимание на некоторые важные особенности, которые в ранее изучавшихся текстах не обнаруживались или были засвидетельствованы недостаточно.

5.1. Графические особенности

Большой интерес представляет последовательное различение с помощью диакритики графической репрезентации согласных ᚱ *š* и ᚱ̈ *ś*, которая засвидетельствована в *Лих.* 360, лл. 6, 58, 59, 60. Ранее такой графический прием был известен главным образом по приписке Васюка Кылдасева (иначе Кылдашева) в Номоканоне 1510 г. и по очень редким случаям употребления в других текстах [Лыткин 1952: 26—27]. По-видимому, в новых записях имеется еще один случай аналогичного обозначения палатальности через диакритику в слове ᛏᛁᚢᛏ̈ *atiń Волок. 9*, л. 285 об., но в общем такое обозначение палатальности других согласных, кроме *ś*, для рассматриваемых памятников не является характерным; ср. повсеместное отсутствие диакритики над ᛏ при написании слова ᛏᛁᚦᚢᛏ *ńebęg Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лих. 360*, лл. 6, 58, 60.

[30] В 1447—48 г. Питирим находился в Москве на соборе, который избрал митрополитом Киевским и всея Руси Иону [Буланин 1989: 193]; в 1451/52 г. по дороге в Москву его захватил Дмитрий Шемяка и заточил в Великом Устюге, откуда Питирим был освобожден в следующем году Василием Темным, захватившим Устюг [Доронин 1958: 261].

[31] Благодарим за палеографическую консультацию Т. В. Анисимову.

5.2. Фонетические особенности

Древнепермская система гласных была сложнее, чем системы гласных, представленные в современных коми диалектах, и по существу совпадала с системой, реконструируемой для пракоми состояния [Лыткин 1952: 88—95]. Основное отличие древнепермской системы от современных коми-зырянской и коми-пермяцкой заключалось в наличии в ней противопоставления гласных среднего подъема *e*, *o* и средне-верхнего подъема *ę*, *ǫ*, которые в современных коми диалектах по большей части попарно совпали. При этом древнепермская графическая система была дефектной в части обозначения гласных. Фактически она позволяла последовательно записывать *e* и *ę* с помощью специальных букв ᚻ и ᚼ, из которых последняя, хотя и присутствует уже в наиболее старых из известных нам древнепермских текстов (которые, однако, все моложе времени создания письменности), по-видимому, в первоначальном варианте древнепермского алфавита отсутствовала и была добавлена позднее, явившись адаптацией кириллической буквы «ѣ». В изучаемых записях буква ᚼ встречается только при написании слова *vęža* ‘святой’ *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лих. 360*, лл. 6, 58. Что касается гласных *o* и *ǫ*, то употреблявшиеся для их обозначения буквы ᚢ и ᚨ были полифоничны. Буква ᚢ наряду с *o* могла обозначать гласный *ę* (или *ȯ*; в современных коми диалектах встречается как неогубленное, так реже и огубленное произношение этого гласного среднего ряда среднего подъема; древнепермская реализация остается под вопросом, но типологические соображения указывают скорее на то, что она была неогубленной). Буква ᚨ наряду с *ǫ* могла обозначать гласный *u*. В изучаемых записях нет ни одного слова, где ожидался бы гласный звук *ǫ*, поэтому примеры использования буквы ᚨ для передачи звука *ǫ* отсутствуют. Поскольку использование буквы ᚼ в слове *vęža* ‘святой’, которое всегда записывается в виде сокращения под титлом, могло быть традиционным, мы не можем быть уверенными, что во время написания текстов древнепермская система гласных еще не эволюционировала в современную коми-зырянскую.

Изученные записи представляют также интересные данные о произношении гласного среднего ряда среднего подъема, который в древнепермской графике обычно обозначался (наряду с гласным *o*) с помощью буквы ᚢ. Несмотря на отсутствие для него специальной буквы, в языковой системе XIV—XVI вв. этот звук не мог не присутствовать, так как все современные варианты коми языка его сохраняют. В современных коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках и большинстве их диалектов, кроме верхневычегодского и ижемского диалектов коми-зырянского языка, он произносится как неогубленный *ę*. В верхневычегодском и ижемском диалектах это огубленный *ȯ*, который, однако, сохраняется только в первом слоге, а в непервых слогах он превратился в *e*. Например, оба литературных языка и большинство диалектов имеют *śęlęm* ‘сердце’, *męręs* ‘грудь’, но в верхневычегодском и ижемском *śȯlem*, *mȯres*. Такому развитию, видимо, способствовало то, что пермские языки в общем демонстрируют тенденцию к избеганию огубленных гласных в непервых слогах [СКЯ 1955: 37—38; ГСУЯ 1962: 32—33], и это как будто свидетельствует о том, что лабиализация данного гласного в этих диалектах вторична. Однако В. И. Лыткин приводит аргументы в пользу того, что первоначально этот звук был лабиализованным [Лыткин 1957: 94—96]. Как бы то ни было, в двух случаях наши тексты демонстрируют ошибочное написание ᚻ *e* на месте ожидаемого ᚢ, что, несомненно, говорит о неогубленном произношении гласного, обозначаемого последней буквой: ᚴᛁᛗᚻᚢ *gižem* ‘написал’ *Егор. 326*, л. 359 об. вместо ᚴᛁᛗᚢᚢ *gižęm*; ᛋᚻᛏ *śed* ‘черный’ *Лих. 360*, л. 59 вместо ᛋᚢᛏ *śęd* (в составе лексикализованного сочетания *śęd verjaslu* ‘чернецам’, букв. ‘черным мужам’). Если бы буква ᚢ передавала огубленный гласный *ȯ*, такое смешение было бы невозможно.

5.3. Грамматические особенности

Поскольку текстовый объем рассматриваемых записей весьма невелик, в них встречается лишь несколько словоизменительных и словообразовательных морфологических элементов. Почти все они существуют в одинаковой форме как в древнепермском языке, так и в современных коми диалектах. Специфически древнепермский фонетический облик демонстрирует только показатель дательного падежа -ᛚᛚ *-lu* (ᛋᚻᛏ ᛚᚻᚹᛁᛋᛚᛚ *śęd verjaslu* ‘чернецам’ *Лих. 360*, л. 59), которому в современном коми-зырянском языке соответствует *-lȷ*, а в коми-пермяцком *-lę*.

Уникальный характер обнаруживает употребление в исследуемых текстах указательных местоимений. Основы *ta-* ‘этот’ и *sȷ-* ‘тот’ в современном коми языке употребляются главным образом при образовании косвенных падежей (*talęn* ‘этого’, *sȷlȷ* ‘тому’), а в самостоятельном виде только перед послелогами (*ta jȷlȷś* ‘об этом’, *sȷ dinȷn* ‘у того’). В функции определения или подлежащего используются не *ta* и *sȷ*, а расширенные формы *taję* и *siję* [СКЯ 1955: 199]. Точно такое же распределение обнаруживается и в ранее изученных В. И. Лыткиным древнепермских памятниках [Лыткин 1952: 142, 143, 144]. Однако в наших текстах именно *ta* и *sȷ*, а не *taję* и *siję* оказываются употребительными как присубстантивные

определения: *ta ńebęg* ‘эта книга’ *Лих. 360*, л. 58; *sị ńebęg* ‘та книга’ *Лих. 360*, л. 60. Кроме того, в качестве подлежащего несколько раз засвидетельствовано ранее не встречавшееся в древнепермских памятниках и чрезвычайно редкое в современных коми диалектах (только в удорском [ССКЗД 1961: 369; Сорвачева, Безносикова 1990: 107]) местоименное слово *ata* ‘вот, вот это’: *ata ńebęg ezzdra* ‘Вот это книга Ездра’ *Волок. 11*, л. 271 об. и др.

5.4. Лексические особенности

Помимо вышерассмотренного слова *ata* ‘вот, вот здесь’ *Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Лих. 360*, л. 6, опубликованные записи включают следующие незасвидетельствованные ранее в древнепермских текстах слова и лексикализованные словосочетания: *velędiś* ‘учитель’ *Лих. 360*, л. 59; *lęśịd* ‘подходящий, благой’ в лексикализованном сочетании *pịr lęśịd Лих. 360*, л. 6 или *pịr lęśịda Лих. 360*, л. 58 ‘приснoблагий’; *śęd* ‘черный’ в лексикализованном сочетании *śęd ver Лих. 360*, л. 59 ‘чернец’; *śir-musa* ‘сириец’ *Лих. 360*, л. 6; *Лих. 360*, л. 59. Кроме того, впервые засвидетельствовано несколько собственных имен и названий библейских книг. Ниже приводится полный указатель слов, представленных во всех записях.

INDEX VERBORUM

aj отец:
 ajnịm отец наш *Лих. 360*, л. 58
amiń аминь *Волок. 9*, л. 285 об.
ata вот это *Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Лих. 360*, л. 6
ezzdra Ездра (одна из книг Библии) *Волок. 11*, л. 271 об.
gavril Гавриил (имя собств.):
 gavrillẹn Гавриила (род. пад.) *Лих. 360*, л. 60
giž- писать:
 gižẹm написал (очевидное прошедшее время) *Волок. 9*, л. 285 об.; *Егор. 326*, л. 359 об.
 gižis написал (неочевидное прошедшее время) *Увар. 264-1°*, л. 30
grigorij Григорий (имя собств.) *Егор. 326*, л. 359 об.
i и (союз) *Увар. 264-1°*, л. 30
isakij Исакий (имя собств.) *Лих. 360*, лл. 6, 59
kịldaś Кылдась (прозвище), дьякон *Лих. 360*, л. 60
kịlzị- слушать:
 kịlzị слушай *Егор. 326*, л. 162
luka Лука (имя собств.) *Лих. 360*, л. 60
ńebęg книга *Волок. 9*, л. 285 об.; *Волок. 11*, л. 271 об.; *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лих. 360*, лл. 6, 58, 60
paral'ipomenon Паралипоменон (одна из книг Библии) *Волок. 9*, л. 285 об.
pi сын *Лих. 360*, л. 60
pịr-lęśịd приснoблагий *Лих. 360*, л. 6
pịr-lęśịda приснoблагий *Лих. 360*, л. 58
śed ver чернец:
 śed verjaslu чернецам (дат. пад. мн. ч.) *Лих. 360*, л. 59
sị тот *Лих. 360*, л. 60
śir-mu Сирия:
 śir-musa сириец *Лих. 360*, л. 6; *Лих. 360*, л. 59
ta этот *Лих. 360*, л. 58
velęd- учить, обучать:
 velędiś учитель *Лих. 360*, л. 59
vẹža святой *Егор. 326*, л. 359 об.; *Лих. 360*, лл. 6, 58

* * *

В заключение необходимо признать, что хотя собственно лингвистическое значение впервые опубликованных в настоящей статье находок древнепермского языка и письма XV века для истории пермских языков и диалектов не столь велико, они тем не менее ощутимо пополняют скудный корпус древнепермской письменности, известной по старшим памятникам. Если надпись на иконе Зырянской Троицы

содержит 144 словоформы, а на утраченной к настоящему времени иконе Сошествия Св. Духа было зафиксировано 50 словоформ, то записи на книгах (не считая пермских азбук с простым перечислением букв и их названий) куда лаконичнее: приписка Гавриила на книге с сочинениями Григория Синаита (основная ее часть, читаемая на последней странице кодекса) состоит из 18 словоформ (в записи на доске переплета насчитывается еще около семи, но этот источник требует перепроверки), приписка Васюка Кылдасева в Уваровской кормчей 1510 г. содержит 12 словоформ. К 1980 г. В. И. Лыткин подсчитал, что «памятники древнего коми языка, написанные стефановской азбукой, составляют в общей сложности 236 слов связного текста» [Лыткин 1980: 15] (количество словоформ может разниться из-за проблемы их выделения в тексте, а также из-за плохой сохранности некоторых мест). В четырех опубликованных нами древнепермских приписках содержится в общей сложности 37 словоформ, то есть больше, чем было известно ранее из двух книжных памятников (третьим считается «подпись епископа Филофея», но, кроме его имени, она не расшифрована ввиду сильной порчи в результате неумелого копирования). При общей скудости письменных памятников древнепермского языка, дошедших до нас с конца XIV до начала XVI в., 37 новых словоформ, среди которых выявлено и несколько ранее неизвестных для этого периода лексем, — это не столь уж и мало и достойно в дальнейшем включения в обзоры по истории литературы и языка коми. Учитывая, что Öньö Лав называет древнепермский период «сакральным временем» в истории литературных языков коми, которое декларируется в качестве «исток[а] культурно-письменного развития коми нации, ибо память о стефановых письменах для современных коми-пермяков не менее значима, чем для зырянских коми» [Степанов 2009: 263—264], вводимые в научный оборот настоящей публикацией памятники древнепермской письменности имеют еще и немаловажное историко-культурное значение: они демонстрируют включение древнепермских книжников, сохранявших на протяжении всего XV столетия традиции свт. Стефана Пермского, в деятельность профессиональных восточнославянских скрипториев, в процессе которой не только происходила трансмиссия рукописных текстов церковнославянской традиции, в том числе недавно занесенных на Русь в результате «второго южнославянского влияния», но и случалась спорадическая манифестация своего языкового самосознания — в тех самых приписках на древнепермском языке, пусть и не входящих в основной текст, но служащих знаком особой, иноязычной и иографичной, струи внутри этой самой традиции.

Применительно к истории церковнославянской книжности на Руси XV века — в Новгороде и в Великом княжестве Московском — обнаруженные памятники древнепермского языка свидетельствуют, во-первых, о появлении интереса восточнославянских книжников к «туземным» языкам, не входившим в число основных языков культуры Средневековья (таковым для ареала Slavia Orthodoxa был прежде всего литературный греческий, в гораздо меньшей степени — латынь и совсем на периферии — древнееврейский). В ту же эпоху в древнерусской книжности появляются первые собственно иноязычные словари-разговорники, не связанные с нуждами толкования канонических текстов (чему были посвящены традиционные лексиконы, содержащие в основном библейские имена собственные и объяснения заимствованных слов в составе этих самых текстов, прежде всего также библейских): это словарики «Грецкий язык» и «Се татарский язык», «Речь тонкословия греческого» и «Толкование языка половецкого» (под греческим тут имелся в виду уже не книжно-литературный язык канонических памятников письменности, а разговорный) [Алексеев 1968: 18—30; Ковтун 2001], а также тематические перечни слов, включавшие лексику, например, уже из арабского языка Восточного Средиземноморья (названия месяцев в календарном трактате «О месяцех книжных» [Грищенко 2018а: 213—214]), или маргинальные и текстовые глоссы Правленого славяно-русского Пятикнижия, заимствованные из старозападнокипчакского таргума [Грищенко 2018б: 85—112]. Наконец, в 80-е — 90-е гг. XV в. в новгородском переводческом кружке архиепископа Геннадия (Гонзова) велась большая работа по переводам с латинского и средневерхненемецкого, пусть и канонических памятников (библейских книг и комментариев на них), — и в этом самом кружке мы находим некоего писца Кузьмицу Златоустского, который, судя по прозвищу, был клириком церкви свт. Иоанна Златоуста, что над вратами новгородского Владычнего двора, и оставил записи на древнепермском языке на тетрадях с переводами из Вульгаты. Был ли сам Кузьмица носителем этого языка, уже не столь важно: важно, что ему было необходимо оставить эти лаконичные записи, не содержащие никакой тайной информации, именно по-древнепермски, причем абуром.

И это второе существенное замечание о роли древнепермского языка и письма в истории восточнославянской книжности: владение этим «экзотическим» по средневековым меркам, пусть и на далекой северо-восточной окраине Европы, языком и его необычной графикой, разработанной изначально специально для него, по-видимому, было знаком принадлежности к особой интеллектуальной прослойке русских книжников — в том числе тех, кто активно использовал абур в качестве тайнописи, зашифровывая им русские и церковнославянские слова и фразы. Ранее считалось, что основными носителями культуры древнепермской тайнописи были так называемые жидовствующие (точнее, «жидовская

мудрствующие») — представители некоего интеллектуального течения, которые в итоге были обвинены в ереси и физически уничтожены: все маргинальные глоссы, записанные ими абуром, но по-славянски, даже специально издавались А. И. Клибановым как образцы их «литературы» [Казакова, Лурье 1955: 280—299]. Впрочем, решительно ничего еретического в этих глоссах найти невозможно, и теперь обнаруживается, что тем же абуром пользовались как будто бы идейные противники «жидовствующих» — участники кружка архиепископа Геннадия, известного своими сочинениями против «еретиков»; более того, тетради с записями абуром были посланы из Новгорода на Волок другому ярому противнику «жидовствующих» — волоцкому игумену Иосифу. За пределами настоящей статьи находятся и иные примеры использования абура, правда уже лишь в качестве тайнописи, в том же Геннадиевском кружке. Новых случаев применения древнепермской графики в XV — нач. XVI в. также накопилось довольно много, и все они будут рассмотрены в нашей последующей публикации, специально посвященной освоению восточнославянскими книжниками древнепермского языка и письма.

Литература

Алексеев 1968 — *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968. {*Alekseev M. P.* Dictionaries of foreign languages in a Russian abecedary of the17th century. Leningrad, 1968.}

Артеев 2007 — *Артеев А.* Стоявшие у истоков древней коми культуры // Молодежь Севера. № 27 (7306). 5 июля 2007 г. {*Arteev A.* Those who stood at the origins of the ancient Komi culture // The Youth of the Nord. No. 27 (7306). 2007, July 5.}

АСЭИ, т. III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. Т. III / Сост. И. А. Голубцов. М., 1964. {The Acts of the socio-economic history of North-Eastern Russia of the late 14th—the early 16th centuries / Ed. by L. V. Cherepnin and I. A. Golubtsov. Vol. III. Moscow, 1964.}

Беляков и др. 2013 — *Беляков О. В.*, *Жучкова И. Л.*, *Морозов Б. Н.*, *Мошкова Л. В.* Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Под ред. Л. В. Мошковой. Вып. 2: Лествица — Пчела. М., 2013. {*Belyakov O. V.*, *Zhuchkova I. L.*, *Morozov B. N.*, *Moshkova L. V.* A Catalogue of the Slavonic-Russian manuscript books of the 16th century, which are stored in the Russian State Archive of Ancient Acts / Ed. by L. V. Moshkova. Iss. 2. Moscow, 2013.}

Бобров 1985 — *Бобров А. Г.* Из истории книгописания Лисицкого новгородского монастыря в конце XIV — начале XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Научн. ред. Г. П. Енин. Л., 1985. С. 10—16. {*Bobrov A. G.* From the history of book writing of the Lisitsky Novgorod monastery at the late 14th—the early 16th century // The Research of written culture monuments in the collections and archives of the Manuscripts and Rare Books Department / Ed. by G. P. Yenin. Leningrad, 1985. P. 10—16.}

Бриллиантов 1899 — *Бриллиантов И.* [*И.*] Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания 1398—1898. С приложением очерка «Патриарх Никон в заточении на Белеозере». СПб., 1899. {*Brilliantov I. I.* Ferapontov Belozersky now abolished monastery, the place of imprisonment of Patriarch Nikon. To the 500th anniversary of its foundation, 1398—1898. With the attached essay “Patriarch Nikon imprisoned at Beloozero”. St. Petersburg, 1899.}

Буланин 1989 — *Буланин Д. М.* Питирим // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 2 (втор. пол. XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я. Л., 1989. С. 193—195. {*Bulanin D. M.* Pitirim // A Dictionary of bookmen and bookishness of Old Rus’ / Ed. by D. S. Likhachev. Iss. 2. Part 2. Leningrad, 1989. P. 193—195.}

Гранстрем, Тихомиров 2007 — *Гранстрем Е. Э.*, *Тихомиров Н. Б.* Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности (подгот. текста, дополнения А. А. Турилова) // Вестник церковной истории. 2007. № 1 (5). С. 134—197. {*Granström Ye. E.*, *Tikhomirov N. B.* Works by St. Isaac the Syrian in the Slavonic-Russian writings (ed. by A. A. Turilov) // Bulletin of Church History. 2007. No. 1 (5). P. 134—197.}

Грищенко 2018а — *Грищенко А. И.* Названия еврейских месяцев в средневековой славяно-русской книжности: переводы с греческого и непосредственные заимствования из семитских источников {*Grishchenko A. I.* The Names of the Hebrew months in the medieval Slavonic-Russian literature: Translations from Greek and direct loanwords from Semitic sources} // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jg. LXIII (2018), Heft 2. S. 189–214.

Грищенко 2018б — *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018. {*Grishchenko A. I.* The Edited Slavonic-Russian Pentateuch from the fifteenth century: The Preliminary results of the linguistic and textological study. Moscow, 2018.}

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск, 1962. {A Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology / Ed. by P. N. Perevoshchikov. Izhevsk, 1962.}

Дианова 1989 — *Дианова Т. В.* Филигрань «Кувшин» XVII в. М., 1989. {*Dianova T. V.* The Watermark ‘Jar’ from the 17th century. Moscow, 1989.}

Доронин 1958 — *Доронин П.* [*Г.*] Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257—271. {*Doronin P. G.* The Documents on the Komi history: Vychegda-Vym’ (Misailo-Evtikhievskaya) chronicle // Historical and philological collection of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences. Iss. 4. Syktyvkar, 1958. P. 257—271.}

Иосиф 1882 — *Иосиф*, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. {*Hieromonk Joseph*. An inventory of the manuscripts transferred from the library of the Joseph Monastery to the library of the Moscow Theological Academy. Moscow, 1882.}

Казакова, Лурье 1955 — *Казакова Н. А.*, *Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955. {*Kazakova N. A.*, *Lourié Ya. S.* Antifeudal heretical movements in Russia in the 14th—the early 16th centuries. Moscow; Leningrad, 1955.}

Каталог 2017—2021 — *Анисимова Т. В*. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е. Е. Егорова / Под ред. Ю. С. Белянкина. Т. I—III—. М., 2017—2021. {*Anisimova T. V.* Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E. E. Egorov / Ed. by Yu. S. Belyankin. Vols. I—III—. Moscow, 2017—2021.}

Ковтун 2001 — *Ковтун Л. С.* Древний период (X—XVII вв.). Языкознание у восточных славян в X—XV вв. // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2001. С. 23—49. {*Kovtun L. S.* The Old period (the 10th—17th centuries). Linguistics among the Eastern Slavs in the 10th—15th centuries // The History of Russian lexicography / Ed. by F. P. Sorokoletov. St. Petersburg, 2001. P. 23—49.}

Круглов 2017 — *Круглов А. К.* К вопросу о типологии русского переплета: переплет «в затылок» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXIX Междунар. научн. конф. М., 2017. С. 202—205. {*Kruglov A. K.* Towards the typology of Russian binding: a binding *v zatylok* // Auxiliary historical disciplines in the modern academic knowledge: Proceedings of the 29th International conference. Moscow, 2017. P. 202—205.}

Леонид 1893 — *Леонид* (*Кавелин*), *архим*. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова (с включением 750 №№ собрания И. Н. Царского, описанных П. М. Строевым в алфавитном порядке). Ч. I. М., 1893. {*Archimandrite Leonidas Kavelin*. A systematic description of the Slavonic-Russian manuscripts from the collection of Count A. S. Uvarov. Part I. Moscow, 1893.}

Литвина, Успенский 2006 — *Литвина А. Ф.*, *Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. {*Litvina A. F.*, *Uspenskij F. B.* The choice of a name among Russian princes in the 10th—16th centuries: a dynastic history through the prism of anthroponymy. Moscow, 2006.}

Лихачев 1899 — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I—III. СПб., 1899. {*Likhachev N. P.* A Paleographic significance of paper watermarks. Parts I—III. St. Petersburg, 1899.}

Лыткин 1952 — *Лыткин В. И.* Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1952. {*Lytkin V. I.* The Old Permian language. The Reading of texts, grammar, and dictionary / Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, 1952.}

Лыткин 1957 — *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957. {*Lytkin V. I.* The Historical grammar of the Komi language. Part I. Introduction. Phonetics. Syktyvkar, 1957.}

Лыткин 1980 — *Лыткин В. И.* Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2 / Отв. ред. А. Е. Ванеев, В. И. Мартынов. Сыктывкар, 1980. С. 10—21. {*Lytkin V. I.* The Old monuments of the Komi writings // A History of the Komi Literature. Vol. 2 / Ed. by A. E. Vaneev and V. I. Martynov. Syktyvkar, 1980. P. 10—21.}

Макарий, Печников 2005 — *архим. Макарий* (*Веретенников*), *Печников М. В.* Геннадий (Гонзов). Последние годы жизни // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 595—597. {*Archimandrite Macarius Veretennikov*, *Pechnikov M. V.* Gennady Gonzov. The last years of his life // Orthodox encyclopedia. Vol. X. Moscow, 2005. P. 595—597.}

Макаров и др. 2002 — *Макаров А. И.*, *Мильков В. В.*, *Смирнова А. А.* Древнерусские Ареопагитики (= Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. III (1)). М., 2002. {*Makarov A. I.*, *Milkov V. V.*, *Smirnova A. A.* The Old Russian *Corpus Areopagiticum*. Moscow, 2002.}

Морозов 2007 — *Морозов Б. Н.* Новые памятники древней коми письменности конца XV — начала XVI в. // Музеи и краеведение: Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 6. Сыктывкар, 2007. С. 176—181. {*Morozov B. N.* The New monuments of Old Komi writings of the late 15th—the early 16th centuries // Museums and Local History: Proceedings of the National Museum of the Komi Republic. Iss. 6. Syktyvkar, 2007. P. 176—181.}

Морозов 2013 — *Морозов Б. Н.* Устьвымский книгописный центр. Новые памятники древней коми письменности конца XV — начала XVI вв. // Арт. 2013. № 3. С. 4—16. {*Morozov B. N.* The Ust-Vym book writing center. New monuments of Old Komi writings of the late 15th—the early 16th centuries // Art. 2013. No. 3. P. 4—16.}

Морозов, Симонов 2008 — *Морозов Б. Н.*, *Симонов Р. А.* Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 1—21. {*Morozov B. N.*, *Simonov R. A.* On the discovery of the 14th century number notations by St. Stephan of Perm // Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki (= Studies in the history of science and technology). 2008. No. 1. P. 1—21.}

ОКЗР 1971 — Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971. {The Samples of the Komi-Zyryan speech. Syktyvkar, 1971.}

Описание рукописей Соловецкого монастыря 1898 — Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. III. Отд. I. Казань, 1898. {A Description of the manuscripts of the Solovetsky Monastery, which are in the library of the Kazan Theological Academy. Part III. Dept. I. Kazan, 1898.}

Прохоров 1987 — *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. {*Prokhorov G. M.* The Monuments of the translated and Russian literature of the 14th—15th centuries. Leningrad, 1987.}

ПСРЛ, т. VI.2 — Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. {A Complete collection of the Russian chronicles. Vol. VI. Iss. 2. Sofia Second Chronicle. Moscow, 2001.}

Рогачев 1996 — *Рогачев М. Б.* Епископ Филофей Пермский // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. I. Пленарные доклады. История. Сыктывкар, 1996. С. 215—219. {*Rogachev M. B.* Bishop Philotheus of Perm // Christianization of the Komi region and its role in the development of statehood and culture. Vol. I. Syktyvkar, 1996. P. 215—219.}

Розов 1981 — *Розов Н. Н.* Книга в России в XV веке. Л., 1981. {*Rozov N. N.* A Book in Russia in the 15th century. Leningrad, 1981.}

Ромодановская 2000 — *Ромодановская В. А.* Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. 1. Рукописи XV — первой трети XVI в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 6—28. {*Romodanovskaya V. A.* The Distribution of the Gennady Bible parts translated from Latin. 1. Manuscripts of the 15th—the first third of the 16th century // The Sources on the Russian history and literature: The Middle Ages and the New Time. Novosibirsk, 2000. P. 6—28.}

Ромодановская 2001 — *Ромодановская В. А.* О целях создания Геннадиевской Библии как первого полного русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 278—305. {*Romodanovskaya V. A.* On the aims of the Gennady Bible creation as the first full Russian biblical codex // The Book Centers of Old Rus'. North-Russian monasteries. St. Petersburg, 2001. P. 278—305.}

Рыбалка 2018 — *Рыбалка А.* [*А.*] XIII класса Сулакадзев: источниковедческое историческое исследование. М.; Екатеринбург, 2018. {*Rybalka A. A.* Sulakadzev of the 13th grade. A Source study historical research. Moscow; Ekaterinburg, 2018.}

Рыков 1982 — *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 43 / Отв. ред. Т. М. Макогонова. М., 1982. С. 85—105. {*Rykov Yu. D.* New acts of the Spaso-Prilutsky monastery of the 15th century // Notes of the Department of Manuscripts. Iss. 43 / Ed. by T. M. Makogonov. Moscow, 1982. P. 85—105.}

Савельева 2019а — *Савельева Н. В.* Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54—63. {*Savelyeva N. V.* Unknown samples of lexicographical legacy in *Tsvetnik* by Prokhor Kolomnyatin // Russkaya literatura. Historical and literary studies. 2019. No. 3. P. 54—63.}

Савельева 2019б — *Савельева Н. В.* Неизвестные словари-разговорники в древнерусском сборнике XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. мат-лов X Междунар. научн. конференции (9—13 сент. 2019 г., Москва, Россия) / Отв. ред. Е. Л. Конявская. М., 2019. С. 172—173. {*Savelyeva N. V.* Unknown phrasebooks in the Old Russian miscellany from the 17th century // The integrated approach to the Old Russia studies: Proceedings of the 10th international conference (2019, Sept. 9—13, Moscow, Russia) / Ed. by E. L. Konyavskaya. Moscow, 2019. P. 172—173.}

Савельева и др. 2021 — *Савельева Н.*, *Муллонен И.*, *Федюнева Г.* Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года {*Saveleva N.*, *Mullonen I.*, *Fedyuneva G.* Karelian-Russian and Komi-Zyrian-Russian dictionaries in a hand-written volume dated 1668} // Linguistica Uralica. 2021. Vol. 57. Iss. 4. С. 250—276.

СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—12—. М., 1988—2019—. {A Dictionary of the Old Russian language (11th—14th centuries). Vols. 1—12—. Moscow, 1988—2019—.}

Сидоров 1962 — *Сидоров А. С.* Новые памятники древнекоми письменности (с комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В. И. Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию Д. В. Бубриха. М.; Л., 1962. С. 178—182. {*Sidorov A. S.* The new monuments of the Old Komi writings (with comments, footnotes, and conclusion by V. I. Lytkin) // Issues of Finno-Ugric Linguistics: To the 70th anniversary of D. V. Bubrikh. Moscow; Leningrad, 1962. P. 178—182.}

Сизова 2010 — *Сизова Е. А.* Память о преподобном Мартиниане Белозерском. М., 2010. {*Sizova E. A.* The Memory of the Monk Martinianus Belozersky. Moscow, 2010.}

СКЯ 1955 — Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1955. {The contemporary Komi language. Part I. Phonetics, vocabulary, morphology / Ed. by V. I. Lytkin. Syktyvkar, 1955.}

СлРЯ XI—XVII в. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—30—. М., 1975—2015—. {A Dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries. Iss. 1—30—. Moscow, 1975—2015—.}

Сорвачева 1978 — *Сорвачева В. А.* Нижневычегодский диалект коми языка. М., 1978. {*Sorvacheva V. A.* The Lower Vychegda dialect of the Komi language. Moscow, 1978.}

Сорвачева, Безносикова 1990 — *Сорвачева В. А.*, *Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990. {*Sorvacheva V. A.*, *Beznosikova L. M.* The Udora dialect of the Komi language. Moscow, 1990.}

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. {The comparative dictionary of the Komi-Zyryan dialects. Syktyvkar, 1961.}

Степанов 2009 — *Степанов* (*Öньö Лав*) *В. А.* Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашского университета. № 3. 2009. С. 262—267. {*Stepanov* (*Enye Lav*) *V. A.* An approach to periodization of the early epoch in the history of the Komi-Permyak standard language // Vestnik Chuvashskogo Universiteta (Bulletin of the Chuvash University). No. 3. 2009. P. 262—267.}

Строев 1848 — *Строев П.* [*М.*] Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. {*Stroyev P. M.* The Slavic and Russian manuscripts belonging to Ivan Tsarsky. Moscow, 1848.}

Строев 1877 — *Строев П.* [*М.*] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. {*Stroyev P. M.* The Lists of hierarchs and abbots of the monasteries of the Russian Church. St. Petersburg, 1877.}

Тиганова и др. 1972 — *Тиганова Л. В.*, *Тихомиров Н. Б.*, *Неволин Ю. А.* Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. Фонд № 113, т. 2 (№№ 1—237). Дополнительная опись к печатному описанию иером. Иосифа… / Гос. биб-ка СССР им. В. И. Ленина; Отдел рукописей. М., 1972 [машинопись, хранящаяся в Отделе рукописей РГБ]. {*Tiganova L. V.*, *Tikhomirov N. B.*, *Nevolin Yu. A.* The collection of the Joseph-Volokolamsk monastery. Fund No. 113, Vol. 2. Moscow, 1972 [this is a typescript stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library].}

Усачев 2018 — *Усачев А. С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.—СПб., 2018. {*Usachev A. S.* The Book writing in Russia of the 16th century: Based on the materials of dated output records. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg, 2018.}

Успенский 2004 — *Успенский Ф. Б.* Словарь Н. М. Тупикова и принципы имянаречения в Древней Руси // *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В. М. Воробьева. М., 2004. С. 881—891. {*Uspenskij F. B.* The Dictionary by N. M. Tupikov and the principles of naming in Old Rus' // *Tupikov N. M.* The Dictionary of Old Russian personal names / Ed. by V. M. Vorobyov. Moscow, 2004. P. 881—891.}

Федотова 1996 — *Федотова* [*М.*] *С.* Ранняя русская рукописная традиция Постнических слов Исаака Сирина (14 — начала 16 в.) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Сыктывкар, 1996. С. 292—296. {*Fedotova M. S.* The Early Russian manuscript tradition of the Ascetic Words by Isaac the Syrian (the 14th—the early 16th centuries) // Christianization of the Komi region and its role in the development of statehood and culture. Vol. II. Syktyvkar, 1996. P. 292—296.}

Федотова 2001 — *Федотова М. С.* К вопросу о славянском переводе постнических слов Исаака Сирина (по рукописям XIV — начала XVI вв. петербургских собраний) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 52. СПб., 2001. С. 498—511. {*Fedotova M. S.* On Slavonic translation of Ascetic Sermons by Isaac Syrus (MSS of the 14th through the beginning of the 16th centuries from St. Petersburg collections) // Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. 52. St. Petersburg, 2001. P. 498—511.}

Шварц 1989 — *Шварц Е. М.* Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.—Л., 1989. {*Schwarz E. M.* The Novgorodian manuscripts of the 15th century: A codicological study of the manuscripts of the Sofia-Novgorodian collection of the State Public Library. Moscow; Leningrad, 1989.}

Шевченко 1991 — *Шевченко Е. Э.* Жития Ферапонта и Мартиниана Белозерских // Ферапонтовский сборник. Вып. 3 / Сост., предисл. Г. И. Вздорнов; Отв. за выпуск С. В. Ямщиков. М., 1991. С. 359—400. {*Shevchenko E. E.* The Lives of Therapont and Martinian of White Lake // Ferapontovsky collection. Iss. 3 / Ed. by G. I. Vzdornov and S. V. Yamshchikov. Moscow, 1991. P. 359—400.}

Шевченко 1994 — *Шевченко Е. Э.* Преподобные Ферапонт и Мартиниан Белозерские // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г. М. Прохоровым, Е. Г. Водолазкиным и Е. Э. Шевченко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1994. С. 189—197. {*Shevchenko E. E.* Saints Therapont and Martinian of White Lake // Saints Cyril, Therapont, and Martinian of White Lake / Ed. by. G. M. Prokhorov, E. G. Vodolazkin, and E. E. Shevchenko. 2nd ed. St. Petersburg, 1994. P. 189—197.}

Шестаков 1868 — *Шестаков П.* [*Д.*] Св. Стефан, первосвятитель Пермский // Ученые записки Казанского университета. 1868. Т. IV. С. 21—110 (также отдельный оттиск со своей пагинацией: Казань, 1868). {*Shestakov P. D.* St. Stephen the first Bishop of Perm. Kazan, 1868. Vol. IV. P. 21—110.}

Шляпкин 1894 — *Шляпкин А.* [*И.*] Св. Питирим, епископ Пермский // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXCII. 1894, март. Отд. наук. С. 135—145. {*Shlyapkin A. I.* St. Pitirim the Bishop of Perm // Journal of the Ministry of Public Education. Part CCXCII. 1894. P. 135—145.}

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1—41—. М., 1974—2018—. {The Etymological dictionary of the Slavic Languages. Iss. 1—41—. Moscow, 1974—2018—.}

Янин 1976 — *Янин В. Л.* «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь / Под ред. Г. К. Вагнера, Д. С. Лихачева, П. А. Раппопорта. М., 1976. С. 108—117. {*Yanin V. L.* The *Seven-cathedral Inventory* of Novgorod // Medieval Russia / Ed. by G. K. Wagner, D. S. Likhachev, P. A. Rappoport. Moscow, 1976. P. 108—117.}

Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου 2012 — *Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου.* Λόγοι ἀσκητικοί / Κριτικὴ ἔκδοσι Μ. Πιράρ. Ἱερὰ Μονὴ Ἰβήρων, Ἅγιον Ὄρος, 2012. {*Abba Isaac the Syrian*. Ascetic Homilies. Critical edition by M. Pirard. Iviron, 2012.}

Briquet 1907 — *Briquet Ch.-M.* Les filigranes : dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.

Čtyřicet homilií 2005—2006 — Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu / K vyd. připravil V. Konzal. Díly 1—2. Praha, 2005—2006.

Heawood 1950 — *Heawood E.* Watermarks, mainly of the 17th and 18th centuries (= Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia. Vol. I). Hilversum, 1950.

Piccard 1966 — *Piccard G.* Die Ochsenkopf Wasserzeichen (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. II). Stuttgart, 1966.

Piccard 1977 — *Piccard G.* Wasserzeichen Buchstabe P (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. IV). Stuttgart, 1977.

Piccard 1983 — *Piccard G.* Wasserzeichen Frucht (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. XIV). Stuttgart, 1983.

Piccard 1996 — *Piccard G.* Wasserzeichen Dreiberg (= Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Find. XVI). Stuttgart, 1996.

ŘSI — Řecko-staroslověnský index. T. I—. Praha, 2014—.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. 1—4. Praha, 1966—1997.

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-35-48

Ю. Н. Квашнин

Балок и палатка — новые жилища на окраинах ненецкой ойкумены

Квашнин Юрий Николаевич, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН; ukwa@yandex.ru

В статье исследованы процессы адаптации ненцев к новым типам жилищ на крайнем востоке (в междуречье Таза и Енисея) и крайнем западе (в Канинской тундре) их расселения в XX — начале XXI в. Проанализированы проблемы, с которыми сталкивались хозяйственные работники в 1930—1980-е гг., пытаясь на замену традиционному чуму внедрить в повседневную жизнь северных кочевников искусственно сконструированные палатки, кибитки, вагончики. Показаны процессы непростого, но естественного перехода тазовско-енисейских ненцев из чумов в балки долганского типа, а канинских ненцев в палатки, сконструированные коми-ижемцами. Основным выводом исследования является то, что только консервативное мышление долгое время не позволяло ненцам менять что-либо в своём жизненном укладе, в том числе типы жилища.

Ключевые слова: ненцы, Канинская тундра, Таз, Енисей, чум, юрта, балок, палатка, адаптация

BALOK AND TENT — NEW DWELLINGS ON THE OUTSKIRTS OF THE NENETS OECUMENE

Yuri N. Kvashnin, Institute of the Problems of Northern Development,
Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; ukwa@yandex.ru;

The article examines the processes of adaptation of the Nenets to new types of dwellings in the extreme east (in the interfluve of the Taz and Yenisei rivers) and the extreme west (in the Kanin tundra) of their territory in the XX — early XXI centuries. The article analyzes the problems faced by economic workers in the 1930—1980s, trying to replace the traditional yurts by introducing artificially designed tents, wagons, and trailers into the everyday life of northern nomads. The processes of a difficult, but natural transition of the Taz-Yenisei Nenets from the yurts to the Dolgan-type gullies, and the Kanin Nenets into tents designed by the Komi-Izhemtsy are shown.

The transition of the Yenisei Nenets to the gullies might not have taken place if not for the construction of collective farms in the North in the 1930s. The Dolgans were the only nomads who lived in the gullies for almost a century before the establishment of Soviet power. None of the peoples who roamed at that time in the immediate vicinity of them replaced the traditional chums with beams. Only the attempts of Soviet workers to voluntarily improve the nomadic life of reindeer herders made this change possible. Gullies proved to be the most acceptable type of housing to replace the yurts.

The transformation of the life of the Nenets of the Kanin tundra began in the 1960s—1980s. The Komi-Izhemtsy became the innovators who radically changed the life of the Kanin reindeer breeders. A tent built in the early 1960s by the late 1980s gradually replaced the yurt. The Nenets resisted this innovation for a long time and gave up only because they saw an important advantage of the tent — the absence of the need to slaughter a large number of reindeer and to engage in labor-intensive manufacturing of skins for tires.

The main conclusion of the study is that it is only the conservative thinking that for a long time did not allow the Nenets to change anything in their way of life, including the types of dwellings.

Keywords: Nenets, Kanin tundra, Taz, Yenisei, chum, yurt, balok, tent, adaptation

Введение

Жилище является одним из важнейших элементов культуры любого народа. У народов Севера и Сибири жилища были разнообразными по типу, форме, материалам изготовления. Большое влияние на конструирование форм жилых построек оказывали географические и природно-климатические условия, приспосабливаясь к которым люди строили полуземлянки, чумы, яранги, балаганы, юрты и др. Межэтническое взаимодействие с соседними коренными и пришлыми народами нередко приводило к изменению типов кочевых жилищ или замене их на срубные постройки при переходе на оседлость.

Рассмотрению жилищ народов Севера и Сибири посвящено большое количество научных статей и монографий, а также разделов в общих этнографических описаниях конкретных этносов или регионов. Перечислить их в данной статье не представляется возможным. Можно отметить несколько капитальных трудов, где даны общая типология и классификация жилищ. Это коллективные монографии «Народы Сибири» 1956 г. и «Историко-этнографический атлас Сибири» 1961 г. (обе под редакцией М. Г. Левина, Л. П. Потапова), а также монография «Жилище народов Сибири (опыт типологии)» 1998 г., написанная З. П. Соколовой. Изложенные в этих работах сведения позволяют проследить историческое развитие традиционных жилых построек народов Севера и Сибири, выделить общие и особенные черты. Сравнения с данными узконаправленных этнографических работ и полевых исследований позволяют увидеть изменения типов и форм жилищ у разных народов, выявить причины их перехода из чума или юрты в палатку или срубный дом. Главный вывод исследователей о жилище народов Севера и Сибири можно сформулировать словами А. А. Попова: «Народы Сибири создали жилище, которое, несмотря на относительную примитивность, показывает умение этих народов хорошо приспосабливаться к суровым северным условиям» [Левин, Потапов 1961: 131].

Одним из самых распространённых типов жилища на Севере и в Сибири была конусообразная постройка — чум[1]. Переносные жилища типа чума бытовали у многих коренных народов России от Кольского п-ова до низовьев р. Амур. На протяжении столетий чум оставался единственным типом жилья для большинства ненцев — кочевых оленеводов и полуоседлых рыбаков.

Описания ненецкого чума российскими и иностранными путешественниками и исследователями начиная с XVIII до начала первого десятилетия XX в. довольно однообразны: каркас из жердей, покрытый берестой или оленьими шкурами, внутри разведён огонь. Многие отмечали хорошую приспособленность устройства чума для жизни в тундре, хотя некоторые упоминали о неопрятности и нестерпимом дыме внутри него [Бруин 1873: 11—13; Лепёхин 1805: 226—227; Иславин 1847: 27—28; Шренк 1855: 286—290; Кастрен 1860: 174—175; Кушелевский 1868: 61—62; Финш, Брэм 1882: 414—415; Львов 1903: 8—9].

Советские исследователи разных профессий, работавшие в тундре и в северных посёлках в 1920—30-е гг., описывали конструкцию и внутреннюю обстановку чума ненцев по той же схеме, но без лишних эмоций [Соболев 1924: 129—130; Городков 1926: 65—66; Старцев 1930: 44—46; Гейденрейх 1930: 7—9].

Этнографы XX в. представляли в своих работах чум во всех подробностях, описывая особенности конструкции, количество оленьих шкур, необходимых для покрышек, расположение вещей внутри, способы сборки и перевозки деталей при перекочёвках, терминологию, историю развития чума [Чернецов 1936: 85—92; Хомич 1966: 101—111; Васильев, Гейденрейх 1977: 38—39].

С 1930-х гг. в журналах, посвящённых освоению Арктики и социалистическим преобразованиям на Севере СССР, а также в литературе по оленеводству начали появляться публикации о необходимости создания современного типа передвижного жилища для северных кочевников, в том числе для ненцев [Терлецкий 1932: 94—109; Виноградов 1932: 110—113; Жигунов, Терентьев 1948: 314—319]. С середины 1950-х гг. эти идеи стали развивать этнографы, когда в Институте этнографии АН СССР был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Крайнего Севера [Файнберг 1959: 54—56; Васильев, Туголуков 1960: 139—140; Васильев, Симченко, Соколова 1966: 9—22; Хомич 1966: 282—284].

Несмотря на все усилия хозяйственных работников и учёных, проекты жилых построек, созданные в конструкторских бюро и на опытных оленеводческих станциях, не были широко восстребованы народами Севера и Сибири. Большие размеры жилищ, снижающие мобильность кочевого хозяйства, необходимость приобретения дополнительных материалов к ним, невозможность конструирования из легкодоступных природных материалов — всё это стало причинами отказа от их применения.

[1] Слово «чум» заимствовано из языка удмуртов, которые называли так любую конусообразную жилую или хозяйственную постройку [Квашнин 2019: 70]. В справочном издании «Народы России» оно совершенно необоснованно производится от некоего коми слова «тсом» [Тишков и др. 2008: 253].

Исключением стали балки, широко распространившиеся у северных народов, живущих к востоку от Енисея, и палатки у оленеводов Канинской тундры. Первые были сконструированы русскими, вторые — коми-ижемцами.

Долганский балок и его варианты у разных народов Севера описаны в этнографической литературе достаточно хорошо. Этому способствовало практически непрерывное пополнение знаний о жизни и быте народов Таймыра и близлежащих территорий различными исследователями на протяжении XIX—XX и начала XXI вв. [Миддендорф 1877: 575—576; Попов 1952: 166—172; Васильев 1963: 57, 58, 60, 61; Симченко 1970: 177; Грачёва 1994: 21—36; Дьяченко 2005: 238—241]. Нам удалось рассмотреть внешний облик и внутреннее устройство балков в экспедициях к енисейским ненцам и энцам в 2006, 2009 и 2010 гг. [Квашнин 2009: 103—109; Квашнин 2011: 307].

Иная ситуация сложилась с канинскими палатками. Ленинградский этнограф Л. В. Хомич была в экспедиции на Канинском п-ове в 1958 г. до постройки там первой палатки. Все последующие экспедиции она проводила восточнее. Московский этнограф В. И. Васильев побывал на Канине в начале 1970-х гг., когда в палатках жило ещё не так много оленеводов, поэтому он их не увидел. С тех пор Канинская тундра была практически забыта этнографами. Учёными было упущено время, когда можно было зафиксировать и описать процесс перехода канинских оленеводов из чумов в палатки, который растянулся почти на тридцать лет.

В 2006—2007 гг. на Канин были организованы экспедиции студентов и преподавателей кафедры этнографии СПбГУ. Однако публикаций в виде статей или тезисов докладов, где были бы подробно описаны палатки канинских оленеводов и история их возникновения и распространения, так и не появилось. Во всяком случае, нам они не известны.

Единственной известной нам публикацией, где в сравнении с чумом оленеводов Ямала и стационарными жилищами пастухов Кольского п-ова рассматриваются канинские палатки, является статья международного коллектива авторов, опубликованная в британском научном издании “The Polar Journal” [Usenyuk et al. 2015: 170—202].

В апреле 2013 г. нам довелось побывать в канинском с. Несь, где во время проведения ежегодного праздника «Канин мэбета» («Канинские богатыри») удалось посетить оленеводческую палатку и осмотреть её устройство. Сотрудники сельской библиотеки позволили поработать с архивными материалами, касающимися жизни села и оленеводов Канинской тундры. Там мы обнаружили сведения о конструкторе первой канинской палатки.

В нашем исследовании предпринята попытка показать, что смена одного типа жилища на другой может происходить у народов Севера естественным путём. Основными задачами стали: освещение проблем, с которыми сталкивались хозяйственные работники в 1930—1980-е гг., пытаясь на замену чуму внедрить в повседневную жизнь северных кочевников новые, искусственно сконструированные типы жилищ; исследование процесса хоть и непростого, но естественного перехода восточных ненцев из чумов в балки, а западных — в палатки. В заключение поставлен вопрос о необходимости проведения новых полевых исследований для сбора более подробных сведений об истории появления и распространения балков у ненцев Тазовской и Гыданской тундр и палаток у оленеводов Канинской тундры.

Где он стоял, то место почернело[2]

Удобство чума в условиях жизни в тундре и тайге доказано столетиями его использования. Он устойчив при сильном ветре. Дождевые капли и снег скатываются с его наклонной поверхности. На установку или разборку чума затрачивается чуть больше получаса. Для изготовления каркаса, покрышек, постелей, домашней утвари используются подручные материалы. Такое положение вещей в общем и целом устраивало всех до начала XX в.

В 1920-е гг. в Советском Союзе повсеместно развернулась «борьба за новый быт». Улучшение жизни северных кочевников новая власть видела в переводе их на оседлость, а при невозможности этого — в усовершенствовании или замене тундрового жилища. Этнограф Г. А. Старцев писал о ненцах: «Часто кочевникам пытались втолковать об устройстве чума по-иному, в виде сферического шалаша или палатки с двумя накатами. Однако, Самоеды упорно строят свои жилища с острым концом» [Старцев 1930: 46].

Интересно, что палатки не были в новинку для народов Севера и Сибири. Они видели их у русских путешественников и исследователей XIX — начала XX в. Постепенно палатки стали входить в их обиход, а широко распространились в советское время ещё до Великой отечественной войны [Соколова 1998: 207—208]. По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., опубликованным в журнале «Совет-

[2] Ненецкая загадка про чумовище.

ский Север» уполномоченным Центрального статистического управления по Дальнему Востоку П. Е. Терлецким, к тому времени в собственности тундровых и таёжных жителей от Мурманской области до Охотского моря насчитывалось 1516 палаток; при этом чумов и юрт зимних — 10 628, летних — 7125, нартяных — 246. У ненцев палатки имелись только в Большеземельской тундре (473 шт.). Малоземельские, канинские ненцы и коренные народы Тобольского севера жили в чумах, в нартяных — кочевники (долганы) Туруханского края [Терлецкий 1932: 95—96, 101, 105].

Конкретное предложение по внедрению нового типа жилища для тундровиков высказал в начале 1930-х гг. некто И. В. Виноградов, опубликовав небольшую заметку, помещённую в том же журнале сразу за статьёй П. Е. Терлецкого. Палатку как замену чума он отверг сразу ввиду её неустойчивости при сильном ветре. По его словам, зимой её невозможно укрепить «потому, что земля мёрзлая…, а летом потому, что грунт очень мягок». Прежде чем предложить свой вариант, он описал тяжёлое, невыносимое, с его точки зрения, положение тундровиков, живущих в тесном, вечно задымлённом чуме, в условиях «тяжёлого санитарного быта». С некоторыми замечаниями автора, например, о конъюнктивите, ревматизме, невозможности соблюдения гигиены, можно согласиться. Другие же кажутся нам совершенно абсурдными. В частности, замечание о том, что теснота конусообразного чума заставляет женщину постоянно ходить согнувшись, даже вне чума, и такое положение влияет на конфигурацию тазовых костей [Терлецкий 1932: 110—111].

Заменой чума могла стать, по мнению Виноградова, калмыцкая кибитка (юрта). «Портативность и устойчивость кибитки по отношению к ветру не уступает чуму», — утверждал он. Для отопления жилища костёр необходимо заменить железной печкой. Войлочные покрышки заменить оленьими шкурами. Единственное, о чём придётся позаботиться кочевнику, — это приобретение железа, стекла для окон и асбеста для печной трубы. Правда, остов для кибитки «должен быть сделан специалистом», посетовал автор. Интересно, что сами ненцы в разговорах с Виноградовым говорили, что хотели бы «улучшения чума и быта в нём», однако для этого они просили лишь железные печки и брезент вместо бересты. Почему же именно калмыцкую кибитку, а не другой тип жилища пытался предложить ненцам Виноградов? А только потому, что в Тиманской тундре Ненецкого национального округа, где он в то время работал, у него под рукой оказалась, как он сам написал, всего одна книга — «Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил. Под ред. проф. Молькова» [Терлецкий: 112—113].

Поиски новых решений в конструировании жилища для кочевников продолжались и в 1940-е гг. Специалист по сельскому хозяйству Ф. Я. Гульчак в коллективном труде «Северное оленеводство», отмечая достоинства и недостатки чума, относил к последним «курное отопление, недостаточное количество света, плохую защиту от осадков, попадающих через дымовое отверстие, отсутствие пола». Конусообразность чума, по его словам, позволяет только сидеть или спать, а за низкими столами «можно только пить чай, обедать, но нельзя писать, читать». Взамен предлагался «наиболее усовершенствованный тип чума», сконструированный зоотехником Мурманской зональной оленеводческой станции Н. О. Дьяченко. Судя по фотографиям в тексте, это сооружение тоже похоже на юрту, только большую и очень громоздкую (более 5 м в высоту и около 8 м в диаметре). Для его сборки используются фанерные щиты в рост человека, деревянные шесты для остова крыши, железный конусообразный колпак для регулирования вентиляции воздуха. Покрывается такой чум оленьими нюками. Внутри сделан пол, стоят складные столы, скамейки, железная печь. Отвесные стены и достаточное количество света из окон, по мнению автора, «дают возможность поддерживать чистоту, обедать, отдыхать и работать, как в любом культурном помещении» [Жигунов, Терентьев 1948: 316—318].

В 1950—60-е гг. сделать более культурным быт оленеводов и охотников хотели хозяйственные работники Таймыра. Некоторые предлагали завезти в тундру разборные дома из пенопластовых плит для использования зимой, а летний чум заменить «специально изготовленными для условий севера просторными утеплёнными палатками» [Файнберг 1959: 56].

Первый опыт использования искусственно созданного тундрового жилища провело в те годы опытно-производственное хозяйство (бывшая Таймырская комплексная опытно-оленеводческая станция), располагавшееся по соседству с колхозом «Заполярник» в п. Потапово Дудинского р-на Таймырского Долгано-Ненецкого национального округа. Из Якутска был выписан один экземпляр передвижного разборного жилища «тордох» конструкции Л. Файко и И. Попова. Оно представляло собой конструкцию, похожую на якутскую юрту. Каркас диаметром около 5 м состоял из дюралюминиевых трубок. Покрытием служили оленьи нюки или брезент. Пол сделан из тонких дощечек, сбитых на ремнях. При сборке жилища их сворачивали в рулон. Основными недостатками «тордоха», по мнению работников хозяйства, были его величина и сложная система сочленений дюралюминиевых трубок, которые к тому же по углам прорывали брезент. Была отмечена и высокая стоимость этого жилища — 2800 руб.[3],

[3] По ценам до денежной реформы 1961 г.

что для северных колхозов было неподъёмной суммой [Файко 1960: 148—149; Васильев, Туголуков 1960: 140].

Помимо описанных выше было ещё несколько проектов усовершенствованного чума. В 1960-е гг. на Крайнем Севере проходил испытания чум инженера С. Р. Гринберга [Васильев, Симченко 2006: 9] и синтетическая юрта конструкции Мытищинского комбината синтетических изделий и материалов [Васильев, Симченко, Соколова 1966: 12]. Деревянная конструкция типа калмыцкой кибитки техника-строителя Г. Н. Кирпичёва использовалась в одной из оленеводческих бригад Ямальской сельскохозяйственной станции [Файко 1960: 146; Хомич 1960: 283]. В начале 1980-х гг. якутскими инженерами конструкторами Е. Н. Петровым, Н. В. Меркурьевым и В. И. Степановым было запатентовано сборно-разборное здание «Север-3», напоминавшее по конструкции строительный вагончик.

Ни одна из вышеописанных конструкций не прошла испытания временем и не прижилась у народов Севера и Сибири. На наш взгляд, беда конструкторов заключалась в том, что они шли против течения, предлагая тундровым жителям под видом усовершенствований отказаться от привычного бытового уклада. При этом им предлагали покупать готовые жилища или материалы к ним. Вековой опыт строительства жилых построек в тундре и тайге отвергался почти полностью как устаревший. Имея весьма смутное представление о жизни и менталитете кочевников, конструкторы пытались перенести в тундру и тайгу своё, «городское», понимание удобного жилища. Однако для того, чтобы кочевники сами захотели сменить один тип жилища на другой, должны были сложиться определённые условия. Примером тому служит балок, прочно укоренившийся в XX в. у кочевых народов от Енисея до Лены и продолжающий сегодня своё движение на запад, к Тазовской губе.

Домик на полозьях

Балок используется сегодня в качестве зимнего передвижного жилища некоторыми долганами, северными якутами, нганасанами, энцами, восточными ненцами, а также эвенками Хантайского озера [Грачёва 1994: 22]. В коллективной монографии «Народы Сибири» балок описан как домик на полозьях, его каркас собран из деревянных реек, обтянут ярким пёстрым ситцем, сверху для тепла — покрышкой из оленьих шкур и чехлом из парусины для предохранения от сырости. В балке два застеклённых окна, железная печь, стол [Левин, Потапов 1956 746]. Подробные описания конструкции балка представлены в работах А. А. Попова [1952: 166—172], Г. Н. Грачёвой [1994: 21—36], В. И. Дьяченко [2005: 238—241].

Название «балок» происходит от северного русского слова «бóлок» (от «болокáть», «оболáкивать») и обозначает зимнюю повозку, крытые сани или кибитку [Даль 1880: 112].

Широкое распространение балки получили в XIX в. в Туруханском крае. Точное время появления первых образцов нами не выявлено. По данным участника Якутской комплексной экспедиции Академии наук 1925—1930 гг. ленинградского зоолога и картографа А. А. Романова, идея постройки и распространения балков принадлежала туруханским купцам, которые разъезжали по тундре со своими товарами от Енисея до Хатанги и Лены [Дьяченко 2005: 241].

Первой переняла у русских купцов балок группа населения, оформившаяся со временем в долганскую народность. По словам А. Миддендорфа, во время поездки 1842—1845 гг. он видел в Дудине[4] «небольшие деревянные шалаши, которые также назывались бóлоками. Их ставили на обыкновенные санные полозья и впрягали в них 8 сев. оленей. Они служили пастуху странствующим жилищем, которое по временам передвигалось, когда истощённое пастбище сев. оленей приходилось заменять новым» [1877: 576]. Как писал А. А. Попов, долганы называли балок *сырга джие* — нартяной чум [1944: 158]. На наш взгляд, более точное написание этого названия по-долгански *hырга дьиэ*, в переводе — «санный дом» [Аксёнова и др. 1992: 25, 63].

Балки бывали разными по величине. В одних могли поместиться два человека в лежачем положении [Кривошапкин 1865: 149], в других купцы имели возможность вести торговые сделки с тундровиками и хранить часть товара [Дьяченко 2005: 241]. Не совсем удобной, но всё же способной укрыть от непогоды повозкой называл балок А. Миддендорф [1877: 576]. Туруханский чиновник П. И. Третьяков, «утомлённый лежанкою в душном балке», с нетерпением ожидал приезда к зимовью [Третьяков 1871: 148].

В первой половине XX в., как отметила Г. Н. Грачёва, население Таймыра различало балок и санный дом (нартенный чум). Первый использовался для перевозки и хранения одежды и припасов, второй — для жилья. При общем внешнем сходстве каждый из них обладал конструктивными особенностями. Главным отличием были размеры [Грачёва 1994: 24—25]. Об отличиях балка и нартенного чума по размеру и конструкции упоминал А. А. Попов [1937: 171].

[4] Село Дудино — современный город Дудинка, административный центр Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального р-на Красноярского края.

Долгое время балок оставался исключительно жилищем долган, который они использовали для перекочёвок в зимнее время. С началом коллективизации в 1930-е гг. его начали постепенно перенимать другие коренные народы Таймыра — нганасаны, эвенки, энцы и ненцы. К концу 1960-х гг. балки стали основным типом зимних жилищ большинства оленеводов и охотников почти во всех колхозах тогдашнего Усть-Енисейского р-на Таймырского национального округа [Васильев 1963: 57, 58, 60, 61; Васильев, Симченко 2006: 18; Васильев 1970: 155—156; Симченко 1970: 177].

К концу XX в., по данным В. П. Кривоногова, большинство долган уже жили оседло, поэтому традиционные виды жилища — чум и балок — сохранились в немногих семьях только в качестве временного жилища [Кривоногов 2000: 108]. Подобная ситуация сложилась и у нганасан. В настоящее время балки в качестве жилища продолжают использовать энцы и енисейские ненцы.

По данным В. И. Васильева, енисейские ненцы начали переходить в балки в середине 1930-х годов, когда в колхозе «Новая жизнь» (п. Мунгуй Мало-Хетского кочевого совета) были построены первые 11 образцов [Васильев 1970: 155—156]. В похозяйственных книгах Мало-Хетского сельского совета за 1967—1969 гг. у кочевых ненцев зимним жилищем записаны балки, а летним — шестовые чумы [ПМА 2009].

С 1962 г. домики-балки попытались внедрить в Ненецком округе. Проект такого жилища предложил оленеводам сотрудник Нарьян-Марской сельскохозяйственной опытной станции А. С. Пономарёв. Первый балок построили пастухи Большеземельской тундры К. А. Попов и Н. М. Ледков, перешедшие с постоянного на сменный выпас оленей. Он имел форму вагончика длиной 3,5 м, шириной 2,5 и высотой 1,8 м, установленного на специальные сани. Каркас из деревянных планок обтягивался брезентом, а зимой дополнительно чехлом из оленьих шкур. В балке была дверь и два окна. Внутри в торце балка устраивались нары в два этажа. Ближе к двери стояли железная печка и небольшой столик. Такой балок был легче и удобнее долганского балка [Хомич 1966: 261—263, 283—284; Васильев, Симченко, Соколова 1966: 16—17]. Однако эта конструкция оказалась первой и единственной в Большеземельской тундре.

Современный балок восточных ненцев представляет собой каркасное жилище из деревянных реек и дощатого пола, установленное на длинные, широкие полозья. Нижним покрытием каркаса служит клеёнка или ситец. Сверху они покрываются плотной материей или войлоком и полотнами из оленьих шкур. В балке имеется дверь и одно окно. Возле входа установлена металлическая печь-буржуйка и низкий столик для еды. У дальней стены сложены постели из оленьих шкур.

Впервые нам довелось увидеть балки у ненцев Усть-Енисейского р-на ТАО летом 2006 г.[5] На стойбище ненцев Ямкиных, расположенном на берегу протоки р. Солёная, стояло три чума: два на высоком береговом уступе, ещё один — выше на материке. Чуть в отдалении от третьего чума находились три деревянных остова балков [ПМА 2006] (Рис. 1). Зимние балки мы видели на стойбищах енисейских ненцев Носковской тундры (Рис. 2), а также в посёлках Носок, Тухард и Потапово. На одном из стойбищ Носковской тундры у одной семьи кроме жилого балка (санного дома) был ещё небольшой балок для перевозки вещей и продуктов [ПМА 2009, 2010].

Рис. 1. Остов балка на летнем стойбище ненцев. Усть-Енисейский р-н ТАО. 2006 г. Фото Ю. Н. Квашнина

[5] С 1 января 2007 г. — Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального р-на Красноярского края.

Рис. 2. Балки на зимнем стойбище ненцев. Таймырский р-н Красноярского края. 2009 г. Фото Ю. Н. Квашнина

Ближайшими соседями енисейских ненцев являются ненцы, приписанные к с. Гыда Тазовского р-на ЯНАО. Территория проживания этих групп разграничена притоком Енисея — р. Танама, что, однако, никогда не мешало оленеводам в зимне-весенний период пересекать данную границу. Ещё в 1990-е гг. нам не раз доводилось слышать от гыданских ненцев о том, что их соплеменники в Усть-Енисейском р-не зимой живут в балках. При этом они посмеивались над ними и говорили, что балки тесные и душные и что они никогда не перейдут в них жить из привычных чумов [ПМА 1993, 1995, 1996]. Весьма скептически относились к балкам и ненцы, приписанные к Тазовской поселковой администрации, называя их гробами на нартах (устное сообщение д. с.-х. н. А. А. Южакова).

Изменения отношения к балкам у ненцев Тазовского р-на стали происходить в начале 2000-х гг. Этому в определённой мере способствовало расширение территории освоения нефтегазоносных площадей на границе Тазовского р-на ЯНАО и Усть-Енисейского р-на ТАО. Нефте- и газопромыслы стали ближе к местам зимнего кочевания ненцев Гыданской и Тазовской тундр. Газовики с удовольствием обменивают у кочевников оленину и рыбу на топливо, муку, сахар и прочие товары. По словам специалистов сельских администраций, с каждым годом всё больше оленеводов-частников остаётся на зимних пастбищах за Танамой летом. Отдельные семьи оленеводов поменяли место приписки с Гыданской сельской администрации на Тухардскую[6]. Увеличилось количество браков между енисейскими и гыданскими ненцами. Соответственно выросло культурное влияние, которое выражалось, в том числе, в распространение балков [ПМА 2010, 2018]. В апреле-мае 2007 г. балки у ненцев-оленеводов Тазовской тундры зафиксировали участники британско-российской этнографической экспедиции М. Дуайер и К. Истомин [Попадьина 2007]. В августе 2018 г. мы отметили на одном из стойбищ гыданских ненцев-рыбаков в районе фактории Развилка рядом стоящие чум и балок. Балок был покрыт войлочным покрывалом. Он использовался в качестве спальни для членов семьи. В чуме хозяева стойбища готовили пищу, ели, пили чай [ПМА 2018]. Интересно, что гыданские ненцы первое время делали в потолке посередине балка отверстие наподобие дымового отверстия в чуме (устное сообщение д. с.-х. н. А. А. Южакова).

На вопрос, чем балок лучше чума, ненцы обычно отвечают, что его не надо разбирать и собирать при перекочёвках. На наш взгляд, на этом достоинства балка заканчиваются и начинаются недостатки. Этнографы обращали на них внимание уже в начале 1930-х гг. и продолжали отмечать в 1990-е гг. [Попов 1931: 211; Грачёва 1994: 35]. Первый из них — теснота. Если в чуме может разместиться до пятнадцати человек одновременно как для принятия пищи, так и для сна, то в балке — всего от четырёх до шести человек. Второй — резкие перепады температуры. От жарко натопленной печки в балке быстро становится нестерпимо душно. Однако, как только хозяйка откроет дверь, весь жар выдувает наружу и людям, находящимся внутри балка, приходится кутаться в одежду. Процедура открывания и закрывания двери происходит неоднократно, а это может спровоцировать развитие простудных заболеваний. Третий недостаток, по нашему субъективному мнению, это санитарное состояние. Как известно, чум разбирают при перекочёвках и устанавливают на новом месте раз в три-четыре дня. При разборке все вещи, изготовленные из шкур и материи, перетряхиваются, какие-то, при необходимости, стираются. Кроме того, зимой все вещи и детали чума подвергаются воздействию холода, летом подсыхают на солнце. Всё это

[6] Посёлок на р. Большая Хета в Красноярском крае, один из ближайших к границе с Тазовским р-ном ЯНАО населённых пунктов.

позволяет удалить пыль, грязь, лишние запахи, не даёт возможности размножаться переносящим болезни насекомым. В балке наводить порядок с такой же периодичностью не удаётся. Перевозить его труднее, чем чум. Малооленные хозяйства вынуждены иногда впрягать в упряжку для балка беременных важенок, что может сказаться на развитии плода у них.

Несмотря на указанные недостатки, с каждым годом всё больше ненцев, кочующих в междуречье Таза и Енисея, начинают использовать балок в качестве зимнего жилища. Одна хозяйка балка из Тазовской тундры так сказала корреспонденту газеты «Советское Заполярье»[7]: «Раньше был чум, потом сделали балок, вдвоём с мужем тяжело чум ставить, а балок не надо собирать, шесты не надо втыкать, перевёз его и всё. Это легче, сейчас почти все в балках живут» [Герасимова 2015].

Как будет в дальнейшем развиваться ситуация с новым жилищем в этой местности, можно только предполагать. На данный момент в нашем распоряжении нет показательных данных, чтобы дать ей объективную оценку. Для сбора информации необходимо проведение новых полевых исследований.

Жильё для ленивых?

Относительно успешное распространение балка в 1960—1970-е гг. на восточной окраине проживания ненцев не привело, как было сказано выше, к его внедрению у ненцев, проживающих на других территориях. В этот период времени большинство из них продолжало жить в чумах и только на западной окраине, в Канинской тундре, начался своеобразный «палаточный ренессанс».

Вспоминая поездку на Канин в начале 1970-х гг., В. И. Васильев писал: «Мы вот уже скоро два десятка лет, как занимаемся вопросами экономики и культуры народов Крайнего Севера. За это время пришлось ознакомиться с множеством проектов жилья, которое могло бы заменить чум… В этом же Ненецком национальном округе был изобретён санный домик с покрышками из брезента. Очень хорошая вещь. Однако и тут традиция не поступилась…. Чум повсеместно позиций не сдаёт» [Васильев, Гейденрейх 1977: 37—38]. И всё-таки именно в Канинской тундре чум сдал свои позиции. В настоящее время все канинские оленеводы, как ненцы, так и коми-ижемцы, и зимой, и летом живут в палатках (Рис. 3).

Оленеводческая палатка сконструирована по типу армейской брезентовой шестиместной палатки. В отличие от армейской все её четыре стены укреплены фанерными щитами и деревянными рейками. Крышу каждый хозяин делает по-своему — двускатной или дугообразной. Брезент для покрытия используют и летом, и зимой, укрепляя его верёвочными стяжками. Дополнительных зимних покрышек из оленьих шкур, как для чума или балка, не требуется (Рис. 4). Внутри палатки стены и потолок обтягивают непромокаемым материалом. С одного торца у палатки низкая дверца, часто с небольшим окошком над ней. На противоположном торце — широкое окно с занавесками. У окна стоят стол и стулья. Пол покрыт досками. Слева от входа стоит печка, как правило, самодельная — из обреза бочки из-под бензина. Рядом с печкой — дрова и кухонная утварь. Дальше лежат вещи хозяев. С правой стороны на полу находятся спальные места. Они, как и в чуме, покрыты оленьими шкурами, которые расстилаются на ночь и сворачиваются утром [ПМА 2013; Usenyuk et al. 2015: 184—188].

Такую палатку сконструировали не городские конструкторы и даже не сотрудники Нарьян-Марской сельскохозяйственной опытной станции. Создателем нового типа кочевого жилья для оленеводов стал Александр Николаевич Терентьев (1928—1976), пастух колхоза «Северный полюс», коми-ижемец по национальности. Из архивных материалов библиотеки с. Несь мы узнали, что Александр Николаевич «в начале 60-х годов окончил строительные курсы в Нарьян-Маре и строил дома в д. Чижа. Но вернулся в тундру и навыки, сметку строителя применил в новом деле. Он решил сделать на замену чума разборный домик-палатку для своей семьи. Сначала летний, затем — зимний. Мысль пришла, стал подбирать шарниры, петли. Все расчёты в голове держал. Материал в лесу зимой заготовил, а весной начал строить, как задумал. На грузовые сани новые поперечины приладил, чтобы как раз все укладывалось и — поехали! Для чума четыре воза требуется, а тут и двух хватит. Чум поставить три человека справятся, а палатку и один сможет. В чуме по 2—3 семьи жили, а теперь — каждой семье отдельный дом!» [ПМА 2013]. Подобные сведения, только без указания фамилии мастера, были получены Ш. Дудеком от оленеводов в Канинской тундре [Usenyuk et al. 2015: 185—186].

Нельзя сказать, что палатки сразу заменили чумы во всех хозяйствах канинских оленеводов. Поначалу их начали строить по образцу А. Н. Терентьева только его соплеменники — коми-ижемцы. Это не удивительно, потому что, в отличие от ненцев, они всегда старались сами усовершенствовать кочевой быт. К примеру, первая железная печка с трубой была установлена в 1935 г. в чуме коми-ижемца Н. З. Чупрова, пастуха колхоза им. А. М. Горького Нижне-Печорского р-на Ненецкого округа. Его примеру затем последовали другие оленеводы [Хомич 1966: 282].

[7] Общественно-политическая газета Тазовского р-на ЯНАО.

Рис. 3. Палатки в Канинской тундре НАО. 2007 г. Фото Р. И. Сенько

Рис. 4. Палатка канинских оленеводов в с. Несь НАО. 2013 г. Фото Р. И. Сенько

Ненцы начали переходить в палатки в начале 1970-х гг. Такой вывод приходится делать по косвенным данным, так как исследований кочевого быта канинских оленеводов в 1960—1990-е гг. этнографами практически не проводилось. Исключение составляют экспедиции Института этнографии 1974 и 1983 гг. по изучению хозяйства и культуры канинских ненцев, совершавших сезонные перекочёвки в бассейн р. Мезень. В материалах этих экспедиций наличие палаток не отмечено [Васильев 2006: 230, 235].

Процесс перехода ненцев в палатки проходил, по всей видимости, непросто. На фотографиях конца 1970-х гг. из архива библиотеки с. Несь, где запечатлены канинские оленеводы в тундре, можно заметить интересные детали. В смешанных ижемско-ненецких оленеводческих бригадах коми-ижемцы жили в палатках, а некоторые ненцы всё ещё в чумах. Причём палатки и чумы располагались на значительном расстоянии друг от друга [ПМА 2013]. Возможно, поэтому В. И. Васильев не увидел палаток в своих поездках по Канинской тундре в начале 1970-х гг. и по Мезенскому р-ну Архангельской области в 1983 г. [Васильев, Гейденрейх 1977; Васильев 2006: 230, 235].

Сведения о бытовании палаток в Канинской тундре мы извлекли из публикаций в газете «Наръяна вындер» («Красный тундровик»)[8]. Удалось выяснить, что одними из первых ненцев, построивших палатки в Канинской тундре, были братья Поликарп Иванович и Фёдор Иванович Латышевы. По словам дочери Поликарпа Ивановича Анны, отец построил палатку в 1973 г., отселившись со своей семьёй из чума своих родителей [Артеева 2015; Чуклин 2020]. Согласно архивным данным библиотеки с. Несь, «в конце 80-х годов в колхозе “Северный полюс” остался только один чум — у пастуха 4-й бригады И. А. Шубина. “Для музея оставили”, — шутили оленеводы» [ПМА 2013].

Удобство палатки в сравнении с чумом коми-ижемцы и ненцы оценивали по-разному. Первые говорили, что изобретателю А. Н. Терентьеву благодарны женщины, которых он избавил от выделывания вручную множества оленьих шкур для покрышек чума [ПМА 2013]. Об этом же сообщает и Ш. Дудек [Usenyuk et al. 2015: 190]. Вторые признавали, что палатка комфортнее, удобнее и намного быстрее собирается, но говорили при этом, что чум хоть и собирается дольше, но в нём просторнее. Некоторые замечали, что лёгкость является единственным достоинством палатки. Ностальгируя по чуму, отдельные ненцы называли палатку «жильём для ленивых» [Царькова 2011; Ханзерова 2013; Артеева 2015].

Главным недостатком палатки в условиях тундры была и остаётся до сих пор её неустойчивость против сильного ветра, о чём писал упоминаемый нами выше И. В. Виноградов. В 2011 г. во время урагана в Канинской тундре одну из палаток сорвало с места, она завалилась набок и перевернулась вместе с горящей печкой и хозяйкой. В результате женщина и ребенок получили тяжелые ожоги. Однако всё обошлось. Удалось вызвать санитарную авиацию и людей спасли [Торопова 2012; Ханзерова 2013].

Интересно, что о палатках в Канинской тундре знают сегодня далеко не все жители округа и его столицы Нарьян-Мара. Журналисты, впервые прилетающие на Канин, удивлённо восклицают: «Как же так? В детских книжках про тундру нам рассказывали, что для любой ненецкой семьи чум — начало всех начал. Не тут-то было: вместо чумов на Канине стоят палатки. Раз палатка, два, три. Десятки палаток» [Сущенко 2017].

Несмотря на отдельные недостатки, палатка привлекает к себе всё больше внимания оленеводов соседних тундр. Например, в Тиманской тундре, что раскинулась к востоку от Канинской, у пастухов сельскохозяйственного кооператива «Индига» палатки давно используются наряду с чумами [Торопова 2018]. Возможно, и на Тимане в обозримом будущем палатка тоже вытеснит чум.

Как видим, коми-ижемская палатка, так же как и балок, не является полноценным решением проблемы тундрового передвижного жилища. Однако достоинств у неё значительно больше. Она довольно просторная и светлая. Внутри можно стоять в полный рост и сидеть на стульях, о чём мечтали хозяйственные работники и этнографы прошлых лет. Огромным плюсом является отсутствие необходимости забивать оленей для пошива зимних покрышек из шкур. Проблемы с неустойчивостью при сильном ветре решаются довольно просто (хотя, как показывает практика, не всегда эффективно): колышки с привязанными к ним верёвочными стяжками втыкаются в землю у основания палатки. Зимой основание палатки присыпается снегом. Летом боковины палатки подпирают снаружи нартами для перевозки её деталей.

Можно согласиться с выводами о палатке Ш. Дудека. По его мнению, «вновь возникшая форма жилья — это не просто результат экспериментов с новыми типами не своих материалов и технологий, но и инструмент коллективной адаптации через локализованное, распределённое и социально встроенное творчество членов общества» [Usenyuk et al. 2015: 190].

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно сказать следующее. Консервативное мышление долгое время не позволяло ненцам менять что-либо в своём жизненном укладе, будь то способы ведения оленеводческого хозяйства, одежда или жилище. В XX в. на восточной окраине расселения ненцы сменили чумы на балки, на западной — перешли в палатки. Эти изменения происходили под воздействием внешних факторов, растягиваясь на долгие годы.

[8] Общественно-политическая газета Ненецкого автономного округа, выходящая в г. Нарьян-Мар.

На наш взгляд, переход енисейских ненцев в балки мог бы и не состояться, если бы не колхозное строительство на Севере в 1930-е гг. Единственными из кочевников, жившими в балках на протяжении почти столетия до установления советской власти, были долганы. Ни один из народов, кочевавших в то время в непосредственной близости от долган, не сменил, глядя на них, традиционных чумов на балки. Только попытки со стороны советских партийных и хозяйственных работников добровольно-принудительного улучшения кочевой жизни оленеводов сделали эту смену возможной. Балок оказался наиболее приемлемым типом жилья на замену чуму, в отличие от предлагавшихся разными конструкторами в 1930—1980-е гг. палаток, кибиток, вагончиков и пр.

Сегодня, несмотря на довольно существенные недостатки, балок продолжает завоёвывать симпатии всё большего числа ненцев в междуречье Таза и Енисея. Это обусловлено, в первую очередь, желанием хоть немного облегчить себе тяготы кочевой жизни. Определённое влияние на эти процессы, по нашему мнению, оказывает урбанистическая культура. Дом вместо чума, хоть он и на санях, меняет мироощущение человека.

Преобразование жизни и быта ненцев Канинской тундры в 1930——1960-е гг. проходило несколько иначе, чем у ненцев в низовьях Енисея, хотя и в этих краях не обошлось без попыток внедрения новых типов жилья. Новаторами, коренным образом изменившими жизнь канинских оленеводов, стали коми-ижемцы. Палатка, сконструированная А. Н. Терентьевым в начале 1960-х гг., к концу 1980-х гг. постепенно вытеснила чум. Консерватизм ненцев проявился и здесь. Они долго сопротивлялись этому нововведению и сдались, по всей видимости, только потому, что увидели важное преимущество палатки — отсутствие необходимости забивать большое количество оленей и заниматься трудоёмким выделыванием шкур для покрышек.

Определённые проблемы для исследователей традиционного жилища ненцев создаёт сегодня недостаточность или отсутствие литературных и полевых материалов о распространении и бытовании балков у восточных ненцев и палаток у западных. Если для ненцев низовий Енисея можно, изучая научные работы, выстроить более или менее достоверную цепочку преемственности балка от долган, через нганасан и энцев, то описать процесс перехода ненцев в Канинской тундре из чумов в палатки почти невозможно. Поэтому сегодня возникает острая необходимость проведения новых полевых исследований в Тазовской, Гыданской и Канинской тундрах для сбора подробных сведений о новых типах жилища оленеводов — балках и палатках.

Источники и литература

Аксёнова и др. 1992 — *Аксёнова Е. Е.*, *Бельтюкова Н. П.*, *Кошеверова Т. М.* Словарь долганско-русский и русско-долганский. СПб., 1992. {*Aksenova E. E.*, *Beltyukova N. P.*, *Kosheverova T. M.* Dolgan-Russian and Russian-Dolgan Dictionary. St. Petersburg, 1992.}

Артеева 2015 — *Артеева И.* Из рода широколицых // Наръяна вындер. № 80 (20282). 1 августа 2015 г. // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-80-20282-ot-1-avgusta-2015-g/8808-iz-roda-shirokolicyh. {*Arteyeva I.* From the clan of broad-faced // Naryana vynder. Vol. 80 (20282). August 1, 2015 // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-80-20282-ot-1-avgusta-2015-g/8808-iz-roda-shirokolicyh.}

Бруин 1873 — *Бруин К. де.* Путешествие через Московию Корнилия де Бруина. М., 1873. {*Bruin K. de.* Travel through Moscovy by Cornelius de Bruin. Moscow, 1873.}

Васильев 1963 — *Васильев В. И.* Лесные энцы (Очерк истории, хозяйства и культуры) // Труды ИЭ АН СССР. Т. 84. М., 1963. С. 33—70. {*Vasilyev V. I.* The Forest Enets (Essay on history, economy and culture) // Works of the IE AS USSR. Vol. 84. Moscow, 1963. P. 33—70.}

Васильев 1970 — *Васильев В. И.* Ненцы и энцы Таймырского национального округа (очерк хозяйства, быта и этнических процессов, протекающих на Енисейском Севере) // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 106—163. {*Vasilyev V. I.* The Nenets and the Enets of the Taimyr National District (Essays of the economy, everyday life and ethnic processes taking place in the Yenisei North) // Economic and cultural transformations and ethnic processes among the peoples of the North. Moscow, 1970. P. 106—163.}

Васильев 2006 — *Васильев В. И.* Некоторые результаты этнографических полевых работ среди ненецкого населения бассейна р. Мезень и побережья Белого моря. 1983 // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1981—1984 годы. М., 2006. С. 230—242. {*Vasilyev V. I.* Some results of ethnographic fieldwork among the Nenets population of the Mezen River basin and the White Sea coast. 1983 // Ethnological expertise. Peoples of the North of Russia. 1981—1984. Moscow, 2006. P. 230—242.}

Васильев, Гейденрейх 1977 — *Васильев В. И.*, *Гейденрейх Л. Н.* Тундра Канинская. М., 1977. {*Vasilyev V. I.*, *Geidenreikh L. N.* Tundra of Kanin. M., 1977.}

Васильев и др. 1966 — *Васильев В. И.*, *Симченко Ю. Б.*, *Соколова З. П.* Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера // Советская этнография. 1966, 3. С. 7—22. {*Vasilyev V. I.*, *Simchenko Iu. B.*, *Sokolova Z. P.* Problems of reconstruction of the life of small peoples of the Far North // Soviet ethnography. 1966. Vol. 3. P. 7—22.}

Васильев, Симченко 2006 — *Васильев В. И.*, *Симченко Ю. Б.* Поездка в Таймырский национальный округ. 1963 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1963—1980 годы. М., 2006. С. 7—14. {*Vasilyev V. I.*, *Simchenko Iu. B.* Visit to the Taimyr National District. 1963 // Ethnological expertise. Peoples of the North of Russia. 1963—1980. Moscow, 2006. P. 7—14.}

Васильев, Туголуков 1960 — *Васильев В. И.*, *Туголуков В. А.* Этнографические исследования на Таймыре в 1959 году // Советская этнография. 1960, 5. С. 128—141. {*Vasilyev V. I.*, *Tugolukov V. A.* Ethnographic studies at Taymyr in 1959 // Soviet ethnography. 1960. Vol. 5. P. 128—141.}

Виноградов 1932 —*Виноградов И. В.* О замене чума более гигиеническим типом жилища // Советский Север. 1932, 3. С. 110—113. {*Vinogradov I. V.* About replacing a chum with a more hygienic type of dwelling // Soviet North. 1932. Vol. 3. P. 110—113.}

Гейденрейх 1930 — *Гейденрейх Л.* Канинская тундра. Архангельск, 1930. {*Geidenreikh L.* Kanin tundra. Arkhangelsk, 1930.}

Герасимова 2015 — *Герасимова Е.* Заботы оленеводов // Советское заполярье. 27.03.2015 // http://sov-zap.ru/?module=articles&action=view&id=4202. {*Gerasimova E.* Concerns of reindeer herders // Soviet Arctic. March 27, 2015 // http://sov-zap.ru/?module=articles&action=view&id=4202.}

Городков 1926 — *Городков Б. Н.* Краткий очерк населения Крайнего северо-востока Западной Сибири // Изв. ГРГО. Т. 58. Вып. 2. 1926. С. 50—78. {*Gorodkov B. N.* A brief essay of the population of the Far North-East of Western Siberia // Bulletin of the state Russian geographical society. Vol. 58. Issue 2. 1926. P. 50—78.}

Грачёва 1994 — *Грачёва Г. Н.* Передвижное жилище оленеводов Севера Западной и Средней Сибири // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 21—36. {*Gracheva G. N.* Mobile dwelling of reindeer breeders of the North of Western and Central Siberia // Monuments of the material culture of the peoples of Siberia. St. Petersburg, 1994. P. 21—36.}

Даль 1880 — *Даль В.* Толковый словарь живого Великорусского языка. Т. I. А—З. СПб.—М., 1880. {*Dal V.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. I. A—Z. St. Petersburg — Moscow, 1880.}

Дьяченко 2005 — *Дьяченко В. И.* Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб., 2005. {*Dyachenko V. I.* High latitude hunters: the Dolgans and the Northern Yakuts. St. Petersburg, 2005.}

Жигунов, Терентьев 1948 — *Жигунов П. С.*, *Терентьев Ф. А.* (ред.). Северное оленеводство. М., 1948. {*Zhigunov P. S.*, *Terentyev F. A.* (eds.). Reindeer husbandry of the North. Moscow, 1948.}

Иславин 1847 — *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. {*Islavin V.* The Samoyeds in the home and public life. St. Petersburg, 1847.}

Кастрен 1860 — *Кастрен М. А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849). М., 1860. {*Castren M. A.* Alexander Castren's travel through Lapland, northern Russia, and Siberia (1838—1844, 1845—1849). Moscow, 1860.}

Квашнин 2009 — *Квашнин Ю. Н.* Особенности развития этнических и социально-экономических процессов в низовьях Енисея в XX — начале XXI века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009, 10. С. 102—112. {*Kvashnin Iu. N.* Features of the development of ethnic and socio-economic processes in the lower reaches of the Yenisei in the 20th — early 21st centuries // Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography. 2009. Vol. 10. P. 102—112.}

Квашнин 2011 — *Квашнин Ю. Н.* Енисейские ненцы: этнографические исследования спустя полвека // «Не любопытства ради, а познания для…» К 75-летию Ю. Б. Симченко. М., 2011. С. 283—313. {*Kvashnin Iu. N.* Yenisei Nenets: ethnographic research after half a century // «Not for the sake of curiosity, but knowledge for…». To the 75th anniversary of Iu. B. Simchenko. Moscow, 2011. P. 283—313.}

Квашнин 2019 — *Квашнин Ю. Н.* О семантическом сдвиге значений слов *дом*, *поселок*, *город* в ненецком языке // Вестник антропологии. 2019, 1 (45). С. 67—79. {*Kvashnin Iu. N.* On the semantic shift in the meaning of the words *house*, *settlement*, *city* in the Nenets language // Herald of Anthropology. 2019. Vol. 1(45). P. 67—79.}

Кривоногов 2000 — *Кривоногов В. П.* К современной этнической ситуации у долган // Этнографическое обозрение. 2000, 5. С. 106—117. {*Krivonogov V. P.* To the modern ethnic situation among the Dolgans // Ethnographic Review. 2000. Vol. 5. P. 106—117.}

Кривошапкин 1865 — *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. {*Krivoshapkin M. F.* Yenisei district and its life. St. Petersburg, 1865.}

Кушелевский 1868 — *Кушелевский Ю. И.* Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки. СПб., 1868. {*Kushelevsky Iu. I.* North Pole and Yalmal land. St. Petersburg, 1868.}

Лепёхин 1805 — *Лепёхин И. И.* Путешествие академика Ивана Лепехина. Часть IV. В 1772 г. СПб., 1805. {*Lepekhin I. I.* Travel of Academician Ivan Lepekhin. Part IV. In 1772. St. Petersburg, 1805.}

Левин, Потапов 1956 — *Левин М. Г.*, *Потапов Л. П.* (ред). Народы Сибири. М.—Л., 1956. {*Levin M. G.*, *Potapov L. P.* (ed.). Peoples of Siberia. Moscow — Leningrad, 1956.}

Левин, Потапов 1961 — *Левин М. Г.*, *Потапов Л. П.* (ред). Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961. {*Levin M. G.*, *Potapov L. P.* (ed.). Historical and ethnographic atlas of Siberia. Moscow — Leningrad, 1961.}

Львов 1903 — *Львов Вл.* Самоеды (очерк). М., 1903. {*Lvov Vl.* The Samoyeds (essay). M., 1903.}

Миддендорф 1877 — *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. II. Сибирская фауна (окончание). СПб., 1877. С. 311—618. {*Middendorf A. F.* Travel to the North and East of Siberia. Part II. Siberian fauna (end). St. Petersburg, 1877. P. 311—618.}

Попадьина 2007 — *Попадьина О.* В Тазовской тундре полтора месяца работал этноэколог из Кембриджа. 26.05.2007 // http://www.fakt-tv.ru/report/na/203/. {*Popadyina O.* An ethnoecologist from Cambridge spent a month and a half working in the Taz Tundra. May 26, 2007 // http://www.fakt-tv.ru/report/na/203/.}

Попов 1931 — *Попов А. А.* Поездка к долганам // Советская этнография. 1931, 3—4. С. 210—212. {*Popov A. A.* Visit to the Dolgans // Soviet ethnography. 1931. Vol. 3—4. P. 210—212.}

Попов 1937 — *Попов А. А.* Охота и рыболовство у долган // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.—Л., 1937. С. 147—206. {*Popov A. A.* Dolgan hunting and fishing // In memory of V. G. Bogoraz (1865—1936). Moscow — Leningrad, 1937. P. 147—206.}

Попов 1952 — *Попов А. А.* Кочевая жизнь и типы жилищ у долган (По материалам 1930—1931 гг.). // Сибирский этнографический сборник. I. Труды ИЭ АН СССР. Т. XVIII. 1952. С. 142—172. {*Popov A. A.* Nomadic life and types of dwellings among the Dolgans (Based on materials from 1930—1931) // Siberian ethnographic collection. I. Works of the IE AS USSR. Vol. XVIII. 1952. P. 142—172.}

Симченко 1970 — *Симченко Ю. Б.* Основные черты современных этнических процессов у коренного населения Авамской тундры Таймырского национального округа // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 164—178. {*Simchenko Iu. B.* The main features of modern ethnic processes among the indigenous population of the Avam tundra of the Taimyr national district // Transformations in the economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North. Moscow, 1970. P. 164—178.}

Соболев 1924 — *Соболев А.* На реке Танаме // Изв. РГО. Т. 56. Вып. 2. 1924. С. 119—143. {*Sobolev A.* On the Tanama River // Bulletin of the Russian Geographical Society. Vol. 56. Iss. 2. 1924. P. 119—143.}

Соколова 1998 — *Соколова З. П.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998. {*Sokolova Z. P.* Dwelling of the peoples of Siberia (experience of typology). Moscow, 1998.}

Старцев 1930 — *Старцев Г. А.* Самоеды (ненча): историко-этнографическое исследование Л., 1930. {*Startsev G. A.* The Samoyeds (Nencha): historical and ethnographic research. Leningrad, 1930.}

Сущенко 2017 — *Сущенко А.* Праздник на краю земли // Наръяна вындер. № 82 (20571). 5 августа 2017 г. // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-82-20571-ot-5-avgusta-2017-g/18412-prazdnik-na-krayu-zemli. {*Sushchenko A.* Holiday at the end of the earth // Naryana vynder. Vol. 82 (20571). August 5, 2017 // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-82-20571-ot-5-avgusta-2017-g/18412-prazdnik-na-krayu-zemli.}

Терлецкий 1932 — *Терлецкий П.* Жилищные условия населения Крайнего Севера // Советский Север. 1932, 3. С. 94—109. {*Terletsky P.* Housing conditions of the population of the Far North // Soviet North. 1932. Vol. 3. P. 94—109.}

Тишков и др. 2008 — *Тишков В. А.*, *Журавский А. В.*, *Казьмина О. Е.* (отв. ред.). Народы России: Атлас культур и религий. М., 2008. {*Tishkov V. A.*, *Zhuravskiy A. V.*, *Kazmina O. E.* (ex. ed.). Peoples of Russia: Atlas of Cultures and Religions. Moscow, 2008.}

Торопова 2012 — *Торопова Л.* У оленеводов общины «Канин» // Наръяна вындер. 24 апреля 2012 г. // http://old.nvinder.ru/?t=sm&d=24&m=4&y=2012&n=10. {*Toropova L.* At the reindeer breeders of the Kanin community // Naryana vynder. April 24, 2012 // http://old.nvinder.ru/?t=sm&d=24&m=4&y=2012&n=10.}

Торопова 2018 — *Торопова Л.* Равнение — на профессионалов оленеводства // Наръяна вындер. № 83 (20714). 7 августа 2018 г. // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-83-20714-ot-7-avgusta-2018-g/33137-ravnenie-na-professionalov-olenevodstva. {*Toropova L.* Alignment — to the professionals of reindeer husbandry // Naryana vynder. Vol. 83 (20714). August 7, 2018 // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-83-20714-ot-7-avgusta-2018-g/33137-ravnenie-na-professionalov-olenevodstva.}

Третьяков 1871 — *Третьяков П. И.* Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. {*Tret'iakov P. I.* Turukhansk region, its nature and inhabitants. St. Petersburg, 1871.}

Финш, Брем 1882 — *Финш О.*, *Брэм А.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. {*Finish O.*, *Brem A.* Travel to Western Siberia. Moscow, 1882.}

Файко 1960 — *Файко Л. И.* Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера // Советская этнография. 1960, 2. С. 144—150. {*Faiko L. I.* On the improvement of the nomadic dwelling of the peoples of the North // Soviet ethnography. 1960. Vol. 2. P. 144—150.}

Файнберг 1959 — *Файнберг Л. А.* Хозяйство и культура Таймырских нганасан (по материалам колхоза имени Шмидта Таймырского национального округа) // Советская этнография. 1959, 2. С. 47—60. {*Fainberg L. A.* Economy and culture of the Taimyr Nganasans (based on the materials of the Schmidt collective farm of the Taimyr national district) // Soviet ethnography. 1959. Vol. 2. P. 47—60.}

Ханзерова 2013 — *Ханзерова И.* Трагедия на Канине // Наръяна вындер. № 53 (19965). 21 мая 2013 г. // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-53-19965-ot-21-maya-2013-g/654-tragediya-na-kanine. {*Khanzerova I.* Tragedy on Kanin // Naryana vynder. Vol. 53 (19965). May 21, 2013 // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-53-19965-ot-21-maya-2013-g/654-tragediya-na-kanine.}

Хомич 1966 — *Хомич Л. В.* Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966. {*Khomich L. V.* The Nenets. Historical and ethnographic essays. Moscow — Leningrad, 1966.}

Царькова 2011 — *Царькова Л.* Родом с полуострова Канин // Наръяна вындер. 27 сентября 2011 г. // http://old.nvinder.ru/?t=sm&d=27&m=9&y=2011&n=9. {*Tsarkova L.* Originally from the Kanin Peninsula // Naryana vynder. September 27, 2011 // http://old.nvinder.ru/?t=sm&d=27&m=9&y=2011&n=9.}

Чернецов 1936 — *Чернецов В. Н.* Чум // Советская этнография. 1936, 6. С. 85—92. {*Chernetsov V. N.* Chum // Soviet ethnography. 1936. Vol. 6. P. 85—92.}

Чуклин 2020 — *Чуклин А.* Наталья Латышева: Язык тундры — ненецкий // Наръяна вындер. № 23 (20937). 5 марта 2020 г. // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-23-20937-ot-5-marta-2020-g/64010-natalya-latysheva-yazyk-tundry-neneckiy. {*Chuklin A.* Natalia Latysheva: The language of the tundra is Nenets // Naryana vynder. Vol. 23 (20937). March 5, 2020 // http://nvinder.ru/article/vypusk-no-23-20937-ot-5-marta-2020-g/64010-natalya-latysheva-yazyk-tundry-neneckiy.}

Шренк 1865 —*Шренк А.* Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855. {*Shrenk A.* Travel to the northeast of European Russia through the Samoyed tundra to the northern Ural Mountains. St. Petersburg, 1855.}

Usenyuk et al. — *Usenyuk S.*, *Dudeck S.*, *Garin N.* The making of a home in a changing northern context: an ethnographic account of contemporary housing practices among Russian reindeer nomads // The Polar Journal. 2015. Vol. 5. No. 1. P. 170—202.

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-49-68

Д. В. Кузьмин

Южная Карелия в конце эпохи Средневековья

Кузьмин Денис Викторович, КарНЦ РАН (Петрозаводск); kusmiccu@hotmail.com

В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с историей заселения южной Карелии в период до освоения ее территории современными карелами. Археологические данные свидетельствуют, что регион исследования был заселен около 9 тысяч лет назад, и представленные здесь археологические культуры поэтапно сменяли друг друга на протяжении всего этого времени, вплоть до эпохи Средневековья. В то же время, исследователи не могут точно определить, носителями каких языков были представители палеоевропейского населения Фенноскандии, на смену которому приходят предки современных саамов. Таким образом, наиболее ранний из достоверно определяемых пластов в языках и топонимии народов современной Карелии является (пра)саамским по происхождению. Следы этого пласта лучше всего сохранились в топонимии, а также в заимствованной в карельский, вепсский и русский языки лексике. Прибалтийско-финское население южной Карелии также является достаточно древним, при этом его основу составили представители средневековых вепсов, которые с X века н. э. начали поэтапное освоение южных частей Карелии. С XIII века территорию Карелии начинают активно осваивать древние карелы, чья прародина находилась в северо-западном Приладожье. Со временем приладожские карелы ассимилировали и автохтонное саамское население Карелии, и большую часть переселившихся сюда вепсов.

SOUTH KARELIA AT THE END OF THE MIDDLE AGES

Denis V. Kuzmin, Karelian Research Centre, RAS (Petrozavodsk); kusmiccu@hotmail.com

The article discusses a number of issues related to the history of the settlement of south Karelia in the period before the colonization of its territory by modern Karelians. Archaeological evidence suggests that the region of study became inhabited about 9 thousand years ago, and the archaeological cultures emerged here gradually replaced each other throughout this time, up to the era of the Middle Ages. At the same time, researchers cannot determine exactly which languages were spoken by the local populations of the paleo-European archaeological cultures of Fennoscandia, which had been replaced by the ancestors of modern Sami. Thus, the earliest of reliably identifiable strata in the languages and toponymy of the peoples of modern Karelia is of (pre-)Sami origin. Traces of this layer are best preserved in toponymy, as well as in borrowed vocabulary in the Karelian, Vepsian and Russian languages. The Baltic-Finnish population of southern Karelia is also quite ancient, and it originated from the medieval Vepsians, who from the 10th century A. D. began the gradual settlement of the southern parts of Karelia. From the 13th century, the territory of Karelia began to be actively colonized by ancient Karelians, whose historic homeland was in the northwestern Ladoga area. Over time, the Ladoga Karelians assimilated both the autochthonous Sami population of Karelia, and most of the Veps who moved here from the Svir river area.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00068 А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

Эпоха Средневековья стала важным периодом с точки зрения формирования языков и культуры прибалтийско-финских народов Карелии, поскольку именно в этот период происходило становление карельского и вепсского этносов на территории современной Ленинградской области. Позднее, в эпоху Высокого Средневековья (XI—XIV в.), древние карелы и вепсы начинают освоение современной южной Карелии, переселяясь со своей прародины на север и северо-восток.

Археологическое наследие территории

Территория Карелии является областью давних этнических и языковых контактов. Согласно археологическим данным, в Карелии выявляется, по крайней мере, девять культурно-хронологических пластов и типов древностей, которые, начиная с эпохи мезолита, сменяют друг друга на протяжении девяти тысяч лет, вплоть до эпохи позднего Средневековья [Косменко 1996а: 18].

Новопоселенцы мезолитической эпохи были рыболовами и охотниками на северного оленя и лося. Костные останки этих промысловых животных часто встречаются на берегах озер в местах стоянок человека того времени. В данный период можно говорить о двух отдельных археологических группах находок, которые представляют две разные культуры. Одна из них бытовала в окрестностях Онежского озера, другая — в северной и северо-западной части современной Карелии.

Археологи не могут дать ответа, кем были представители этих доисторических культур и на каком языке они говорили. Несмотря на это, культуру эпохи бронзы в Карелии, для которой была свойственна текстильная керамика, археологи считают наиболее ранней местной финно-угорской культурой [Косменко 2008: 23].

Во второй половине эпохи железного века, а также в раннем Средневековье в Карелии развивается культура лесных саамов [Косменко, Кочкуркина 1996: 379]. Так, например, в западной и северной частях Карелии, а также в восточной и средней частях современной Финляндии превалировала культура лууконсаари (сер. I тыс. до н. э. — II пол. I тыс. н. э.), которая принадлежала древнесаамскому населению [Косменко 2008: 23]. К этой культуре относились в том числе поселения, обнаруженные в южных частях Олонецкой Карелии, в частности в Сямозерье.

Раннесредневековые памятники южных частей Карелии археологи относят к двум территориально-культурным группам. Для первой характерна грубая лепная керамика, основным ареалом распространения которой являются южные части бассейна Онежского озера, включая территорию устья реки Выг и Сямозерье. Вторая — в западной и северной части Карелии — характеризуется стоянками-поселениями без керамики [Косменко 1996б: 272]. Археологические памятники без керамики были распространены на рубеже первого и второго тысячелетий на территории всей восточной Фенноскандии, и их связывают с проживанием здесь древнесаамского населения [Косменко, Кочкуркина 1996: 379]. В Сямозерье, например, поселения без керамики датируются периодом X—XII веков, при этом единичные находки относятся к XIV веку [Косменко 2008: 23]. На севере, а также во внутренних частях Финляндии этот период истории (IV—XI вв. н. э.) именуют «саамским железным веком», для которого также характерно небольшое количество археологических находок.

С древними вепсами, согласно археологическим данным, соотносятся поселения позднего железного века (начало Раннего Средневековья) в южных частях Олонецкой Карелии и на северном побережье Онежского озера, для которых характерна грубая лепная керамика. Этот тип близок керамике, обнаруженной в курганах юго-восточного Приладожья и датируемой тем же временем [Косменко 1996а: 21; 2008: 24].

Саамы

Наиболее ранний из достоверно определяемых пластов топонимии в Карелии является (пра)саамским по происхождению. Считается, что население, говорившее на прасаамском языке, проживало на юге Карелии еще в первых веках второго тысячелетия нашей эры. Таким образом, к началу XIX в. саамы[1] являлись автохтонным населением исследуемого региона уже на протяжении нескольких

[1] Саамы — коренной народ Северной Фенноскандии, языки которого относятся к финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Отделение прасаамского от прибалтийско-финского праязыка произошло на фоне контактов носителей последнего с древними балтами и древними германцами. Кроме этого, важной составляющей данного процесса стали контакты и последующая ассимиляция предками современных саамов древнейшего палеоевропейского населения северной Европы, которое говорило на языках, не относящихся к современным языковым семьям и не оставивших прямых языковых потомков. Доказательством этого является присутствие во всех саамских язы-

сотен лет. При этом последние их представители на самом севере современной республики окончательно перешли на карельский язык в первой трети XIX в. [Pöllä 2001: 97]. Свидетельством процесса ассимиляции является, например, саамская по происхождению лексика современных говоров карельского и русского языков, некоторые черты карельской культуры, а также топонимия саамского происхождения на всей территории Карелии.

Археологи КарНЦ РАН, определяя период, совпадающий с хронологическими рамками железного века (середина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.), как саамский [Косменко, Кочкуркина 1996: 379], не видят на территории современной Карелии археологических проявлений древнесаамской культурно-исторической общности до начала первых веков второго тысячелетия нашей эры и связывают ее, таким образом, только со временем Высокого Средневековья (XI—XIV вв.). Стоит все же отметить, что, согласно исследованиям скандинавских ученых, распространение древнесаамского населения в Швецию через самую узкую часть Ботнического залива с востока должно было произойти не позднее IX—X вв. первого тысячелетия [Bergsland 1995]. Именно на такую хронологию указывает анализ особенностей саамской субстратной топонимии центральных частей Швеции. В связи с этим можно напомнить, что формирование прасаамской языковой общности происходило в первые века первого тысячелетия нашей эры в условном треугольнике между Белым, Ладожским и Онежским озерами [Saarikivi 2011: 113]. С распадом саамского праязыка образовалось два диалекта — северный и южный [Korhonen 1981: 49—50]. К последнему относилось население, осваивавшее в свое время территории южных частей современной Карелии и Финляндии. Именно носители южного диалекта должны были достигнуть центральных частей Швеции не позднее рубежа X—XI в., о чем свидетельствуют данные фонетической адаптации скандинавской топонимии саамами. Указанный факт позволяет осторожно предположить, что освоение древнесаамским населением территории южной Карелии могло произойти достаточно рано. Только после этого далекие предки нынешних шведских саамов должны были продвинуться на запад, на восточное побережье Ботнического залива, а затем и пересечь его. В связи с вышеуказанным возникает вопрос, не с распространением ли этого населения можно увязывать находки в южных частях Карелии, относимые к середине первого тысячелетия нашей эры?

В позднесредневековых, а также наиболее ранних исторических документах, касающихся Карелии, нет сведений о саамском[2] населении на Олонецком перешейке или в южной Карелии. Данный факт все же не противоречит тому, что саамы проживали в то время в пределах этой территории. Опосредованно на это может указывать, в частности, написанное в XV в. жизнеописание Лазаря Муромского. Лазарь основал свою обитель на восточном берегу Онежского озера в середине XIV в. В жизнеописании сообщается о «жалобах» святого по поводу его притеснения местным аборигенным населением, среди которого упоминаются *лопь* ‘саамы’ и *чудь* ‘? вепсы’) [Пашков 2003: 7].

Более ранних сведений о саамском населении наука пока не имеет, однако опосредованно на это опять-таки могут указывать некоторые другие источники. Так, в начале XVII в. от жителей Поросозера

ках, а также в топонимии, в том числе бывших саамских территорий, мощного дофинноугорского субстрата, представляющего собой следы языков древнейшего населения севера Европы. В топонимии Карелии также просматривается палеоевропейское наследие (см. ниже), хотя в ее южной части четких следов этого пласта нет, зато присутствует топонимия финно-угорского/западноуральского происхождения [Saarikivi 2006]. Проживающие в республике карелы называли саамов *lappi* или *lappalaine*, русские же, в свою очередь, именовали их *лопарями*, *лоплянами* или *лопью*.

[2] Из Устава князя Ярослава (Устав Ярослава о мостех) известно, что в XIII веке Новгородское княжество административно делилось на 19 сотен (ста), одна из которых имела название *Лопская ста* (также *Лопская рель*) и относилась в то время к Обонежской волости [НПЛ 1950: 507]. Позже в договоре Новгорода и польского короля Казимира 1471 г. упоминается административная единица *Лопца* или *Лопская волость*, которая граничила на западе с Ижорской землей, а на востоке доходила до реки Волхов в окрестностях Ладоги. На севере Лопская волость ограничивалась Ладожским озером и истоками реки Нева [ПРП 1953: 249, 264]. Считается, что в 1500 г. *Лопская волость* представляла собой *Лопский Егорьевский погост*, который находился по бóльшей части на территории современного Кировского района Ленинградской области.

Можно упомянуть также, что в 1500 г. в Лопском Егорьевском погосте существовала деревня *Поташово в Сосари*, в которой проживал *Поташ Лопин*, а в Ладожском Городенском погосте — деревня *Легмасарь*, где упоминается *Гурейко Лопин* [ПКВП: 12, 259]. В то же время остается не вполне понятным, на что указывало наименование *Лопин* в этих документах. Можно предположить, что его фиксация указывала на потомков ассимилированных не так давно саамов, которые проживали некогда в окрестностях южного побережья Ладожского озера. Нельзя, таким образом, исключать, что именно благодаря этому населению административная единица *Лопская ста* (позднее *Лопский Егорьевский погост*) получила свое название.

Селецкого погоста записано «предание под присягой», согласно которому саамское население проживало здесь еще в середине XV в. [История Карелии: 90]. Согласно письменным источникам XVI в., места проживания саамов фиксируются на севере бывшей Олонецкой губернии, а также в Беломорской Карелии.

Можно отметить, что в Обонежской пятине в 1563 г. на Заонежском полуострове существовала деревня *Лопинская*, которая располагалась на Большом Клименецком острове Кижского погоста. В этом же году деревня с таким же названием фиксируется на берегу Корбо-озера (так в источнике) в Пудожском погосте. В 1496 г. в Шунгском погосте этой же пятины упоминается местность с названием *Лопская матка* [ПКОП: 4, 133, 178]. Кроме этого, вблизи побережья Онежского озера между Повенцом и Чёлмужами существовала еще в XX в. деревня *Лопская*. Согласно одному из народных преданий, первыми жителями этой деревни были именно *лопари* [Криничная, Пулькин 1971]. В другом устном предании, записанном в западной части Архангельской области, сообщается, что первонасельниками окрестностей Кенозера также были *лопари* (полевые материалы Паули Рахконен, устное сообщение). В то же время вопрос о языковой и этнической принадлежности лопарей этого территории остается пока открытым и дискуссионным.

Приблизительно с XIII в. заселенные ранее саамами территории южных частей Карелии начало осваивать древнекарельское население, и впоследствии они вошли в состав Корельской земли Водской пятины. В позднем Средневековье здесь стали появляться постоянные карельские поселения. Со временем эту территорию, начинавшуюся узким клином в северной части Сямозерья и простиравшуюся на север до современной южной границы с Мурманской областью, стали называть Лопскими погостами (кар. *Lappela*, рус. *Лешья Лопь*) [Жуков 2004: 313]. Данное название, без сомнения, свидетельствует, что автохтонным населением этого региона были именно саамы-лопари. В качестве административной единицы Лопские погосты появились в конце XV в. во время правления Ивана III. Иногда эту территорию называли также новгородской Лапландией, и она включала в себя семь Лопских погостов: Линдозерский, Семчезерский, Селецкий, Паданский[3], Ругозерский, Шуезерский и Панозерский [История Карелии: 312].

Более ранний «Лопский погост» мог существовать некогда и в южной части современного Олонецкого района, о чем свидетельствуют, например, данные топонимии. Считается, что первые погосты на юге Республики Карелия появились к середине XIII в. на землях средневековых вепсов — в Посвирье и на Олонце, а также у русских и вепсских крестьян-переселенцев на Заонежском полуострове. Так, исследование текста Обонежского ряда и летописных сведений того времени показало, что налог (десятина) с погоста на Олонце стал поступать Дому Святой Софии в Новгород с конца 1250-х годов, когда эти земли были отданы республикой новгородскому князю в кормление [Жуков 2000: 44].

Между городом Олонец и деревней *Ватчелицы* (кар. *Vuaččilu*) Рыпушкальского с/с на не заливаемом во время разлива реки Олонки[4] месте находились еще в середине XX в. километровый участок нетронутого леса и старое кладбище. Данная территория носила в карельской среде название *Lapinpogostu,* букв. «лопский/лопарский погост» [НТА]. Возможно, именно здесь могло располагаться некогда поселение Олонец, впервые упомянутое в 1228 г. в приписке к Уставу новгородского князя Святослава Ольговича. Отэтнонимическое название может тем самым свидетельствовать о том, что первонасельниками окрестностей Олонца, вероятно, были именно саамы-лопари, населявшие в тот период окрестности современного города.

Приведенные выше сведения дают возможность предположить, что до прихода прибалтийских финнов (вепсов) в пределах современного Олонца мог находиться так называемый саамский «зимний погост», который являлся определенной формой организации и сотрудничества нескольких родов / семейных групп саамского населения (ср. совр. саам. «зимняя деревня»). В их пользовании были «общинные» промысловые угодья, распределение и управление которыми происходило в зимнее время, когда члены родов собирались вместе для решения общих организационных и правовых вопросов. По мнению ряда исследователей, появление такой формы организации саамских родовых сообществ относится в разных

[3] В Карелии фиксируются отэтнонимические названия *lappi* и *lappalaine*, которые указывают, как правило, на население, проживающее на севере по отношению к говорящим, несмотря на то, что речь идет о (саамах или) том же карелоязычном населении [Бубрих 1947: 39—40]. Интересен при этом тот факт, что карелы бывшей Мяндусельской волости, а также некоторых деревень Паданской волости до сих пор используют в отношении себя самоназвание *lappalaine* (букв. ‘саам-лопарь’), а также называют свой язык *lapinkieli* (букв. ‘саамский язык’).

[4] Заметим, что и само название реки *Олонец* (совр. *Олонка*, кар. *Anuksenjogi*) может быть саамским по происхождению, ср. прасаам. **ōlō* ‘паводковые воды’ + топонимообразующий суффикс *nčē*, т. е. **ōlōnčē* → *Олонец*. Этому, например, не противоречит расположение низовий реки в пределах Олонецкой равнины, которая в период проживания здесь саамского населения была, видимо, подвержена весенним паводкам.

частях Фенноскандии к периоду Средневековья, а именно к 800—1150/1300 гг. нашей эры [Halinen 2011: 158; Carpelan 2003: 70—71]. Можно, таким образом, полагать, что освоение древними вепсами (прибалтийскими финнами) окрестностей Олонца не было, видимо, случайным, поскольку здесь мог находиться некий административный центр саамского населения северо-восточного Приладожья, рано попавший в сферу экономических и торговых интересов древних вепсов.

Лексика саамского происхождения[5]

На основании бытования саамской по происхождению топонимии можно говорить о том, что саамы-лопари населяли ранее всю территорию современной Карелии. В то же время письменных языковых памятников проживавших в Карелии саамов не зафиксировано. Исчезновение или смена языка местного автохтонного населения происходили по мере постепенного смещения языковой границы вследствие освоения прибалтийскими финнами все новых и новых территорий, начиная с конца Средних веков. На основании лингвистических данных можно с большой долей уверенности говорить о том, что часть древнесаамского населения Карелии могла быть ассимилирована прибалтийско-финскими новопоселенцами. Нельзя исключать, что в конце эпохи Средневековья в этом процессе приняло участие и славянское население Новгородских земель. Свидетельством этого являются заимствованные у саамов слова в местных говорах карельского, вепсского и русского языков. Они фиксируются, например, в большом количестве в местной географической лексике, а также в лексике фауны (ср. кар. *čiekerö*, *kiekerö* [KKS], рус. *кегора*, *тегора* ‘зимнее пастбище оленей’ < **čiekęr* ‘тж.’; кар. *pahta*, *puahto* [KKS], рус. *пахта* ‘крутая (отвесная) скала; скалистая возвышенность, круча’ < **pāktē* ‘скала’; кар. *kumpši* [KKS], рус. *кумжа* [Дуров 2011: 198] ‘озерный лосось, таймень небольшого размера’< **kuvčā/ē* ‘таймень’; кар. *muržu* [KKS], рус. *морж* ‘морж’ < **moršę* ‘тж.’; кар. *nuoska*, *nuoskie* [KKS] ‘влажный; сырой’ < **ńuockę* ‘тж.’, другие примеры см. [Kuzmin 2013: 99—102].

Иначе говоря, значительная часть заимствованных у саамов слов относится к промысловой терминологии, а также связана с особенностями северного ландшафта, которые отсутствовали на территории прежнего проживания новопоселенцев. Данный факт говорит о том, что они столкнулись на новоосвоенных территориях как с новыми для себя реалиями ведения промысловой деятельности (морской промысел, оленеводство), так и с новыми типами уже известных промыслов, таких как охота и рыболовство, в новых природных условиях. Например, названия многих беломорских рыб имеют прямые параллели в саамских говорах Кольского полуострова. Интересно также при этом, что позднее многие из них вошли в современный русский язык.

Таким образом, новая лексика не создавалась средствами своего языка, а напрямую заимствовалась у первонасельников региона — саамов-лопарей. Выше уже указывалось, что, по крайней мере, часть саамского населения Карелии была ассимилирована новопоселенцами, что явилось, в свою очередь, хорошей предпосылкой для сохранения традиционной саамской лексики в карельских и русских говорах населения региона. Кроме этого, часть лексики, без сомнения, была заимствована через межнациональные браки, а также в результате торговых отношений местного автохтонного и пришлого населения.

Можно отметить также, что бóльшая часть фиксируемых у карел и русских слов известна прежде всего в северных говорах собственно-карельского наречия, а также в поморских говорах современного русскоязычного населения — иначе говоря, на территориях, проживание на которых лопарей документируется по историческим источникам начала Нового времени. В то же время немало саамских заимствований фиксируется и в южных частях Карелии, а также в вепсских и русских говорах северо-запада России, на территориях, расположенных достаточно далеко от ареала современного бытования саамского языка: ср. рус. *арешник* ‘камень-голыш’ [Окороков 2005: 369] < прасаам. **ārē* ‘каменистое место’ (> саамК *ā’rešm*) [Itkonen 2011: 16]; рус. *чолма* ‘пролив’ [ПФГЛ: 84] < **čoalmē* ‘пролив’; кар. *jok(k)oh*, *jokkohut* ‘звериная тропа, протоптанная в снегу; тропинка; путик’ [KKS] < саамК *čuahkas*, *čuegas* ‘зимник’ [Itkonen 2011: 686]; рус. *янга*, *янговина* ‘топкое место на болоте; окно на болоте; сырая ложбина’ [Куликовский 1898: 142] < **jēnkē* ‘болото’; кар. *kenti*, *kenttä* ‘открытая ровная поляна или луг (с песчаной почвой)’ [KKS], вепс. *kend(äk)* ‘берег водоема, край болота’ [СВЯ: 194], рус. *кенда* ‘возвышенное травянистое место на болоте; бор на возвышенности с песчаной почвой’ [Куликовский 1898: 35] < **kientē* ‘природный луг’; кар. *korgo* [KKS], рус. *корга* ‘каменистая отмель; подводная скала’ [Куликовский 1898: 40] < **kuorkō(j)* ‘отмель, риф, луда’; кар. *kuotkuva* [KKS], рус. *коткуй* ‘(узкий) перешеек’ [НТА] < **kuotkō(j)* ‘перешеек’; кар. *kuržu* ‘влажное буреломное место или овраг’ [KKS] < **korsę* ‘овраг, ложбина’;

[5] При написании данного раздела была использована следующая литература: [Aikio 2009; Itkonen 1986, 2011; Lehtiranta 1989; Nielsen 1979; Фасмер 1986].

кар. *n'uoru* [KKS], рус. *нюра* ‘подводная отмель’ [Куликовский 1898: 66] < **ńuorę* ‘отмель’; кар. *näčäkk/ä*, *-ö* ‘сырая, влажная почва’ [KKS], рус. *няша*, *няча* ‘ил, жидкая грязь; тинистый наносной берег; илистое дно водоема’ [Куликовский 1898: 67; НТА] < саамК *ńⁱešše* ‘ил; грязь’ [Itkonen 2011: 300]; кар. *uaje* ‘(заросший) родник; жидкое болотистое место’ [KKS] < **ājęk* ‘родник, ключ’; кар. *poža* ‘залив’ [Кузьмин 2020: 164] < **poaššō* ‘задний угол чума’ > ‘залив’; кар. *ruopas* [KKS], рус. *ропака*, *ропас* ‘груда или куча камней; ледяная глыба или затор’ [Подвысоцкий 1885: 148] < **roapē* ‘груда камней; скалистая возвышенность’; кар. *tundurvuara* [KKS], рус. *тундра* ‘(поросшая ягелем) возвышенность; вершина крупной возвышенности’ [Подвысоцкий 1885: 186] < **tōntęr* ‘возвышенность’ (> саамК *tūndar* [Itkonen 2011: 613]); кар. *vuara*, *vuaru* [KKS], рус. *варака* ‘лесистая возвышенность’ [Кузьмин 2020: 230] < **vārē* ‘лесистая возвышенность’; кар. *alli*, *al'l'eikka* [KKS], рус. *аллейка* ‘утка-морянка’ [Подвысоцкий 1885: 1] < саамК *allòōkɛ* ‘утка-морянка’ [Itkonen 2011: 11]; кар. *čiekšo* ‘скопа’ [KKS] < **čiekčę* ‘скопа’; рус. *чухарь* ‘глухарь’ [Куликовский 1898: 134] < **ćukčē* ‘глухарь’ (> саамК *čuhčč* [Itkonen 2011: 958]); кар. *kond'ii* [KKS], вепс. *kon'd'i* ‘медведь’ [СВЯ: 223] < **kuomčę* ‘медведь’; кар. *kuukšo(i)* [KKS], рус. *кукша* ‘кукша’ [Подвысоцкий 1885: 77] < **kuokseŋkę* ‘кукша’; кар. *čole* ‘потроха рыбы; внутренности; кишки’ [KKS] < **čoalē* ‘кишка’; кар. *čumu* ‘что-либо с горкой; выше краев’ [KKS] < **čomę* ‘куча’; кар. *čuna* [KKS], рус. *чун(к)и* ‘керeжа; (саамские) санки’ [Дуров 2011: 440] < **ćoanē* ‘керeжа; санки’; кар. *čura* ‘сторона, край, бок’ [KKS] < **čorō* ‘бок, край’; кар. *čurmuine* ‘небольшое количество чего-либо; крупица, частица’ [KKS] < **čormę* ‘горсточка; пригоршня’; кар. *kualua* ‘брести, пробираться’ [KKS] < **kālē-* ‘брести, пробираться’; кар. *nuoska* ‘влажный; сырой’ [KKS] < **ńuockę* ‘тж.’; кар. *ola(s)* ‘направляющий желобок (на нижней поверхности лыжи)’ [KKS] < **oalē-s* ‘тж.’; кар. *puoska*, *puosku* ‘мелюзга (грубо о ребенке)’ [KKS] < **puockę* ‘тж.’.

Все вышеперечисленное указывает на активные контакты в пределах рассматриваемой территории пришлого прибалтийско-финского и русского населения с местными саамами, результатом чего и явилась достаточно хорошая сохранность как саамского пласта топонимии, так и названий, которые косвенным образом могут указывать на саамов. Можно также полагать, что в результате этих контактов часть саамского населения вошла через процесс билингвизма в состав прибалтийских финнов и русских карельского Беломорья [Кузьмин 2016: 181—185] в связи со сменой этнического самосознания и языка.

Топонимия саамского происхождения

Топонимия играет важную роль в исследованиях языковой и ранней истории того или иного региона. Для этого есть несколько основных причин. Во-первых, древняя топонимия массово сохраняется со времени, о котором не имеется никаких других письменных источников. При этом географические названия, как мы знаем, нередко представляют собой рудименты языка/языков, на которых говорило древнее население изучаемой территории. Таким образом, топонимы являются ценным источником для реконструкции исторической лексики и антропонимии. Во-вторых, географические названия закрепляются и сохраняются именно на тех территориях, на которых они используются. Многие значительные по размеру, а также важные с точки зрения хозяйственного использования географические объекты были названы достаточно давно, а их названия используются нами и сегодня, несмотря на неоднократную смену населения и языков. Предпосылкой сохранения древней топонимии в таких случаях является естественный и поэтапный ход изменения языковой и этнической ситуации в регионе.

Итак, в сравнении с другими источниками преимущество топонимии состоит в том, что ее сохранилось достаточно много. Кроме этого, одни и те же топонимические типы повторяются в разных контекстах на разных территориях, и тем самым их связь с ранними языковыми формами можно подтвердить. Ареалы топонимных моделей с разными языковыми истоками отражают процесс формирования этноязыковой карты той или иной территории, в нашем случае — Карелии. Таким образом, топонимия является надежным и многоплановым источником при освещении целого ряда вопросов, касающихся происхождения поселений, миграций и границ расселения различных этнических групп. В ней находит отражение хозяйственная и промысловая деятельность населения, природа и ее ландшафтные особенности, пути передвижения, поселенческая структура, а также другая историко-культурная информация.

Зафиксированные в Карелии топонимы позволяют выявить, например, места раннего возможного проживания саамов-лопарей в южных частях исследуемого региона. Ранее уже было отмечено, что саамской древней формой локального общинного сообщества являлась «(зимняя) деревня», или саам. *siida* (саамН) [SSS: 203] < **sijtę*. Она объединяла несколько семей или родов, у которых была общая территория проживания и природопользования. Девять месяцев в году каждая семья занималась промыслами на выделенной ей общиной территории, а три зимних месяца они проживали в сийде [Vilkuna 1971: 201—236]. Можно осторожно предположить, что о такой форме общинного (коллективного) проживания саамского

населения в Карелии свидетельствуют такие топонимы, как *Siidniemi*[6] (деревня, Святозерская волость) и *Siidarvi* (озеро, Янгозеро, Поросозерская волость). Топонимы с атрибутивной частью *Ši(i)d-* фиксируются и в топонимии вепсов в Ленинградской области, и они, возможно, примыкают к группе рассматриваемых названий, зафиксированных в Карелии: ср. *Šid'järv* (рус. *Сидозеро*) (бассейн Капши, Ленинградская область), *Šid'järv* (рус. *Шидозеро*) (бассейн Лиди, Ленинградская область).

О саамском периоде в истории Карелии свидетельствуют и многие другие топонимы саамского происхождения. Необходимо все же заметить, что многие названия крупных гидрообъектов в топонимии республики остаются пока без надежной этимологии с точки зрения саамских языков. Данный факт является, видимо, свидетельством того, что этот пласт древней топонимии мог принадлежать населению, проживавшему здесь до освоения территории древними саамами. Наука на данный момент не выработала однозначного ответа на вопрос о принадлежности языка этого населения, однако следы его жизнедеятельности сегодня — это археологические находки досаамского периода в истории региона и, конечно же, топонимия. Кроме этого, следует помнить, что язык саамского населения Карелии, особенно ее южных частей, не является идентичным современным саамским языкам северной Фенноскандии, и тем самым часть затемненных названий географических объектов все же может относиться к незасвидетельствованному языку древних саамов-лопарей, проживавших на территории современной Карелии, особенно в ее южных частях.

В самих саамских языках сегодня фиксируется значительное количество слов, для которых не обнаружено никаких убедительных финно-угорских языковых параллелей. Среди них, например, *geađgi* 'камень', *njárga* 'мыс', *ája* 'родник', *bákti* 'скала', *roavvi* 'выгоревшая земля', *vuotna* 'фьорд, вытянутый по форме залив', *gáisa* 'возвышенность со снежной вершиной (летом)', *lismi* 'конец порога', *leakšá* 'лесистая долина', *lu'smm* 'исток реки', *suotnju* 'крупное болото', *njálla* 'песец', *morša* 'морж' [Saarikivi 2011: 104—105]. Речь, таким образом, идет о языковом субстрате, который был усвоен древними саамами от более раннего автохтонного населения. Другими словами, предки современного саамского населения, продвигаясь на север, ассимилировали проживавшее здесь ранее палеоевропейское население Северной Фенноскандии, происхождение которого до сих пор спорно. Однако, как уже было отмечено выше, следы его фиксируются в археологических находках. Возможно, что массовое ДНК-тестирование населения северо-восточных частей Европы прольет в будущем свет на эту проблему.

Следы языка этого населения фиксируются и в топонимии. Например, среди саамских слов субстратного характера можно видеть большое число географических терминов, которые сегодня широко известны в топонимии разных диалектных зон саамского языка. Часть из них представлена также в географических названиях современной Карелии и сопредельных территорий. Таким образом, ареал распространения подобных языковых элементов в топонимии отражает ареал расселения древнесаамского населения, который, например, не распространяется далеко на восток и юго-восток, на территорию современных Архангельской и Вологодской областей.

В карельской топонимии есть большое количество названий, которые остаются сейчас без надежной прибалтийско-финской или саамской этимологии. К таким затемненным топонимическим типам относятся, например, многие лимнонимы, или названия озер, ср. *Tuoppajärvi*, *Kuittijärvi*, *N'uokkijärvi* (*N'uokku-*) и др. Отметим также, что среди тридцати самых крупных озер Карелии только три названия имеют сегодня прибалтийско-финский источник: *Himol'anjärvi* (рус. Гимольское озеро, Поросозерская волость, ранее озеро **Jongu*), *Roukkulanjärvi* (Ровкульское озеро, Ребольская волость, ранее **Enängi*) и, видимо, *Luadokka*, или *Ладожское озеро* [Муллонен 2012а: 11]. Названия же целого ряда других остаются до сих пор без надежной этимологии. Это распространяется и на названия рек.

В то же время среди названий крупных озер есть и такие, которые можно достаточно легко объяснить с точки зрения саамского или прасаамского языков. Например, без особых проблем можно восстановить саамскую праформу для второго по величине озера Европы — Онежского, ср. вепс. *Änine*, кар. *Iänizjärvi* < **ēnē* 'большой' [Муллонен 2002: 281], а также для Выгозера (кар. *Uikujärvi*, *Vuikkajärvi*), в названии которого воспроизводится наименование реки Выг, которое, в свою очередь, может восходить к именованию порога **Vuikakoski* < **vēkę* 'сила; сильный, мощный' или **vękę* 'с сильным течением' [Муллонен 2007: 202], *Пяозера* (саам. *Bejauri* [Sjögren 1861: 128], кар. *Piäjärvi* ← **Päijärvi*[7] < **päjä*

[6] К этой группе могут относиться порог *Siidoikoski* < **Siidakoski* (Куйтежа, Неккульская волость), озеро *Siidarvi* < **Siidajärvi* (Янгозеро, Поросозерская волость), болото *Сидосуо* < **Siidasuo* (Лужма, Ребольская волость), (?) озеро *Ситозеро* < **Siidajärvi* (Вожмогора, Петровский Ям), а также, возможно, озеро Сигозеро в бывшей Коткозерской волости, название которого фиксируется в ревизских сказках 1782 и 1834 гг. в т. ч. в форме *Сидозеро* < **Siidajärvi* [РС 1782, 1834].

[7] Ср. крупный залив озера Пяозера с названием *Päilakši.*

‘верхний’) и *Сямозера* (кар. *Siämäjärvi*) < прасаам. **sāmē* < **šämä* ‘саам’ (> фин. *häme-*). Относительно последнего И. Муллонен отмечает, что при некоторых спорных моментах данная этимология привлекает тем, что в ней отражается универсальная для топонимии ситуация появления отэтнонимных географических названий на границах расселения этносов и этнических групп. В данном случае можно предполагать, что Сямозеро было пограничным водоемом уже на этапе саамского освоения региона [Мамонтова, Муллонен 2008: 26—27]. Интересно при этом, что Сямозерье и сегодня является пограничным регионом на диалектной карте Карелии, гранича на востоке с говорами людиковского наречия, а на севере — с собственно-карельским языковым ареалом.

Наибольшее количество саамских по происхождению названий фиксируется в средней и северной Карелии, где известно о проживании саамского населения по документам XVI—XIX вв. Но и в более южных районах республики фиксируется немало названий, которые являются саамским наследием в топонимии. Можно, например, отметить, что большинство карелоязычных названий бывших волостей имеет доприбалтийско-финские истоки: ср. *Videle* (рус. *Видлица*), *Vieljärvi* (рус. *Ведлозеро*) < **vitel-* (неизвестного происхождения), *Kotkadjärvi* (рус. *Коткозеро*) < прасаам. **kuotkō(j)* ‘перешеек’, *Kuujärvi* (док. *Кукозеро*, *Гулкозеро*) [ПКОП: 271] < прасаам. **kukkē* ‘длинный, долгий’, *Vuohtajärvi* (рус. *Вохтозеро*) < прасаам. **uktį* ‘путь, дорога’, *Munjärvi* (рус. *Мунозеро*) (неизвестного происхождения), *Kontupohja* (рус. *Кондопога*) < ? прасаам. **kontē* ‘дикий олень’, *Šuoju* (рус. *Шуя*) < ? прасаам. **s'ojä* (саам. *čuoddjá* [Mattus 2010: 15]) ‘длинный узкий залив, в который впадает крупная река’, *Siämäjärvi* (рус. *Сямозеро*) (прасаам **sāmē* ‘саам, лопарь’).

В то же время названия карелозычных приходов финской Карелии, за исключением самого северного прихода Иломантси (кар. *Il'manči*)[8], имеют уже прибалтийско-финские истоки, ср. *Salmi*, *Imbilahti*, *Suistamo*, *Korbiselgä*, *Suojärvi*, *Sovanlahti*. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что прибалтийско-финские поселения на данной территории имеют более долгую историю, чем в Республике Карелия. Однако и в финляндской Карелии фиксируется немало названий, которые появились еще в саамский период истории региона. Некоторое количество саамов проживало здесь, на широте Сямозера, еще в первой половине XVII в. Известен, например, случай, когда один из представителей этого этноса женился на девушке из района Тулмозера [Korhonen 1938: 63].

Отметим здесь, что многие из представленных в топонимии Карелии топооснов саамского происхождения (напр., *čolm-*, *el-*, *jang-*, *jaur-*, *kuk-*/*kukas-*; топонимические примеры см. [Kuzmin 2013: 107—113]) фиксируются на обширной территории от Кольского полуострова и по крайней мере до Белого озера на юге, а также до Северной Двины на востоке. Важно также, что эти топоосновы восходят к общей для прибалтийских финнов и саамов праязыковой лексике. Таким образом, обширный ареал бытования этих элементов в топонимии может указывать на территорию проживания на северо-западе России населения, которое говорило некогда на едином древнем праязыке[9].

Возможно, что память о саамском населении в южных частях Карелии хранят также названия с отэтнонимической атрибутивной частью *Lapin-*/*Lappi-*[10] (карел. *lappi*/*lappalaini* ‘саам, лопарь’ [KKS]): *уг. Lapinniittu* (Святозеро), *бол. Lapinsuo* (Мошничье), *оз. Lapind'ärvi* (Михайловское), *оз. Lapinlambi* (Курганова Сельга), *о. Lapinsuari* (Руга), ? *зал. Lappilahti* (Кукойвара), *бол. Lapinsuo* (Ильинское) и др.

С другой стороны, очевидно, что язык саамского населения южной Карелии не был идентичным современным саамским языкам и, видимо, мог в значительной степени отличаться от них. Топонимические

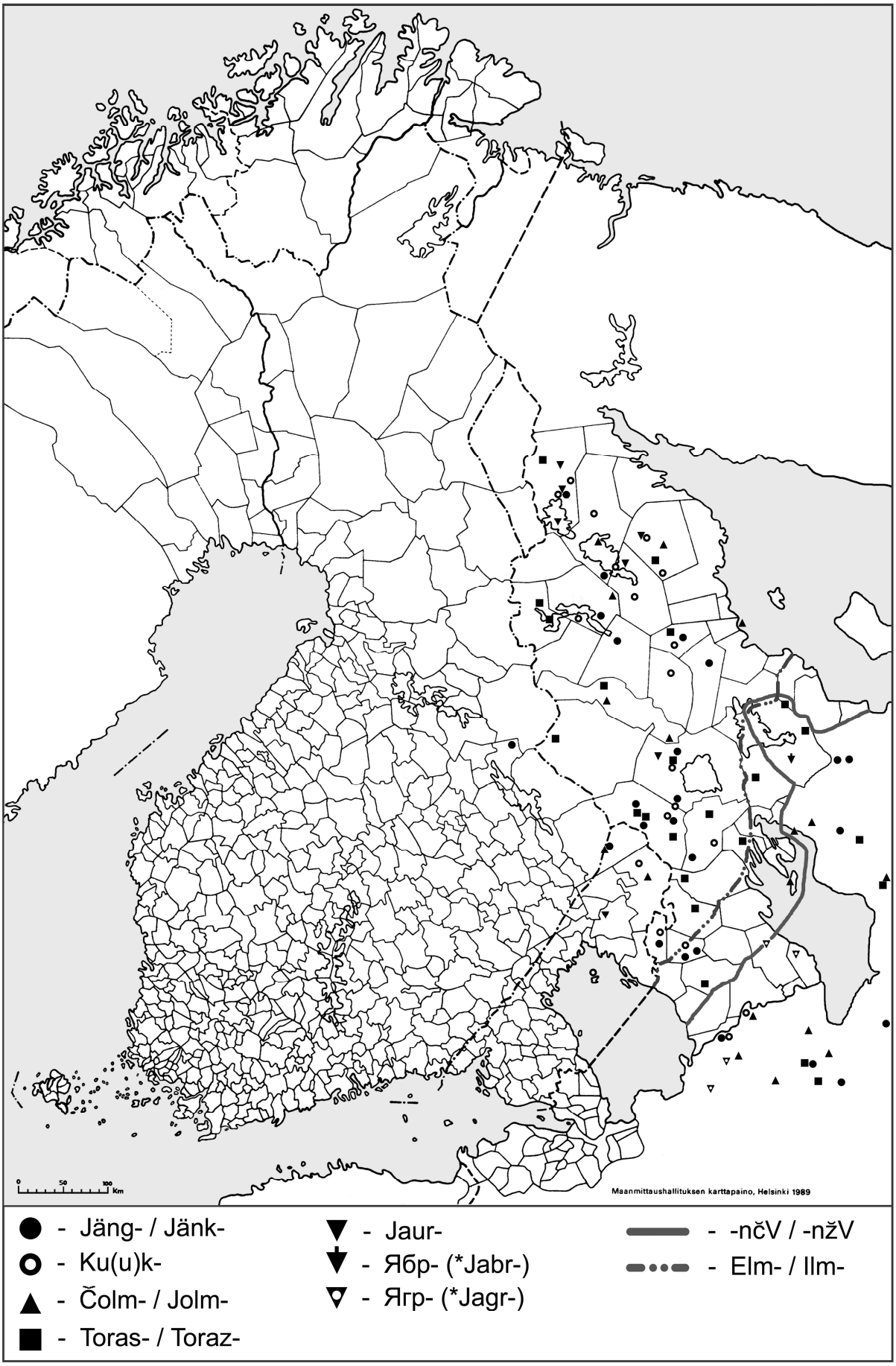
---

[8] О происхождении см. ниже.

[9] Распад единой прибалтийско-финско-саамской языковой общности произошел приблизительно на рубеже бронзового и железного веков, или за 500—600 лет до н. э.; возможно, несколько позже.

[10] Свидетельствами древний промысловой традиции являются в Карелии географические объекты с названиями *Lapinpačaš* (букв. ‘лопарский столб’), которые в конце XIX в. нередко фиксировались в местах рыбной ловли в Средней Карелии. Аналогичные деревянные столбы в окрестностях охотничьих и рыболовных угодий встречались в XIX в. и в северо-восточной Финляндии. Финское население считало их «богами» саамов, которые раньше здесь проживали. Согласно записанным устным рассказам, отправляясь на промыслы, саамы обещали установить столб-сейд или вырезать на дереве образ (лик) «бога» в случае, если охота или рыбалка окажется удачной. Известно также, что эти деревянные столбики заменяли саамам каменные сейды, и им поклонялись во время промыслов. При этом они часто высекались в форме человеческой головы [Krohn 1894: 77; Leppäaho 1935: 38; Конкка 2013: 22—33, 46—48].

В данном контексте стоит, видимо, упомянуть, что в 1563 г. в Важенском погосте в окрестностях современного села Михайловское фиксировалась *деревня над Бесовою головой на Бесовом ручью* [ПКОП: 86] (совр. рус. *Гижино*, кар. *Hidniemi*). Можно предположить, что это название указывает на описанную выше саамскую традицию в северных частях Финляндии, где зафиксировано немало столбов-сейдов (фин. *kalajumala* или *keripää*) вблизи хороших тоней, особенно в бассейне реки Кемийоки [Elo, Seppälä 2011: 23, 27].



Карта-схема 1. (Пра)саамские топонимные типы на территории Карелии

данные также свидетельствуют, что и на самой территории современной Карелии формы древнесаамского языка не были едиными. В разных частях исследуемого региона топонимические и лексические параллели для «докарельских» географических названий обнаруживаются на территории бытования разных саамских языков. В данном контексте можно все же отметить, что часть лексических элементов, имеющих широкое распространение в современной саамской топонимии, фиксируется, прежде всего, в северной и средней Карелии. На более южных территориях, а также в восточных частях Карелии топонимия свидетельствует о том, что здесь некогда бытовали отличающиеся от современных формы древнесаамского языка.

Так, показательным примером может служить зафиксированный в топонимии элемент, за которым стоит прасаамский диминутивный суффикс **-ńće*. В Карелии бытуют два генетически близких варианта этого суффикса: *-nčV (*-ńče)* и *-нжа/-нза* (**-ńdźe*), из которых первый представлен как в карельской, так и в русскоязычной топонимии, второй — только среди русскоязычных названий в южных частях Обонежья и в юго-восточной части Карелии, включая восточные части современной Архангельской области на границе с современной Карелией (ср. река **Ōlōnčē* (рус. *Олонец*), поселение *Povenča* (рус. *Повенец*) // остров *Веренжа* (Водлозеро, Пудож), река *Роменьжа* (Воренжа, Сумозеро)) [НТА].

Данные факты свидетельствуют о явной ареальной оппозиции *-nčV/-nžV*, за которой скрываются разные этноязыковые истоки населения, давшего названия географическим объектам. В этом случае форма древнесаамского (субстратного) языка в восточной и юго-восточной части Обонежья отличалась, судя по распространению рассматриваемого элемента, от субстратного языка, бытовавшего в западной и северо-западной частях Карелии. Границей этих двух древних диалектов была, видимо, на определенном этапе условная линия: река Свирь — Онежское озеро — Выгозеро — река Выг — побережье Белого моря. К северу и западу от этой границы использовалась форма с формантом *-nčV*, в то время как на востоке и юго-востоке — элемент *-nžV*, ср. на соседствующих «пограничных» территориях: озеро *Пелончозеро* в Выгозерье и часть реки с названием *Воренжа* в Сумозерье, а также однокоренные атрибутивные части в названии острова *Ilmančisuari* в бывшей Поросозерской волости и реки *Илменза* (**Ilemenza*) в Сумозерье [НТА].

Этот же суффиксальный тип можно выделить в карелоязычной и финноязычной субстратной топонимии современной Финляндии: ср. озеро *Il'mančinjärvi* (Иломантси), река *Kuvansi(njoki)* (Ёройнен), озеро *Kuvansi* (Леппявирта), озеро *Syvänsi* (Яппиля) [NA]. Данный факт свидетельствует о том, что в западных частях современной Карелии и в восточной Финляндии бытовал некогда один общий саамский язык или, по крайней мере, достаточно близкие его диалекты.

Далее в топонимии Карелии присутствует два топонимических типа, которые также являются показательными с точки зрения языковой истории саамов Карелии, — *Ilm-* и *Elm-*. Речь в данном случае идет о двух фонетических вариантах одной и той же лексемы, которая восходит к общей прасаамской основе **elmē-* ‘самый верхний’. Фонетический облик указанных выше элементов дает возможность интерпретировать ареал их распространения в свете разных этапов развития древнесаамского языка. Границей этих типов является опять же условная линия Иломантси — Тулмозеро — Ведлозеро — Сямозеро — северо-западная часть Онежского озера — восточная часть Выгозерья. На ее северной стороне в топонимии фиксируется атрибутивный элемент *Elm-* (ср. ручей *El'mičoja* (Эльмитозеро, Вохтозеро)), в то время как на южной выступают названия на *Ilm-* (ср. болото *Ilmahansuo* (Самбатукса, Неккула)). К ареалу последнего из упомянутых типов примыкает ряд топонимов за пределами Карелии, например в Ленинградской и в восточной части Архангельской области. Одно название рассматриваемого типа — возвышенность *Ilmačinvuara* — известно также к северу от вышеуказанной линии — в деревне Янгозеро бывшей Поросозерской волости.

Таким образом, на основании качества начального гласного можно говорить также о двух диалектах древнесаамского языка, из которых форма *Elm-* ближе к поздней прасаамской, а форма *Ilm-* — к ранней прасаамской языковой форме [Муллонен 2018: 20—21]. Тем не менее данный вопрос требует дальнейшего исследования, поскольку названия на *Elm-* фиксируются также достаточно далеко от современной Карелии, например в Архангельской и Вологодской областях (ср. [Saarikivi 2006: 196—197]).

Вепсы

На смену саамам в Обонежье приходит прибалтийско-финское население, и первенство здесь принадлежало древним вепсам, которые начали осваивать территории к северу от Присвирья в самом конце I тыс. — в первые века II тыс. н. э.

Свидетельством проживания древневепсского населения в южных частях Олонецкой Карелии в конце эпохи викингов может являться курганная культура, фиксируемая на берегах рек Видлицы, Тулоксы,

Олонки[11] и датируемая периодом X—XIII вв. Фиксируемые здесь погребальные памятники аналогичны курганам юго-восточного Приладожья, и тем самым данный факт позволяет говорить о переселении на Олонецкую равнину населения с более южных территорий[12]. Формирование самого древневепсского населения происходило в южном Приладожье, а наиболее ранние курганы появляются здесь во второй половине IX в. [Кочкуркина 1996: 290]. Вскоре после этого древневепсское население осваивает бассейн Паши и нижнее течение Ояти, а также продолжает продвигаться все дальше на север и северо-запад. Поселенческая деятельность древних вепсов подтверждается также раскопками курганов, проводившимися в 1990-х гг. на Заонежском полуострове и на северном побережье Онежского озера. И в данном случае археологами обнаружены явные связи уже территории Заонежья с курганной культурой юго-восточного Приладожья [Кочкуркина 2019: 288—289; Saksa 1998: 120, 124]. В то же время появление вепсского населения в Заонежье относится все же к более позднему историческому периоду, чем на Олонецкой равнине.

Далее можно отметить, что, согласно археологическим данным, в эпоху викингов у древних «вепсов» было три основных поселенческих центра: долина реки Шексны к югу от Белого озера, долина реки Суды к юго-западу от Белого озера и долины рек Ояти, Сяси и Паши в юго-восточном Приладожье [Кочкуркина 2006: 182—186]. Однако в соответствии с современными ономастическими представлениями применительно ко всем вышеуказанным центрам вряд ли можно говорить о вепсах как прибалтийско-финском населении. Речь в данном случае идет скорее о веси как древнем населении Белозерья, которое в языковом отношении сближалось с населением Поволжья или с тем населением, которое можно характеризовать как носителей западно-уральского праязыка, общего предка саамских, прибалтийских-финских и мордовских языков. Судя по топонимии, в Белозерье выявляется очень мощный неприбалтийско-финский пласт, в то время как прибалтийско-финский относительно слаб и представлен в значительной степени в северном и северо-западном Белозерье, при этом поздними топонимическими типами. Таким образом, «весь белозерская» русских летописей может быть тем древним населением, на которое «наложились» прибалтийские финны, продвинувшиеся из Поволховья на восток и юго-восток [Захарова, Макарова, Муллонен 2016; Муллонен 2019: 306, 312; Муллонен 2012б: 18; Saarikivi 2006].

В процессе колонизации древними вепсами Ладожско-Онежского межозерья их этнический ареал к XV в. охватил обширные земли, включающие территорию современного расселения людиков и ливвиков, сформировавшихся в результате этнического взаимодействия вепсов и пришлых «корельских выходцев» из северного и северо-западного Приладожья [Жуков 2008: 42—43]. В основе двух карельских наречий, ливвиковского и людиковского, хорошо просматривается вепсская субстратная языковая основа, при этом именно у людиков сохранился значительный вепсский элемент на всех уровнях языка.

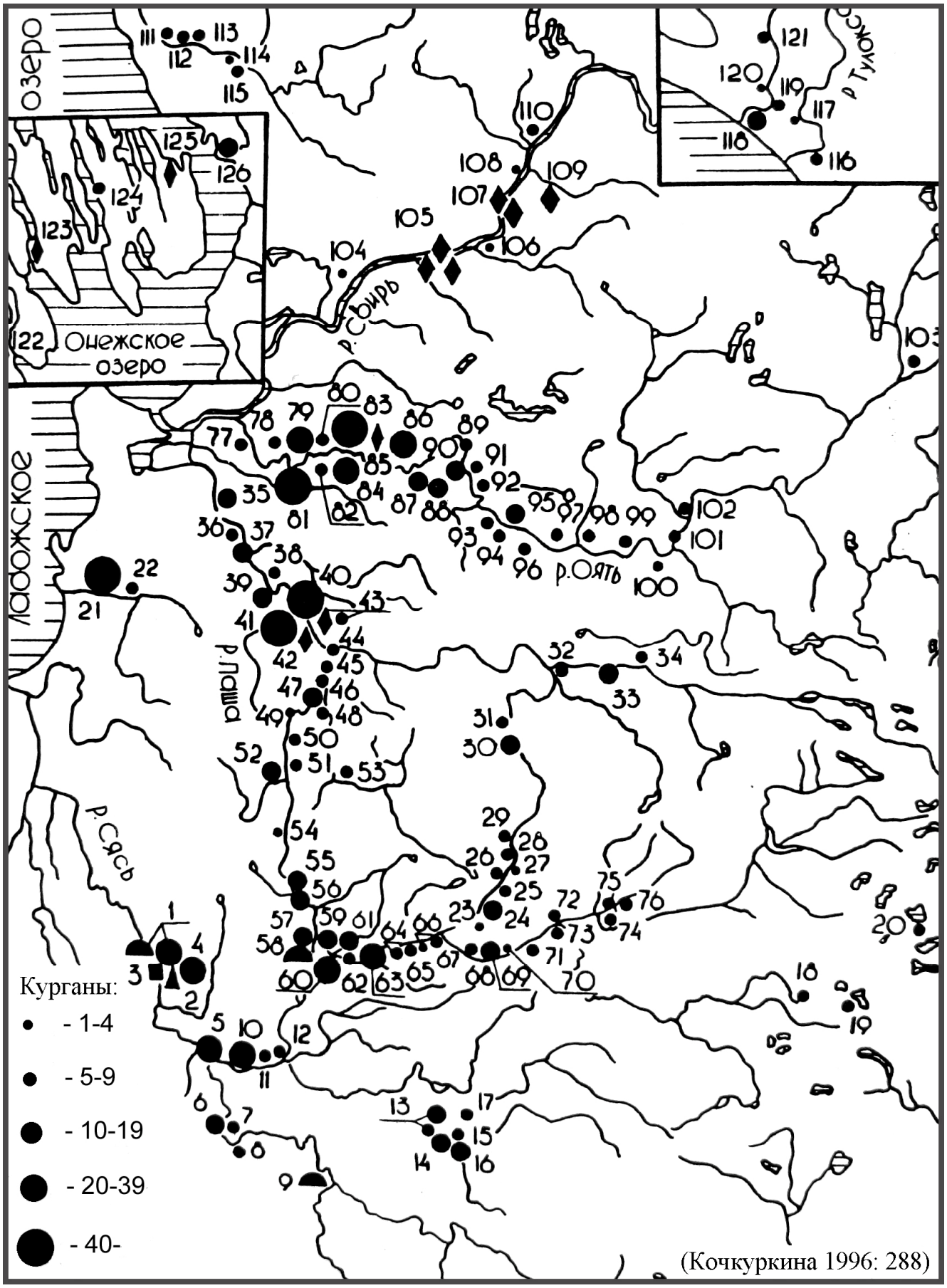
Подтверждение этому мы можем видеть, например, в этнонимике Карелии, поскольку карелы-ливвики (*liygi(läine)*, *livviköi* [СКЯ: 188]) и карелы-людики (*lyydi*, *lyydikoi* [LMS: 221]), а также северные или прионежские вепсы и часть носителей средневепсского диалекта (вепс. *lydinik*/*lydilain'e* [СВЯ: 304]) используют в отношении себя один и тот же этноним *lyydi* (< рус. *люди*). Данный факт, по мнению И. И. Муллонен, дает основание полагать, что этноним *lyydi* распространился в первые века II тыс. по Свири вместе с новгородским освоением и использовался для именования местных вепсов, которые в то время были основным населением как южного, так и северного Присвирья. В дальнейшем, в ходе карельского продвижения из северо-западного Приладожья в Онежско-Ладожское межозерье, вепсское население северного Присвирья постепенно ассимилировалось карелами, и данный этноним стал обозначать здесь карелизированных вепсов — ливвиков и людиков [Муллонен 2011: 229—230].

Ливвиковское наречие карельского языка бытовало ранее также в финляндской Приграничной Карелии (фин. *Raja-Karjala*), в частности, на территории бывших приходов Салми и Импилахти, в южной части Суйстамо, а также в восточной части прихода Суоярви. Лексическая база суоярвского говора, в отличие от других говоров собственно-карельского наречия, во многом близка ливвиковским говорам соседней Сямозерской волости, а языковое взаимодействие с его носителями не вызывало раньше никаких трудностей. На наш взгляд, можно полагать, что ливвиковское население бывшего Шуезерского погоста Корельского уезда перешло на собственно-карельский диалект относительно поздно, видимо, на протяжении XVII в., когда сюда после заключения Столбовского мирного договора стало переселяться собственно-карельское население из западных частей бывшего Карельского уезда, оставшееся с массовым приходом финнов-лютеран в меньшинстве, ср. [Laasonen 2005: 111].

---

[11] Кар. *Anuksenjogi*. Необходимо отметить, что в историческом труде *De origine actibusque Getarum* («Происхождение и деяния готов»), написанном Иорданом около 551 г., есть место, которое ряд исследователей склонно считать первым упоминанием о вепсах: ср. «thiudos: Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris...» (перевод: [завоевал] «народы: в Олонце vas [? *ves' = вепсы], ? в Абронкасе мерю, мордву в Мещере») [Напольских 2006: 100].

[12] Важное значение в освоении территорий к северу от Свири имела для древних вепсов река Важинка (кар. *Vuažn'and'ogi*) [Муллонен 2002: 289] (см. ниже).



Карта-схема 2. Курганная культура в Присвирье и южной Карелии

Распространение ливвиковского наречия в финляндской Приграничной Карелии свидетельствует о том, что древние вепсы населяли в первой половине второго тысячелетия достаточно обширную территорию, доходившую на западе до прихода Импилахти (совр. Питкярантский район в 40 км к востоку от Сортавалы). Бытование подобного ареала может объясняться экобиологическими и географическими особенностями местности. Древние вепсы, являясь земледельцами, освоили прежде всего те территории, которые были пригодны для сельского хозяйства, в частности, для разработки подсеки. Именно на бывших ливвиковских территориях Финляндии, включая приход Импилахти, распространен тип почв, который близок по качеству и составу почвам юго-восточного Приладожья (О. А. Яровой, устное сообщение, см. также [Муллонен 2012б]). Таким образом, широта расселения вепсского населения может быть увязана с практикуемым им образом ведения сельского хозяйства, которое было ориентировано на разработку подсеки. Видимо, именно по этой причине современные северовепсские земли в Прионежье были заселены вепсами в более позднее время, чем Олонецкая равнина и прилегающая к ней с запада территория Приграничной Карелии. Скалистый характер побережья Онежского озера, водораздельные болота, а также менее плодородные почвы хуже подходили вепсам для ведения именно сельского хозяйства. В. В. Пименов, например, отмечал, что вепсские поселения на юго-западном побережье Онежского озера появились не ранее XIV в. [Пименов 1965].

Северной границей распространения средневекового вепсского населения в Карелии была северная зона распространения среднетаежных лесов. Таким образом, и в данном случае мы можем видеть, что природная граница, отделяющая территорию с более благоприятными условиями для ведения земледелия в северном климате, преобразовалась в границу этническую. Данный факт свидетельствует о том, что распространение древневепсского населения на север также было обусловлено именно природно-климатическими факторами, и подтверждает тем самым мысль о сельскохозяйственной направленности жизнедеятельности средневековых вепсов [Муллонен 2012б: 22].

Данный вывод можно подкрепить распространением в топонимии Карелии топооснов *Niini-* (кар. *niini* ‘липа’ [KKS]), *Lehmus-* (кар. *lehmus* ‘липа’ [LMS: 196]) и *Лип(овый)-* (ср. остров *Niinisuari*, поле *Lehmuspeldo*, возвышенность *Нинисельга*, *Липручей*, *Липовое поле* и др.) [НТА]. Перечисленные топооснoвы отражают естественный природный ареал распространения в Карелии липы, которая произрастает на достаточно плодородных почвах, а в местах ее произрастания нередко находятся сельскохозяйственные угодья. Липа распространена в Карелии к югу от условной линии Вяртсиля — Сямозерье — северная часть Заонежского полуострова. В восточных частях Карелии она встречается спорадически в бассейнах рек Водлы и Колоды в Пудожском районе [Кравченко 2007: 135]. Практически идентичными по распространению в северном направлении являются ареалы ряда вепсских топонимических моделей. Таким образом, существовавшие природные условия определили ареал продвижения вепсов на север, что, в свою очередь, свидетельствует о большой роли практикуемого древними вепсами сельского хозяйства в освоении Олонецкого перешейка и восточного Обонежья [Муллонен 2011: 231—232, 238]. Можно здесь также отметить, что на севере освоенного вепсами ареала проходит диалектная граница собственно-карельского наречия с карелами-ливвиками и карелами-людиками. Известно, что появлению языковых и культурных границ нередко способствуют именно ландшафтно-географические и природно-климатические факторы, что полностью подтверждается в данном конкретном случае.

Выше уже было отмечено, что на проживание в южных частях Карелии древневепсского населения указывают и данные этнонимики, в данном случае топонимы с атрибутивной частью *Vepsän-* (букв. ‘вепс, вепсский’): ср. *Vepsänmua*, *-polvi* (Титнаволок, Вохтозеро), *Vepsänvuara*, *-lambi* (Покровское, Мяндусельга), *Vepsälambi* (Сельги, Паданы), *Вепсино* (Вирма, Беломорье), *Vepsniem’ = Вепснаволок*, *Вепсозеро*, *Вепсгуба* (Кондопога) [НТА]. Собственно-карельское население бывших Паданской и Поросозерской волостей называет проживающих южнее людиков именно *вепсами* (кар. *vepsä*[13], *vepsäläne*), что, без

[13] Названия на *Vepsä-* встречаются также на севере в Беломорской Карелии, ср. *Vepsävuara* (Хижезеро, Юшкоз.) и *Vepsäjärvi* (Боярская, Вычет.) [НТА]. Оба топонима зафиксированы достаточно далеко от территории средневекового проживания вепсского населения, и, таким образом, вопрос о принадлежности носителей фамилии/прозвища *Vepsä* к древним вепсам остается пока открытым. Другими словами, в основе названий фиксируются, видимо, антропонимы, но без привязки к этническому происхождению их носителей. В то же время нельзя исключать, что носитель рассматриваемого прозвища / родовой фамилии мог быть родом именно из южных частей современной Карелии. Можно также упомянуть, что одно из преданий, записанных Энгельбергом в начале XX в. в юго-западной части Беломорской Карелии, повествует о том, что один из родов деревни Аконлакша переселился сюда «с территории вепсов» [Engelberg 1912: 101]. Речь, видимо, может идти о роде Мелентьевых, одним из наиболее ранних предков которого был *Мелентиа Вепсяляйнен* [Kuzmin 2015: 158], проживавший ранее на территории современной Финляндии в Кайнуу. Там же фиксируется и название озера *Vepsänjärvi* [NA].

сомнения, может быть указанием на ранее проживавших здесь представителей средневековых вепсов, которые со временем карелизировались. Названия на *Vepsä-*, *Vepso-*, *Vepsu-*[14] фиксируются также в Финляндии, прежде всего в ее юго-восточной и восточной частях. Они присутствуют также в карелоязычной топонимии Приграничной Карелии: ср. *Vepsäjärvi* (упом. 1621), *Vepsonselgy* (приход Салми) [NA]. В Финляндии фиксируется также фамилия *Vepsä(läinen)*, которая характеризуется главным образом восточным ареалом бытования. Финляндский этнограф Нийло Валонен предполагал в свое время, что данный факт может свидетельствовать о возможном проживании древневепсского населения в юго-восточных и восточных частях Финляндии [Valonen 1980: 72, 74]. Если предположение о распространении ареала средневековых вепсов вплоть до территории прихода Импилахти верно (см. выше), то можно полагать, что подобные наименования в восточной Финляндии могут указывать на достаточно ранних переселенцев, например, из северного Приладожья.

Данные, касающиеся территории Карелии, содержащиеся в средневековых письменных документах, «отмечают» невозможность четкого определения границы — «межи» Шуйского погоста — основной территории формирования карелов-людиков. Главной причиной было то, что шуяне Шуйского, святозерцы Важинского, кижане-кондопожане Кижского погостов (предки современных северных людиков) и сямозерцы Олонецкого погоста (будущие ливвики) возделывали подсеку по всей чисто условной линии административного размежевания этих погостов. Эти факты позволили историку А. Ю. Жукову предположить, что «такое “нарушение межи” на Шуе стало возможным лишь по той причине, что от Олонца до Кондопоги на местах сохранялись кровнородственные и шире — племенные связи местных жителей как прямых потомков древних вепсов: самые северные родовые земли веси протянулись широкой полосой от Сямозерья на западе, через Святозеро и реку Важинку на юге, реку Шую в центре и до северных заливов Онежского озера на востоке» [Жуков 2008: 43].

О присутствии древних вепсов в южных частях Карелии свидетельствует явный языковой субстрат в ливвиковских и людиковских наречиях карельского языка. В то же время в топонимии региона выявляется крайне мало топонимных типов, которые бытовали в период проживания здесь вепсов. Главной причиной этого является тот факт, что ареалы распространения топонимических моделей близкородственных языков далеко не всегда являются надежными. В данном случае лексика, используемая в образовании топонимов, восходит в ливвиковских и людиковских наречиях, а также в вепсском языке к общей для этих диалектных зон лексической основе. Тем самым поиск вепсских дифференцирующих элементов в топонимии региона в значительной степени затруднен. Задачей исследователя становится выявление таких названий-меток, или критериев идентификации, с помощью которых все же можно было бы

Можно также отметить, что в 1920-х гг. и ранее жители бывшего Линдозерского погоста (село Линдозеро) называли землями вепсов (кар. *Vepsä*) территорию современного Кондопожского района, где и сейчас проживают карелы-людики. При этом отмечается, что территория проживания прионежских вепсов в начале 20-х гг. XX столетия не относилась к территории, называемой карелами *Vepsä* [NA]. Жители финляндской Приграничной Карелии именовали землями вепсов находившиеся к востоку от них северные части бывшей Сямозерской волости, другими словами, куст ливвиковских вохтозерских деревень [KKS]. В то же время для жителей прихода Суоярви, а также для сямозерских карел бывшая Поросозерская волость считалась уже «Лапландией» (кар. *Lappi*) [NA, KKS]. Таким образом, данный факт свидетельствует, что к моменту появления в среде приладожских карел географических понятий *Lappi* и *Vepsä* к востоку от северной части Корельского уезда (в частности, от бывшего Шуезерского погоста) начинались некогда земли лопарей и вепсов, границей которых являлась, видимо, современная диалектная граница двух наречий карельского языка — собственно-карельского и ливвиковского, проходящая к югу от реки Суна. На более восточных территориях границей *Vepsä* и *Lappi* являлась, судя по данным этнонимики, диалектная граница собственно-карел и карел-людиков. Тем самым речь может идти о XIV—XV вв., а возможно, и о еще более раннем периоде истории. Кроме этого, факт использования собственно-карелами в отношении будущих ливвиковских территорий географического термина *Vepsä* (букв. ‘(земли) вепсов’) свидетельствует о том, что древние вепсы населяли ранее более обширную территорию, и именно их язык стал языковой основой будущих говоров ливвиковского наречия. Применительно к вышеуказанной территории речь идет о Сямозерском и Вохтозерском говорах. Таким образом, данные этнонимики проливают свет в том числе на систему расселения древних вепсов.

О более позднем вепсском населении может, видимо, свидетельствовать неофициальная карелоязычная фамилия *Šokšu* (Юксила, Рыпушкалица) [НТА], поскольку население южных частей Карелии использовало этноним *šokšulani* как для обозначения жителей Шокши, так и для обозначения прионежских вепсов в целом [KKS]. Жители Приграничной Карелии также отмечали, что приоятские и прионежские вепсы говорят на одном диалекте [NA].

[14] Финляндский языковед Рихо Грюнталь отмечает, что форма фамилии, а также топонимов на *Vepsu* в Финляндии может указывать на ее ливвиковское происхождение [Grünthal 1997: 101]. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что большая часть подобных наименований фиксируется все же в западных частях Финляндии.

разнести данные близкородственных топонимических систем и посредством этого выявить вепсский топонимический субстрат в ареале расселения карел-людиков и карел-ливвиков.

Целесообразно, например, использовать в качестве критерия топонимные модели, которые бытовали на той или иной территории ограниченное время, а их распространение можно отождествлять с проживанием на ней определенной этнической или языковой группы. В данном контексте показательным примером могут быть наименования крупных водных объектов с основой *Pyhä-* ‘святой’ в южных частях Карелии.

Финский историк С. Суванто заметил в свое время, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *Pyhä-* привязаны к древним, восходящим еще к железному веку родовым границам [Suvanto 1972: 54]. Предпринятый И. И. Муллонен анализ гидронимной модели на *Pyhä-* / *Свят-* в Карелии также свидетельствует, что часть из таких гидронимов действительно привязана к старым границам. Исследовательница также отмечает, что этапы семантического развития слова *pyhä*, закрепившегося в качестве гидронимной основы, свидетельствуют о том, что продвижение древних вепсов на север должно было произойти не позднее рубежа I—II тыс. н. э., или в период до вытеснения изначальной семантики (‘граница’ → ‘святой’) [Муллонен 2002: 155]. Таким образом, можно полагать, что название озера, а позднее волости *Pyhäd’ärvi* (рус. *Святозеро*) могло маркировать на рубеже тысячелетий северную границу древневепсского расселения в северном Присвирье. В дальнейшем, как мы уже знаем, эти же «святые межи» использовались в практике административно-территориального разграничения в Карелии в более позднее время.

Показательно при этом, что в топонимии озера Святозера фиксируется географическое название *Siidniemi* [НТА], в котором восстанавливается уже упомянутая выше саамская лексема **sijtę* ‘(зимняя) деревня’. Данный факт, как нам представляется, не является случайностью, и освоение древними вепсами окрестностей Святозера было предпринято в том числе и потому, что здесь мог находиться один из родоплеменных центров саамского населения, где происходило управление природными ресурсами северо-западного Обонежья и их распределение. Нельзя также исключать, что местные саамы могли уже тогда попасть в зависимость от средневековых вепсов, которые начали осваивать лопские земли на рубеже тысячелетий.

В ряде случаев используемая в топонимообразовании лексика также может быть критерием идентификации языка населения, которое некогда проживало в южных частях Карелии. Существенно при этом, чтобы подобная лексика фиксировалась только в одном из прибалтийско-финских языков и не встречалась в другом или, по крайней мере, бытовала в нем ограниченно. Так, вепсскими по происхождению могут считаться следующие атрибутивные элементы, фиксируемые в топонимии карел-ливвиков и карел-людиков: **Čuhak-*/**Čuhuk-* ‘холм, горка’ [Муллонен 1994: 56], *Homžoman-* (вепс. *hongžom* ‘сосновый лес; сосняк’) [ПФГЛ: 31], *Kiehker-* (вепс. *kehker* ‘круглый’) [СВЯ: 191], *Kuara-* (вепс. *kara* ‘залив’) [СВЯ: 179], *Kukuoinhard’* ‘холм, возвышенность’ [Муллонен 1994: 32], *Palte-* ‘склон’ [ПФГЛ: 70], *Pehk-* ‘сгнивший’ [СВЯ: 405], *Purde-* ‘родник’ [СВЯ: 440], *Sara-* ‘(небольшой) приток реки’ [ПФГЛ: 88], *Vadai-* ‘болото, поросшее плохо растущим лесом’ [ПФГЛ: 99] и др. Все они действительно имеют ограниченный ареал бытования в топонимии Олонецкой Карелии [Топонимический атлас Карелии]. При этом достаточно сложно говорить что-либо о времени появления этих моделей в топонимии Карелии. Нельзя исключать, что, по крайней мере, часть из них может восходить к эпохе Средневековья, вероятно, позднего.

Отметим также, что многие из представленных выше моделей фиксируются вдоль реки Важинки, которая являлась ранее важной водной магистралью, ведшей из новгородских земель через территорию проживания средних людиков в Заонежье и далее на север. На достаточно раннюю освоенность этого водно-волокового маршрута вепсами указывает и само название реки, в котором скрывается ныне утраченный вепсским языком географический термин *vad’ž-* (**vatsV*) со значением ‘болотный массив, заболоченная территория, довольно обширное болото’ [Муллонен 2002: 289].

Поскольку юго-восточное Приладожье, поделившееся на вепсское Присвирье и карельскую Олонецкую Карелию, было в прошлом единым этнокультурным и этноязыковым ареалом, здесь стоило бы ожидать, в том числе, и определенного сходства ойконимии. В частности, на это может указывать распространение ойконимной модели на *-ичи*/*-ицы* в наименованиях поселений, ср. вепс. терр. *Каргиничи*, *Киковичи*, *Кургеницы* — кар. терр. *Игаченицы*, *Кярбиницы*, *Пергиницы* и др. В данном контексте было бы интересно, например, выявить примарные наименования олонецких населенных пунктов рассматриваемого типа и попытаться понять, могли ли они существовать здесь в вепсское время или же их появление стало уже результатом освоения Олонецкой равнины карелами, переселившимися сюда из северо-западного карельского Приладожья. Одним из критериев подобной выборки может быть общность антропонимических основ на обеих территориях и их отсутствие в других восточных прибалтийско-финских ареалах расселения. Данный вопрос, безусловно, требует специального исследования. Ниже

нами предварительно представлен ряд названий населенных пунктов или их частей, в наименовании которых можно усматривать вероятную связь вепсских территорий и современной южной Карелии: ср. вепс. терр. *Герпеничи* — кар. терр. *Hörpäl* (Герпяля), вепс. *Канжела* — кар. *Kanzoi*, вепс. *Kingl* — кар. *Кинкиева*, вепс. *Кинницы* — кар. *Kinni*, вепс. *Кожела* — кар. *Kožal* (Кожала), вепс. *Куневичи* — кар. *Kun'oilu* (Куневицы), вепс. *Nirgl* (Ниргиничи) — ? кар. *Nirka*, вепс. *Нуроля* — ? кар. *N'ural* (Нюрала), вепс. *Pečal* (Печеницы) — ? кар. *Päč(č)il* (Пятчила), вепс. *Пижевичи* — кар. *Piži* (Обжа), вепс. *Юксовичи* — кар. *Juoksiilu* (Юксилицы). Несомненно, далеко не все из представленных выше названий могли существовать в вепсский период истории Олонецкой Карелии, на что указывают, например, современные бесформантные формы ряда ойконимов. В то же время отсутствие представленных антропонимических основ на других карелоязычных территориях дает основания предполагать, что они могут иметь по крайней мере общие антропонимические истоки в Присвирье и современной южной Карелии. При этом часть из представленных выше населенных пунктов с локативным прибалтийско-финским формантом *-la* (рус. *-ичи*/*-ицы*) теоретически могла быть основана непосредственно присвирскими вепсами, осваивавшими некогда Олонецкую равнину. Другой вопрос — время их возникновения.

Карелы

В наше время практически невозможно выявить древнекарельские топонимические типы, появление которых можно было бы увязывать с эпохой Средневековья. Считается, что начало регулярного освоения древними карелами современной территории Карелии[15] восходит к XIII в. [Бубрих 1947: 37]. Однако нельзя при этом исключать возможности, что ранние промысловые поездки карел могли относиться и к более раннему периоду, хотя этому мы не можем привести никаких доказательств. Возможно, об этом свидетельствуют, например, древнескандинавские письменные источники (саги и т. д.), повествующие о пребывании древних карел на севере Норвегии.

Выводы

По данным археологии можно проследить историю Карелии на протяжении 8—9 тысяч лет. При этом определение языковой принадлежности представителей ранних археологических культур, а также сколько-нибудь точную реконструкцию языка или языков этого населения большинство ученых считают в настоящее время невозможными. Этническая принадлежность аборигенного населения становится очевидной начиная с первых веков первого тысячелетия нашей эры. Языковой пласт древних палеоевропейцев можно сегодня видеть в языке современного саамского населения, а также в топонимии Карелии и сопредельных областей, где для многих названий крупных гидрографических объектов нередко не находится убедительных этимологий из саамских и прибалтийско-финских языков. Таким образом, можно предполагать, что древние саамы ассимилировали в первой половине первого тысячелетия нашей эры живших здесь представителей ранних археологических культур, говоривших на неизвестных науке древних языках.

В железном веке и раннем Средневековье в Карелии развивалась культура лесных саамов. Языковые данные свидетельствуют, что на рубеже первого и второго тысячелетия именно древние саамы населяли большую часть территории современной Карелии и сопредельных территорий. Следы их пребывания здесь лучше всего сохранились в топонимии, а также в заимствованной в карельский, вепсский и русский языки лексике. Топонимы саамского происхождения фиксируются в большом количестве в средних и северных частях Карелии, но при этом они представлены сравнительно широко и в южной Карелии. Бóльшая их часть — это названия крупных природных объектов. Фиксируемые здесь топонимные типы свидетельствуют, что в прошлом в Карелии был распространен саамский язык / языки, которые отличались от современных саамских языков. Подтверждением этого являются, например, языковые элементы, представленные в карельском и карелоязычной топонимии, соответствия (параллели) для которых обнаруживаются как на территории бытования различных диалектов саамских языков, так и на территории современных Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей, где некогда также проживало древнесаамское население. Большое количество зафиксированных топонимов и лексики саамского происхождения дает возможность говорить о том, что значительная часть древнесаамского населения Карелии была ассимилирована прибалтийско-финскими новопоселенцами.

Прибалтийско-финское население в Олонецкой Карелии также является достаточно древним, при этом его основу составили представители средневековых вепсов, которые с X в. н. э. начали поэтапное

[15] Республика Карелия в границах до 1939 г.

освоение южных частей Карелии. С XIII в. территорию Карелии начинают активно осваивать древние карелы, чья прародина находилась в северо-западном Приладожье. Со временем приладожские карелы ассимилировали и автохтонное саамское население Карелии, и большую часть переселившихся с юга вепсов.

В заключение можно еще раз отметить, что в сравнении с древними карелами, основой хозяйственной жизнедеятельности которых были промыслы (охота, рыболовство), а также торговля продуктами промысловой деятельности, древних вепсов можно считать по большей части населением, ориентированным на сельское хозяйство. Тем не менее, необходимо помнить о том, что и в хозяйственной деятельности древних карел сельское хозяйство играло все же немаловажную роль, и следы его убедительно присутствуют на территории их проживания уже начиная с конца первого тысячелетия нашей эры [Simola 2003: 110].

Сокращения

вепс. — вепсский язык
док. — документально
кар. — карельский язык
рус. — русский язык
прасаам. — прасаамский язык
саам. — саамские языки
саамК — саамские языки Кольского полуострова
саамН — саамские языки Норвегии
совр. — современный (язык, территория и т. д.)
фин. — финский язык

бол. — болото
зал. — залив
о. — остров
оз. — озеро
терр. — территория
уг. — угодье

Вычет. — Вычетайбольская волость
Юшкоз. — Юшкозерская волость

Литература

Бубрих 1947 — *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. {*Bubrikh D. V.* The origin of the Karelian people. Petrozavodsk, 1947.}

Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. {*Durov I. M.* Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic application. Petrozavodsk, 2011.}

Жуков 2000 — *Жуков А. Ю.* Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII—XV вв.) // Православие в Карелии. Материалы республиканской научной конференции 24—25 октября 2000 г. Петрозаводск, 2000. С. 40—47. {*Zhukov A. Yu.* Formation and development of the structure of church government in Karelia (13th—15th centuries) // Orthodoxy in Karelia. Petrozavodsk, 2000. P. 40—47.}

Жуков 2004 — *Жуков А. Ю.* Саами в XIII—XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропол. форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004, 1. С. 298—322. {*Zhukov A. Yu.* The Sami People in the 13th—17th Centuries (Publication of Sources and Comments) // Anthropological forum. Modern trends in the anthropological researches. 2004, no. 1. P. 298—322.}

Жуков 2008 — *Жуков А. Ю.* Сямозерье в XIV—XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 41—106. {*Zhukov A. Yu.* Syamozerie in the 14th—17th centuries // History and culture of Syamozero. Petrozavodsk, 2008. P. 41—106.}

Захарова, Макарова, Муллонен 2016 — *Захарова Е. В.*, *Макарова А. А.*, *Муллонен И. И.* В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 7—29. {*Zakharova E. V.*, *Makarova A. A.*, *Mullonen I. I.* In Search of Toponymic Borders in Belozerye // Problems of onomastics. 2016. Vol. 13. № 1. P. 7—29.}

История Карелии — История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. {The History of Karelia from Ancient Times to the Present Day. Petrozavodsk, 2001.}

Конкка 2013 — *Конкка А.* Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013. {*Konkka A.* Karsikko: trees-signs in the rites and beliefs of the Baltic-Finnish peoples. Petrozavodsk, 2013.}

Косменко 1996а — *Косменко М. Г.* Основные проблемы и задачи теории и методики изучения древностей Карелии // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 8—35. {*Kosmenko M. G.* The main problems and tasks of the theory and methods of studying the antiquities of Karelia // Archeology of Karelia. Petrozavodsk, 1996. P. 8—35.}

Косменко 1996б — *Косменко М. Г.* Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 272—285. {*Kosmenko M. G.* Settlements of hunter-fisher societies // Archeology of Karelia. Petrozavodsk, 1996. P. 272—285.}

Косменко 2008 — *Косменко М. Г.* Археологические данные и этнокультурные процессы в Сямозерье // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 13—24. {*Kosmenko M. G.* Archaeological data and ethnocultural processes in Syamozerie // History and culture of Syamozerye. Petrozavodsk, 2008. C. 13—24. }

Косменко, Кочкуркина 1996 — *Косменко М. Г.*, *Кочкуркина С. И.* Вопросы истории населения древней Карелии // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 362—387. {*Kosenko M. G.*, *Kochkurkina S. I.* Questions of the history of the population of ancient Karelia // Archeology of Karelia. Petrozavodsk, 1996. P. 362—387.}

Кочкуркина 1996 — *Кочкуркина С. И.* Весь // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 286—310. {*Kochkurkina S. I.* Ves' // Archeology of Karelia. Petrozavodsk, 1996. P. 286—310.}

Кочкуркина 2006 — *Кочкуркина С. И.* Весь // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 178—211. {*Kochkurkina S. I.* Ves' // Modern Science of Vepsians: Achievements and Prospects (in memory of N. I. Bogdanov). Petrozavodsk, 2006. P. 178—211.}

Кочкуркина 2019 — *Кочкуркина С. И.* Вепсы в эпоху Средневековья по данным археологии // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 287—295. {*Kochkurkina S. I.* Vepsians in the Middle Ages (according to archeology) // Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays. Petrozavodsk, 2019. P. 287—295.}

Кравченко 2007 — *Кравченко А. В.* Конспект флоры Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 403. {*Kravchenko A. V.* Abstract of the flora of Karelia. Petrozavodsk, 2007.}

Криничная, Пулькин 1971 — *Криничная Н.*, *Пулькин В.* Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН 135, № 27; Фонотека, 1628/3. {*Krinichnaya N.*, *Pulkin V.* Phonogram archive of ILLH KRC RAS 135, № 27; Phonoteca, 1628/3.}

Кузьмин 2016 — *Кузьмин Д. В.* История освоения карельского Поморья (в свете языковых данных) // Linguistica Uralica. 2016, 3. С. 179—194. {*Kuzmin D. V.* History of the development of the Karelian Pomorie (in the light of language data) // Linguistica Uralica. 2016, 3. P. 179—194.}

Кузьмин 2020 — *Кузьмин Д. В.* Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск, 2020. {*Kuzmin D. V.* Dictionary of Karelian folk geographic terminology. Petrozavodsk, 2020.}

Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1898. {*Kulikovsky G. I.* The dictionary of regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic use. Saint Petersburg, 1898.}

Мамонтова, Муллонен 2008 — *Мамонтова Н. Н.*, *Муллонен И. И.* Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008 С. 25—38. {*Mamontova N. N.*, *Mullonen I. I.* Toponymy as a reflection of the ethnic past of the territory of Lake Syamozero // History and culture of Syamozerye. Petrozavodsk, 2008.}

Муллонен 1994 — *Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. Санкт-Петербург, 1994. {*Mullonen I. I.* Essays on Vepsian Toponymy. Saint Petersburg, 1994.}

Муллонен 2002 — *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. {*Mullonen I. I.* Toponymy of the Svir region: problems of ethno-linguistic contact. Petrozavodsk, 2002.}

Муллонен 2007 — *Муллонен И. И.* Загадка Выга // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 200—203. {*Mullonen I. I.* Riddle of Vyg // Comprehensive Humanitarian Research in the White Sea Basin. Petrozavodsk, 2007. P. 200—203.}

Муллонен 2011 — *Муллонен И. И.* Людики на топонимической карте Карелии // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения. СПб, 2011. С. 229—239. {*Mullonen I. I.* Lydic Karelians on the toponymic map of Karelia // Fourth Sjögren's Readings. Saint Petersburg, 2011. P. 229—239.}

Муллонен 2012а — *Муллонен И. И.* Что означает «Карелия» и «Ладога» // Тысячелетний Сортавала: исторические ландшафтные театры. Сортавала, 2012. С. 10—11. {*Mullonen I. I.* What do "Karelia" and "Ladoga" mean // Millennial Sortavala: historical landscape theaters. Sortavala, 2012. P. 10—11.}

Муллонен 2012б — *Муллонен И. И.* Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. 2012, 4. С. 13—24. {*Mullonen I. I.* Natural and cultural factors shaping Vepsian ethnic territory // Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2012, 4. P. 13—24.}

Муллонен 2018 — *Муллонен И. И.* Фонетические варианты древней топоосновы *Ylä- 'верхний' и их генезис в гидронимии Карелии // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 7—27. {*Mullonen I. I.* Phonetic Variants of the Ancient Toponymic Stem *Ylä- 'Upper' and Their Genesis in the Hydronymy of Karelia // Problems of onomastics. 2018. Vol. 15. № 2. P. 7—27.}

Муллонен 2019 — *Муллонен И. И.* Территория расселения и этнонимы вепсов // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 304—313. {*Mullonen I. I.* The territory of settlement and ethnonyms of the Vepsians // Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays. Petrozavodsk, 2019, P. 304—313.}

Напольских 2006 — *Напольских В. В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен в семи томах. Том 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 100—115. {*Napolskikh V. V.* The Bulgar era in the history of the Finno-Ugric peoples of the Volga region and the

Urals // History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Volume 2. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan, 2006. P. 100—115.}

НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950. {The Novgorod First Chronicle. Moscow — Leningrad, 1950.}

НТА — Научный топонимический архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. {The Names Archive of Karelia. ILLH KRC RAS.}

Окороков 2005 — *Окороков А. В.* Словарь терминов, употребляемых беломорскими рыбопромышленниками и судостроителями // Сост. *Э. Л. Базарова*, *Н. В. Бинадзе*, *А. В. Окороков*, *Е. Н. Селезнева*, *П. Ю. Черносвитов*. Культура русских поморов. Опыт системного исследования. М., 2005. {*Okorokov A. V.* Glossary of terms used by the White Sea fishers and shipbuilders // Culture of Russian Pomors. Systems research experience. Moscow, 2005.}

Пашков 2003 — *Пашков А. М.* «Житие Лазаря Муромского» в истории культуры Карелии XVIII—XX вв. // Кижский вестник. 2003, 8. С. 3—13. {*Pashkov A. M.* Hagiography of Lazar Muromskiy in the history of culture of Karelia in the 18th—20th centuries // Kizhi Bulletin. 2003, 8. P. 3—13.}

Пименов 1965 — *Пименов В. В.* Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.—Л., 1965. {*Pimenov V. V.* Vepsians. Essay on ethnic history and genesis of culture. Moscow — Leningrad, 1965.}

ПКВП — Писцовая книга Вотской пятины 7008 года. Временник Моск. об-ва истории и древностей российских 11. М., 1851. {Census Book of Votskaya pyatina of the Year 7008 (1499/1500). Annals of the Imperial Moscow society of history and antiquities of Russia. Moscow, 1851.}

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Выпуск 1. Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930. {Census books of the Obonezhskaya pyatina in 1496 and 1563. Iss. 1. Leningrad, 1930.}

Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. {*Podvysotskiy A. O.* Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic usage. Saint Petersburg, 1885.}

ПРП 1953 — Памятники русского права. Выпуск 2: Памятники права Великого Новгорода (XII—XV вв.). М., 1953. {Monuments of Russian law. Issue 2: Monuments of the law of Veliky Novgorod (XII—XV centuries). Moscow, 1953.}

ПФГЛ — Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / Сост. *Н. Н. Мамонтова*, *И. И. Муллонен*. Петрозаводск, 1991. {Baltic-Finnish geographical vocabulary of Karelia by Mamontova N. N., Mullonen I. I. Petrozavodsk, 1991.}

РС 1782 — Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Верховской Мегрегской трети, Чилмозерской, Коткозерской волостей, г. Олонца НАРК, ф. 4, оп. 18, д. 4/21, л. 355. {Revision lists of the state peasants of the Olonets uyezd of the Olonets churchyard. NARK, f. 4, op. 18, d. 4/21, l. 355.}

РС 1834 — Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Туломозерской вотчины Ведлозерского, Крошнозерского, Туломозерского старощений. НАРК, ф. 4, оп. 18, д. 48/455, л. 104 об. {Revision lists of the state peasants of the Olonets uyezd. NARK, f. 4, op. 18, d. 48/445, l. 104.}

СВЯ — Словарь вепсского языка / Сост. *М. И. Зайцева*, *М. И. Муллонен*. Л., 1972. {Dictionary of the Vepsian language by M. I. Zaitseva, M. I. Mullonen. Leningrad, 1972.}

СКЯ — Словарь карельского языка / Сост. *Г. Н. Макаров*. Петрозаводск, 1990. {Dictionary of the Karelian language by *G. N. Makarov*. Petrozavodsk, 1990.}

Топонимический атлас Карелии — *Захарова Е. В.*, *Кузьмин Д. В.*, *Муллонен И. И.* Топонимический атлас Карелии (рукопись). {*Zakharova E. V.*, *Kuzmin D. V.*, *Mullonen I. I.* Toponymic Atlas of Karelia (manuscript).}

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М, 1986. {*Fasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language. Moscow, 1986.}

Aikio 2009 — *Aikio A.* The Saami Loanwords in Finnish and Karelian. Oulu, 2009.

Bergsland 1995 — *Bergsland K.* Bidragtil sydsamenes historie. Skriftserie: Senter for samiske studier, № 1, Senter for samiske studier. Tromsø, 1995.

Carpelan 2003 — *Carpelan C.* Inarilaisten arkeologiset vaiheet // Inari — Aanaar. Inarin historia jääkaudesta nykypäivään. Oulu, 2003. S. 28—95.

Elo, Seppälä 2011 — *Elo T.*, *Seppälä S.* Vesistöjä ja vaaramaisemia. Kemijärven kulttuuriympäristöohjelma. Lapin elinkeino-, liikenne- ja ympäristökeskus. Suomen ympäristö 22. Ympäristöministeriö. Helsinki, 2011.

Engelberg 1912 — *Engelberg R.* Kansantietoja Pohjois- ja Itä-Suomesta ja Venäjän-Karjalasta. Koonnut ja julkaissut Rafael Engelberg. Helsinki, 1912.

Grünthal 1997 — *Grünthal R.* Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki, 1997.

Halinen 2011 — *Halinen P.* Arkeologia ja saamentutkimus // Saamentutkimus tänään. Toim. Irja Seurujärvi-Kari, Petri Halinen ja Risto Pulkkinen. Tietolipas 234. Helsinki, 2011. S. 130—176.

Itkonen 1986 — *Itkonen E.* Inarilappisches Wörterbuch I—III (1986—89). LSFU 20. Helsinki, 1986.

Itkonen 2011 — *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja I—II. LSFU 15. Helsinki, 2011.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. Helsinki. https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/karjala.cgi.

Korhonen 1938 — *Korhonen A.* Suomen itärajan syntyhistoriaa. Helsinki, 1938.

Korhonen 1981 — *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.

Krohn 1894 — *Krohn J.* Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 83. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1894.

Kuzmin 2013 — *Kuzmin D.* Saamelaisen asutuksen vaiheita Karjalassa // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2013, 94. S. 69—124.

Kuzmin 2015 — *Kuzmin D.* Vienan Karjalan asutus perimätiedon ja sukunimiaineiston valossa // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2015, 95. S. 145—199.

Laasonen 2005 — *Laasonen P.* Novgorodin imu. Miksi ortodoksit muuttivat Käkisalmen läänistä Venäjälle 1600-luvulla. Helsinki, 2005.

Lehtiranta 1989 — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. SUST 200. Helsinki, 1989.

Leppäaho 1935 — *Leppäaho J.* Ns. «lapinpattahat» (Sk. «lappstolpar») // Kotiseutu. 1935, 1. S. 38—49.

LMS — Lyydiläismurteiden sanakirja. Toim. Juho Kujola. Suomalais-ugrilainen seura. Helsinki, 1944.

Mattus 2010 — *Mattus Ilmari.* Itä-Inarin paikannimistö. Metsähallituksen luonnonsuojelujulkaisuja. Sarja A. Helsinki, 2010.

NA — Nimistöarkisto. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki.

Nielsen 1979 — *Nielsen K.* Lapp Dictionary. Vol. 1—5. Oslo, 1979.

Pöllä 2001 — *Pöllä M.* Vienankarjalainen perhelaitos 1600—1900. SKS. Helsinki, 2001.

Saarikivi 2006 — *Saarikivi J.* Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects. Tartu, 2006.

Saarikivi 2011 — *Saarikivi J.* Saamelaiskielet — nykypäivää ja historiaa // Saamentutkimus tänään. Toim. Irja Seurujärvi-Kari, Petri Halinen ja Risto Pulkkinen. Tietolipas 234. Helsinki, 2011. S. 77—119.

Saksa 1998 — *Saksa A.* Vepsäläiset - Pohjolan muinainen kansa // Vepsä: Vepsänmaa. Oulu, 1998. S. 120—125.

Simola 2003 — *Simola H.* Karjalan luonto ja ihminen // Karjalan synty. Viipurin läänin historia I. Lappeenranta, 2003. S. 81—115.

Sjögren 1861 — *Sjögren J. A.* Aufzeichnungen über die Gemeinden in Kemi-Lappmarken // *J. A. Sjögren.* Gesammelte Schriften, Band I. Sankt-Peterburg, 1861. S. 85—232.

SSS — Sami-suoma satnegirji. Pekka Sammallahti. Jorgaleaddji Oy. Ohcejohka, 1989.

Suvanto 1972 — *Suvanto S.* Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.

Valonen 1980 — *Valonen N.* Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica 10. Helsinki, 1980. S. 21—98.

Vilkuna 1971 — *Vilkuna K.* Mikä oli lapinkylä ja sen funktio // Kalevalaseuran vuosikirja. 1971, 51. S. 201—236.

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-69-83

И. Л. Кызласов

Енисейские рунические надписи Яр-хото (Из находок первой археологической экспедиции Академии наук в Восточный Туркестан)

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН (Москва); kyzlasovil@mail.ru

В 1898 г. Д. А. Клеменцем в Турфанском оазисе был обследован небольшой пещерный монастырь близ древнего города Яр-хото. На стенах двух жилых пещер (номер 3 и 6) были обнаружены и скопированы 13 граффити, выполненных так называемым енисейским руническим письмом. По возвращению в Санкт-Петербург надписи были сразу же изучены и определены В. В. Радловым, издавшим четыре эстампажа надписей, их прочтение и перевод. В дальнейшем по архивным копиям все граффити были исследованы и прочитаны М. Эрдалом. Тюркологи, включая С. Г. Кляшторного, считали их отметками проезжих путешественников. Новые исследования и прочтения, предлагаемые в данной статье, связывают эти надписи с известными на Саяно-Алтайском нагорье многочисленными манихейскими молитвенными начертаниями, выполненными енисейскими рунами. По скоплению таких надписей в Южной Сибири выделены места, где в раннем средневековье существовали манихейские монастыри. Следовательно, и близ Яр-хото граффити были оставлены монахами — выходцами из Древнехакасского государства. И сделано это было в IX—X вв. Обследованный в 1898 г. пещерный монастырь был манихейским, на что указывает описанная в письменных источниках форма его центрального храма (пещера 4), имевшего пять сакральных камер, обязательных для таких богослужебных помещений. Дальнейшее изучение надписей должно исходить из их религиозного назначения и принадлежности к северному, сибирско-тюркскому варианту манихейства.

Ключевые слова: Восточный Туркестан, Турфанский оазис, Яр-хото, пещерный монастырь, енисейское руническое письмо, северное манихейство

YENISEI RUNIC INSCRIPTIONS OF YAR-KHOTO (FROM THE FINDS OF THE FIRST ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE ACADEMY OF SCIENCES TO EAST TURKESTAN)

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology RAS; kyzlasovil@mail.ru

In 1898, Dmitry A. Klements examined a small cave monastery in the Turfan oasis near the ancient city of Yar-Khoto. On the walls of two residential caves (nos. 3 and 6), 13 graffiti in the so-called Yenisei runic script were discovered and copied. Upon Klements' returning to St. Petersburg, the inscriptions were immediately studied and identified by Academician Wilhelm Radloff (in Russian — Vasily V. Radlov), who published four prints of the inscriptions, their reading and translation. Later, using archival copies, all graffiti were examined and read by Marcel Erdal. Turkologists, including Sergei G. Klyashtornyi, considered them to be marks of passing travelers. New insights and readings offered in this article link these inscriptions with the numerous Manichean prayer inscriptions made in the Yenisei runes known in the Sayan-Altai highlands. Based on the accumulation of such inscriptions in Southern Siberia, the places where Manichean monasteries existed in the early Middle Ages have been identified. Therefore, graffiti near Yar-Khoto were also left by monks who came from the Ancient Khakass state, and this was done in the 9th–10th centuries. The cave monastery surveyed in 1898 was Manichean, as indicated by the form of its central temple (cave 4) described in written sources, which had five sacred chambers, mandatory for such places of worship. Further study of the inscriptions should proceed from their religious purpose and their belonging to the northern, Siberian-Turkic version of Manicheism.

Keywords: East Turkestan, Turfan oasis, Yar-khoto, cave monastery, Yenisei runic writing, northern Manichaeism

Работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А18-118011790092-5 «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований»

В XIX в. для европейских и российских путешественников, преследовавших разные цели, археологические памятники Восточного Туркестана оставались лишь любопытными попутными объектами, иногда заслуживавшими упоминания и описания (историю изучения см. [Литвинский, Терентьев-Катанский 1988]). Иной взгляд на древности региона, в начале XX в. проявившийся в их длительном и целенаправленном изучении учеными Пруссии, Британии, Франции и Японии, был вызван ошеломляющим успехом первой специальной археологической экспедиции Российской академии наук 1898 года.

Она носила разведочный характер, состояла всего из трех сотрудников, обладала скромными средствами, продолжалась лишь четыре месяца, из которых в самом Восточном Туркестане проработала только два. Но именно она впервые показала наполненность района исключительно ценными объектами средневековой культуры: руинами городов, наземных и пещерных монастырей и храмов, сохранивших великое множество культовых скульптур и многоцветных настенных росписей, а также, благодаря климату, бумажных документов, покрытых разными письменами на уйгурском, китайском, санскрите и иных языках. Полевые описания Турфанской экспедиции, планы, рисунки, фотоснимки, эстампажи дополнялись небольшим числом купленных рукописей, собранных предметов, образцами оригинальных настенных росписей, отражавших разные художественные стилистические манеры [Ольденбург 1917: 7—11].

Руководивший той экспедицией Дмитрий Александрович Клеменц — видный революционер-народоволец, отбывший более двух с половиной лет в бастионе Петропавловской крепости, — был в 1881 г. сослан на Енисей в Минусинск, где пробыл почти 15 лет, стал деятельным сотрудником Минусинского музея и немало способствовал его известности в научном мире. К 1898 г. он уже был опытным путешественником, большим знатоком южносибирских и монгольских древностей, включая памятники рунической эпиграфики и историю их изучения [Попов 1925: 43—58]. В Турфанской экспедиции его, как и во всех предшествующих, сопровождала жена Елизавета Николаевна, а также переводчик-востоковед Михаил Степанович Андреев (см. о нем [Акрамова, Акрамов 1973], о работе в экспедиции — с. 40, 41, 51).

Сама же «экспедиция была снабжена фотографическим аппаратом, инструментами для съемки и для эстампирования надписей» [Ольденбург 1917: 1—2], т. е. отдельной задачей имела поиски письменных памятников, включая эпиграфические.

Текст до сих пор не изданного отчета экспедиции, поступивший в Азиатский музей Академии наук и ныне хранящийся в архиве Института восточных рукописей РАН (СПб), послужил основой для опубликованной исследователем статьи на немецком [Klements 1899].

«В местности Яргул, что служит западными воротами Турфанского оазиса» [Туманова 1989: 15], в окрестностях средневекового городища экспедицией было сделано исключительно важное для истории культуры открытие, все еще недостаточно оцененное в науке.

Согласно С. Ф. Ольденбургу [Ольденбург 1917: 5, 8], в дневниках Д. А. Клеменц пишет о речке Яр, «старом городе на Яре» или «древнем городе на Яре», называет городище тем же именем, что и реку: «развалины древнего города — Яр». В отдельном примечании сам побывавший в Турфане Сергей Федорович оговаривает [там же: 8]: «В дневниках Д. А. всюду правильное название Яр; в книге ([Klements 1899]. — *И. К.*) почему-то взято совершенно неизвестное и неупотребительное Яр-хото. Русский аксакал в Турфане ⟨…⟩ Ахрор-хан Тюря говорил нам в 1909 году, что Д. А. почему-то называл город Яр-хото, и что после него некоторые тоже стали употреблять неизвестное до того и неправильное “Яр-хото”». Сам С. Ф. Ольденбург продолжал именовать памятник городом на Яре [Туманова 1989: 17], так же именует тамошние объекты в своей статье 1916 г. изучавший их С. М. Дудин [Дудин 1916а: 217— 220, 241, 242; 1916б: 45—50, 53—57, 60, 63, 64, 73][1]. Следуя документам экспедиции 1909—1910 гг., О. А. Туманова всюду пишет о древнем городище «остров Яр».

Однако наименование Яр-хото, искусственное в отношении местного уйгурского (*хото* — монгольское слово «город», современная его форма — *хот* [МРС 1957: 543]), вероятно, имело некоторые основания, поскольку Н. Я. Бичурин указывает для этих руин позднее монгольское «Чжоха-хота». Так или иначе, но благодаря публикации Д. А. Клеменца 1899 г. именно название Яр-хото стало общепринятым в русской и европейской литературе. Оно используется даже отечественными синологами при переводе раннесредневековых китайских источников (см., например, [Малявкин 1974: 90]). Китайское же наименование древнего города, известного со 108 г. до н. э., а затем и его городища — Цзяохэчэн (Jiaohe cheng, «Город в сплетении рек, Город в междуречье») [Бичурин 1950: 206, 207, прим. 1; Крюков 1988: 291].

Город занимал длинный останец высотой 30 м и площадью 1700 м х 300 м, охваченный двумя протоками р. Яр (местное имя долины — Yarnaiz [Jiaohe 2001: 3, 27]). По обоим обрывистым берегам близ

[1] Статья С. М. Дудина, печатавшаяся с продолжением в нескольких номерах журнала [Дудин 1916а], тогда же была издана отдельной книгой [Дудин 1916б]. Нумерация страниц в двух публикациях, разумеется, не совпадает.

него гнездились пещерные объекты и монастыри. В одном из них и были обнаружены Д. А. Клеменцем интересующие нас надписи. По описаниям, наброскам чертежей и фотоснимкам 1909 г., сделанным участниками Первой Русской Туркестанской экспедиции Самуилом Мартыновичем Дудиным и Дмитрием Арсеньевичем Смирновым, монастырь был отождествлен с Объектом VII (рис. 1). В журнальной публикации 1916 года был издан фотоснимок фасада хорошо сохранившегося верхнего яруса этого пещерного комплекса [Дудин 1916а: 243; 1916б: 60] (рис. 2), судя по изданному там же плану, сделанный с северо-запада. Сопровождающий эти материалы текст краток: «Из пещерных сооружений наибольший интерес представляет комплекс 8 пещер, образовавший, по-видимому, маленький монастырек. Пещеры его расположены в два яруса и представляют одно архитектурное целое. Нижний ярус разрушен. В пещерах верхнего яруса сохранилась местами роспись» [Дудин 1916: 242; 1916б: 57, 58].

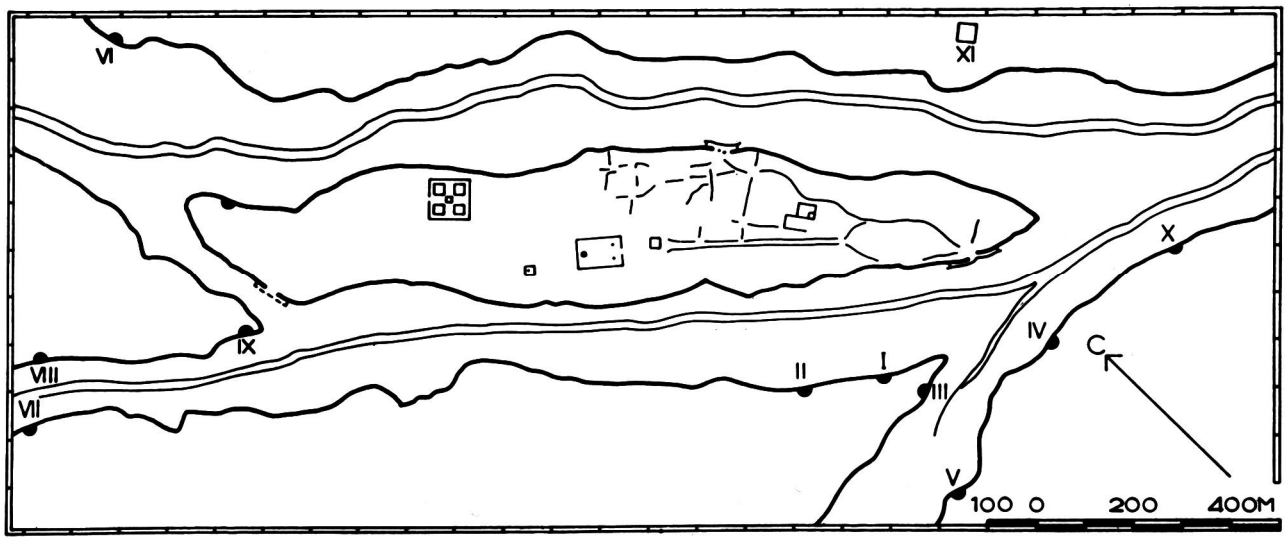


Рис. 1. Турфанский оазис. Схема окрестностей острова с городищем Яр-хото:
объекты I, IV, VI, VIII—X — комплексы пещер; II, III — погребальные ниши; VII, XI — пещерные монастыри.
Современная сводка планов А. Стейна и Гуань Миня [Туманова 1989: рис. 2]

Рис. 2. Яр-хото. Объект VII. Пещеры верхней площадки.
Фото 1909 г. [Дудин 1916а: 243; 1916б: 60]

Согласно имеющимся в литературе кратким выпискам, об условиях эпиграфических находок в рукописном отчете Д. А. Клеменца сказано: «В Яр-хото, в пещерах без живописи, служивших жилыми помещениями, мы нашли ряды нацарапанных на штукатурке рунообразных надписей. Надписи эти были репродуцированы нами посредством эстампажа» ([Клеменц. Краткий перечень. Л. 52]; цит. по [Кляшторный 1992: 336, 337; 2003: 373], ср. [Klementz 1899: 47]).

В другом отчете, также оставшемся неизданным, данные конкретнее и могут быть привязаны к определенным объектам: «В шестой и третьей пещерах стены покрыты глиной, и на них среди разной мазни, нашли мы рунические надписи. Они сняты (сделаны эстампажи. — *И. К.*), одна из них скопирована от руки» ([Клеменц. Описание. Л. 5, рисунок надписи от руки карандашом — Л. 3]; цит. по: [Кляшторный 1992: 337; 2003: 374]). Первоначально таких надписей было больше: пересказывая текст Д. А. Клеменца, С. Г. Кляшторный [Кляшторный 2003: 374] пишет, что, кроме того, и «в пещерах, разрушенных обвалами (вероятно, речь о пещерах нижнего яруса Объекта VII. — *И. К.*), были обнаружены обрывки “полностью испорченных рунических надписей”». Поскольку речь идет о надписях, а не о рукописях, можно думать, что слово «обрывки» обозначало здесь части граффити на стенной штукатурке.

«Несмотря на непонятное отсутствие указаний в дневнике, несомненно, что именно ко времени между 9 сентября и 14 относится» обнаружение рунических надписей на стенах монастырских жилищ [Ольденбург 1917: 5][2]. Всего Д. А. Клеменцем были документально зафиксированы 13 рунических граффити — сделаны 12 эстампажей на ткани и один рисунок карандашом.

Среди опубликованных фотоснимков Д. А. Клеменца есть виды камер двух храмовых пещер с росписями, входящих в этот монастырь: одна из них — пещера 1 [Туманова 1989: рис. 40], другая не опознана издателями [Бухарин, Шевельчинская 2018: 281, 282, № 4, 5], но по чертежам и описаниям Д. А. Смирнова и С. М. Дудина ясно, что это пещера 4. У Д. А. Клеменца были особые причины печатать именно ее снимок [Klementz 1899: Pl. 3], но об этом ниже.

По архивным материалам Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909 г. 80 лет спустя был не только составлен и издан подробный чертеж — план, фасад и разрезы — этого наиболее значительного пещерного монастыря на Яре (рис. 3), но и издано описание его пещер, имеющееся в рукописной работе С.М. Дудина «Развалины Яр-хото» и полевой тетради Д. А. Смирнова [Туманова 1989: 49—51, рис. 39]. Это «продолговатые сводчатые помещения с высокими арочными входами. Входы в пещерах 1, 4 и 7 широкие, в остальных узкие, вход в пещеру 8 разрушен ⟨…⟩ (счет идет снизу с юго-вост.) (Как видим, экспедиция 1909 г. сохранила нумерацию пещер, данную Д. А. Клеменцем. — *И. К.*) ⟨…⟩ В пещерах 3, 5, 6 в стенах имеются глубокие ниши (см. план) арочных очертаний также (как камеры пещеры 4. — *И. К.*) без следов обмазки. ⟨…⟩ Пещеры 1 и 4 сохранили роспись стен и потолка» [Туманова 1989: 50].

Поскольку пещеры этого монастыря делятся на храмовые и жилые, широкие входы отличают первую, культовую группу (в чем убеждает указание на росписи и упомянутые выше опубликованные фотоснимки пещер 1 и 4), а узкие, некогда для тепла закрывавшиеся дверями, — вторую, жилую. Ниши в стенах, служившие полками, также подтверждают бытовое назначение пещер 3, 5 и 6. Составленные и изданные чертежи позволяют с определенной точностью измерить не оговоренные в изданной части рукописи размеры культовых и жилых пещер. Храмовая пещера 1 без вестибюля имеет ширину 3 м и длину более 5 м, жилые камеры близки по площади: наименьшая, под номером 2, по ширине несколько более 2,5 м и 5 м в длину, 3-я — 3 м на почти 6 м, 5-я — 3 м на несколько более 5 м, 6-я — 3,5 х 5,6 м. Площади их составляют около 12,5, 15, 18 и 19,6 кв. м соответственно.

Ориентируясь на третью и шестую жилые пещеры, в рукописи названные самим Дмитрием Александровичем, находим прямое указание С. М. Дудина: «В пещере 3 на стенах много нацарапанных тюркских надписей» [Туманова 1989: 50]. Так благодаря документации Самуила Марковича удается точно связать полученные Д. А. Клеменцем эпиграфические материалы с конкретным монастырем, его планом и пещерными объектами. Видимо, большинство эстампированных в 1898 г. рунических граффити находилось в пещере 3, а в пещере 6 их было встречено меньше.

Остается отметить, что, согласно данным петербургского тюрколога Дмитрия Владимировича Рухлядева, еще в 2010 г. в пещерах Объекта VII (по С. М. Дудину, «монастырька») на р. Яр сохранялись оригиналы этих настенных граффити. В популярных изданиях о древностях, осуществленных в Китае, находим современный фотоснимок хорошо сохранившегося фасада этого монастыря (рис. 4), рядом с которым издан и его общий план, снятый русской экспедицией (но нумерация пещер дана обратная — от северо-запада к юго-востоку; как видим по фото С. М. Дудина (рис. 2) — со стороны подъема на верхнюю площадку) [Jiaohe 2001: 27].

Доставленные в Петербург копии рунических надписей были сразу же изучены В. В. Радловым, равно как и все иные письменные памятники, открытые экспедицией 1898 г. Сопровождая обзорную статью Д. А. Клеменца тюркологической публикацией, маститый лингвист издал фотоснимки четырех его эс-

[2] Ныне этот дневник издан [Бухарин, Инкина 2018], так же как и фотоархив экспедиции [Бухарин, Шевельчинская 2018] (см. также [Туманова 1989: 13, прим., рис. 36, 37]). Записи не связаны с археологией, в них ничего нет о пещерном монастыре и лишь упомянуты виденные 9 сентября «на противоположной стороне развалины древнего города Яр» [там же: 251, л. 84].

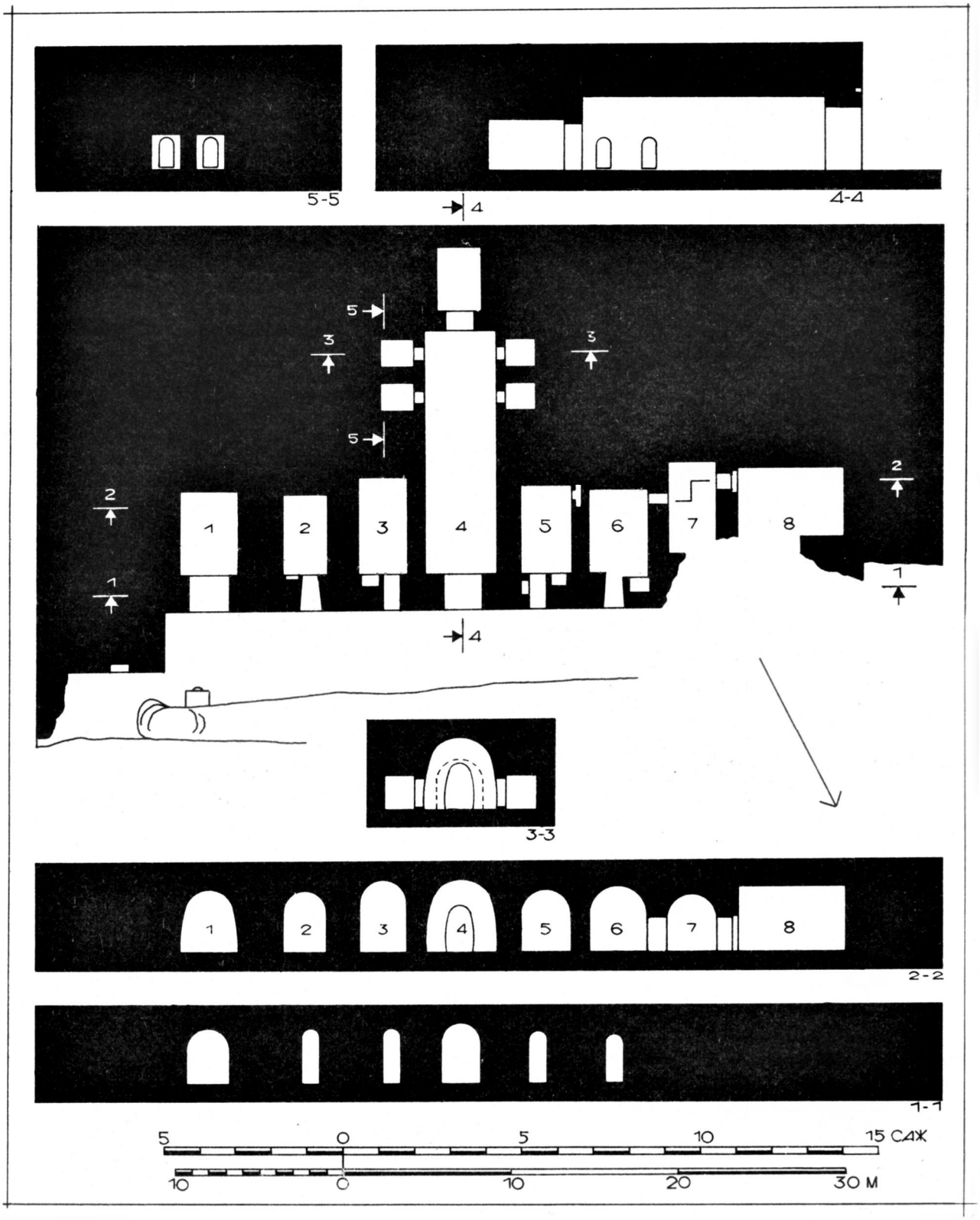


Рис. 3. Яр-хото. Объект VII. Пещерный монастырь. План, фасад и разрезы.
Составлен по материалам Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909 г. [Туманова 1989: рис. 39]

Рис. 4. Яр-хото. Объект VII. Вид пещерного монастыря к началу 2000-х гг. [Jiaohe 2001: 27]

тампажей, лучше прочих воспроизводивших резные строки. Хотя эти надписи «очень короткие, и их расшифровка представляет большие трудности, поскольку стены (на которых их вырезали. — *И. К.*) были в последующем исписаны много раз», ученый предложил их транскрипцию и перевод на немецкий. Особую значимость избранных им репродукций В. В. Радлов видел в их палеографической, а следовательно, и историко-культурной характеристике: они «ясно доказывают, что эти надписи написаны древнетюркским алфавитом, а именно таким, форма букв которого почти идентична надписям с Верхнего Енисея» [Radloff 1899: 57, 80—82].

В последующее 27 лет, как и по сей день (историю изучения см. [Erdal 1993: 87—88]), тюркологи довольствовались изданием Радлова. Лишь в 1926 г. присланный великим дешифровщиком рун Вильгельмом Томсеном его ученик Курт Вульф привез своему мэтру из Азиатского музея копии всех 13 граффити Яр-хото. В Копенгагене датский тюрколог работал тогда над полным сводом известных памятников азиатского рунического письма. Но в 1927 г. работа прекратилась — помешала смерть В. Томсена.

Через 45 лет, в 1970-х гг., с коллекцией работал лингвист из Иерусалима М. Эрдал. Еще через 20 лет, после посещения Копенгагена, он издал статью, посвященную пещерным надписям, открытым Д. А. Клеменцем за сотню лет до этого [Erdal 1993]. На 12 эстампажах оказалось 11 надписей (два оттиска сошлись в одну строку), для каждой из которых исследователь предложил транслитерацию, транскрипцию и английский перевод. Однако статья современного тюрколога в источниковедческом смысле неполна. То ли по условиям публикации, то ли из-за примата лингвистического интереса в ней нет воспроизведения самих надписей. Тем самым, нет возможности проверить предложенные прочтения и судить о палеографии, оговоренной автором для 7 настенных граффити. Отыскивая аналогии в сводных трудах Д. Д. Васильева [Васильев 1983а, б], М. Эрдал выделил в этих строках 6—7 форм знаков, отличающих енисейские памятники от орхонских. Помимо этого, исследователь указал на надписи, выполненные одной рукою, и на несколько граффити, составлявших единые строки [Erdal 1993: 90—92, 95, 98][3].

В начале XXI в. работа по описанию Фонда Центральной Азии и Сибири в архиве ИВР РАН охватила и «Коллекцию Клеменца (Турфан)». Согласно сведениям, доброжелательно сообщенным мне занимавшимся этой работой к. и. н. Д. В. Рухлядевым (письма от 27.12.17 г. и 8.11.20 г.), в ней сохранились все рунологические материалы из Яр-хото: 12 эстампажей и 1 рисунок. Долго остававшиеся недоступными для исследователей, они в 2003 г. были осмотрены С. Г. Кляшторным (1928—2014), который собирался заняться ими. Ранее ученый писал лишь о четырех настенных надписях [Кляшторный 1964: 52, 53; 2003: 43, 44, 365, но: 366; Кляшторный, Лубо-Лесниченко 1974: 47]; по крайней мере с 1992 г. в его публикации вошли сведения из архивных рукописей Д. А. Клеменца.

Предстоит изучение и полноценное издание этих редкостных архивных источников. Необходимо и новое исследование самих настенных рунических надписей на р. Яр.

[3] Благодарю проф. М. Эрдала, специально приславшего для меня через редколлегию журнала с. 102, отсутствовавшую в доступных версиях его статьи [Erdal 1993].

Вывод В. В. Радлова о енисейской алфавитной принадлежности надписей Яр-хото не раз подтверждался отечественными эпиграфистами. С. Г. Кляшторный, дополняя местную серию находками последующих лет, относил к енисейским письменам все резные надписи, известные в Восточном Туркестане [Кляшторный 1992: 338; 2003: 375; 2010: 278]. Ныне к граффити на стенах жилых и храмовых пещер, а также на бронзовом зеркале следует добавить енисейскую эпитафию, найденную близ древнего Бешбалыка [Кызласов 2016].

Четыре эстампажа, избранных для публикации В. В. Радловым (рис. 5—8; номера его иллюстраций 26—29 далее обозначают надписи), позволяют видеть употребление характерных енисейских рунических знаков для ᛦ *n*², ᛏ *t*¹, ᛊ *s*¹/*š*¹ и ᛗ *m* (26), ᛋ *s*²/*š*² и ᛒ *b*² (27), ᚱ *r*¹ и ᛗ *m* (28), ᛋ *s*²/*š*² и ᛗ *m* (29). Однако ᛦ *n*², ᛒ *b*² или ᛊ *s*¹/*š*¹ такого облика порознь встречаются и в младшем орхонском письме — как на стелах Уйгурского каганата (Моюн-чора, Тэсинской, Терхинской, Карабалгасунской), так и в рукописях Восточного Туркестана. Обычны для них и формы рун ᚱ *r*¹ и ᛗ *m*, встреченные в Яр-хото. Хотя во всем этом следует видеть отмеченное по иным материалам возрастающее влияние енисейского письма на позднеорхонское, строго говоря, сугубо показательными здесь являются лишь енисейские руны ᛏ *t*¹ и ᛋ *s*²/*š*² [Кызласов 1994: 81—83, 92, табл. XXV]. В нашем случае особенно много значит использование всех названных разновидностей букв в сочетании друг с другом. Несмотря на существование енисейского курсивного письма, известного и в камнеписной практике [Кызласов 1994: 147, 156, 157, рис. 12], настенные монастырские граффити, судя по изданным образцам, выполнены наиболее распространенными прямолинейными лапидарными начертаниями.

Рунические письменности — как енисейская, так и орхонская — имели официальный статус в конкретных раннесредневековых государствах Центральной Азии и Южной Сибири [Кызласов 1994: 210—232]. Поэтому в данном случае алфавитная принадлежность монастырских граффити, несомненно, указывает на выходцев из Древнехакасского государства, для периода VIII—XI вв., согласно политическому определению, использовавшемуся за рубежами страны, называемого также Кыргызским каганатом.

Рис. 5. Яр-хото. Объект VII.
Эстампаж Д. А. Клеменца настенной надписи енисейского письма [Radloff 1899: 82, Abb. 26]

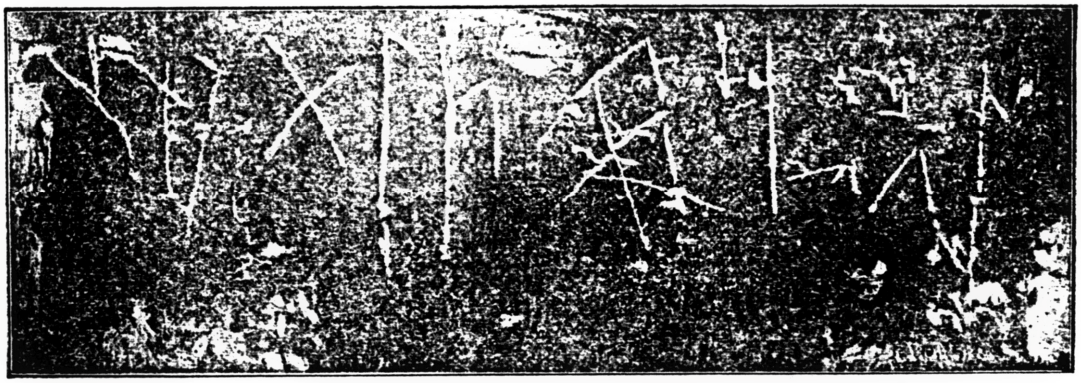


Рис. 6. Яр-хото. Объект VII.
Эстампаж Д. А. Клеменца настенной надписи енисейского письма [Radloff 1899: 82, Abb. 27]

Рис. 7. Яр-хото. Объект VII.
Эстампаж Д. А. Клеменца настенных надписей енисейского письма [Radloff 1899: 82, Abb. 28]

Рис. 8. Яр-хото. Объект VII.
Эстампаж Д. А. Клеменца настенной надписи енисейского письма [Radloff 1899: 82, Abb. 29]

Для понимания кратких рунических надписей мало лишь лингвистического подхода. Важнейшее условие для этого — определение назначения оставленных лаконичных начертаний. В отношении граффити Яр-хото предстоит также установить конфессиональную принадлежность писавших. Без всего этого невозможно понять культурное значение эпиграфики в обществах раннего средневековья.

Исходя из прочтения части надписи 29 (...ᚴᚺᛁᚴᛗᚴᛟᛋᛁᛏᛁ *š(a)qjämün²i (e)š(i)t(t)i*… ‘услышал Шакьямуни...’) (рис. 8), В. В. Радлов полагал, что авторы граффити были буддистами [Radloff 1899: 82]. С. Г. Кляшторный также считал, что «по конфессиональной принадлежности все мелкие надписи (Восточного Туркестана. — *И. К.*) созданы в буддийской среде» [Кляшторный 1992: 338; 2003: 375; 2010: 278]. Сергей Григорьевич не учел существования внутри буддийских монастырей манихейских общин. Такое сосуществование не противоречило ни доктрине манихейства, вслед за пророком воспринимавшей Будду предшественником самого Мани, ни факту официального положения этой религии в уйгурских княжествах Восточного Туркестана. Связь енисейской письменности с вероисповеданием Мани, ставшим государственной идеологией Древнехакасского государства, показана на конкретных материалах [Кызласов Л. Р. 1998; Кызласов 1999а, 2001][4].

Эпиграфические находки свидетельствуют: в IX—X вв. носители енисейского письма — древние хакасы — приезжали в духовные центры Турфана[5]. Но они не относились к лицам, «которые только временно пребывают в Турфане, прибыв с севера» [Radloff 1899: 82], и их надписи в Яр-хото не были посетительскими, как считал М. Эрдал [Erdal 1993: 90, 105]. Сомнительно также, что их оставили странствующие паломники с Енисея, как после 2003 г. полагал С. Г. Кляшторный (сообщение В. Д. Рухлядева). Пришедшие с Саяно-Алтая тюркоязычные манихеи, вливаясь в монашеские общины, подолгу проживали в монастырях Восточного Туркестана, углубленно постигая религиозные основы вероучения. Нанесенные на стены жилых пещер граффити отражали их религиозные чувства. И пониматься эти надписи должны соответствующим образом.

[4] С этих пор указание на Уйгурский каганат как на единственный случай, когда гонимое как ересь манихейство стало государственной религией [Литвинский, Смагина 1992: 524], теряет свое значение. Загадка официального принятия манихейства лишь тремя тюркоязычными государствами (третьим стал Кимакский каганат) остается пока неразгаданной.

[5] Вероятно и более позднее пребывание здесь древних хакасов. Так, на городище Яр-хото найден наконечник стрелы, подобный изделиям аскизской археологической культуры [Jiaohe 2001: 14]. Вопреки указанию в публикации, его следует относить к X—XII вв.

Изучение сотен наскальных молитвенных надписей енисейского письма позволяет иначе прочитать и понять граффити Яр-хото. В 1994 г. издана прорисовка и новое прочтение строки 27 (рис. 6, 9) — *es(ä)n b(i)tid(i)m* ‘Я, здоровый (или: Эсен — имя собственное), написал’ [Кызласов 1994: 197, рис. 29]. Ясно начертанная глагольная формула *bitidim* ‘(это) я написал’ была прочитана и В. В. Радловым [Radloff 1899: Abb. 27], и М. Эрдалом (согласно которому она есть еще в другом граффито Яр-хото (№ 1) [Erdal 1993: 91, 92, 95, 96]), но первое слово этой надписи осталось непонятым. На утесах Саяно-Алтая, почитавшихся носителями енисейского письма, такие лаконичные высказывания, отражающие как совершенное личное моление, так и благодарность за оздоровление верующего, встречены неоднократно [Кызласов 2001: 245—249, 257; 2004: 112—114, 117—120]. М. Эрдал (нумеровавший эстампажи подряд по описи Азиатского музея от № 1 до 10, а далее 21 и 22; так, со знаком №, я и указываю номера строк в труде этого тюрколога) узнал слово *esän* ‘здоровый’ еще в двух надписях — №№ 2 и 6 [Erdal 1993: 93—95, 98, 99; Radloff 1899: Abb. 28] (рис. 7).

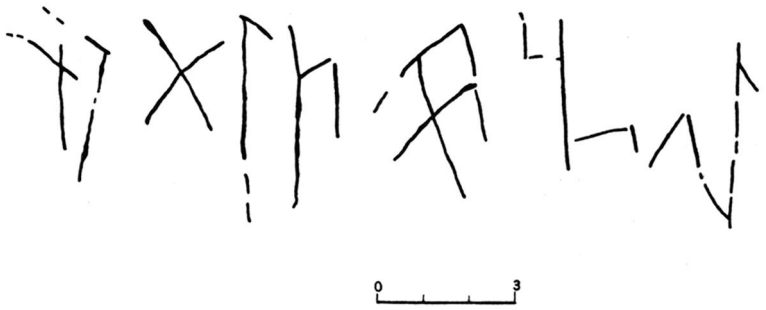


Рис. 9. Яр-хото. Объект VII. Прорисовка надписи по эстампажу Д. А. Клеменца, изданному В. В. Радловым (см. выше рис. 6) [Кызласов 1994: рис. 29]

Слово *atač* ‘батюшка’ в форме *(a)t(a)č(ï)m* ‘мой батюшка’ употреблено, хотя было не сразу опознано тюркологами, в древнехакасской эпитафии Е 32, строка 4 [Clauson 1972: 43; ДТС 1969: 66], а также в Яр-хото в строке, изданной В. В. Радловым на илл. 26 (рис. 5). Здесь его узнал М. Эрдал (надпись № 3), прочтение которого можно принять: *(a)t(a)č(ï)ma s(a)qïnur* ‘... я думаю о моем батюшке’. Правда, речь здесь может идти не о родственных связях: Отцом в манихейских енисейских надписях называли верховного бога (Ялбак-Таш V: *t(e)g(g)(ä)n (a)t(a)m* ‘Обретенный мой Отец’), поскольку имя Всевышнего было скрыто от верующих (Ялбак-Таш II/XV), которые иногда именовали себя его «сынами человеческими» (Бичикту-Бом II) [Кызласов 2000: 91—97, рис. 4—7; 2001: 247—249, 251, рис. 4, *1*; 2003: 26—29, 48—57]. Помимо этого, в манихействе «Отцом может называться практически любое светлое божество, порождающее эманации» [Кефалайа 1998: 434—436]. У глагольной формы *saqïn-*, встреченной в этом граффито Яр-хото, кроме смысла ‘думать, размышлять’, есть и значение ‘остерегаться, беречься’ [ДТС 1969: 486], которое в данном случае, с аффиксом активной залоговой основы *-ur-*, вполне подходит при религиозном понимании монастырской надписи: ‘Я (духовно) оберегаю моего батюшку’.

Такая трактовка находит поддержку в лексике двух других пещерных надписей (№ 2, дважды, и № 5). Отказавшись от светской посетительской принадлежности настенных граффити, в них не следует видеть отглагольное существительное *j(a)n(ï)š+(ï)m* ‘мое возвращение’ [Erdal 1993: 93, 94, 96, 97; ДТС 1969: 231]. Скорее, здесь речь трижды идет о страхе — *aj(ï)n(ï)š+(ï)m* ‘моем опасении / моей боязни’ [ДТС 1969: 29]. Без контекста надписи невозможно решить, был ли это страх верующего «перед демонами, разрушающими его тело», обличением его греха пастырем или боязнью лишиться вечного пребывания души в благости-эоне [Кефалайа 1998: 41.14; 165.24; 199.16, 19, 26; 236.17—18, 23].

Иначе можно прочесть и снабженное титулом *čor* (*čur*: [ДТС 1969: 157]) личное имя, оставленное автором двух монастырских начертаний и одинаково прочитанных В. В. Радловым [Radloff 1899: 82, Abb. 28] и М. Эрдалом [Erdal 1993: 96, 98, 99, №№ 5b, 6] — *Jil(i)g čor*. М. Эрдал видел в этом имени мягкий (палатальный) вариант первичной твердой формы *jïlïγ* ‘приветливый’ / *ïlïγ* ‘теплый’ (см. [ДТС 1969: 218, 266]). Хотя иных фактов его употребления нет, тюрколог привел личные имена сходного значения из памятников уйгурского письма. Возможность такого понимания, пожалуй, подтверждает еще один случай использования в граффити Яр-хото того же титула со столь же лиричным личным именем — *Körtlä čor* (надпись № 5а), буквальное значение которого ‘Красивый/Прекрасный чор’. Вместе с тем руническая орфография позволяет безо всяких фонетических натяжек читать первое мужское имя иначе, как *j(e)l(l)(i)g* со значением ‘вихрь, порывы ветра’ (производное от *jel* ‘ветер’) [ДТС 1969: 254], хотя употребление такого имени в других письменных памятниках также неизвестно.

Быть может, имея дело с граффити адептов религии Света, здесь надо принять во внимание тюркские именования светлых сил в манихействе, среди которых находим и *jel täŋri* ‘бог-ветер’ [там же]. Остается пока неизвестным, увязывались ли такие духовные образы с именословом тюркоязычных манихеев. Подобная связь мужских личных имен с высокими религиозными понятиями, пришедшими в северное манихейство из буддизма, встречена среди енисейских надписей (см. Адыр-Кая I: *(e)r (a)tï jev(i)g* ‘Его имя эра (т. е. свободного полноправного мужчины. — *И. К.*) — Йевиг’ [Кызласов 2001: 248, рис. 7], где *jevig* «“снаряжение”, качества бодисатвы, необходимые для просветления» [ДТС 1969: 260]). Титул *čor* присущ именно памятникам енисейского письма [Малов 1952: 112; Кормушин 2008: 299, 300, 319; Кызласов 1999б: 184; 2019: 262, 263].

Тем самым, по крайней мере три надписи в монастыре Яр-хото оставлены титулованными древнехакасскими аристократами — «происходят от благородных средневековых тюрков», как было отмечено В. В. Радловым [Radloff 1899: 82]. При учете местной политической истории и палеографических примет (особенно вида руны t[1] в строке 26) настенные граффити енисейского письма следует отнести к IX—X вв. В то время пребывание родовитых саяно-алтайцев в религиозных общинах Восточного Туркестана и Ганьсу подтверждается находкой рукописного документа в монастырской библиотеке, замурованной в пещере Дуньхуана. Автор-буддист, «рожденный в стране Кыргызской, в самом царствующем Доме», т. е. представитель древнехакасского династийного рода Кыргыз, просил защиты у «общества богов ⟨…⟩ ради того, чтобы, завершив в этой жизни все цели обета, он смог сначала достичь своей страны, и в будущих жизнях, где бы ни был рожден, был свободен от страданий и смог не упасть в ад, а мог быть рожденным в царстве богов» [Thomas, Clauson 1927: 281—283; Кызласов Л. Р. 1969: 127; 1984: 141].

Долгое проживание выходцев из благородных семей в пещерном монастыре в Яр-хото, похоже, доказывается как многочисленностью настенных граффити в пещере 3, так и размерами этих надписей. По измерениям М. Эрдала, строки на эстампажах тянутся от 50—65 до 92, 145 (№ 7) и даже 201 см (№ 3—4), в них от 10—14 и 20—29 до 42 и более письменных знаков. В двух надписях одной и той же пещеры трижды встречается имя ее обитателя Йилиг-чора. Все это мало похоже на краткие посещения мимоезжих грамотеев.

С середины IX в. в огромную державу Южной Сибири и Центральной Азии, официально применявшую и распространявшую енисейские руны, были включены регионы, принявшие эту письменную культуру, но отразившие в ней собственные обычаи и письменные традиции. Эти своеобразные локальные черты енисейских памятников воспроизведены и в эпиграфике Восточного Туркестана. Так, упомянутая эпитафия, найденная близ древнего Бешбалыка, по облику необработанного камня, размещению снизу вверх и содержанию лаконичного текста принадлежит к канону, отличавшему Тувинскую котловину [Кызласов 2016]. Столь же своеобразно и самостоятельное употребление в четырех настенных надписях Яр-хото (граффити №№ 2, 3 [Radloff 1899: Abb 26], 5а, 8) после некоторых слов, завершающихся согласным (*ajïnïšïm*, *atačïm*), руны *a*, обозначавшей вокатив ‘о!’ (ср.: [ДТС 1969: 1]) (рис. 5). Вводимые в надмогильный текст это и подобные горестные восклицания — характернейшая особенность классических древнехакасских эпитафий, отвечавших канону ритуального плача, с рубежа нашей эры существовавшего в Хакасско-Минусинской котловине на Среднем Енисее [Кызласов 2013: 84–87]. Вместе с алфавитной принадлежностью эта эмоциональная черта молитвенных восклицаний, присущая изучаемым обрядовым начертаниям монастыря в Яр-хото, доказывает приход в Турфанский оазис выходцев из южных долин великой сибирской реки.

Настенные граффити Яр-хото подтверждают манихейскую принадлежность нанесших их авторов еще одним эпиграфическим аргументом. На изданном В. В. Радловым эстампаже [Radloff 1899: Abb 28] ниже основной горизонтальной строки видна еще одна, четырнадцатая зафиксированная экспедицией Д. А. Клеменца енисейская надпись, не учтенная никем из лингвистов. Это единственная крупно начертанная ниже строки руна *r*[2] (рис. 7). Нанесенная вне контекста, она читается единственным возможным образом — *(e)r* ‘эр (свободный полноправный мужчина)’. Не раз употребленная обособленно среди молитвенных наскальных надписей, эта руна несет иное, религиозное содержание обозначенного ею слова, отмечая мужчину-эра как обычного представителя бренного и греховного человечества. Духовная обыденность верующего, как во многих иных известных случаях молитвенных анонимных надписей енисейского письма, не предполагала обозначения его имени — бог знает того, кто к нему обращается. Мне известно 14 несомненных граффити и один вероятный случай такого использования руны *r*[2]. Все они входят в ареал енисейского рунического письма и служат отметкой молитвы, совершенной в том месте верующим манихеем [Кызласов 2019]. Ныне свод этих предельно кратких молитвенных отметок должен быть дополнен указанным пещерным граффити, вводящим Турфанский оазис в круг надписей, отразивших религиозное самовосприятие северных, сибирско-тюркских манихеев.

Большинство храмовых и жилых пещер в монастырях Восточного Туркестана однокамерные, реже двухкамерные — прямоугольные или квадратные [Литвинский, Пичикян 1986: 91—113, рис. 1—13, 15, 16; Литвинский 2000: 27—48, табл. 4—7, 12]. В редких случаях они имеют боковые малые пещеры, расположенные друг против друга — в Мин-уе у Кумтуры их две, отходящих от вестибюля, в Шикшине шесть [Литвинский 2000: 44, 57 рис. 7, *4*; Дьяконова 1995: 43, табл. 58, 59]. Но экспедицией Д. А. Клеменца в монастырях близ Туюк-мазара и Яр-Хото были зафиксированы еще более сложные типы пещер, по планировке лишь формально сопоставимые с последними [Литвинский 2000: 56—57]. Именно на них нам следует обратить особое внимание.

По свидетельству Д. А. Клеменца, енисейские надписи в монастыре Яр-хото найдены в пещерах 3 и 6, что подтверждено описанием С. М. Дудина. Согласно плану этого Объекта VII, обе жилые пещеры не только входили в единый комплекс из 8 сооружений, но и соседствовали с центральной пещерой 4 — главным здешним храмом. Сама его форма — основной зал с пятью отдельными камерами (рис. 3 и 10) — указывает на манихейскую сущность монастыря. Именно эта особенность культовой архитектуры, не свойственная сооружениям иных вероисповеданий, предоставляет еще одно доказательство манихейской принадлежности наших надписей.

Рис. 10. Яр-хото. Объект VII, пещера 4. Центральный храм манихейского монастыря. Видны проходы в 5 дополнительных камер [Klementz 1899: Pl. 3]

Найденное в Дуньхуане сжатое изложение на китайском языке «доктрин и направлений учений Мани, Будды Света» указывает назначение характерных для манихейской религии Восточного Туркестана и Китая пяти смежных храмовых помещений:

— одно для священных книг и картин (изображений);
— одно для поста и объяснений (толкований);
— одно для поклонения (молитвы) и покаяния;
— одно для преподавания (обучения);
— одно для больных монахов (верующих) [Бартольд 1927: 45; 1963: 218; Беленицкий 1954: 65].

Здесь соответственно даны два близких по терминологии перевода французской и английской передачи китайских религиозных терминов, определяющих назначение манихейских культовых помещений. См. также [Литвинский, Смагина 1992: 530].

Экспедицией Д. А. Клеменца была, как сказано, обнаружена, описана и зафиксирована чертежом еще одна пещера такой же характерной формы [Klementz 1899: 37, Abb. 11] (рис. 11). Она принадлежала к одному из пещерных монастырей урочища Тойок (близ д. Тойок-Мазар), откуда происходят две учебные записи позднеорхонского алфавита [Кызласов 1994: 106—109, рис. 10, 11]. Они неопровержимо свидетельствуют, что уже грамотные монахи, готовясь к миссионерской деятельности, учили руны — одну из систем письма, помимо собственной, официально принятую именно и только манихейской церковью [Габен фон 1986: 170, 171].

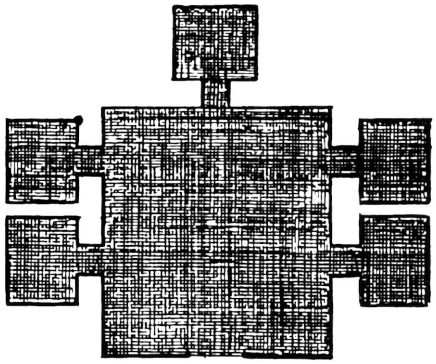


Рис. 11. Урочище Тойок. План храмовой пещеры с 5 дополнительными камерами [Klementz 1899: Abb. 11]

Итак, рассмотрение памятников эпиграфики, открытых Д. А. Клеменцем в 1898 г., позволяет не только включить в ареал енисейской рунической письменности Турфанский оазис и один из его пещерных монастырских комплексов, но и определяет молитвенное назначение его настенных граффити. Помимо этого, манихейская принадлежность Объекта VII близ Яр-хото, устанавливаемая по его характерному архитектурному облику, подтверждает связь официальной системы письма Древнехакасского государства с манихейским вероисповеданием.

Перед нами новое доказательство существования северного, сибирско-тюркского манихейства.

Реальность существования этой ветви вероучения Света была выявлена недавно. К открытию привели раскопки и осмысление сакральных архитектурных особенностей монументальных раннесредневековых храмов на Среднем Енисее, сохранивших месопотамскую сабейскую традицию [Кызласов Л. Р. 1998, 1999, 2001], анализ содержания [Кызласов 2001] и выделение своеобразного типа орфографии памятников енисейской письменности [Кызласов 1996, 1997, 1999а].

Литература

Акрамова, Акрамов 1973 — *Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев (Научно-биографический очерк). Душанбе, 1973 // https://eu-spb.academia.edu/SergeyAbashin. {*Akramova H. F., Akramov N. M.* Orientalist Mikhail Stepanovich Andreev (Scientific and biographical sketch). Dushanbe, 1973 // https://eu-spb.academia.edu/SergeyAbashin.}

Бартольд 1927 — *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. {*Bartold V. V.* The history of the cultural life of Turkestan. Leningrad, 1927.}

Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. II. Часть 1. М., 1963. С. 165—433. {*Bartold V. V.* The history of the cultural life of Turkestan // Works. Vol. II. Part 1. Moscow, 1963. P. 165—433.}

Беленицкий 1954 — *Беленицкий А. М.* Вопросы идеологии и культуры Согда по материалам пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 8—82. {*Belenickij A. M.* Issues of ideology and culture of Sogd based on materials from the Panjikent temples // Painting of ancient Pyandjikent. Moscow, 1954. P. 8—82.}

Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950. {*Bichurin N. Ya.* Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. T. II. Moscow — Leningrad, 1950.}

Бухарин, Инкина 2018 — *Бухарин М. Д., Инкина Н. В.* Путевой дневник Д. А. Клеменца // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. II. М., 2018. С. 207—274 //

http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Turkestan_T.%20II_compressed.pdf. {*Buharin M. D.*, *Inkina N. V.* D. A. Klemenz's travel diary // East Turkestan and Mongolia. The history of the study at the end of the XIX — the first third of the XX century. Vol. II. Moscow, 2018. P. 207—274 // http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Turkestan_T.%20II_compressed.pdf.}

Бухарин, Шевельчинская 2018 — *Бухарин М. Д.*, *Шевельчинская С. Л.* Фотоархив Турфанской экспедиции Д. А. Клеменца 1898 г. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. II. М., 2018. С. 275—384 // http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Turkestan_T.%20II_compressed.pdf. {*Buharin M. D.*, *Shevelchinskaya S. L.* Photo archive of the D. A. Klemenz's Turfan expedition in 1898 // East Turkestan and Mongolia. The history of the study at the end of the XIX — the first third of the XX century. Vol. II. Moscow, 2018. P. 275—384 // http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Turkestan_T.%20II_compressed.pdf.}

Васильев 1983а — *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (Опыт систематизации). М., 1983. {*Vasilyev D. D.* Graphic fund of monuments of the Turkic runic writing of the Asian area (Experience of systematization). Moscow, 1983.}

Васильев 1983б — *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. {*Vasilyev D. D.* Corpus of Turkic runic monuments of the Yenisei basin. Leningrad, 1983.}

Габен фон 1986 — *Габен А. фон.* Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 159—190. {*Gaben A. fon.* The culture of writing and printing among the ancient Türks // Foreign Türkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures. Moscow, 1986. P. 159—190.}

ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969. {Ancient Türkic dictionary. Leningrad, 1969.}

Дудин 1916а — *Дудин С. М.* Архитектурные памятники Китайского Туркестана // Архитектурно-художественный еженедельник, 1916, май, июнь, № 19, 22. С. 217—220, 241—246 // https://electro.nekrasovka.ru/books/1419. {*Dudin S. M.* Architectural monuments of Chinese Turkestan // Architectural and Art Weekly, 1916, May, June, № 19, 22. P. 241—246 // https://electro.nekrasovka.ru/books/1419.}

Дудин 1916б — *Дудин С. М.* Архитектурные памятники Китайского Туркестана. (Из путевых записок). Отдельные оттиски из № 6, 10, 12, 19, 22, 28 и 31 журнала «Архитектурно-художественный еженедельник» за 1916 г. Петроград, 1916. {*Dudin S. M.* Architectural monuments of Chinese Turkestan. (From travel notes). Selected reprints from No. 6, 10, 12, 19, 22, 28 and 31 of the magazine “Architectural and Art Weekly” for 1916. Petrograd, 1916.}

Дьяконова 1995 — *Дьяконова Н. В.* Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга. 1909—1910. М., 1995. {*Dyakonova N. V.* Shikshin. Materials of the First Russian Turkestan Expedition of Academician S. F. Oldenburg. 1909—1910. Moscow, 1995.}

Кефалайа 1998 — *Кефалайа* («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер., иссл., комм., глосс. и указ. Е. Б. Смагиной. М., 1998. {*Kefalaya* (“Chapters”). Coptic Manichean Treatise. Translation, research, comments, gloss and ind. by E. B. Smagina. Moscow, 1998.}

Клеменц. Краткий перечень — *Клеменц Д. А.* Краткий перечень главнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане (рукопись) // Архив ИВР РАН. Ф. 28, оп. 1, д. 126 [Кляшторный 1992: 594; 2003: 512]. {*Klemenz D. A.* A short list of the main information about the state of culture in East Turkestan (manuscript) // Archive of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. F. 28, op. 1, d. 126.}

Клеменц. Описание — *Клеменц Д. А.* Описание древних городов и пещер в Турфанской земле в Турфанской земле, сделанные (так! — *И. К.*) во время путешествия 1898 г. // Архив ИВР РАН. Ф. 28, оп. 1, д. 137 [Кляшторный 1992: 594]. {*Klemenz D. A.* Description of ancient cities and caves in the Turfan land in the Turfan land, made during a trip in 1898 // Archive of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. F. 28, op. 1, d. 137.}

Кляшторный 1964 — *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. {*Klyashtornyj S. G.* Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia. Moscow, 1964.}

Кляшторный 1992 — *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 326—369. {*Klyashtornyj S. G.* Monuments of ancient Turkic writing // East Turkestan in antiquity and early Middle Ages. Ethnicity, languages, religions. Moscow, 1992. P. 326—369.}

Кляшторный 2003 — *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 358—413. {*Klyashtornyj S. G.* History of Central Asia and monuments of runic writing. St. Petersburg, 2003. P. 358—413.}

Кляшторный 2010 — *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. {*Klyashtornyj S. G.* Runic monuments of the Uyghur Kaganate and the history of the Eurasian steppes. St. Petersburg, 2010.}

Кляшторный, Лубо-Лесниченко 1974 — *Кляшторный С. Г.*, *Лубо-Лесниченко Е. И.* Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXXIX. Л., 1974. С. 45—48. {*Klyashtornyj S. G.*, *Lubo-Lesnichenko E. I.* Bronze mirror from East Turkestan with a runic inscription // Messages from the State Hermitage. Iss. XXXIX. Leningrad, 1974. P. 45—48.}

Кормушин 2008 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008. {*Kormushin I. V.* Turkic Yenisei epitaphs. Grammar, textual criticism. Moscow, 2008.}

Крюков 1988 — *Крюков М. В.* Восточный Туркестан в III в. до н. э. — VI н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 223—296. {*Kryukov M. V.* Eastern Turkestan in the III century. BC. — VI AD // East Turkestan in antiquity and early Middle Ages. History essays. Moscow, 1988. P. 223—296.}

Кызласов 1994 — *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. {*Kyzlasov I. L.* Runic scripts of the Eurasian steppes. Moscow, 1994.}

Кызласов 1996 — *Кызласов И. Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996. С. 124—136. {*Kyzlasov I. L.* Three types of ancient Turkic runic spelling // 90 years of N. A. Baskakov. Moscow, 1996. P. 124—136.}

Кызласов 1997 — *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L, fasc. 1—3. С. 163—184. {*Kyzlasov I. L.* Varieties of the ancient Turkic runic spelling. Reflection of the Manichean written culture in the monuments of the Yenisei and Orkhon writing // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L, fasc. 1—3. P. 163—184.}

Кызласов 1999а — *Кызласов И. Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М., 1999. С. 85—112. {*Kyzlasov I. L.* Spelling signs of Manichean runic inscriptions // Questions of Turkic philology. Iss. IV. Moscow, 1999. P. 85—112.}

Кызласов 1999б — *Кызласов И. Л.* Наскальная история Западной Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов. Томск, 1999. С. 182—183. {*Kyzlasov I. L.* Rock history of Western Mongolia // Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions. Abstracts. Tomsk, 1999. P. 182—183.}

Кызласов 2000 — *Кызласов И. Л.* Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск, 2000. С. 82—112. {*Kyzlasov I. L.* Monuments of runic writing in the collection of the Gorno-Altai Republican Museum of Local Lore // Antiquities of Altai. № 5. Gorno-Altaysk, 2000. P. 82—112.}

Кызласов 2001 — *Кызласов И. Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 243—270. {*Kyzlasov I. L.* Change of worldview in Southern Siberia in the early Middle Ages (Ideas of monotheism in the Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. Moscow, 2001. P. 243—270.}

Кызласов 2003 — *Кызласов И. Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М., 2003. {*Kyzlasov I. L.* News of the Turkic runology. Iss. 1. Yenisei inscriptions on the Yalbak-Tash mountain (Gorny Altai). Moscow, 2003.}

Кызласов 2004 — *Кызласов И. Л.* Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 104—122. {*Kyzlasov I. L.* The courage of the knight and the piety of the priest (Shahanshah Varakhran I, the prophet Mani and the runic inscriptions of Mount Del-ula in Mongolia) // Monuments of archeology and ancient art of Eurasia. Moscow, 2004. P. 104—122.}

Кызласов 2013 — *Кызласов И. Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // Российская тюркология. 2013, 2. С. 79—90. {*Kyzlasov I. L.* The religious nature of the Yenisei writing. I // Russian Turkology. 2013, 2. P. 79—90.}.

Кызласов 2016 — *Кызласов И. Л.* Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. СПб. — Улан-Батор, 2016. С. 218—230. {*Kyzlasov I. L.* Yenisei epitaph from East Turkestan // Turkic-Mongolian world in the past and present. St. Petersburg — Ulan-Bator, 2016. P. 218—230.}

Кызласов 2019 — *Кызласов И. Л.* Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (Одна из форм самовосприятия в северном манихействе) // Звучат лишь письмена. К юбилею А. А. Медынцевой. М., 2019. С. 251—290. {*Kyzlasov I. L.* Evidence of the distant advancement of the Yenisei runic writing to the west (One of the forms of self-perception in northern Manichaeism) // Only letters sound. On the anniversary of A. A. Medyntseva. Moscow, 2019. P. 251—290.}

Кызласов Л. Р. 1969 — *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. {*Kyzlasov L. R.* History of Tuva in the Middle Ages. Moscow, 1969.}

Кызласов Л. Р. 1984 — *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века / Библиотека историка. М., 1984. {*Kyzlasov L. R.* History of Southern Siberia in the Middle Ages / Historian's Library. Moscow, 1984.}

Кызласов Л. Р. 1998 — *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998, 3. С. 8—35. {*Kyzlasov L. R.* Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Bulletin of Moscow University. Series 8. History. 1998, 3. P. 8—35.}

Кызласов Л. Р. 1999 — *Кызласов Л. Р.* Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология. 1999, 2. С. 181—206. {*Kyzlasov L. R.* Manichean temple in the Sorga basin (Republic of Khakassia) // Russian archeology. 1999, 2. P. 181—206.}

Кызласов Л. Р. 2001 — *Кызласов Л. Р.* Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001, 5. С. 83—90. {*Kyzlasov L. R.* Siberian Manichaeism // Ethnographic Review. 2001, 5. P. 83—90.}

Литвинский 2000 — *Литвинский Б. А.* Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000. С. 13—217. {*Litvinskij B. A.* Architecture and construction // East Turkestan in antiquity and early Middle Ages. Architecture. Art. Costume. Moscow, 2000. P. 13—217.}

Литвинский, Пичикян 1986 — *Литвинский Б. А.*, *Пичикян И. Р.* Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 81—125. {*Litvinskij B. A.*, *Pichikyan I. R.* Cave cult architecture of East Turkestan // East Turkestan and Central Asia in the system of cultures of the ancient and medieval East. Moscow, 1986. P. 81—125.}

Литвинский, Смагина 1992 — *Литвинский Б. А.*, *Смагина Е. Б.* Манихейство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 508—532. {*Litvinskij B. A.*, *Smagina E. B.* Manichaeism // Eastern Turkestan in antiquity and early Middle Ages. Ethnicity, languages, religions. Moscow, 1992. P. 508—532.}

Литвинский, Терентьев-Катанский 1988 — *Литвинский Б. А.*, *Терентьев-Катанский А. П.* История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 17—82. {*Litvinskij B. A.*, *Terentyev-Katanskij A. P.* History of the study // East Turkestan in antiquity and the early Middle Ages. History essays. Moscow, 1988. P. 17—82.}

Малов 1952 — *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952. {*Malov S. E.* Yenisei writing of the Turks. Moscow — Leningrad, 1952.}

Малявкин 1974 — *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. / История и культура Востока Азии. Т. II. Новосибирск, 1974. {*Malyavkin A. G.* Materials on the history of the Uighurs in the 9th—12th centuries. / History and culture of East Asia. Vol. II. Novosibirsk, 1974.}

МРС 1957 — Монгольско-русский словарь. М., 1957. {Mongolian-Russian dictionary. Moscow, 1957.}

Ольденбург 1917 — *Ольденбург С. Ф.* Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г. // Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Иркутск, 1917. Т. 45. Отд. оттиск. 13 с. // http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=7397. {*Oldenburg S. F.* Expedition of D. A. Klemenz to Turfan in 1898 // Bulletin of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society. Irkutsk, 1917. Vol. 45. Dept. imprint. 13 p. // http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=7397.}

Попов 1925 — *Попов И. И.* Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 7—66 // https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002598309. {*Popov I. I.* D. A. Klemenz. His life and work // D. A. Klemenz. From past. Memories. Leningrad, 1925. P. 7—66 // https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002598309.}

Туманова 1989 — *Туманова О. А.* Городище Яр-хото // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXVII. Л., 1989. С. 15—56. {*Tumanova O. A.* The settlement of Yar-khoto // Proceedings of the State Hermitage. Vol. XXVII. Leningrad, 1989. P. 15—56.}

Clauson 1972 — *Clauson G. sir*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Erdal 1993 — *Erdal M.* The runic graffiti at Yar Khoto // Türk Dilleri Araştırmaları. 1993, 3. P. 87—108 // https://uni-frankfurt.academia.edu/MarcelErdal; https://uni-frankfurt.academia.edu/MarcelErdal (всюду нет с. 102).

Jiaohe 2001 — The Ancient City of Jiaohe. Experience the Beauties of City-State and Ancient Capital on the Silk Road. Urumchi, 2001. (на кит. и англ. яз.)

Klements 1899 — *Klements D.* Turfan und Seine Altertümer // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. SPb., 1899. H. 1. P. 1—53 + 8 Pl.

Radloff 1899 — *Radloff W.* Altuigurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. SPb., 1899. H. 1. P. 55—83.

Thomas, Clauson 1927 — *Thomas F. W.*, *Clauson G. L. M.* A Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. April 1927. London, 1927. P. 281—306.

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-84-105

А. М. Маликов

Монгольские элементы в этнонимике и этнотопонимах долины Зеравшана (XV—XIX вв.)

Маликов Азим Маннонович, Университет Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика; azimmal2018@gmail.com

В настоящей статье на основе данных письменных источников и архивных материалов анализируется роль монгольских компонентов в формировании родоплеменных названий и этнотопонимов долины Зеравшана с XV по XIX вв. В ходе исследования была выявлена динамика проникновения и распространения монгольских этнонимов на разных уровнях родоплеменной организации тюркоязычных племен региона. Вследствие миграций кочевых групп населения из степных районов в долину Зеравшана происходит обогащение родоплеменного состав населения и возрастание числа монгольских по происхождению названий, которые воспринимались местным населением как тюркские, узбекские, казахские и каракалпакские этнонимы. Общее число монгольских элементов в этнотопонимике долины Зеравшана возросло в связи с оседанием полукочевых родов в XVIII — начале XIX в. Монголизмы в этнотопонимах получили большее распространение в Самаркандской и Навоийской областях и меньше в Бухарском оазисе.

Ключевые слова: монголы, калмаки, чагатаи, Самарканд, Бухара, этнонимы, топонимы

MONGOLIAN ELEMENTS IN THE ETHNONYMY AND ETHNOTOPONYMS OF THE ZERAVSHAN VALLEY (15—19TH CENTURIES)

Azim Malikov, Palacky university Olomouc, Czech Republic; azimmal2018@gmail.com

This article, based on written sources and archival materials, analyzes the role of Mongolian components in the formation of tribal names and ethnotoponyms of the Zerafshan Valley from the 15th to the 19th centuries. The research revealed the dynamics of penetration and distribution of Mongolian ethnonyms at different levels of the tribal organization of Turkic-speaking tribes of the region. Numerous migrations of Turkic-Mongolian clans to the Zerafshan valley covered a long period, starting from the campaigns of Genghis Khan until the middle of the 18th century. In the region, at different times, the perception of the boundaries of the Mongol community changed. If in the 13th — early 14th centuries under the name Mongol an ethnopolitical community was understood, as well as the inhabitants of the Mogholistan region, then later it designated the tribe and clan as part of individual tribes. If in the first waves of migration of Mongolian tribes to the oases of Central Asia their composition could include the main Mongolian clans, then in the following centuries their Turkification took place in the steppe regions and already Turkified tribes or alliances of tribes containing Turkic clans invaded and settled into the valleys.

As a result of the migrations of the nomadic population groups from the steppe regions to the Zerafshan valley, the tribal composition of the population became enriched and the number of Mongolian names, which were perceived by the local population as Turkic, Uzbek, Kazakh and Karakalpak ethnonyms, increased. Many Mongolian elements were included in the toponymy not by the Mongols themselves, but by Turkic or Turkified tribes. The total number of Mongolian elements in the ethnotoponymy of the Zerafshan Valley rose due to the settlement of semi-nomadic clans in the 18th — early 19th centuries. They became more widespread in the Samarkand and Navoi provinces and less common in the Bukhara oasis.

Keywords: Mongols, Kalmaks, Chagatai, Samarkand, Bukhara, ethnonyms, toponyms

Исследование по теме статьи было осуществлено благодаря гранту European Regional Development Fund — Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791.

Введение

Оазисы Средней Азии[1] на протяжении многих сотен лет находились на пути миграций полиэтнических групп населения с разными культурами. Имело место тесное взаимодействие, взаимовлияние оседлого и кочевого населения. В XIII—XIV вв. в регионе происходили сложные и широкомасштабные этномиграционные процессы, которые привели к усилению монгольского компонента в этническом составе и культуре номадов, находившихся в близких связях с оседлым населением. Тюрко-монгольские рода эпохи Чингис-хана, мигрировавшие в Среднюю Азию, растворились среди тюркоязычных народов в качестве их составных этнических компонентов и участвовали в формировании узбеков, казахов, киргизов, каракалпаков и др. [Номинханов 1962: 275]. Наследие эпохи монгольского правления важно для понимания концептуализаций этнической идентичности в Центральной Азии в последующий период [Biran 2004: 361].

Целью данной статьи является анализ монгольских компонентов в этнонимике и этнотопонимии долины Зеравшана. Основными задачами исследования являются выявление этапов и особенностей проникновения монгольских элементов в родоплеменную организацию кочевых племен долины Зеравшана, а также концептуализация монгольских самоназваний «могол», «чагатай», «калмык» в местных источниках.

Источником для исследования послужили публикации по топонимике долины Зеравшана, где располагаются два древнейших города Среднего Востока: Бухара и Самарканд. Регион был центром сложных этнокультурных процессов, которые оказывали определяющее влияние на историю населяющих его народов. По сравнению с другими оазисами Средней Азии в долине Зеравшана, где ныне располагаются Самаркандская, Навоийская и Бухарская области Узбекистана и часть территории Таджикистана, во второй половине XIX — начале XX в. было зафиксировано наибольшее число жителей, сохранивших родоплеменные названия.

Для долины Зеравшана издревле была характерна полиэтничность: здесь жили представители таких народов, как арабы, иранцы, таджики, евреи, казахи, каракалпаки, туркмены, узбеки, которые находились в тесном взаимодействии и взаимовлиянии друг с другом. В Среднезеравшанской долине находятся хорошие пастбища для круглогодичного выпаса скота, что в прошлом способствовало жизнедеятельности полукочевых групп населения [Ковалев, Ташбеков, Валиева 1962]. В нижней части долины Зеравшана располагается Бухарский оазис, в котором природно-географические условия сильно ограничивали проживание крупных кочевых племен. Другой особенностью было то, что в XVI—XIX вв. бухарские ханы вокруг столичной Бухары выделяли определенные участки земли для влиятельных представителей родоплеменных групп государства [Тураев 1989: 279—283], по имени или роду которых формировалось название ряда сел.

Хронологические рамки работы охватывают период от начала XV до конца XIX в. Этот период включает время, когда рассматриваемый регион был в составе государства Тимуридов, Бухарского ханства (периода Шибанидов, Джанидской или Тукай-Тимуридской династии), Бухарского эмирата (1756—1920). С 1868 по 1917 гг. долина Среднего Зеравшана находилась в составе Российской империи.

В топонимической стратиграфии долины Зеравшана при преобладании тюркского и персидского слоя монгольский пласт названий не является одним из основных. До настоящего времени актуальной остается проблема всестороннего изучения монгольского влияния на ономастику долины Зеравшана в целом. В статье мы будем использовать термин «тюрко-монгольские племена» ввиду сложного этнического состава соответствующих сущностей.

Исследование этнонимов дает возможность проследить пути этнических миграций, культурные и языковые контакты между народами. Однако в случае с монгольскими этнонимами ситуация является более сложной и запутанной. Как показывают источники, были десятки миграционных волн тюрко-монгольских родов, двигавшихся в оазисы Центральной Азии в разное время. Эти волны имели различный масштаб и численность. Поэтому возникают сложности в идентификации времени переселения родовых групп и их месторасположения. Надо различать этимологию самоназвания и меняющийся смысл, вкладываемый в его этническое содержание в зависимости от эпохи и социально-политического контекста.

Обзор литературы и источников

Вопросам тюрко-монгольских языковых связей посвящено значительное число работ. К настоящему времени в монголистике накоплен достаточно объемный эмпирический материал по этнонимике и топонимике.

[1] Под термином «Средняя Азия» мы подразумеваем современную территорию Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Истоки тюрко-монгольских языковых связей и взаимовлияний уходят в древнюю эпоху [Санжеев, 1973; Щербак, 1997; Дыбо, 2007; Дыбо 2016]. Вопросы распространения монгольского языка и его влияния на тюркские языки Средней Азии были предметом исследования ряда специалистов, например, Н. Поппе, Ц. Номинханова, О. Серткая [Sertkaya 1992], Э. Чаки [Csáki 2006], М. Олмеза [Ölmez 2007] и др. Эти исследования были полезны для выявления заимствований из среднемонгольского языка в средневековые и современные тюркские языки.

Начало научному описанию родоплеменного состава населения долины Зеравшана положил Н. Ханыков [1843]. Во второй половине XIX в. российские лингвисты и востоковеды более подробно изучили родоплеменной состав населения долины Зеравшана [Гребенкин, 1872; Соболев, 1874; Хорошхин 1876]. В. Бартольдом [1963] был проведен глубокий анализ персидских и тюркских источников, касающийся истории монгольского нашествия в Средней Азии, его последствий, родоплеменной структуры населения. Вопросы происхождения, истории социально-политической организации тюркских и монгольских племен, их географическая локализация были освещены Н. Аристовым [1896]. Этнотопонимика Самаркандской области на основе письменных источников была проанализирована краеведом В. Вяткиным [1902].

Созданная при Российской академии наук комиссия по изучению родоплеменного состава России в 1921 г. собрала данные по этническому и родоплеменному составу сел долины среднего Зеравшана. Были записаны названия около 50 узбекских родов, делящихся на полтораста колен [Кун 1924: 356]. В настоящее время материалы хранятся в Центральном Государственном архиве Республики Узбекистан. Материалы исследований этнического состава населения Бухарской и Самаркандской областей в 1920-х годах были обобщены И. П. Магидовичем [1926].

В советский период формировались основы теории этноса, относящейся к примордиалистской школе, которая оказала влияние на методологию советской этнографии в последующие десятилетия. Характерной чертой исследований этнонимов советскими учеными было стремление установить преемственность и генетическую связь древних и современных этнонимов. Вместе с тем признавалось, что один и тот же этнос помимо этнонима-самоназвания (*эндоэтнонима*) мог иметь различные наименования, даваемые ему другими народами (*экзоэтнонимы*). Не исключалось, что по отношению к нескольким разным этническим группам мог использоваться один этноним [Бромлей 1983: 180].

Проблема монгольского компонента в этнической истории и этнотопонимике региона была частично освещена лишь в двух публикациях Ц. Д. Номинханова, который защитил кандидатскую диссертацию на тему «Монгольские административно-политические и военные термины XIII—XV вв., сохранившиеся в узбекском языке» [Муниев 1969: 4]. Им были проанализированы некоторые монгольские топонимы на территории Узбекистана [Номинханов 1962]. Исследования Номинханова были основаны на примордиальном подходе. Он не учитывал сложный и изменчивый характер родового состава монгольских племен, изменчивость восприятия этнонимов в зависимости от эпохи и социального контекста. Трансформация и изменение смыслового значения монгольских этнонимов «чагатай», «монгол — могол», «калмык» были предметом исследования ряда зарубежных, советских и постсоветских ученых [Благова 1972: 169—172; Крадин, Скрынникова 2006; Сухарева 1966; Кармышева 1976; Hesche, Hildebrandt, Thermann 1979; Manz 1989, 1992; Дремов 2013; Китинов 2018; Решетов 1983; Султанов 2017; Юдин 2001; de Rachewiltz 2019].

Канадский исследователь Джо Юп Ли на основе примордиального подхода анализировал материалы по концептуализации названия монголов в истории Центральной Евразии [Lee 2016]. Он считал, что между монгольскими племенами и тюркскими родами существовали четко различимые этнические границы, и полагал, что после походов Чингис-хана монгольские рода численно доминировали в степях Средней Азии [Lee 2018]. Эта точка зрения не объясняет сложный процесс тюркизации этих племен и не учитывает смешанный и сложносоставный характер монгольского населения Монгольской империи.

Различным аспектам изучения монголоязычных географических названий на территории Центральной Азии посвящены исследования российских, монгольских, казахских ученых: [Конкашпаев 1959; Мурзаев 1970, 1974; Номинханов 1962; Сагидолдагийн 1993] и др. Монгольские топонимы на территории Узбекистана в свое время были рассмотрены Ц.-Д. Номинхановым [1962: 257—275]. В изучении этнонимов долины Зеравшана особо следует отметить исследования Б. Кармышевой [1976]. Значительные исследования родового состава узбекских племен региона были проведены К. Шаниязовым [2001]. Родоплеменной состав узбеков и каракалпаков долины Зеравшана был освещен в публикациях Л. Толстовой [1961а, б]; Х. Ташева [1968], Х. Дониёрова [1968], М. Мирзаева [1969], А. Маликова [2018]. Во второй половине XX в. гораздо шире развиваются исследования топонимики Узбекистана, в том числе долины Зеравшана. Топонимике Узбекистана, в том числе долины Зеравшана была посвящена работа С. Караева [1991; Қораев 2005]. По топонимике города Бухары и Самарканда исследования прово-

дила О. А. Сухарева [1958; 1966; 1976]. Сведения по средневековой топонимике долины Зеравшана содержатся в работах О. Д. Чехович [1965; Самаркандские документы 1974]. и др. У. Туйчиев защитил кандидатскую диссертацию по этнической топонимике долины Зеравшана [Туйчиев 1990б].

В годы независимости Узбекистана на основе теории этноса были освещены некоторые аспекты проблем этнотопонимики региона [Ўринбоев 1997; 2003; Бўриев 1997]. Топонимии Самарканда и Самаркандской области был посвящен ряд исследований филологов (см., например, [Туробов 2002]). По узбекским родам Самаркандской области были опубликована работа филолога Н. Бегалиева [2004]. В этих работах монгольский компонент в этнонимике и этнотопонимах региона отдельно не выделялся.

Современные исследования в рамках конструктивистского подхода позволяют по-новому подойти к проблеме концептуализации племени и этничности. Существует значительное число исследований по вопросам этничности, среди которых можно выделить публикации Ф. Барта [2006], Р. Дженкинса [Jenkins 1997], П. Бёрк [Burke 2003] и др. С учетом новых подходов появились публикации по истории социально-политической организации монгольских племен [Крадин, Скрынникова 2006; Wing 2016]. Фундаментальная работа А. М. Хазанова [2002] способствует пониманию сложного характера кочевых обществ Евразии.

Для реконструкции картины миграций разных этнических групп населения, этнического и родоплеменного состава населения важным источником являются этнотопонимы. Монголизмы встречаются в названиях этнических групп, наименованиях различных звеньев структурной организации тюрко-монгольских племен и племенных союзов, в XV—XIX вв. проживавших на территории долины Зеравшана. В сравнении с предыдущими исследователями мы расширили документальную базу, используя источники XV—XIX вв., переписи 1872, 1887—1888 гг. и неопубликованные архивные материалы переписей 1921 г.

Ранние сведения о родоплеменном составе империи Чингис-хана и монгольских родах содержатся в монгольском источнике «Сокровенное сказание». После завоеваний Чингис-хана у мусульманских ученых открылись возможности для изучения монголов, их происхождения, языка и культуры. Лучшим примером является сочинение историка XIV в. Рашид ад-дина, где он собрал сведения по истории и устным преданиям тюрко-монгольских племен Монгольской империи, которые он получил от знатока монгольской истории Пуладчэнсяна и от чингизида Газан-хана. Помимо этого он использовал письменные монгольские источники [Бартольд 1963: 89, 92—93].

В сочинениях тимуридских авторов даются сведения о тюрко-монгольских племенах Средней Азии. Из них можно выделить летописцев Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина ‘Али Йазди, автора «Му‘из ал-ансаб», Абд ар-Раззака Самарканди, Захир ад-дина Бабура. Однако концептуализация термина «монгол» и его компонентов со стороны средневековых историков отличалась от современной, поэтому следует быть осторожным при интерпретации их сведений.

Сочинение неизвестного автора «Му‘из ал-ансаб» содержит ценные сведения о тюрко-монгольских племенах, родоплеменном составе государственного аппарата тимуридской эпохи и др. Тимуридский историк, поэт, писатель Захир ад-дин Мухаммад Бабур (1483—1530) в своих мемуарах неоднократно упоминал различные племенные и этнические названия, включая монголизмы [Цэндмаа 2013].

Родоплеменной состав кочевых и полукочевых племен Среднеазиатского междуречья нашел отражение в сочинениях таких летописцев XVI—XIX вв., как Мухаммад Салиха (1455—1535), Хафиз Таныш Бухари, Абдурахман Тали, Мухаммад Амин Бухари, Абдалазим Сами [Malikov 2002: 617—623], а также в ряде списков 92 узбекских племен, составленных в долине Зеравшана и соседних областях [Malikov 2020: 515—532].

Сведения о родоплеменном составе узбеков и о тюркских родах долины Среднего Зеравшана содержатся в статистических материалах 1872 г. и 1887—1888 гг. [Соболев, 1874; Сборник материалов 1890]. Ценные сведения о взаимоотношениях узбеков-кунгратов и калмаков и их культуре содержатся в узбекском народном эпосе «Алпамыш», семь версий которого были составлены в долине Зеравшана [Маликов 2007].

В нашем исследовании монголизмы в этнотопонимах анализируются как источник по истории распространения этнонимов, их замещения другими этнонимами в зависимости от миграций, демографических изменений, политических событий и др. При интерпретации этнотопонимов следует иметь в виду, что изменения социальных связей и трансформация общества могут иметь следствием утрату памяти о значении названия и даже новое конструирование его значения. Для понимания сложного и длительного процесса проникновения монголизмов в этнонимику и этонотопонимику Средней Азии следует выявить особенности тюрко-монгольских связей и роль монгольского языка в регионе в рассматриваемый период.

Тюрко-монгольские связи и монгольский язык в Средней Азии

Если допустить, что предками кара-китаев, появившихся в долине Зеравшана в середине XII века, были древние монголоязычные кидани [Дробышев 2010: 108; Vovin 2019: 162], то, вероятно, проникновение монголоязычных групп населения в Среднюю Азию имело место еще до походов Чингис-хана. Возможно, что термин «кидани» был политонимом, причем киданьские знатные рода включали в себя киданьские, монгольские и, возможно, китайские элементы [Biran 2005: 34, 36].

Более широкое распространение монгольского языка в Евразии начинается с началом походов Чингис-хана. Существовали летописи на монгольском языке в Ильханидском Иране. Вместе с тем надо отметить, что при организации государственной системы и письменного делопроизводства Монгольской империи играли немалую роль уйгуры [Бартольд 1963: 453—454]. Как показывают документы, монгольский язык использовался восточными Чагатаидами (потомками второго сына Чингис-хана Чагатая) на территории Восточного Туркестана во второй половине XIV в. [Matsui 2008: 166, 171]. В эпоху Чагатайского улуса определенные группы родов Центральной Азии говорили на монгольском языке. По данным Тогана, в XIV в. на монгольском языке говорило племя дуглатов Восточного Туркестана [Togan 1962: 70]. Полагают, что монгольский язык сохранял некоторое значение в Мавераннахре[2] до конца XV в. [Поппе 1938: 7; Номинханов 1962: 265].

Об определенном значении монгольского языка для народов Средней Азии свидетельствует многоязычный словарь «Мукаддимат аль Адаб» [Номинханов 1962: 264]. В поздней редакции от 1492 г. он представляет собой копию арабско-персидского словаря хорезмийского ученого аз-Замахшари (1075—1144), который был дополнен тюркским и монгольским языковым материалом [Поппе 1938; Saitô 2008]. Отметим, что в разных книгохранилищах мира существуют более 62 списков сочинения «Мукаддимат аль Адаб» разного объема, датируемых XIII—XVII вв., и лишь один включает в себя монгольскую часть [Islamov 2020: 3]. Заслуживает внимания тот факт, что именно этот список сочинения хранился в столице Бухарского ханства — Бухаре [Поппе 1938]. Как отмечали исследователи, в хронологическом плане литературный язык тюркского населения Средней Азии — чагатайский язык — состоит из разных слоев [Kincses-Nagy 1997: 143—144]. Поэтому следует избегать обобщения существующего материала и быть осторожным в выявлении заимствований. Монгольские слова в среднекипчакском языке были проанализированы исследователями (ср., например, [Csáki 2006]). Это такие слова, как *хабурга*, *маглай*, *нукта*, *даруга*, *суюргал*, *нукер*, *курултай*, *макта*, *тухта* и др. [Çiçek 2015: 55, 56, 57, 61, 71, 76—78, 84—85], которые позже мы находим в лексике узбекского языка.

По мнению М. Олмеза, в чагатайском тюркском языке количество монгольских заимствований больше, чем в любом другом тюркском языке [Ölmez 2007: 229]. В источниках выявлены монгольские заимствования, которые охватывают различные сферы — части тела, военные и семейно-родственные термины и т. д. [там же: 229]. О. Серткая выделяет следующие семантические категории монгольских элементов в турецком языке: а) личные имена, б) фамилии, в) названия учреждений, г) титулы и должности, д) географические названия, е) монгольские суффиксы и ж) разное [Sertkaya 1987: 265—280]. Хотелось бы отметить, что монголизмы проникали и в персидский язык историографов Тимуридского государства. Например, Низам ад-дин Шами использовал такие слова, как *аймак*, *баронгор*, *даруга*, *ёсо* (*яса*), *джета* и др. [Шомий 1996: 506—507, 509].

В лексике узбекского языка встречаются монгольские элементы. На основе средневековых источников и словарей были выявлены монгольские слова в узбекском языке: *ажарчи*, *аймок*, *айғоқчи*, *бақовул*, *бахадур*, *бовурчи*, *болиш*, *даруга*, *джавангар*, *джулду* и др. [Чориев 2002: 8, 12, 17, 19, 21, 23, 37, 45, 46]. Следует отметить, что этимология и семантика этих слов вызывают споры среди исследователей. Учитывая разные по времени этапы миграции тюрко-монгольских кочевников в долину Зеравшана, можно утверждать, что обогащение монгольскими элементами местных тюркских диалектов и литературного языка происходило в разное время и с разной интенсивностью. Можно согласиться с Номинхановым, что из монголизмов в узбекском языке к началу XX в. доминировали общественно-политические термины, относящиеся к XIII—XIV вв. [Номинханов 1962: 274].

Несомненно, требуются более глубокие исследования монгольских заимствований в разных диалектах узбекского языка, особенно в кипчакских диалектах, значительная часть носителей которых имела более близкие связи с монголоязычными племенами и в более поздние периоды мигрировала из северных степных областей Центральной Азии. Особенности проникновения монголизмов в этнонимику кочевых и полукочевых племен Средней Азии могут быть выявлены прежде всего через понимание их социально-политической организации.

---

[2] Под термином *Мавераннахр* мы понимаем территорию между Амударьей и Сырдарьей.

Социально-политическая организация тюрко-монгольских племен в XIII—XV вв.

Современные концепции родоплеменной организации способствуют пониманию особенностей монгольских компонентов в племенной структуре полукочевого населения долины Зеравшана. В источниках значение слова *племя* может быть совершенно разным и меняться со временем в зависимости от множества факторов, таких как территория, эпоха или происхождение автора [Zsidai 2018: 60]. Для поддержания племенных отношений имела значение генеалогия, которая узаконивала родство. Генеалогия не была статичной, а предоставляла идеологические средства группам кочевников для включения других родов в свою структуру. Другой особенностью племен была гибкость их структур [Wing 2016: 30—31]. Анализ генеалогических преданий тюркских племен и их организации в долине Зеравшана подтверждает открытость племенных границ и конструирование их генеалогий [Маликов 2018]. Таким образом, племена представляли собой политические единицы, которые определяли отношения социальной власти между кочевниками.

Монголы использовали ряд терминов для описания разных уровней социально-политической организации. Иерархия разных уровней представляла собой следующий ряд: *урук* (линидж) — *обок* (род) — *иргэн*, *улус* (племя) [Крадин, Скрынникова 2006: 492]. В маркировке родства монголов большая роль принадлежала термину *урук*, который маркировал патрилинейное кровное родство [Скрынникова 2013: 29]. Монгольский термин для обозначения брачных отношений — *анда-куда* [Крадин, Скрынникова 2006: 88] — имеет аналог в современном узбекском языке в форме *куда-анда*. В узбекских диалектах долины Зеравшана и в письменной традиции для обозначения разных уровней племенной организации использовались термины тюркского, монгольского и арабского происхождения *уруғ*, *уруғ-аймоқ*, *эл*, *элу уруғ*, *улус*, *бов*, *туп*, *таифа*, *уй*, *қавм*, *элат*, *фирка*, *джамоа* [Маликов 2018: 45—46], причем использование этих терминов было изменчивым в зависимости от местной социально-политической организации и культурных традиций, которым следовали авторы исторических трудов.

В монгольских хрониках XIII в. упоминаются такие племена на территории современной Монголии, как кунгираты, баарины, баруласы, мангуты, арулады, генигесы, кераиты, меркиты, найманы, чиносы, баяуты и др. [Козин 1941: 83—161]. В период походов Чингис-хана (1219—1221) в Среднюю Азию мигрировали некоторые монгольские рода. Вероятно, эти племена раздробились и вошли в состав разных племен и народов. Чингис-хан и его потомки разрушили социальную организацию тюркоязычных племен Средней Азии, перетасовали их подразделения, вызвав значительные родоплеменные перегруппировки [Хазанов 2002: 246]. По мнению исследователей, эта политика привела к смешению тюркоязычного большинства с монгольским меньшинством и способствовала тюркизации монголов [Поляков 1980: 144—145; Султанов 2017: 76]. Хотя со временем монгольским осталось только название, все члены нового образования возводили свое происхождение к одному предку [Хазанов 2002: 246]. Состав «монгольских» войск включал тюркские элементы, которые монголы систематически мобилизовали в свою военную и экономическую машину [Golden 1992: 292]. Другие исследователи признают, что хотя монголы оставались политической и военной элитой, тюркские воины составляли большинство их войска [Аристов 1896: 306; May 2013: 227]. Трепавлов уточняет, что немногочисленные рода монголов в окружении кипчакских племен среднеазиатских степей были ассимилированы, но передали им свое название [Трепавлов 2002: 53]. При завоеваниях Чингизидов монгольские племена разделились на воинские части, которые были набраны либо из одного племени, либо из различных племен. В этих этнически разнообразных единицах названия племен были сокращены до названий кланов, а старые названия кланов часто исчезали [Golden 2000a: 24; Biran 2015: 153]. Существует также мнение, что распространение на тюркские рода некоторых монгольских этнонимов в качестве объединяющих самоназваний связано с тем, что эти тюркоязычные группы приняли название рода монгольского военачальника, возглавлявшего общую территориальную (административную и военную) единицу, в состав которой они входили [Жданко 1950: 119]. Эта версия поддерживается некоторыми современными исследователями, которые утверждают, что возвышение монголов создало новые коллективные идентичности с названиями, происходившими от имени командира, которому служили эти рода [May 2013: 227].

Административное деление Монгольской империи, имевшее место после 1260 г., заложило основы для четырех новых ханств и оказало влияние на формирование более новых идентичностей [Rossabi 2000: 44; Biran 2004: 354].

Следует отметить, что рода и племена с идентичными названиями оказывались в составе разных политических племенных объединений и народов. Как будет показано в дальнейшем, монгольские этнонимы использовались на разных уровнях родоплеменной организации тюрко-монгольских племен Средней Азии.

Термины «монгол» — «мугул» — «моголы» и их значения в источниках XIII—XIX вв.

Важным этнонимом и политонимом, вокруг которого объединились разрозненные тюрко-монгольские рода в XIII в., было самоназвание «монгол», которое использовалось в нескольких значениях, а в последующие столетия претерпело трансформацию. Концепция множественной идентичности способствует пониманию взаимоотношений между различными идентичностями, при том что индивидуум может принадлежать к нескольким этническим общностям, с которыми он может идентифицировать себя в различных социальных ситуациях [Burke 2003: 195]. Кроме того, имеются отличия между процессами внешней и внутренней идентификации [Jenkins 1997]. Как отмечают исследователи, в реконструкции содержания понятия *монголы* конструктивным является принцип изучения границы общностей, названий племен и племенных союзов в историческом контексте средневековых сочинений [Крадин, Скрынникова 2006: 130]. Различают внешнюю и внутреннюю идентификацию, которые в определенных случаях могут быть взаимосвязаны и влиять друг на друга.

Впервые название «монгол» появляется для обозначения небольшой ветви племени Шивей, которое в IX в. проживало в долине реки Аргун. В X—XI вв. его представители мигрировали на запад и обосновались на склонах горы Бурхан-Халдун [de Rachewiltz 2019: 89]. На территории Монголии термин «монгол» мог выступать как этноним с двумя значениями: в значении как рода, так и племени, а кроме того, он мог использоваться как политоним [Крадин, Скрынникова 2006: 140]. Механизм идентификации у монголов средневековья демонстрирует наличие нескольких уровней. В многокомпонентном Монгольском улусе лидирующее положение занимал род *монгол*, однако в разных регионах и в разное время конструирование границ общности монголов значительно менялось [Скрынникова 2005: 56]. Термин «монгол» использовался в разных значениях: родовая группа, военная дружина; союз групп; конфедерация групп разного уровня (родов, племен, союзов), в которой имелась властная элита [Скрынникова 2005: 56—58].

В средневековых тюркских и персидских источниках встречается несколько видов обозначения монголов: *мугул*, *могул*, *мугал*. По мнению И. Рахевилца, использовать слово *могол* вместо слова *монгол* стали ввиду оскорбительного значения слова *мунгул* в уйгурском языке [de Rachewiltz 2019: 92]. На наш взгляд, проблема использования названия «могол» более сложна, потому что необходимо различать разные письменные и устные традиции использования этнонимов, но это потребует более глубоких сравнительных исследований.

Историк Рашид ад-дин (умер в 1318 г.) выделяет «народности, которых в настоящее время называют монголами, однако в начале их название не было таковым, потому что это название появилось спустя некоторое время после них» [Рашид ад-дин 1952: 77—78]. Рашид ад-дин также использовал категорию «коренных монголов», которые «разделились на две части» [Рашид ад-дин 1952: 78—79]. Он отмечал, что «ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ, нянгасов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами» [Рашид ад-дин 1952: 103]. Вероятно, обозначение «монгол» первоначально охватывало основные племена, подчиненные Чингис-хану. Оно исключало другие монгольские или тюркоязычные племена, такие как джалаир, ойрат, керейит и найман. Однако после обширных по территории монгольских завоеваний и роста престижности названия «монгол» сфера охвата этого термина расширилась. Существует также проблема неоднозначности монгольского происхождения родов, вовлеченных в походы Чингис-хана. Например, некоторые исследователи относят племена джалаиров и барласов к тюркским группам, а племена арлатов, сулдузов, мангытов, кунгратов, уйратов и бахринов к монгольским [Кармышева 1976: 172, 177, 179; Шониёзов 2001: 385—389]. Гибкость и близость этнических границ между тюркскими и монгольскими родами Монгольской империи нашли свое отражение в термине «тюрко-монголы», используемом в сочинении «Шуаб-и панджгана» («Пять родословий») Рашид ад-дина [Togan 1962: 68]. Этот термин в настоящее время используется и в академической науке [Manz 1989: 2].

Бартольд полагал, что победы Чингис-хана способствовали «развитию монгольского национального чувства» [Бартольд 1963: 90]. Он считал одним народом моголов и монголов [Бартольд 1964: 544]. По мнению Россаби, распад Монгольской империи на четыре отдельных враждующих друг с другом ханства и изменение этнического состава войск по мере расширения империи и включения тюрков, персов в ее состав способствовало размыванию монгольской идентичности [Rossabi 2000: 44].

В. Юдин отличал монголов от могулов, которые сформировались как народ во второй половине XIII — первой половине XIV в. на территории Могулистана (современная территория Кыргызстана, юго-восточного Казахстана и Восточного Туркестана). Уже в это время они были тюркоязычным наро-

дом [Юдин 2001: 105]. В состав могульских племен входили такие рода, как кераиты, канглы — бекчики, арканут//аркануды, султузы, доглаты, чорасы, курлагуты, карлуки, итарчи — барак — акбараки, бахрин — барины, калучи, улачи, алучи, арлаты, барласы, мекриты, балыкчи, татары, долины, туркаты, узбеки и др. [Юдин 2001: 115—116]. Среди них, как мы видим, не только монгольские племена эпохи Чингис-хана, но и местные рода: канглы, карлуки и др. [там же]. Таким образом, к XV в. родовой состав могулов отличался от монголов эпохи Чингис-хана. Кармышева, следуя выводам Юдина, однозначно относит большинство могульских племен к тюркским [Кармышева 1976: 206]. Этнограф Шаниязов считал, что в источниках монголы назывались *мўнғул*, а после тюркизации стало применяться название *мўғул* [Шониёзов 2001: 384].

Таким образом, существуют разные трактовки термина «могол». Одни исследователи считают моголов конгломератом тюркских и монгольских племен, другие — сословием на службе у ханов Чагатаидов, третьи — этнической группой. Султанов полагал, что в начале XVI в. название «могол» относилось только к военному сословию общества [Султанов 1989: 209].

Некоторые крупные тюрко-монгольские племена в эпоху Тимуридов имели свои уделы — «или» и «улусы», которые они населяли. Среди кочевников Чагатайского улуса выделяют главные рода: джалаиры, барласы, каучины и орлаты [Номинханов 1962: 260]. Манц подчеркивает, что каучины были наследственным военным классом или группой без внутренней организации [Manz 1989: 163].

Номинханов отмечает два важных процесса, протекавших в Средней Азии: тюркизацию и исламизацию монголов [Номинханов 1962: 262—263]. Бухарские документы XIV в. фиксируют этноним «мугул», причем он упоминается вместе с тюркским именем, например, Юлкутлуг мугули [Чехович 1965: 184]. После распада Монгольской империи стали формироваться новые идентичности [Biran 2004: 357]. Номинханов полагал, что в XIV—XV в. появился новый термин «узбек-монголы» [Номинханов 1962: 262—263]. Термин «узбек» с XIV в. был одним из самоназваний жителей восточной части Улуса Джучи (Джучи — старший сын Чингис-хана), что отличало их от названия «чагатай», применявшегося к племенам Чагатайского улуса [Аристов 1896: 4201421]. В XIV — начале XV в. в тимуридских источниках термин «мугул» имел три значения: одно из племен; народ, в состав которого входили барины; союз мугул-узбеков [Муʻизз ал-ансаб 2006:120—121, 152, 155].

Интересным источником для понимания разных вариантов интерпретации этнонима «могол» являются воспоминания тимурида Захир ад-дина Мухаммад Бабура (1483—1530) «Бабур-наме». Его отец Умар-шейх происходил из тюркизированного рода барлас, переселившегося в Мавераннахр в эпоху Чингис-хана. Мать Бабура была из чингизидов. В своих воспоминаниях Бабур употреблял термин «могол» (*мўғул*) в нескольких значениях. Он использовал этот термин как в этническом смысле, так и в региональном, обозначая выходца из области Могол или Моголистан (исторический регион на территории современного Кыргызстана, юго-восточного Казахстана и Восточного Туркестана) [Бабур-наме 1958: 15], но себя Бабур к моголам не относил.

Как заметили исследователи, генеалогия, несмотря на ее фиктивность, может моделировать границы общности, которые были актуальны для определенного времени [Крадин, Скрынникова 2006: 131]. Историк Тимуридов Шараф ад-Дин Али Йазди, повествуя о генеалогии Тимуридов и Чингизидов, включил в их число мифические личности: Тюрк-хана, сына Иафета, а также братьев-близнецов Татар-хана и Мугул-хана — потомков Тюрк-хана. Согласно этой генеалогии, потомки Мугул-хана, т. е. монголы, являются ветвью тюрков [Lee 2016: 130]. Таким образом, согласно тимуридским официальным историографам история тюрков и монголов считалась тесно взаимосвязанной на генеалогическом уровне. Эта же легенда повторяется в источниках XVI—XVIII вв. [Тали 1959: 13]. В отличие от тимуридских традиций, пришедшая в начале XVI века к власти династия Шибанидов (1501—1599; потомки старшего сына Чингис-хана — Джучи) имела больше легитимных прав и генеалогических традиций для выстраивания более широких связей с царствовавшей в Мавераннахре прежде династией Чагатаидов. Например, историограф бухарского хана, шибанида Абдуллы-хана II (1557—1598), подчеркивал его кровные связи с правящим родом потомков Чагатай-хана в Моголистане, которые названы «могольскими хаканами» [Бухари 1983: 93—94]. Очевидно, что шибанидский историк использовал термин «моголы» для обозначения кочевых жителей области Моголистан. Кроме того, «могол» также означало отюреченных кочевников монголов, имевших этнографические особенности [Султанов 2017: 84]. В дальнейшем, с 1520-х гг., моголы были вытеснены из Моголистана узбеками, киргизами и казахами, а часть была ассимилирована [Акимушкин 2004: 244]. Название «могол» не встречается в списках 92 узбекских племен, составленных в XVI—XIX вв. [Султанов 1982], что, видимо, связано с тем, что они не входили в состав государства Абулхайр-хана (1429—1468).

В афганском культурно-географическом окружении наблюдаются ряд других типов концептуализации самоназвания «могол» и особенностей языка его носителей. Первый тип: монголоязычные моголы, гео-

графически изолированные от основного массива монголов [Лигети 1952: 102—103]. Язык моголов Гератской области Афганистана имел некоторые особенности, соответствующие монгольскому языку XIII—XIV вв. [Weiers 1972: 154], однако на него сильное влияние оказал персидский. Второй тип: моголы Гурского района говорили на диалекте фарси, а у моголов в Меймене и Каттагане доминировал пушту [Кисляков 1973: 138]. Третий тип: в северо-восточном Афганистане (Бадахшане) жили группы тюркоязычных моголов, которые, однако, использовали различные идентичности: *тюрк*, *узбек* и *могол*. Эти идентичности носили взаимодополняющий характер: первое служило для отличия его от таджиков, второе — для выражения культурной общности с узбеками, а третье — для обозначения этнического происхождения [Hesche, Hildebrandt, Thermann 1979: 177]. Предполагают, что тюркоязычные моголы Бадахшана могли быть переселенцами из Могулистана, мигрировавшими в XVI в. [Hesche, Hildebrandt, Thermann 1979: 177—178].

На территории современного южного Узбекистана и Таджикистана моголы (мугул) были разнородны. Одни группы отличали себя от тюрков и узбеков, однако они, как и моголы Афганского Бадахшана, говорили на чагатайском тюркском языке. В культурном отношении они были близки к тюркам и карлукам [Кармышева 1976: 85]. В Кулябе были записаны следующие их родовые названия: али-могол, яккамогол, бозчи-могол, анархур, комурхур, черчи-могол, тубаки и отранчи [Кармышева 1976: 85].

Российские авторы второй половины XIX в. трактуют род *мугул* (*могул*, *могол*) Самаркандской области как часть узбеков [Сборник материалов 1890: 139], а в устной традиции *могол* считался родом в составе различных подродов узбекского племени юз [Маликов 2018: 168]. Кармышева отмечала вариации самоназвания «могол», например, название *мугул* использовалось на территории современного Южного Таджикистана, а термин *могал*, носители которого говорили на кипчакском диалекте узбекского языка, был распространен в Самаркандской области. Моголы этих территорий были выходцами из Моголистана [Кармышева 1976: 205—206]. Моголы долины Зеравшана делились на ряд подразделений: мирза мугал, сарт-мугал, увал и др. [Маликов 2018].

Таким образом, термин *могул* продолжал использоваться как самоназвание в восточной части Чагатаидского улуса и имел более узкие локальные значения по сравнению с эпохой Монгольской империи. В XVI—XIX вв. название *могул* использовалось в определенном контексте, особенно для описания генеалогий правящих династий и отдельных племен.

Монгольские компоненты в родоплеменных названиях XV—XIX вв.

Среди монгольских этнонимов Средней Азии исследователи выделяли два уровня самоназваний. Первый уровень — названия, которые в разные периоды имели собирательное значение: «чагатай» и «калмак». Второй уровень — этнонимы отдельных племен [Номинханов 1962: 260]. Другим аспектом этого вопроса являются изменения, коснувшиеся содержания этих самоназваний. Происходившие трансформации были обусловлены рядом причин, к числу которых относились тюркизация и исламизация монгольских родов.

Во второй половине XIII — начале XIV в. произошла тюркизация монгольских племен в оазисах Средней Азии. Говоря о правителях Чагатайского улуса первой четверти XIV в., Ибн Баттута отмечает, что они говорили по-тюркски [Ибрагимов 1988: 99—100].

Другим важным фактором был процесс исламизации тюрко-монгольских родов, который занял продолжительный период. Еще в начале XIV в. в оазисах Среднеазиатского междуречья (Сурхандарья) часть кочевых родов сохраняли традиционные шаманистские верования, что выражалось, в частности, в обряде погребения, отличающемся от мусульманских обычаев [Пугаченкова 1967]. Нельзя сказать, что процессы лингвистической ассимиляции и исламизации были синхронными: так, например, в Афганистане монголы приняли ислам, но лишь в более поздний период стали переходить на персидский язык.

В источниках эпохи Тимуридов (1370—1507) в Мавераннахре упоминаются племена, мигрировавшие в эпоху Монгольской империи: арлаты, баявуты, барласы, дуглаты, джалаиры, дурбаты, йасавури, йисуты, каучины, кияты, кунграты, мугулы, мангыты, меркиты, найманы, нукузы, сулдузы, тайджуты, татары, уйраты, хитаи и др. [Му‘изз ал-ансаб 2006: 117—120, 133, 135, 145, 164, 167]. Летописец Тимуридов Шараф ад-дин Али Йазди упоминает представителей следущих племен: барлас, джалаир, кунграт, йасури, сулдуз, кавчин, мангыт, арлат, меркит, бахрин, ктай, уйрат, дуглат и др. [Йазди 1997: 358—360]. Абдураззак Самарканди упоминает в государстве Тимуридов в Мавераннахре и Хорасане барласов, джалаиров, кавчинов, мугулов, найманов, сулдузов, арлатов и др. [Самарқандий 2008: 48, 64, 74, 97, 299, 338]. Б. Манц отмечает, что племена Чагатайского улуса различались по своей организационной структуре [Manz 1989: 32].

В XIV в. группу племен, расселившуюся на территории улуса Чагатая, в состав которого входила и территория Самаркандской области, называли чагатаями. Некоторые исследователи полагают, что тюр-

кизированные монголы перестали использовать этноним «монгол» и перешли к новому самоназванию «чагатай» [Шониёзов 2001: 389]. Кармышева называла их «чагатайскими тюрками» [Кармышева 1976: 125]. Кроме того, использовались монгольские термины «джета» для обозначения жителей восточной части улуса, а для западной части, где преобладало оседлое население, применяли термин «караунас» [Султанов 2017: 74—92]. Точная этимология слова *караунас* неизвестна, по одной из гипотез оно могло означать «смешанные» [Jackson 2018: 91]. Политический раскол Чагатайского улуса на восточную и западную части в 1340-х гг. усилил использование термина «караунас» по отношению к западным племенным лидерам [Jackson 2018: 99]. Вообще, термин «караунас» применялся в разных значениях, больше в политическом и, возможно, в этническом смысле.

Чагатайцы играли в XIV—XV вв. большую роль в государствах Тимура и Тимуридов, а термин «чагатай» приобрел более широкий смысл. Благова считала, что на тюркоязычной почве складывалось вторичное значение слова *чагатай*, которое стало объединяющим для потомков Чагатая и его окружения, что подчеркивало привилегированность их положения в обществе. Постепенно стали формироваться черты оседлой культуры при сохранении внешних, церемониальных кочевых традиций [Благова 1972: 169—172]. Б. Манц выделяет более широкий круг факторов, обусловивших формирование чагатайской идентичности: формирование правящей элиты, следующей кочевому образу жизни и лояльной Чингизидам, а также проживание среди оседлого населения, следующего исламским традициям и религии [Manz 1992: 43].

В XIV—XV вв. наряду с идентичностью *чагатай*, в долине Зеравшана получили распространение новые для региона племенные объединения: барласы, арлаты, кунграты, найманы, кияты, минги, которые включили в свой состав прежние полукочевые тюркские рода [Благова 1972: 178].

В конце XIX в. в Бухарском эмирате существовала локальная идентичность *чагатай* — этим словом называли часть оседлого узбекского и таджикского населения [Кармышева 1976: 126]. Таким образом, из упомянутых в «Сокровенном сказании» и Рашид ад-дином более 40 племен в составе «коренных монголов» эпохи Чингис-хана, на территории долины Зеравшана и в прилегающих областях в источниках XIV—XV вв. фиксируются названия более 20 племен. Примечательно, что объединяющим наименованием для кочевых групп населения западной части улуса Чагатая становится название *чагатай*, а на востоке — *мугул*. Другие этнонимы применялись на уровне родов и племен.

С XV—XVI вв. в долине Зеравшана происходят сложные миграционные процессы, связанные с постоянным перемещением полукочевых племен и их взаимодействием с оседлым населением. В XVI в. происходит наплыв кочевых тюркоязычных племен, когда войска лидера полукочевых узбекских племен Шейбани-хана (1451—1510) завоевывают Среднеазиатское междуречье. По мнению Аристова, узбеки Шейбани-хана включали в себя племена, аналогичные казахским родам, однако среди узбеков оказалось больше «коренных монголов» и северо-восточных тюркских племен, к которым присоединились местные тюркские племена Мавераннахра [Аристов 1896: 421]. В результате сложных процессов слияния кочевых групп, смешения родов и принятия названий более могущественных на тот момент племен численность полукочевых родов в регионе возросла. В этот период усилилось распространение названия «узбек», которое первоначально объединяло часть тюрко-монгольских племен Улуса Джучи, а позже охватило и часть тюркоязычных групп населения Мавераннахра.

В составе войск Шейбани-хана в источниках упоминаются такие «узбекские племена», как мангыт, найман, кият, буркут, дурман, джалаир, сулдуз, нукуз, тама, татар, кунграт и др. [Солих 1989: 197]. Уже в начале XVI в. источники упоминают парные названия: кият-кунграт, мангыт-дурман, ушун-уйрат [Солих 1989: 201], что, возможно, свидетельствует о политических союзах и группах, которые традиционно заключали браки между собой. Актуальность монгольских преданий и самоназваний возросла с приходом к власти в Мавераннахре чингизидов-шибанидов. Во второй половине XVI в. на территории долины Зеравшана упоминаются такие «узбекские племена», как кераит, катаган, алчин, хитай, бахрин, джалаир, кунграт, дурман, кенагас и др. [Бухари 1983: 142—204]. В шибанидских источниках упоминаются следующие «узбекские племена»: катаган, найман, бахрин, кунграт, хитай, джалаир, дурман, кераит, чагатай, нукуз [Бухари 1983: 284—290], а также кият, аргун, калмак, чагатаи, аймак [Бухари 1989: 286—290]. Таким образом, по сравнению с тимуридским периодом к концу XVI в. наблюдается увеличение числа племен с монгольскими названиями в Среднеазиатском междуречье, что было связано с миграцией из степей Дешт-и-Кипчака. При Тимуридах были зафиксированы названия 20 тюрко-монгольских племен, объединяющим названием для которых было самоназвание *чагатай*. А в XVI в. их число превысило 22. Появились такие названия, как «калмак», «аймак», «буркут», «уйрат», а объединяющим названием стал этноним «узбек».

С приходом к власти Аштарханидов (1599—1756) в Мавераннахре усилилось влияние узбекских племен и родов, которые вели между собой борьбу за власть, земли и ресурсы. В XVII в. в источниках

упоминаются следующие узбекские племена и тюркоязычные рода в долине Зеравшана с монгольской основой: найман, кунграт, дурман, джалаир, катаган [Термези 1971: 84—139]. Названия родоплеменных групп фиксируются в именах военачальников и чиновников Бухарского ханства. В источниках встречаются монголизмы: багрин, дурман, Аланкува, чагатайбеги, мангыт, буркут, джуют, дурман, кенегес, катаган, кунграт, кераит, могол, чагатай, чунак; имена: Джалма, Джагатай и др. [Тали 1959: 169—175].

В 1720-х гг. наблюдаются волны миграций кочевых племен из присырдарьинских регионов в оазисы Средней Азии, причем в число этих племен входили казахские и каракалпакские рода с монгольскими названиями [Толстова 1961а; Толстова 1961б; Маликов 2007]. В источниках XVI—XVIII вв. фиксируются более 24 монгольских этнонимов: «чагатай», «ногай», «калмак», «аймак» и др.

Этноним «калмак» представлен в этнонимии хакасов, киргизов, узбеков и каракалпаков. Он получил свое собирательное обозначение от тюркского глагола *qalmaq* ‘оставаться’, что обозначало имя народа, «оставшегося» вне ислама [DeWeese 1994: 364]. Номинханов однозначно трактовал калмаков как монгольскую народность, известную и под названием ойрат-монголов (западные монголы) [Номинханов 1962: 268]. ДеУис на основе анализа письменных источников пришел к выводу о том, что этноним «калмык» (или «калмак» у тюрков-мусульман) относился к западным монгольским племенам, известным также под собирательными обозначениями «ойрат» и «джунгар» [DeWeese 1994: 363—364]. По мнению Мирзо Улугбека (1394—1449), при правлении золотоордынского правителя Узбекхана (1312—1340) часть кочевых племен, приняв ислам, стали называться узбеками. Оставшаяся часть племен получила название «калмаки» — «оставшиеся» [Мирзо Улуғбек. 1994: 226]. Таким образом, здесь очевидна традиция противопоставления группы узбеков-мусульман группе неверных-калмаков. ДеУис считал, что враждебные отношения калмаков с тюрками-мусульманами продолжались с середины XV до конца XVIII в. и имели в том числе религиозный оттенок [DeWeese 1994: 363].

Тимуридский поэт Алишер Навои (1441—1501) в одной из своих поэм упоминает в качестве отдельных этнических групп на территории Среднеазиатского междуречья калмаков, муғул (моголов) и узбеков [Навоий 1993: 188]. При этом в сравнении с этнонимом «тюрк» самоназвание «могол» он упоминает редко. Калмаки входили в состав войска Шейбани-хана в начале XVI в. [Султанов 1982: 15]. Название «калмак» встречается во всех известных списках узбекских племен.

По мнению Мейендорфа, посетившего Бухару в 1820-х годах, большая часть бухарских калмыков происходила от орд Чингисхана, однако были и другие калмыки, которые являлись торгоутами из Поволжья. Первые из них говорили между собой по-тюркски, восприняли обычаи узбеков и жили в разных районах Бухарского ханства [Мейендорф 1975: 97—104]. О. Сухарева считала, что нужно различать два этнонима: «калмак» (название узбекского племени) и «калмык» (другое название монгольского племени ойратов) [Сухарева 1966: 134]. Поддерживая мнение О. Сухаревой, А. Алексеев полагал, что при дворе Аштарханидов служили калмаки и калмыки. «При этом калмаки входили в число племен “илатийа”, в то время как калмыки-джунгары поступали ко двору преимущественно в качестве военных рабов, из которых формировалась ханская гвардия» [Алексеев 2006: 168]. Калмаки были в составе родового войска (эльнавкар) бухарского эмира и участвовали в коронации [Андреев, Чехович 1972: 46].

У кыргызов отмечена этнографическая группа сарт-калмак. Причем первоначальное самоназвание их было кара-калмаки и лишь в конце XIX в. они стали называться сарт-калмаки [Жуковская 1980: 157]. Полагают, что эта группа калмаков выделяла себя из среды ойратов исходя из смешанных браков с узбеками, кыргызами, в связи с оседлым образом жизни и религиозной принадлежностью [Решетов 1983: 5]. Во второй половине XIX в. в Бухаре компактная группа калмаков населяла кварталы северо-западной части города и была таджикоязычной. Сухарева считала, что в Бухаре жили как знатные представители узбекского племени калмак, так и попавшие сюда в качестве рабов калмыки-ойроты [Сухарева 1966: 134].

По мнению Дремова, вероятнее всего, калмаками называли и различные рода западных монголов-ойратов, и группы монголоязычных кочевников восточного Дешт-и-Кипчака, не принявших ислам [Дремов 2013: 135]. Согласно предположению, слово «калмак» стало общим наименованием для идентификации немусульманских кочевников Центральной Азии, включая ойратов и другие этнические группы. Позже слово «калмак» закрепилось за ойратами [Китинов 2018: 277]. В узбекском народном эпосе «Алпамыш», семь версий которого были составлены на территории долины Зеравшана, кунграты-узбеки противопоставляются калмакам (қунғирот — қалмоқ) [Маликов 2007]. Видимо, название «калмак» в определенных контекстах могло использоваться для обозначения ойратов или немусульманского кочевого населения Средней Азии.

Процесс трансформации значения монгольских терминов в условиях оазисов Средней Азии ярко иллюстрируется на примере монгольского слова «аймак», которое первоначально означало ‘род’, ‘племя’, ‘племенной союз’ [Мурзаев 1984: 32]. К началу XX в. слово *аймак* в Узбекистане употреблялось местным узбекским и таджикским населением как в своем первоначальном значении, так и в новой интер-

претации, обозначая коренное население данной местности [Кармышева 1980: 24—25]. Таким образом, слово *аймак* за многие века изменилось в значении и в среднеазиатском контексте стало использоваться в самых разных смыслах.

Во второй половине XIX в. бухарский историк Абдалазим Сами упоминает представителей узбекских племен Бухарского эмирата из следующих родов: мангыт, кытай, калмык, буркут, кара кунграт, ак мангыт, тук мангыт, кенегес, кытай-кипчаки (ктай-кипчаки), кунграты [Туйчиев 1990б]. Таким образом, в сочинении встречаются как названия племен эпохи Чингис-хана, так и рода с двойными — тюрко-монгольскими — основами. В составе каракалпакских племен, переселившихся в XVIII в. в долину Зеравшана, также были рода ак-мангыт, кара-мангыт и тук-мангыт [Толстова 1961б: 46].

Согласно списку 92 узбекских племен, составленному Н. Ханыковым [1843], этнонимы Монгольской эпохи представлены от названия «мугул» до этнонимов позднего периода в виде «калмак». В книге «Насад Намаи-Узбекия», упоминались 30 родов с названиями эпохи Монгольской империи: Мангыт, Унгачит, Джалаир, Кунград, Найман, Уйрат, Калмак, Катаган, Кинягаз, Бутряк, Джуют, Чиль-джуют, Уймаут, Аралат, Киреит, Унгут, Муркут, Беркут, Куралас, Дурмен, Джуйрят, Шульдур, Бяхрин, Никюз, Мугул, Татар [Ханыков 1843: 61—64]. По данным Номинханова, на территории Узбекистана зафиксированы названия следующих монгольских племен и родов: джалаиры, барласы, каучины, кутчи, орлаты, мангат, кунград, кенегез, катаган, дурмен, барки (буркут), могол (монгуш), джерас (черазы), дуглат и хорлос [Номинханов 1962: 260].

Термин «татар» использовался в разных смыслах в зависимости от эпохи и культурно-географического контекста. Впервые этноним «татар» появился у тюркских и монгольских племен Центральной Азии в раннем средневековье [Golden 2000b: 370]. По мнению Голдена, «татар» было названием монгольской племенной группы [там же]. Другие исследователи полагают, что татарам изначально была присуща тюркская идентичность [Исхаков 2016: 435]. Данные источников свидетельствуют о том, что мусульманские и древнетюркские авторы применяли термин «татар» обобщенно к монголоязычным и тюркоязычным племенам Монголии [Кляшторный, Султанов 2009: 211].

Соседство монголов с татарами привело к появлению нового названия для общности монголо-татары [Крадин, Скрынникова 2006: 139]. По одной из версий, он представлял собой политоним, обозначавший двойной тюрко-монгольский состав населения [Исхаков 2016: 436]. Походы Чингис-хана и его потомков привели к более широкому распространению этнонима «татар» за пределами Монголии [Исхаков, Измайлов 2001: 85—86]. В XIV в. термин «татары» широко употреблялся только в Улусе Джучи, в то время как в других улусах использовались этнонимы «чагатай», «могол» [Измайлов 2011: 52]. Полагают, что в XIII—XIV вв. этноним «татар» обозначал военно-служилое сословие [Исхаков, Измайлов 2001: 42]. По мнению П. Голдена, с конца XIV в. в Золотой Орде политическое название «татар» стало надплеменным обозначением [Golden 1992: 317].

Предводитель кочевых узбеков чингизид Шейбани-хан (1451—1510) использовал термин «татар» в качестве названия племени или этнической группы [Şiban (Han.), Karasoy 1998: 201, 210, 220, 262]. В позднем средневековье самоназвание татар было известно как название народа и как название средневековых полукочевых родов. Следует различать обозначения разных групп татар в источниках. В источниках Бухарского эмирата поволжских татар называли булгарами, ногаями [Сухарева 1966: 180]. Кроме поволжских татар в долине Зеравшана жили представители узбекского племени татар. Название «татар» также использовалось как название одного из 92 узбекских племен [Султанов 1982: 43]. Этнотопонимы, содержащие элемент «татар», были отмечены в Джамбайском тумане Самаркандской и Бухарском, Вабкендском туманах Бухарской области [Маликов 2018: 173]. Таким образом, с XIV по XIX вв. наблюдается трансформация интерпретации названия и этнического содержания термина «татар».

В число исчезнувших до начала XX в. названий тюрко-монгольских родов в долине Зеравшана входили: сулдуз, йасури, дуглат, тайджиут. Из традиционного списка 92 узбекских племен в долине Зеравшана были представлены 50 племен. Некоторые из них имели разветвленную родоплеменную структуру. Они проживали в основном в восточных районах долины и в местности Мианкаль.

Анализ названий родовых групп узбекских, каракалпакских племен долины Зеравшана в XIX — начале XX в. показывает, что нередко использовались двойные или тройные названия. Одно из них было монгольским, а другое (или другие) — тюркским или иранским. Например, названия *ак-мангыт*, *кара-мангыт*, *тук-мангыт* включали тюркские компоненты *ак*, *кара*, *тук*. Также существовали аналогичные этнотопонимы [Маликов 2018]. Интересны названия с основой *сарт* (термин *сарт* в определенных регионах обозначал оседлое население): *сарт-мугол* у узбеков-мугалов, *сарт-хитай* у узбеков-кипчаков.

Монгольский по происхождения этноним «уймавут» в XIX в. считался узбекским родом и подродом мангытов, кырков (малтаб), туяклов (вахтамагали) [Маликов 2018]. Род с аналогичным названием был у каракалпаков Бухарской области [Толстова 1961б: 46]. Этноним «баявут» был подродом узбеков-юзов

(подрод карабчи) [Маликов 2018: 149]. Этноним «чалджиут» входил в состав узбеков-туяклов [Бегалиев 2004: 42] и узбеков-юзов [Маликов 2018: 180].

Благодаря переписям 1872 и 1887—1888 гг. мы имеем более широкую эмпирическую базу по названиям родов и племен разного уровня на территории долины Среднего Зеравшана, т. е. Самаркандской области. По данным Соболева, во второй половине XIX в. в долине Зеравшана преобладали узбеки, которые наряду с другими тюркоязычными жителями делились на 92 рода и племени, включая 19 тюрко-монгольских родов с названиями эпохи Монгольской империи и более позднего времени: арлаты, барласы, бахрины, буркуты, дурманы, джалаиры, найманы, калмаки, каранайманы, кунграты, кераиты, кенагасы, кенагас-мангыты, кияты, мангыты, ногай-кипчакы, уйраты, чагатаи, чал-ногаи [Соболев 1874: 132—136]. В дополнение к этим названиям переписи 1887—1888 гг. зафиксировали также название «катаган» [Сборник материалов 1890: 85—193]. Рода катаган, кунграт были и у каракалпаков Бухарской области [Толстова 1961б: 46].

Если обобщить данные письменных источников и переписей, касающиеся монгольских названий на разных уровнях родоплеменной организации тюркоязычных племен долины Зеравшана в XIX в., то выясняется, что их число превышало 30.

Особенности монгольского компонента в этнотопонимике Средней Азии и долины Зеравшана

Актуальность исследования монголоязычной топонимии в отдельных регионах Евразии подчеркивалась исследователями, но при этом они отмечали, что такое изучение позволит в какой-то мере представить картину расселения и движения монгольских племен в прошлом [Очир-Гаряев 2010: 85]. Это утверждение верно для эпохи Монгольской империи. Если в первых волнах миграции монгольских племен в оазисы Средней Азии их состав мог включать основные монгольские рода и подрода, то в последующие века произошла их тюркизация в степных районах и в долины проникали и оседали уже тюркизированные племена или союзы племен, включавшие тюркские рода.

Упоминаемые Рашид ад-Дином монгольские и тюркские племена оставили след в современных топонимах Средней Азии и Ирана. По мнению Э. Мурзаева, в Средней Азии монгольская топонимика представлена слабо. Она относится прежде всего к Киргизии и частично Казахстану [Мурзаев 1974: 214]. Следует отличать топонимы, которые интерпретируются на основе как тюркской, так и монгольской лексики. В этом случае невозможно установить монгольское происхождение географических названий, они первоначально могли быть и тюркскими [Мурзаев 1974: 261]. Возникали топонимы гибридные, тюрко-монгольские. Существуют также топонимы монгольские, не имеющие параллелей в тюркских языках [Мурзаев 1974: 262]. По мнению некоторых исследователей, топонимы монголоязычного происхождения угадываются по грамматическим показателям *-т*, *-та*, *-тай*, *-тей*, *-туй*, *-дай*, *-дей* [Очир-Гаряев, 2010: 89].

Топонимы монгольского происхождения на территории Казахстана включают в себя топонимы, образованные от: а) географических терминов; б) восхваляющих эпитетов; в) этнонимов); г) антропонимов (Жошы) [Сагидолдагийн 1993]. Исследователи отмечали, что в топонимии оазисов Средней Азии (на примере Джизака) многие монгольские основы были занесены в топонимию не самими монголами, а тюрками, заимствовавшими эти слова. Анализ топонимов с монгольскими элементами показывает, что большинство из них утратили свои дотопонимические значения [Закиров 1991].

Как заметили исследователи, от 10 до 30% названий населенных пунктов Узбекистана составляют этнотопонимы, причем наибольший процент их представлен в долине Зеравшана [Караев 1991: 55]. В рассматриваемый период в долине Зеравшана были распространены топонимы согдийского, тюркского, персидского, монгольского и арабского происхождения. В Бухарской части, в отличие от Самаркандского оазиса, древние топонимы были представлены значительным числом названий. По наблюдениям исследователей, тюрко-монгольский пласт топонимики преобладал на востоке долины — в Булунгуре [Туйчиев 1990б: 69]. В Булунгурском тумане Самаркандской области доля этнотопонимов доходит до 80%, [Туйчиев 1990а: 6, 11], причем многие из них относятся к узбекским или каракалпакским племенам.

Монголизмы в топонимии Узбекистана были выявлены Д. Номинхановым [1962]. Наибольшая их плотность отмечается в долине Зеравшана и Кашкадарьи [Мурзаев 1974: 259—260]. Номинханов отмечает узбекские кишлаки долины Зеравшана, носящие монгольские родоплеменные названия: Дурмен, Кунград, Могол, Джалаир, Катаган, Мангыт, Буркут, Чигатай, Кенегез, Каучин, Барлас, Арлат (Алат), Чакар, Уйрат, Турбат и др. Общее число таких сел на территории Узбекистана насчитывало 136, из которых 66 находилось в долине Зеравшана [Номинханов 1962: 273—274]. По нашим данным, число киш-

лаков с названиями тюрко-монгольских племен эпохи Монгольской империи в долине Зеравшана превышает 100.

С XIV в. в долине Зеравшана число топонимов, связанных с родоплеменными названиями, возрастает, что было связано с оседанием кочевых групп. Анализ топонимов долины Зеравшана, имеющих монгольское происхождение, показывает, что они подверглись фонетической адаптации со стороны узбекского языка. В топонимике долины Зеравшана в XIV—XV вв. встречается ряд монгольских названий, в числе которых были названия родоплеменных объединений и племен [Буриев 1997].

В эпоху Шейбанидов (1500—1599) в долине Зеравшана существовали такие топонимы тюрко-монгольского происхождения, как Караунас, Айтаган и др. [Самаркандские документы 1974: 346, 353, 358]. Одним из известных монгольских племен были кияты. Кишлак с названием Кият упоминается в документах XV—XVI вв. на территории Самаркандской области [Самаркандские документы 1974: 443] и Бухарском оазисе [Населенные пункты 2001: 79—80].

В эпоху Аштарханидов в долине Зеравшана встречались монголизмы в этнотопонимах — например, Ходжа Барин, Чагатай [Вяткин 1902: 55—63]. В последующие периоды некоторые этнотопонимы сменились другими названиями.

Изучение данных топонимики показывает, что в XVIII — первой половине XIX в. на территории долины Зеравшана и прилегающих территориях происходит активный процесс оседания кочевников. В ряде районов целые родовые группы или группы родственных родов селились компактно, образуя одно или ряд соседних сел.

Из наиболее многочисленных групп узбеков с родовой идентификацией можно назвать мангытов, кунгратов, кипчаков, дурменов и др. Довольно большое число сел Бухарского оазиса Навоийской области носили названия таких тюрко-монгольских племен, как Бахрин (более 14 названий), Дурман (более 10), Катаган (более 11), Кунграт (более 10), Найман (10) [Населенные пункты 2001: 29—113]. В Бухарском оазисе отмечены ряд сел с названиями Мугул [Населенные пункты 2001: 98]. Существует более 8 этнотопонимов с основой *мугул* в разных районах Самаркандской и Бухарской областей [Ўринбоев 2003: 121—122; Туйчиев 1990а: 17—18]. В Пенджикентском районе вдоль реки Зеравшан имеются кишлаки Мугулаки боло (боло — «верхний») и Мугулаки поён (поён — «нижний»), со второй персидской основой [Дадабаева 2011: 83].

В долине Среднего Зеравшана оседали целые родовые группы, что видно в названиях сел. В эпоху Бухарского эмирата встречались монголизмы в этнотопонимах: Катаган, Чагатай, Найман-тепа [Вяткин 1902: 63—69]. Существуют более 10 этнотопонимов Чигатай в Самаркандской, Навоийской и Бухарской областях [Ўринбоев 2003, 205; Туйчиев 1990а, 16; Маликов 2018: 179]. Более семи этнотопонимов Калмак, Калмакон были отмечены в Самаркандской и Бухарской областях [Маликов 2018]. Вместе с тем, необходимо учитывать и местные особенности: например, топоним Нугай-ата в Самаркандской области не был связан с ногаями, а происходил от имени местного святого суфия Мухаммадяр Нугай-ата (умер в 1533 г.), который был здесь похоронен [Фитрат 2000: 35].

Можно констатировать, что рода, упоминаемые как названия подразделений кунгратов, встречаются в виде названий сел Самаркандской области. Например, отмечены следующие названия, встречающиеся в топонимике Самаркандской области: Мовлуш в Акдарьинском тумане; Мерган в Самаркандском тумане; Узун в Тайлакском, Пахтачийском и Ургутском туманах; Канджигали в Иштиханском тумане; Коракунгирот в Булунгурском тумане [Ўринбоев 2003: 108—256]. Видимо, в регионе происходило оседание целых родовых подразделений кунгратов.

На случаи возникновения этнотопонимов с племенными названиями, по всей видимости, могли оказывать влияние два фактора. Первый: если в селе оседали представители разных родов, тогда в выборе названия они приходили к компромиссу — например, делая выбор в пользу объединяющего племенного названия или же в пользу того рода, который был ближе к власти. Второй фактор: выбирали наиболее престижное название рода или племени — название, которое имело высокий политический и социальный статус в государстве (кунграт, бахрин, мангыт и др.).

Из тюрко-монгольских этнотопонимов в долине Зеравшана в XIX — начале XX в. встречаются более 50 названий. Наиболее распространенными были следующие названия: арлат (алат), барлас, бахрин (этнотопонимы Бахрин, Баринча, Бахринбаёт), буркут, джалаир, дурман, катаган, кунграт (племя кунграт зафиксировано в составе узбеков и каракалпаков), куралас, мангыт, мугул (могул, могол), найман, нугай, салдуз, уймавут, уйрат, ширин и др. [Маликов 2018]. В городе Бухаре были кварталы Дурман, Катаган, Калмокон [Сухарева 1976: 128, 129, 236]. Эти названия находят параллели в других регионах Евразии, например, в Крыму, где среди тюрко-монгольских этнонимов чаще других встречаются такие названия: кунграт, кият, найман, кенегес, ойрат и др. [Бушаков 1991: 70—148].

Таким образом, возникновение монгольских элементов в этнотопонимике долины Зеравшана было связано с оседанием кочевых родов в разные исторические периоды. Собранные материалы выявляют как собственно монгольские основы названий, подвергшихся влиянию местных тюркских диалектов, так и гибридные названия, сочетавшие монгольскую основу с тюркской или персидской. В Бухарском оазисе влияние персидского языка ощущалось сильнее, чем в Самаркандской области, где число тюрко-монгольских этнотопонимов было больше.

Заключение

В историко-географическом плане долина Зеравшана имела свои особенности, которые предопределили степень проникновения кочевых племен и их взаимодействие с оседлым населением. В Самаркандском оазисе находились хорошие пастбища для выпаса скота, что способствовало жизнедеятельности полукочевых групп населения. В долине нижнего Зеравшана — Бухарском оазисе — были другие условия, там преобладало оседлоземледельческое население.

Миграции тюрко-монгольских родов (а позже — и тюркизированных монгольских племен) в долину Зеравшана охватывали продолжительный период, начиная с походов Чингис-хана и до середины XVIII в. Учитывая разные по времени этапы миграции тюрко-монгольских кочевников в долину Зеравшана, можно утверждать, что обогащение монгольскими элементами местных тюркских диалектов и тюркского литературного языка происходило в разное время и с разной интенсивностью. Вероятно, что монгольский язык окончательно потерял свое значение в Мавераннахре к XVI в.

В регионе в разное время менялось конструирование границ общности монголов, что было связано с политическим фактором. Формирование после 1260-х гг. четырех отдельных тюрко-монгольских ханств оказало влияние на становление новых форм самоназваний: «чагатай», «могол» и др. Если в XIII — начале XIV в. под названием «монгол» понималась этнополитическая общность, а также жители области Моголистан, то позже оно обозначало племя, а также род в составе отдельных племен. Объединяющим названием для кочевых групп населения западной части улуса Чагатая становится название «чагатай», а на востоке — «мугул».

На территории долины Зеравшана и в прилегающих областях в источниках XIV—XV вв. фиксируются названия более 20 тюрко-монгольских племен, для которых надплеменным объединяющим названием был термин «чагатай». С XIV по XIX в. происходила трансформация этого названия. После XVI в. оно приобрело более локальный характер, обозначая представителей оседлой культуры в отдельных регионах. По сравнению с тимуридским периодом, к концу XVI в. наблюдается увеличение числа племен с монгольскими названиями в Среднеазиатском междуречье, что было связано с миграцией из степей Дешт-и-Кипчака. С XVI в. в Мавераннахре фиксируется рост числа тюрко-монгольских племен, для которых объединяющим названием был этноним «узбек», впервые получивший распространение в Золотой Орде и в государстве Абулхайр-хана.

Монгольские этнонимы использовались на разных уровнях родоплеменной организации тюрко-монгольских племен Средней Азии. К XVIII—XIX вв. в долине Зеравшана в источниках фиксируются двойные и тройные названия тюрко-монгольских родов, которые включали в себя тюркские, монгольские и иранские элементы.

Этноним «калмак», обозначавший в XV в. западных монголов, к XVIII в. приобрел несколько значений. С одной стороны, различались два этнонима: «калмак» (название узбекского племени) и «калмык» (другое название монгольского племени ойратов). А с другой стороны, название «калмак» в определенных контекстах могло использоваться для обозначения ойратов или немусульманского кочевого населения Средней Азии.

Исследование монголоязычной топонимии в долине Зеравшана позволяет получить представление о расселении и движении монгольских племен в эпоху Монгольской империи. Если в первых волнах миграции монгольских племен в оазисы Средней Азии они могли включать в свой состав основные монгольские рода и подрода, то в последующие века произошла их тюркизация в степных районах, и в долины проникали и оседали уже тюркизированные племена или союзы племен, содержавшие тюркские рода.

Из монгольских этнотопонимов в долине Зеравшана в XIX — начале XX в. встречаются более 100 названий. Наиболее распространенными были следующие названия: арлат (алат), барлас, бахрин, буркут, джалаир, дурман, катаган, кунграт (племя кунграт зафиксировано в составе узбеков и каракалпаков), куралас, мангыт, мугул (могул, могол), найман, сулдуз, уймавут, уйрат и др.

Особенность Бухарского оазиса заключалась в том, что в XVI—XIX вв. ханы вокруг столичной Бухары выделяли определенные участки земли для влиятельных представителей родоплеменных групп государства, по имени или роду которых формировались названия ряда сел. Из тюрко-монгольских этно-

попонимов Бухарского оазиса преобладали названия таких племен, как бахрин, дурман, катаган, кунграт, найман, мугул, чагатай, калмак, однако, в отличие от Самаркандского оазиса, большая часть этих сел была населена традиционным оседлым населением.

Изучение данных топонимики показывает, что в XVIII — первой половине XIX в. на территории долины Среднего Зеравшана и прилегающих территориях происходит активный процесс оседания кочевников, появляются села с тюрко-монгольскими названиями. По нашим данным, количество сел с названиями тюрко-монгольских племен эпохи Монгольской империи в долине Зеравшана превышает 100. Наибольшее их число приходится на восточную часть долины Зеравшана, причем многие из них относятся к узбекским или каракалпакским племенам. Многие монгольские основы были занесены в топонимию не самими монголами, а тюркскими или тюркизированными родами.

Литература

Акимушкин 2004 — *Акимушкин О. Ф.* Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в. (Заметка по политической истории региона) // Средневековый Иран. Культура, история, филология. СПб., 2004. С. 242—244. {*Akimushkin O. F.* Mogolistan, Mughals and Kyrgyz in the first half of the 16th century (Note on the political history of the region) // Medieval Iran. Culture, history, philology. St. Petersburg, 2004. P. 242—244.}

Алексеев 2006 — *Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб., 2006. {*Alekseev A. K.* The political history of the Tukai-Timurids: based on the materials of the Persian historical work Bahr al-asrar. St. Petersburg, 2006.}

Андреев, Чехович 1972 — *Андреев М. С.*, *Чехович О. Д.* Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972. {*Andreev M. S.*, *Chekhovich O. D.* Ark (Kremlin) of Bukhara in the late 19th — early 20th centuries. Dushanbe, 1972.}

Аристов 1896 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Год шестой, вып. III—IV. С. 277—456. {*Aristov N. A.* Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and nationalities and information on their numbers // Living antiquation. 1896. Sixth year, issue III—IV. P. 277—456.}

Бабур-наме 1958 — *Бабур-наме* / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1958. {*Babur-name* / Translated by M. A. Salie. Tashkent, 1958.}

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Под ред. Фредрика Барта. М., 2006. С. 9—48. {*Bart F.* Introduction // Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences. Ed. Fredrik Barth. Moscow, 2006. P. 9—48.}

Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1963. {*Bartold V. V.* Works. Vol. 1. Moscow, 1963.}

Бартольд 1964 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. {*Bartold V. V.* Works. Vol. 2. Part. 2. Moscow, 1964.}

Бегалиев 2004 — *Бегалиев Н. Б.* Ўзбек этнонимлари тарихидан. Самарканд, 2004. {*Begaliev N. B.* From the history of Uzbek ethnonyms. Samarkand, 2004.}

Благова 1972 — *Благова Г. Ф.* Тюркск. Чақатај — русск. Чагатай-/джагатай- (Опыт сравнительного изучения старого заимствования) // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 167—205. {*Blagova G. F.* Turkic Chaqataj — Russian Chagatay- / jagatay- (Experience of comparative study of old borrowing) // Turkological collection. 1971. Moscow, 1972. P. 167—205.}

Бромлей 1983 — *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. {*Bromley Y. V.* Essays on the theory of ethnos. Moscow, 1983.}

Бухари 1983 — *Бухари Хафиз-и Таныш*. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1 / Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М. Салахетдиновой. М., 1983. {*Bukhary Khafiz Tanish*. Sharaf namayi shakhi. Book of the Shah's Glory. Part 1 / Translation from Persian, introduction, notes and pointers by M. Salakhetdinova. Moscow, 1983.}

Бухари 1989 — *Бухари Хафиз-и Таныш*. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 2. Пер. с перс., введ., примеч. и указ. М. Салахетдиновой. М., 1989. {*Bukhary Khafiz Tanish*. Sharaf namayi shakhi. Book of the Shah's Glory. Part 2. Translation from Persian, introduction, notes and pointers by M. Salakhetdinova. Moscow, 1989.}

Бушаков 1991 — *Бушаков В. А.* Тюркская этноойконимия Крыма. Диссертация … канд. филол. наук. М., 1991. {*Bushakov V. A.* Turkic ethnooikonymy of Crimea. PhD. thesis. Moscow, 1991.}

Бўриев 1997 — *Бўриев О.* Темурийлар даври ёзма манбаларида Марказий Осиё. Ташкент, 1997. {*Buriev O.* Central Asia in written sources of the Timurid era. Tashkent, 1997.}

Вяткин 1902 — *Вяткин В. Л.* Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета // Справочная книжка Самаркандской области. 1902 год. Вып. VII. Самарканд, 1902. {*Viatkin V. L.* Materials for the historical geography of the Samarkand region // Reference book of the Samarkand region. 1902 year. Issue VII. Samarkand, 1902.}

Гребенкин 1872 — *Гребенкин А. Д.* Узбеки // Русский Туркестан. Вып. 2. СПб., 1872. {*Grebenkin A. D.* The Uzbeks // Russian Turkestan. Issue 2. St. Petersburg, 1872.}

Дадабаева 2011 — *Дадабаева М.* К вопросу об этнонимах и этнотопонимах Северного Таджикистана // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки 2. 2011. С. 76—89. {*Dadabaeva M.* On the issue of ethnonyms and ethnotonyms of Northern Tajikistan // Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanities 2. 2011. P. 76—89.}

Дониёров 1968 — *Дониёров Х.* Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Ташкент, 1968. {*Doniyorov Kh.* Genealogy and dialects of the Uzbek language. Tashkent, 1968.}

Дремов 2013 — *Дремов И. И.* Калмаки улуса Джучи // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 4. 2013. С. 126—137. {*Dremov I. I.* Kalmaks of the Jochi ulus // Bulletin of the Caspian region: archeology, history, ethnology. 4. 2013. P. 126—137.}

Дробышев 2010 — *Дробышев Ю. И.* Политика киданей в Центральной Азии // Общество и государство в Китае 40. 2010. С. 108—122.{*Drobyshev Yu. I.* Khitan policy in Central Asia // Society and state in China 40. 2010. P. 108—122.}

Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V.* Linguistic contacts of the early Turks. Lexical fund: pra-Turkic period. Moscow, 2007.}

Дыбо 2016 — *Дыбо А. В.* К вопросу о пратюрко-монгольских контактах // Современные проблемы гуманитарных и социальных наук: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Независимости Республики Казахстан. Астана, 2016. С. 247—255. {*Dybo A. V.* On the issue of Pra-Turkic-Mongolian contacts // Modern problems of the humanities and social sciences: Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan. Astana, 2016. P. 247—255.}

Жданко 1950 — *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков М.—Л., 1950. {*Zhdanko T. A.* Essays on the historical ethnography of Karakalpaks. Moscow — Leningrad, 1950.}

Жуковская 1980 — *Жуковская Н. Л.* Иссык-кульские калмаки (сарт-калмаки) // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 157—166. {*Zhukovskaya N. L.* Issyk-Kul Kalmaks (Sart-Kalmaks) // Ethnic processes among national groups of Central Asia and Kazakhstan. Moscow, 1980. P. 157—166.}

Закиров 1991 — *Закиров А. А.* Топонимия Джизакской области Узбекской ССР. Автореферат дисс. … канд. филолог. наук. М., 1991. {*Zakirov A. A.* Toponymy of the Jizzakh region of the Uzbek SSR. PhD thesis. Moscow, 1991.}

Ибрагимов 1988 — *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. {*Ibragimov N.* Ibn Battuta and his travels in Central Asia. Moscow, 1988.}

Измайлов 2011 — *Измайлов И. Л.* Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных // Золотоордынское наследие, 2011. С. 38—55. {*Izmaylov I. L.* Tatars in the empire of Genghis Khan and his heirs: triumph of the defeated // Golden Horde Heritage, 2011. P. 38—55.}

Исхаков, Измайлов 2001 — *Исхаков Д. М.*, *Измайлов И. М.* Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV века // Татары. М., 2001. С. 41—161. {*Iskhakov D. M.*, *Izmaylov I. M.* Ethnopolitical history of the Tatars in the 6th — the 1st quarter of the 15th century // Tatars. Moscow, 2001. P. 41—161.}

Исхаков 2016 — *Исхаков Д. М.* Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. Т. 4. № 2 (2016). С. 420—442. {*Iskhakov D. M.* The term “Tatar-Mongols/Mongol-Tatars”: the political or the ethnic concept? The experience of source and conceptual analysis // Golden Horde Review. Vol. 4. No. 2 (2016). P. 420—442.}

Китинов 2018 — *Китинов Б. У.* Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история 10.3. 2018. С. 270—281. {*Kitinov B. U.* Kalmak and Oirats: a toponym in the religious history of the peoples of Central Asia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History 10.3. 2018. P. 270—281.}

Караев 1991 — *Караев С. К.* Топонимия Узбекистана. Ташкент, 1991. {*Karaev S. K.* Toponymy of Uzbekistan. Tashkent, 1991.}

Кармышева 1976 — *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. {*Karmysheva B. Kh*. Essays on the ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan. Moscow, 1976.}

Кармышева 1980 — *Кармышева Б. Х.* «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX — начале XX в. (по этнографическим данным) // Советская этнография. 1980. № 1. С. 45—56. {*Karmysheva B. Kh.* The “nomadic steppe” of Maverannahr and its population at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. (according to ethnographic data) // Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography). 1980. No. 1. P. 45—56.}

Кисляков 1973 — *Кисляков В. Н.* Хазарейцы, аймаки, моголы // Советская этнография. № 4. 1973. С. 130—139. {*Kislyakov V. N.* Hazaras, Aimaks, Moguls // Sovetskaya etnografiya (Soviet Ethnography). № 4. 1973. P. 130—139.}

Кляшторный, Султанов 2009 — *Кляшторный С. Г.*, *Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к новому времени. СПб., 2009. {*Klyashtorniy S. G.*, *Sultanov T. I.* States and peoples of the Eurasian steppes. From antiquity to modern times. St. Petersburg, 2009.}

Ковалев, Ташбеков, Валиева 1962 — *Ковалев С.*, *Ташбеков Э.*, *Валиева Р.* География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей. Ташкент, 1962. {*Kovalev S.*, *Tashbekov E.*, *Valieva R.* Geography of rural population and rural settlements of Samarkand and Bukhara regions. Tashkent, 1962.}

Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. Т. 1. М.—Л., 1941. {*Kozin S. A.* The Secret History. Mongolian chronicle of 1240. Vol. 1. Moscow — Leningrad, 1941.}

Конкашпаев 1959 — *Конкашпаев Г. К.* Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // Известия АН Казахской ССР, серия филология. Вып. I. Алма-Ата, 1959. С. 85—98. {*Konkashpaev G. K.* Geographic names of Mongolian origin on the territory of Kazakhstan // News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, philology series. Issue I. Alma-Ata, 1959. P. 85—98.}

Қораев 2005 — *Қораев С.* Ўзбекистон вилоятлари топонимлари. Тошкент, 2005. {*Qoraev S.* Toponyms of the regions of Uzbekistan. Tashkent, 2005.}

Крадин, Скрынникова, 2006 — *Крадин Н. Н.*, *Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006. {*Kradin N. H.*, *Skrynnikova T. D.* Empire of Genghis Khan. Moscow, 2006.}

Кун 1924 — *Кун В.* Изучение этнического состава Туркестана // Новый Восток. Книга 6. М., 1924. {*Kun V.* Study of the ethnic composition of Turkestan // New East. Book 6. Moscow, 1924.}

Лигети 1954 — *Лигети Л.* О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1954. С. 93—117. {*Ligeti L.* On the Mongolian and Turkic languages and dialects of Afghanistan // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1954. P. 93—117.}

Магидович 1926 — *Магидович И.* Население // Материалы по районированию Средней Азии. Книга 1. Территория и население Бухары и Хивы. Часть 1. Бухара. Ташкент, 1926. {*Magidovich I.* Population // Materials on the regionalization of Central Asia. Book 1. Territory and population of Bukhara and Khiva. Part 1. Bukhara. Tashkent, 1926.}

Маликов 2007 — *Маликов А. М.* Узбеки группы кунграт долины Зерафшана в XIX — начале XX в. Самарканд, 2007. {*Malikov A. M.* Uzbeks of the kungrat group of the Zerafshan valley in the 19th — early 20th centuries. Samarkand, 2007.}

Маликов 2018 — *Маликов А. М.* Тюркские этнонимы и этнотопонимы долины Зерафшана (XVIII — начало XX в.). Ташкент, 2018. {*Malikov A. M.* Turkic ethnonyms and ethnotonyms of the Zerafshan valley (XVIII — early XX centuries). Tashkent, 2018.}

Материалы 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-ата, 1969. {Materials on the history of Kazakh khanates of the XV—XVIII centuries (extracts from Persian and Turkic writings). Alma-ata, 1969.}

Мейендорф 1975 — *Мейендорф Е.Ф.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. {*Meyendorf E. F.* Travel from Orenburg to Bukhara. Moscow, 1975.}

Мирзаев 1969 — *Мирзаев М. М.* Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари. Ташкент, 1969. {*Mirzaev M. M.* Bukharan group of dialects of the Uzbek language. Tashkent, 1969.}

Мирзо Улуғбек 1994 — *Мирзо Улуғбек*. Тўрт улус тарихи / Форс тилидан Б. Ахмедов, Н. Норқулов, М. Хасанийлар таржимаси. Ташкент, 1994. {*Mirzo Ulugbek*. The history of four uluses / Translated from Persian by B. Ahmedov, N. Norkulov, M. Khasaniy. Tashkent, 1994.}

Му‘изз ал-ансаб 2006 — Му‘изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Введение, перевод с персидского, примечания, подготовка факсимиле к изданию Ш. Х. Вахидова // История Казахстана в персидских источниках. Т. 3. Алматы, 2006. С. 117—119. {Mu'izz al-ansab (Glorifying genealogy) / Introduction, translation from Persian, notes, preparation of facsimile for publication by Sh. Kh. Vakhidov // History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 3. Almaty, 2006. P. 117—119.}

Муниев 1969 — *Муниев Б. Д.* 70-летие доктора филологии Ц.-Д. Номинханова // Ученые записки. Вып. 7. Серия филологическая. Элиста, 1969. С. 3—8. {*Muniev B. D.* 70th anniversary of Doctor of Philology Ts.-D. Nominhanov // Scientific notes. Issue 7. Philological series. Elista, 1969. P. 3—8. }

Мурзаев 1974 — *Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М., 1974. {*Murzaev E. M.* Essays on toponymy. Moscow, 1974.}

Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. {*Murzaev E. M.* Dictionary of folk geographic terms. Moscow, 1984.}

Навоий 1993 — *Навоий Алишер.* Мукаммал асарлар тўплами. 20 томлик. 11-том. Тошкент, 1993. {*Navoi A.* Complete Works in 20 volumes. Vol. 11. Tashkent, 1993.}

Населенные пункты 2001 — Населенные пункты Бухарского эмирата (конец XIX — начало XX в.). Материалы к исторической географии Средней Азии. Ташкент, 2001. {Settlements of the Bukhara Emirate (late XIX — early XX centuries). Materials on the historical geography of Central Asia. Tashkent, 2001.}

Номинханов 1962 — *Номинханов Ц. Д.* Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 257—275. {*Nominhanov Ts. D.* Mongolian elements in ethnonymy and toponymy of the Uzbek SSR // Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Issue 2. Elista, 1962. P. 257—275.}

Очир-Гаряев 2010 — *Очир-Гаряев В. Э.* Миграции монгольских племен по данным топонимии // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология 3. 2010. С. 84—91. {*Ochir-Gariaev V. E.* Migration of Mongolian tribes according to toponymy data // Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology 3. 2010. P. 84—91.}

Поляков 1980 — *Поляков С. П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980. {*Polyakov S. P.* Historical ethnography of Central Asia and Kazakhstan. Moscow, 1980.}

Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I—II // Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XIV. М.—Л., 1938. {*Poppe N. N.* Mongolian dictionary Mukaddimat al-Adab. Part I—II // Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. T. XIV. Moscow — Leningrad, 1938.}

Пугаченкова 1967 — *Пугаченкова Г. А.* Погребение монгольского времени в Халчаяне // Советская археология. № 2. 1967. С. 252—258. {*Pugachenkova G. A.* Burial of the Mongolian time in Khalchayan // Soviet archeology. No. 2. 1967. P. 252—258.}

Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. с персидского Л. А. Хетагурова. М., 1952. {*Rashid ad-din*. Collection of chronicles. Vol. 1. Book 1 / Translated from Persian by L. A. Khetagurov. Moscow, 1952.}

Решетов 1983 — *Решетов А. М.* Калмыки в Средней Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1983. {*Reshetov A. M.* Kalmyks in Central Asia // Summary of reports of the Central Asian-Caucasian readings. Leningrad, 1983.}

Сагидолдагийн 1993 — *Сагидолдагийн Гулгайша*. Казахско-монгольские топонимические параллели: автореф. дис.… канд. филол. наук. Алма-Ата, 1993. {*Sagidoldagiin Gulgaysha*. Kazakh-Mongolian toponymic parallels: Summary of a PhD thesis. Alma-Ata, 1993.}

Самарқандий 2008 — *Самарқандий Абдураззоқ*. Матлаи саъдайн ва мажмаи баҳрайн. II жилд, биринчи қисм. 1405—1429 йил воқеалари. Форс тилидан таржима, сўзбоши ва изоҳлар муаллифи А. Ўринбоев. Тошкент, 2008. {*Samarkand Abdurazzak*. Matlai sadayn va mazhmai baurein. II volume, first part. Events 1405—1429, translation from Persian, introduction, and comments by A. Urinboev. Tashkent, 2008.}

Самаркандские документы 1974 — Самаркандские документы XV—XVI вв. / Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М., 1974. {Samarkand documents of the 15th — 16th centuries. Facsimile, critical text, translation, introduction, notes, and indexes O. D. Chekhovich. Moscow, 1974.}

Санжеев 1973 — *Санжеев Г. Д.* О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 73—78. {*Sanzheev G. D.* On the Turko-Mongolian linguistic parallels // Soviet Turkology. 1973. No. 6. P. 73—78.}

Сборник материалов 1890 — Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 годы. Вып. 1. Самарканд, 1890. {Collection of materials for statistics of the Samarkand region for 1887—1888. Issue 1. Samarkand, 1890.}

Скрынникова 2005 — *Скрынникова Т. Д.* Две Монголии: особенность средневековых идентификационных практик // Вестник Евразии № 2. 2005. С. 29—65. {*Skrynnikova T. D.* Two Mongolias: the peculiarity of medieval identification practices // Bulletin of Eurasia No. 2. 2005. P. 29—65.}

Скрынникова 2013 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013. {*Skrynnikova T. D.* Charisma and power in the era of Genghis Khan. St. Petersburg, 2013.}

Соболев 1874 — *Соболев Л. Н.* Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа // Записки императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874. {*Sobolev L. N.* Geographical and statistical information about the Zeravshan district with the attachment of a list of the inhabited places of the district // Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Statistics. Vol. 4. St. Petersburg, 1874.}

Солих 1989 — *Солих М.* Шайбонийнома. Нашрга тайёрловчи Э. Шодиев. Тошкент, 1989. {*Solih M.* Shaibonynoma. Prepared for publication by E. Shodiev. Tashkent, 1989.}

Султанов 1982 — *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. {*Sultanov T. I.* The Aral Sea nomadic tribes in the 15th—17th centuries. Moscow, 1982.}

Султанов 1989 — *Султанов Т. И.* Известия «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха о моголах XVI в. // Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989. С. 190—211. {*Sultanov T. I.* Information from “Sheibani-name” of Muhammad Salikh about the Mughals of the 16th century // Countries and peoples of the East. Issue 26. Moscow, 1989. P. 190—211.}

Султанов 2017 — *Султанов Т. И.* К историографии этнополитической истории Улусов Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. Т. 5 № 1. 2017. С. 74—92. {*Sultanov T. I.* Historiography of the Ethnic and Political History of the Jochid and Chaghataid Uluses. Golden Horde Review. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 74—92.}

Сухарева 1958 — *Сухарева О. А.* К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент, 1958. {*Sukhareva O. A.* On the history of the cities of the Bukhara Khanate. Historical and ethnographic essays. Tashkent, 1958.}

Сухарева 1966 — *Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. {*Sukhareva O. A.* Bukhara. XIX — early XX century (Late feudal city and its population). Moscow, 1966.}

Сухарева 1976 — *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. {*Sukhareva O. A.* Quarter community of the late feudal city of Bukhara. Moscow, 1976.}

Тали 1959 — *Тали А.* История Аблуфейзхана / Пер. с таджикского А. А. Семенова. Ташкент, 1959. {*Tali A.* History of Ablufeizkhan / Translated from Tajik by A. A. Semenov. Tashkent, 1959.}

Термези 1971 — *Термези Х. С.* Дастур ал-мулук (Назидание государям) / Пер. с персидского, предисловие, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. М., 1971. {*Termezi Kh. S.* Dastur al-muluk (Edification to the sovereigns) / Translation from Persian, preface, notes and indexes by M. A. Salakhetdinova. Moscow, 1971.}

Толстова 1961а — *Толстова Л. С.* Материалы этнографического обследования группы «Каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР // Советская этнография. 1961. № 3. С. 34—44. {*Tolstova L. S.* Materials of an ethnographic survey of the “Karakalpak” group of the Samarkand region of the Uzbek SSR // Soviet ethnography. 1961. No. 3. P. 34—44.}

Толстова 1961б — *Толстова Л. С.* Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР // Советская этнография. 1961. № 5. С. 44—51 {*Tolstova L. S.* Karakalpaks of the Bukhara region of the Uzbek SSR // Soviet ethnography. 1961. No. 5. P. 44—51.}

Ташев 1968 — *Ташев Х.* Культура и быт животноводов Зарафшанской долины (конец XIX — 60-е гг. XX в.). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ташкент, 1968. {*Tashev H.* Culture and everyday life of livestock breeders of the Zarafshan valley (late XIX — 60s. XX century). Author’s abstract. PhD thesis. Tashkent, 1968.}

Трепавлов 2002 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской орды. М., 2002. {*Trepavlov V. V.* History of the Nogai Horde. Moscow, 2002.}

Туйчиев 1990а — *Туйчиев У.* История расселения народов Узбекистана (по данным топонимии Зарафшанской долины). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Ташкент, 1990. {*Tuychiev U.* History of the settlement of the peoples of Uzbekistan (according to the toponymy of the Zarafshan valley). Author's abstract. PhD thesis. Tashkent, 1990.}

Туйчиев 1990б — *Туйчиев У.* История расселения народов Узбекистана (по данным топонимии Зарафшанской долины). Дисс. … канд. ист. наук. Ташкент, 1990. {*Tuychiev U.* History of the settlement of the peoples of Uzbekistan (according to the toponymy of the Zarafshan valley). PhD thesis. Tashkent, 1990.}

Тураев 1989 — *Тураев Х.* Документальные источники по истории феодального института танха в западной Бухаре (вторая половина XIX — начало XX вв.). Дисс. … канд. ист. наук. Ташкент, 1989. {*Turaev H.* Documentary sources on the history of the feudal institute of tanha in western Bukhara (second half of the 19th — early 20th centuries). PhD thesis. Tashkent, 1989.}

Туробов 2002 — *Туробов А. М.* Самарқанд этноним ва этноойконимлари. Самарканд, 2002. {*Turobov A. M.* Ethnonyms and ethnooikonyms of Samarkand. Samarkand, 2002.}

Ўринбоев 2003 — *Ўринбоев Б.* Асрлардек бархаёт номлар. (Самарқанд вилояти топонимлар изохи). Самарканд, 2003. {*Urinboev B.* Names living in centuries. (Interpretation of toponyms of the Samarkand region). Samarkand, 2003.}

Ўринбоев 1997 — *Ўринбоев Б.* Самарқанд вилояти топонимларининг изоҳи. Самарқанд, 1997. {*Urinboev B.* Comments on toponyms of the Samarkand province. Samarkand, 1997.}

Фитрат 2000 — *Фитрат А.* Танланган асарлар. 2 жилд / Нашрга тайёрловчи Х. Болтабоев. Ташкент: Маънавият, 2000. {*Fitrat A.* Selected Works. 2 vol. Prepared for publication by H. Boltaboev. Tashkent, 2000.}

Хазанов 2002 — *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. {*Khazanov A. M.* Nomads and the outside world. Ed. 3rd, add. Almaty, 2002.}

Ханыков 1843 — *Ханыков Н. В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 58—64. {*Khanykov N. V.* Description of the Bukhara Khanate. St. Petersburg, 1843. P. 58—64.}

Хорошхин 1876 — *Хорошхин А. П.* Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876. {*Khoroshkhin A. P.* Collection of articles related to the Turkestan. St. Petersburg, 1876.}

Цэндмаа 2013 — *Цэндмаа Э.* Монголизмы в «Бабур-наме» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2 (49). 2013. С. 161—165. {*Tsendmaa E.* Mongolisms in “Babur-name” // Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies. 2 (49). 2013. P. 161—165.}

Чехович 1965 — *Чехович О. Д.* Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965. {*Chekhovich O. D.* Bukhara documents of the XIV century. Tashkent, 1965.}

Чориев 1999 — *Чориев З.* Тарих атамаларининг қисқача изоҳли луғати: қадимги ва ўрта асрлар. Тошкент, 1999. {*Choriev Z.* A short explanatory dictionary of historical terms: antiquity and the Middle Ages. Tashkent, 1999.}

Шомий 1996 — *Шомий Низомиддин.* Зафарнома / Форс тилидан угирувчи Ю. Хакимжонов. Тошкент, 1996. {*Shomiy Nizomiddin*. Zafarnoma / Translated from Persian by Y. Khakimjonov. Tashkent, 1996.}

Шониёзов 2001 — *Шониёзов К.* Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Тошкент, 2001. {*Shoniyozov K. Sh.* The process of forming the Uzbek people. Tashkent, 2001.}

Щербак 1997 — *Щербак А. М.* Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VII—XIV вв.). СПб., 1997. {*Shcherbak A. M.* Early Turkic-Mongolian linguistic ties (VII—XIV centuries). St. Petersburg, 1997.}

Юдин 2001 — *Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. {*Yudin V. P.* Central Asia in the XIV—XVIII centuries through the eyes of an orientalist. Almaty, 2001.}

Baski 2008 — *Baski Imre.* Orta Asya Türk etnonimisinde kisi adlari // VI. Uluslararası Tür VI. Uluslararası Türk Dili Kurultayı Bildirileri. 20—25 Ekim 2008. 4 Cilt. Ankara, 2008.

Biran 2004 — *Biran M.* The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries: Crystallizations, Divergences, Renaissance / Ed. by Johann P. Arnason and Björn Wittrock. Leiden — Boston, 2004. P. 339—361.

Biran 2005 — *Biran M.* The empire of the Qara Khitai in Eurasian history: between China and the Islamic World. Cambridge, 2005.

Biran 2015 — *Biran M.* The mongols and nomadic identity. The case of Kitans in China in Nomads as agents of cultural change. The mongols and their Eurasian predessors / Edited by Reuven Amitai and Michal Biran. Honolulu, 2015.

Burke 2003 — *Burke P.* Relationships among multiple identities // Advances in identity theory and research, editors: Burke P. J., Owens T. J., Serpe R., Thoits P. A. Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2003.

Çiçek 2015 — *Çiçek S. E.* Kıpçak Sözlüklerindeki Moğolca Unsurlar // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 63. 2015. No. 1. P. 49—98.

Csákı 2006 — *Csákı É.* Middle Mongolian Loan Words in Volga Kipchak Languages. Turcologica 67. Harrassowitz Verlag, 2006.

DeWeese 1994 — *DeWeese D. A.* Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to Islam in historical and epic tradition. The Pennsylvania State University, 1994.

Golden 1992 — *Golden P. B.* An introduction to the history of the Turkic peoples // Ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992. P. 127—136.

Golden 2000a — *Golden P. B.* "I Will Give the People unto Thee": The Činggisid Conquests and Their Aftermath in the Turkic World // Journal of the Royal Asiatic Society 10. No. 1. 2000. P. 21—41.

Golden 2000b — *Golden P. B.* Tatar // Encyclopaedia of Islam, Vol. X: T—U. Bearman P. J., Bianquis T., Bosworth C. E., Donzel E. van, and Heinrichs W. P. (eds). Leiden, 2000. P. 370—371.

Hesche, Hildebrandt, Thermann 1979 — *Hesche W.*, *Hildebrandt W.-D.*, *Thermann A.* Das Moroli in Badachschan (Afghanistan) // Central Asiatic Journal 23. No. 3/4 (1979). P. 176—236.

Islamov 2020 — *Islamov Z.* Codicological Analysis of Manuscripts of "Mukaddamatu-l-Adab" of Mahmud Zamakhshari in the Funds of the World // The Light of Islam 2020. No. 2. 2020. P. 30—36.

Jackson 2018 — *Jackson P.* The Mongols of Central Asia and the Qara'unas // Iran 56, no. 1 (2018). P. 91—103.

Jenkins 1997 — *Jenkins R.* Rethinking ethnicity. Arguments and explorations. London and New Delhi, 1997.

Kincses-Nagy 1997 — *Kincses-Nagy É.* Mongolian loanwords in Chagatay // Studia Uralo-altaica. No. 39. 1997. P. 139—145.

Lee 2016 — *Lee Joo-Yup.* Qazaqlïq or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs. State and Identity: Post-Mongol Central Eurasia. Leiden — Boston, 2016.

Lee 2018 — *Lee Joo-Yup.* Some remarks on the Turkicisation of the Mongols in post-Mongol Central Asia and the Qipchaq Steppe // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 71. No. 2. 2018. P. 121—144.

Malikov 2020 — *Malikov A.* "92 Uzbek Tribes" in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries // Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 515—532.

Malikov 2002 — *Malikov A.* Semerkant Bölgesindeki Özbeklerin Etnik Tarihi // Türkler, Cilt: VIII. 2002. P. 617—623.

Manz 1989 — *Manz B. F.* The rise and rule of Tamerlane. Cambridge, 1989.

Manz 1992 — *Manz B. F.* The development and meaning of Chaghatay identity // Jo-Ann Gross, ed., Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham, NC, 1992. P. 27—45.

Matsui 2008 — *Matsui D.* A Mongolian decree from the Chaghataid khanate discovered at Dunhuang // Aspects of Research into Central Asian Buddhism // In memoriam Kogi Kudara. Turnhout, 2008. P. 159—178.

May 2013 — *May T.* The Mongol conquests in world history. Reaktion Books, 2013.

Ölmez 2007 — *Ölmez Z.* Mongolian Loanwords in the Classical Chagatay Period // Festschrift in Honor of András J. E. Bodrogligeti, Türk Dilleri Araştırmaları Dergisi 17. İstanbul, 2007. P. 229—236.

Sertkaya 1987 — *Sertkaya O. F.* Mongolian Words and Forms in Chagatay Turkish (Eastern Turki) and Turkey Turkish (Western Turki) // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 35, 1987. P. 265—280.

de Rachewiltz 2019 — *de Rachewiltz I.* The Name of the Mongols in Asia and Europe: A Reappraisal // East Asian history 43. 2019. P. 89—94.

Rossabi 2000 — *Rossabi M.* The Development of Mongol Identity in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Itinerario, 24, 2000. P. 44—61.

Saitô 2008 — *Saitô Y.* The Mongolian words in the Muqaddimat al-Adab: romanized text and word index. Tokyo, 2008.

Şiban (Han.), Karasoy 1998 — *Şiban (Han.) Karasoy Y.* Şiban Han dîvânı: (inceleme-metin-dizin-tıpkıbasım). Türk Dil Kurumu, 1998.

Togan — *Togan A.* Zeki Velidi. The Composition of the History of the Mongols by Rashīd al-Dīn // Central Asiatic Journal. Vol. 7. No 1. 1962. P. 60—72.

Vovin 2019 — *Vovin A*. A sketch of the earliest Mongolic language: The Brāhmī Bugut and Khüis Tolgoi inscriptions // International Journal of Eurasian Linguistics 1. No. 1 2019. P. 162—197.

Weiers 1972. — *Weiers M*. Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afghanistan. Sprachmaterial, Grammatik, Wortliste. Vol. 49. Opladen, 1972.

Wing 2016 — *Wing P.* Tribes and the Chinggisid Empire // The Jalayirids: Dynastic State Formation in the Mongol Middle East. Edinburgh, 2016. P., 29—47.

Zsidai 2018 — *Zsidai Zs*. Some Thoughts on the Translation and Interpretation of Terms Describing Turkic Peoples in Medieval Arabic Sources // The Hungarian Historical Review 7. No. 1. 2018. P. 57—81.

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-106-123

Ф. Ш. Нуриева, Г. Н. Фахретдинова

Стихи и письма Якова Емельянова как источник для изучения языковой нормы татар-кряшен XIX века

Нуриева Фануза Шакуровна, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Институт языкознания РАН; Институт системного программирования Российской академии наук (Москва); fanuzanurieva@yandex.ru
Фахретдинова Гульназ Нурхаметовна, Казанский национальный исследовательский технологический университет; gulnaz_khamidull@mail.ru

В статье проводится анализ языковых особенностей сборника стихотворений «Стихи на крещено-татарском языке» Якова Емельянова, изданного в 1879 году для крещеных татар. Письменные памятники являются одним из основных источников изучения истории языка, однако этот сборник еще не подвергался изучению. В статье описываются фонетические, морфологические и лексические особенности текста памятника в сопоставлении с языковым материалом богослужебных переводных кириллических книг, а также с данными татарского литературного языка и его современных диалектов. В результате анализа нам удалось выявить ряд графико-фонетических особенностей, среди которых оглубление гласных, употребление дифтонгов и определенных гласных и согласных в соответствии с литературными вариантами, выпадение гласных. К морфологическим особенностям относятся аффикс *-ым*, *-ем* вместо литературного первого лица единственного числа будущего времени на *-р*, аффикс инфинитива *-мага* вместо литературного *-рга*, а также лексические единицы, которые отличают язык памятника от современного татарского литературного языка и некоторых его диалектов. При этом все они зафиксированы в мамадышском и лаишевском говорах среднего диалекта татарского языка, в регионе, где родился и жил поэт. Таким образом, мы можем предположить, что в стихах Якова Емельянова представлены реальные разговорные варианты слов того времени, а в переводных богослужебных книгах эти особенности были нивелированы. Анализ «Стихов…» позволяет уточнить историю татарского языка и его диалектов.

Ключевые слова: Яков Емельянов, татарский язык, крещеные татары, XIX век, стихи, заказанский говор

USING YAKOV EMELYANOV'S POEMS AND LETTERS AS A LANGUAGE NORM FOR 19th CENTURY KRYASHEN TATARS

Fanuza Sh. Nurieva, Kazan (Volga region) Federal University; Institute of Linguistic RAS, the Russian Academy of Science, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS; fanuzanurieva@yandex.ru
Gulnaz N. Fakhretdinova, Kazan National Research Technological University; gulnaz_khamidull@mail.ru

The article analyzes the language features of Yakov Emelyanov's collection of "Poems in the Christianized-Tatar language", published in 1879 for Baptized Tatars. Written manuscripts are one of the main sources for studying the history of the language, however, this collection has not yet been considered. The article analyzes the phonetic, morphological, and lexical features in the text. The language of the poems is compared with the linguistic material of the translated liturgical Cyrillic books, the Tatar literary language and its modern dialects. The results suggest that there are a number of graphic and phonetic features, including rounded vowels, the use of diphthongs and certain vowels and consonants in accordance with the literary variants, and the vowel deletion. The morphological features include the affix *-ym*, *-em* instead of the literary first person singular of the future tense with *-r*, the infinitive *-maga* affix instead of the literary *-rga*, as well as lexical peculiarities that distinguish the poems language from the modern Tatar literary language and some of its dialects. Moreover, all of them are recorded in the Mamadysh and Laishev dialects of the Tatar language, the regions where the poet was born and lived. Thus, we can assume that forms of real colloquial words of that time are presented in Yakov Yemelyanov's poems, and in translated liturgical books, these features were leveled. Analysis of the poems allows observing the history of the Tatar language and its dialects.

Keywords: Yakov Emelyanov, Tatar language, Christianized Tatars, 19th century, poems, Zakazan subdialects

Работа над статьей велась в рамках проекта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России». Авторы благодарны анонимным рецензентам статьи и Ю. В. Норманской за ценные замечания и консультации в ходе работы.

Распространение православной религии в Поволжье привело к образованию довольно многочисленной группы крещеных татар (кряшен). Исследователи выделяют две локальные подгруппы: «старокрещеные», предки которых приняли православие в основном в XVI—XVII вв., и «новокрещеные», крестившиеся после проведения первой государственной ревизии в 1722 г. [Исхаков 2015: 72].

Исследование исторического прошлого кряшен Волго-Уральского региона тесно связано с развитием исторической науки в России в эпоху Петра I. Открытие в 1724 году Петербургской академии наук дало определенный толчок изучению истории и этнографии народов Поволжья и Сибири. В 1733 году, по дороге в Сибирь, немецкие исследователи Г. Миллер и И. Гмелин, побывав в Среднем Поволжье, собрали сведения об особенностях культурной жизни и быта народов Поволжья и Урала. Находясь в Казани в 1733 году, они освещали учебную и просветительскую деятельность кряшенских школ, писали об этническом составе учащихся [Миллер 1791].

Во время правления Екатерины II повышается внимание к истории и культуре народов Восточной России, дается старт научным экспедициям в Поволжье и Сибирь. В 1762 году выходят в свет труды историка и географа П. И. Рычкова по материалам экспедиции в Оренбургскую губернию, в которых впервые дается историко-этнографическое описание кряшен [Рычков 1762]. Данная работа также имеет особое значение для изучения истории нагайбаков. Сведения о кряшенах, проживающих в Оренбургской области, нашли отражение и в работе П. И. Рычкова «История Оренбургская...» [Рычков 1896].

Дальнейшее исследование исторического прошлого кряшен неразрывно связано с анализом деятельности крупных научных казанских центров, способствующих развитию исторических и этнографических школ. В результате открытия в 1800 году класса татарского языка в Казанской духовной академии, а в 1807 году — восточного отделения в Казанском императорском университете, Казань становится центром востоковедения России, где работают известные специалисты, занимающиеся изучением языка, истории и культуры местных народов. В 1854 г. Казанская духовная академия открывает миссионерское отделение, цель которого — подготовить миссионеров — знатоков восточных языков. Наиболее известными учениками этого отделения были Н. И. Ильминский, А. А. Бобровников, Е. А. Малов, М. А. Машанов, Н. П. Остроумов и др.

В это время публикуется целый ряд трудов, посвященных политике христианизации. Казанский университет выпустил двухтомный труд адъюнкт-историка М. С. Рыбушкина «Краткая история города Казани», в котором освещается миссионерское движение церкви и религиозная деятельность жителей этого региона [Рыбушкин 1849]. В работе «Казанская история» Н. Баженова описывается завоевание Казанского ханства и принятие христианства местными языческими или мусульманскими народами [Баженов 1847]. Историк С. В. Ешевский, характеризуя миссионерскую деятельность церкви, указывает на сравнительно низкий уровень проникновения христианства в повседневную жизнь нерусских народов, в том числе кряшен, и признает неоднозначность политики христианизации [Ешевский 1900]. В последней трети XIX в. и в первой половине XX в. известным тюркологом и миссионером Е. Маловым были написаны первые работы, посвященные развитию миссионерской деятельности среди татар, где также отражается религиозное положение кряшен [Малов 1872].

29-томная «История России с древнейших времен» (1851–1879) профессора Московского университета С. М. Соловьева приводит детальную хронику политической истории России, где, наряду со многими другими историческими фактами, описываются методы христианизации инородцев в XVI–XVIII веках, создается общая картина формирования кряшенских групп [Соловьев 1851–1879]. В работе историка Г. И. Перетятковича основное внимание уделяется положению нерусских народов в Московском государстве, отмечается роль православной церкви в завоевании Казанского ханства и продвижении государственной идеологии [Перетяткович 1882].

В 1867 г. при Казанском Благовещенском кафедральном соборе было создано «Братство святителя Гурия», основной целью деятельности которого были подготовка учителей-миссионеров и оказание миссионерской учебно-методической и издательской помощи [Исхаков 2015: 72]. В эту пору широкое распространение получила новая концепция христианского просвещения, которая включала в себя развитие начальных конфессиональных школ для нерусских народов края. Основоположником данной концепции стал профессор Казанской духовной академии и Казанского университета, востоковед, член-корреспондент Академии наук Николай Иванович Ильминский. С целью популяризации и расширения религиозного просвещения среди кряшен в 1860–70-х годах Н. И. Ильминским и его сторонниками были затронуты различные аспекты религиозно-просветительской деятельности: развитие Казанской центральной кряшенской школы и ее районных отделений, перевод православных книг на татарский язык с использованием кириллицы [Нуриева 2017: 167–169]. Н. И. Ильминский считал: «Образование инородческим детям должно преподаваться в таком виде, чтобы и ими легче оно усваивалось. А для этого самое лучшее средство — образовательные книги изложить на собственном языке инородцев» [Николь-

ский 1905: 4]. В основу букваря (1862 г.), составленного Н И. Ильминским, «…для обучения детей кряшен был заложен народный татарский язык, каким говорят старокрещеные татары Мамадышского уезда Казанской губернии, среди и при помощи которых я переводил букварь» [Ильминский 1892: 6]. На этом поприще его правой рукой становится крещёный татарин, послушник Казанского Иоанновского монастыря В. Т. Тимофеев, выходец из крестьян деревни Никифорово Мамадышского уезда Казанской губернии. Таким образом, заказанский говор составил языковую норму в переводных текстах и при обучении и составлении учебных пособий в специализированных учебных заведениях для крещеных татар. Открытие миссионерских школ и просветительская деятельность под руководством и при главном участии Н. И. Ильминского дали свои результаты: сети кряшенских школ, переводы богослужебных текстов на основе кириллицы способствовали более эффективному применению татарского языка в церковной практике. Все богослужебные и учебные книги написаны практически в единой орфографической традиции (ср. подробнее [Норманская, Нуриева 2018], где показано, что только в мишарских кряшенских книгах использованы иные орфографические нормы).

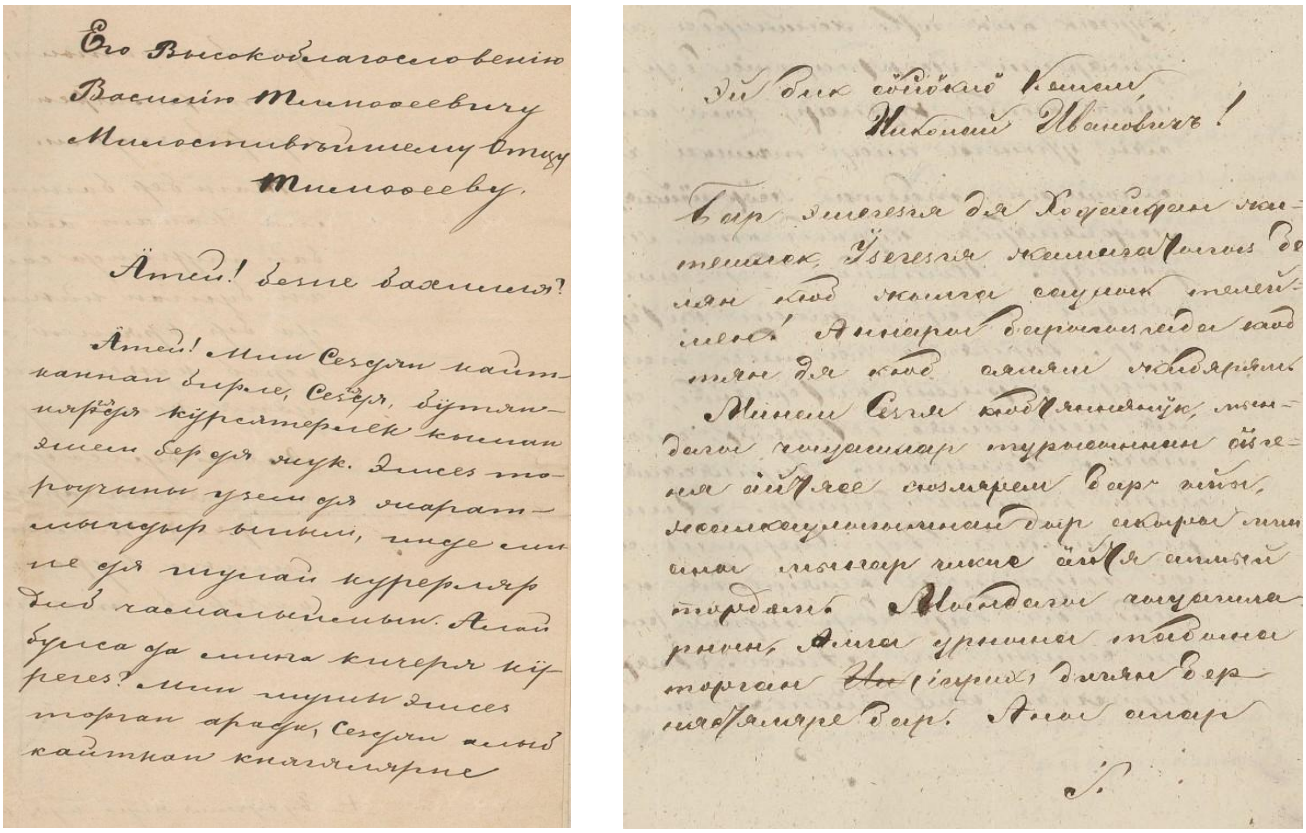
Интересно, что венгерский исследователь тюркских и монгольских народов Габор Балинт, который собирал материалы по кряшенскому языку в 1871–1874 гг. в Казани на базе школы, созданной Н. И. Ильминским, с помощью татар В. Т. Тимофеева и Симона Гяурле, иначе зафиксировал в своих записях особенности мамадышского диалекта, см. подробнее [Wolgatatarische Dialektstudien 1988: 6]. Венгерский исследователь собрал фольклорные тексты (сказки, поговорки, пословицы, песни), составил словарь (около 4 тысяч лексических единиц). В своих исследованиях при транскрипции он использовал латинскую графику. Представляется интересным возможное в будущем полное изучение языковых особенностей, отраженных в материалах Г. Балинта. Но, как отмечает А. Берта, издатель текстов и словаря Г. Балинта, в этих рукописях есть особенности, которые трудно объяснить на основании наших знаний о современных кряшенских диалектах и первых кириллических книгах. В частности, во всех кряшенских источниках, начиная со словаря Остроумова, в начале слов представлено *ж*- в соответствии с *й*- современного татарского литературного языка. В материалах Г. Балинта *ǰ*- в начале слов представлено в арабо-персидских заимствованиях и небольшом количестве исконно тюркской лексики, например, в словах *ǰät* ‘быстро’, *ǰŏr* ‘приносящий удовольствие’. В подавляющем большинстве тюркских слов, которые в первых кириллических книгах имеют *ж*-, в анлауте представлен *j*-, соответствующий татарскому литературному языку. Сам Г. Балинт в своей грамматике это комментирует и указывает, что в реальном произношении наблюдаются постоянные колебания *ǰ*- и *j*- в исконно тюркских словах, поэтому он принял решение давать унифицированную запись через *j*- (ср. [Wolgatatarische Dialektstudien 1988: 11—12]). Это заставляет предположить, что и авторы кириллических книг под руководством Н. И. Ильминского производили орфографическую нормализацию, но в сторону *ж*-.

В связи с этим представляется интересным обратиться к анализу языковых особенностей в собственных произведениях кряшен. Среди книг, написанных кряшенами на татарском языке, особый интерес представляет сборник стихотворений Якова Емельянова (1848–1893), творчество которого составляет своеобразную страницу татарской поэзии. Первый поэт из кряшен, он оценивает важные вопросы татарской общественно-культурной жизни XIX века с точки зрения представителя христианского духовенства. Д. Ф. Загидуллина отмечает, что Я. Емельянов стал одним из первых татарских поэтов, обратившихся к романтическим мотивам народности и народного фольклора, вновь громко зазвучавшим в татарской литературе в начале XX века в стихотворениях Г. Тукая, С. Рамиева, Н. Думави [Загидуллина 2013: 768]. Творчество Я. Емельянова вызывало интерес как у современников, так и у последующих исследователей. Сведения о Я. Емельянове были приведены в 1896 году в журнале «Православный собор» в письмах Николая Ильминского, адресованных кряшенам. Творчество поэта стало объектом изучения в трудах Г. Тулумбаева, А. Григорьева, Х. Гусмана, М. Гайнуллина, М. Глухова, Р. Ахмета, Х. Миннегулова, Р. Файзуллина, И. Халикова, Р. Исхакова и других ученых-литературоведов.

Для того чтобы проанализировать языковые особенности его произведений, полезно проследить жизненный путь первого кряшенского поэта. Родился Яков Емельянович Емельянов в 1848 году в деревне Алан-Полян Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне Рыбно-Слободский район Республики Татарстан), в семье государственных крестьян Емельяна Петровича и Акулины Сергеевны. Яков вырос в обычной крестьянской многодетной семье, которая не отличалась особой религиозностью и образованностью. Незадолго до открытия в 1864 г. центральной крещено-татарской школы 16-летним юношей Яков прибывает в Казань. Основная деятельность школы была связана с подготовкой учителей грамоты для сельских школ, хотя и отмечается православно-просветительский характер данного заведения. Узнав об открытии школы, Я. Емельянов поступает туда учиться и становится одним из первых воспитанников заведующего школой В. Т. Тимофеева, под влиянием стихотворческой деятельности которого юноша начал проявлять интерес к поэзии. Здесь будущий поэт изучает азбуку, начальную математику, геогра-

фию, Закон Божий и хоровое пение православных молитв. Обучение проходило на родном языке, ученики также знакомились с основами грамматики русского языка, читали Евангелие и жития святых, устно переводя их на родной язык. Обучение и воспитательный процесс в школе способствовали воспитанию в учениках православной культуры, приобретению христианского мировоззрения и усвоению христианских понятий. Яков Емельянов был одним из первых выпускников крещено-татарской школы, в 1867 г. он получил назначение учителем братской школы села Уреево-Челны Лаишевского уезда, где проработал 6 лет. Емельянов интересовался русской литературой, в частности творчеством Н. Некрасова, И. Никитина, читал богослужебные книги, переведенные на татарский язык. Последующие годы Я. Емельянов краткосрочно работал в нескольких крещено-татарских школах. Одновременно с успешной учительской деятельностью поэт был посвящен в сан священнослужителя: сначала дьякона (1874 г.), а затем священника (1880 г.) — и был назначен настоятелем православного прихода в с. Чура Мамадышского уезда, сочетая церковное служение с работой законоучителя Чуринской земской школы и плодотворно осуществляя миссионерскую деятельность. Однако из-за конфликтов с богатыми прихожанами Я. Емельянов в 1888 г. был переведен в с. Урясь-Учи Мамадышского уезда (ныне с. Танькино Кукморского района). Он умер 3 февраля 1893 г. в возрасте 45 лет.

Сохранились письма Емельянова его наставникам В. Т. Тимофееву и Н. И. Ильминскому, в которых сообщается о разных проблемах, связанных с обустройством школы, налаживанием отношений с местными жителями, церковной деятельностью.



Илл. 1. Письма Я. Емельянова своим наставникам В. Тимофееву и Н. Ильминскому

В 1870-е гг. он впервые пробует себя на литературном поприще. В 1879 г. с одобрения и при поддержке Совета Братства св. Гурия выходит первый сборник Емельянова под названием «Стихи на крещено-татарском языке» (известный как «Даржа аби кнегесе» ‘Книга бабушки Дарьи’), состоящий из 11 стихотворений, различающихся по стилю и жанровому содержанию. Хотя при жизни поэта было опубликовано только два небольших поэтических сборника, но, благодаря бытовому просторечию, естественному непринужденному характеру стихов и народно-разговорным формам, произведения Емельянова стали уникальным языковым памятником того периода. Тексты стихотворений представляют интерес для сравнения с современным разговорным языком говоров Заказанья среднего диалекта, они играют важную роль при определении хронологии языковых явлений.

Исследуемый материал в настоящее время представлен в виде конкорданса на портале ЛингвоДок (http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3913/1/perspective/3913/2/view) и содержит более 2 тысяч словоформ. В текстах стихов и писем диалектная лексика[1] в процентном отношении малочисленна — всего 90 слов.

Прежде чем описать фонетические и морфологические изоглоссы, представленные в текстах стихов и писем Я. Емельянова, остановимся на особенностях графики.

В современной татарской письменности употребляются 33 буквы русского алфавита с добавлением к нему особых знаков для специфических фонем: *ә, ө, ү, җ, ң, һ.*

В основу переводов комиссии при «Братстве святителя Гурия», которая создала орфографию на основе кириллицы, был также положен русский алфавит:

А а	Ж ж	М м	Р р	Ч ч
Ä ä	З з	Н н	С с	Ш ш
Б б	И и	ҥ	Т т	Ы ы
Г г	Й й	О о	У у	Э э
Д д	К к	Ö ö	Ӱ ӱ	Я я
Е е	Л л	П п	Х х	

Для специфических звуков татарского языка были включены дополнительные буквы: *ä*, *ö*, *ӱ*. Однако в изданиях не всегда прослеживается последовательность в выборе букв для переднерядных гласных. Как отмечает сам Н. И. Ильминский, «при своем консерватизме я в окончательно установившейся орфографии употреблял русские мягкие *я* и *ю*, где можно, то есть после согласных, а в начале слов должен был писать *ä* и *ӱ*; точно так же вместо *е* писал в начале слов э. Таким образом, в наш крещено-татарский алфавит вошли буквы с различительным двоеточием: *ä*, *ö*, *ӱ*. Буквы *г, к, ж* в текстах передавали не только заднеязычные [*г*], [*к*] и переднеязычный щелевой [*ж*], но и глубокозаднеязычные [*ґ*], [*қ*] и переднеязычный щелевой [*җ*]. Для обозначения носового [*ң*] употреблялось слияние *н* и *г*. Принципы письма были просты — писать так, как слышится» [Ильминский 1892: 7]. Анализ текстов стихов и писем Я. Емельянова показал, что он использовал именно этот алфавит.

Однако, несмотря на то что Яков Емельянов был выпускником кряшено-татарской школы и при записи своих произведений употреблял графику, разработанную Н. И. Ильминским, в его стихах присутствует ряд графических особенностей, не встреченных нами в учебной или богослужебной литературе (см. подробнее ниже). В настоящей статье поставлена задача описать все отличия языка стихов Якова Емельянова от литературного татарского языка и первых кириллических богослужебных и учебных книг и на основании сравнения с современными диалектами установить природу этих отличий. С учетом биографических сведениий о местах рождения и работы Якова Емельянова, сравнение особенностей его текстов проводится в первую очередь с лаишевским и мамадышским говорами.

Фонетические особенности[2]

Губная гармония

В анализируемом сборнике (здесь и далее мы обозначаем его как [С] с указанием страницы) в случае наличия гласных *о*, *ö* в корне наблюдается последовательное огубление гласных среднего подъема *ы*, *е* второго слога. По статистике конкорданса http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3913/1/perspective/3913/2/view:

1) после *о* первого слога огубление *ы* произошло в 25 случаях, ср. *тормош* — литер. *тормыш* ‘жизнь’, *бозок* — литер. *бозык* ‘испорченный’, и НЕ произошло в 2 случаях: *соґыннан* — литер. *соңыннан* ‘позже’; *коры* — литер. *коры* ‘сухой’.

2) после *ö* первого слога огубление *е* произошло в 49 случаях, ср. *öчöн* — литер. *өчен* ‘за’; *төбö* — литер. *төбе* ‘дно’, *кöнöндä* — литер. *көнендә* ‘в день’, и НЕ произошло в 2 случаях: *төшемдä* — литер. *төшемдә* ‘в моем сне’; *кöтеб тордом* — литер. *көтеп тордым* ‘ждала’.

Как видим из приведенных примеров, характер слога (открытость – закрытость: *коры* vs. *төбö, бозок* vs. *кöтеб*) и консонантное окружение не могут быть учтены как факторы, влияющие на отсутствие губной гармонии.

В частности, губная гармония отмечена в следующих грамматических формах:

1. В личных аффиксах презенса и повелительного наклонения: 2 л. ед. ч.: *сöйлöй-сöґ* — литер. *сөйлисең* ‘расказываешь’ [С: 20], *кöймöй-сöґ* — литер. *көймисең* ‘не заботишься’ [С: 21], 3 л.: *тöкöр-сöн* —

[1] Под диалектной лексикой понимаются слова, не входящие в литературный язык и имеющие ограниченное территориальное распространение.

[2] Рассматриваются примеры особых рефлексаций, которые зафиксированы в 3 или более встречаемостях.

литер. *төкер-сен* ‘пусть плюют’ [С: 22 bis]; 2 л. мн. ч.: *тот-огоз* — литер. *тот-ыгыз* ‘примите’ [С: 2], *от-огоз* — литер. *от-ыгыз* ‘запомните’ [С: 2, 2], *көтөб тор-огоз* — литер. *көтеп тор-ыгыз* ‘ждите’ [С: 27].

2. В показателе прошедшего категорического *-ДЫ*: *а) көйөн-дө-к* — литер. *көен-де-к* ‘(мы) опечалились’ [С: 13], *көтөб тор-до-к* — литер. *көтеп тор-ды-к* ‘(мы) ждали’ [С: 30], *б) китереб ор-до-м* — литер. *китереп ор-ды-м* ‘ (я) ударила’ [С: 30], *тор-до* — литер. *тор-ды* ‘встала’ [С: 36], *төш-тө* — литер. *төш-те* ‘опустилась’ [С: 31], *жөгөрөб жөр-дө* — литер. *йөгереп йөр-де* ‘бегал’ [С: 36].

3. В аффиксе причастия будущего времени на *-ыр*: *сөйөн-өр* — литер. *сөен-ер* ‘будет радоваться’ [С: 4, 20, 35], *көйөн-өр* — литер. *көен-ер* ‘будет страдать’ [С: 4, 20, 34]; в частности, в инфинитиве: *котол-ор-га* — литер. *котыл-ыр-га* ‘избавиться’ [С: 9].

4. В аффиксе деепричастия *-ып*: *аякка тор-об* — литер. *аякта бас-ып* ‘стоя’ [С: 13], *кор-об* — литер. *кор-ып* ‘воздвигая’ [С: 9], *сөйөн-өб* — литер. *сөен-еп* ‘с радостью’, *төш-өб калган* — литер. *төш-еп калган* ‘упали’ [С: 14], *көл-өб* — литер. *көл-еп* ‘смеясь’ [С: 22], *борчол-об* — литер. *борчыл-ып* ‘беспокоясь’ [С: 30].

5. В аффиксах принадлежности: *орчог-ом* — литер. *орчыг-ым* ‘мое веретено’ [С: 28], *төш-өм-нө* — литер. *төш-ем-не* ‘мой сон-Acc’ [С: 35], *өй-өбөз-гә* — литер. *ө-ебез-гә* ‘наш дом-DAT’ [С: 26], *жорт-оҥ-а* — литер. *йорт-ыҥ-а* ‘твоему дому’ [С: 35], *жөз-өн-ә* — литер. *йөз-ен-ә* ‘на его лицо’ [С: 4], *өй-өн-дә* — литер. *ө-ен-дә* ‘в (его) доме’ [С: 6], *төб-ө* — литер. *төб-е* ‘дно (его)’ [С: 17], *төн-ө блән* — литер. *төн-е белән* ‘(той) ночью’ [С: 18], *кол-о* — литер. *кол-ы* ‘раб (его)’ [С: 34], *олоны* — литер. *олыны* ‘взрослого’ [С: 4], *тормошон* — литер. *тормышын* ‘твою жизнь’ [С: 6].

Как показано в статье [Норманская, Нуриева 2018: 102—104], по степени проявления губного сингармонизма ранее проанализированные татарские кириллические памятники можно разделить на три группы:

1) огубление гласных [*ы*], [*е*] второго слога происходит всегда, если в первом слоге есть [*о*], [*ө*]: [Словарь 1880; Земная жизнь 1900];
2) огубление гласных [*ы*], [*е*] происходит в подавляющем большинстве случаев, если в первом слоге есть [*о*], [*ө*]: [Словарь 1876; Требник 1881];
3) огубление гласных [*ы*], [*е*] происходит достаточно редко, если в первом слоге есть [*о*], [*ө*]: [Евангелие 1866, 1908].

Стихи Якова Емельянова наиболее близки книгам второго типа: [Словарь 1876; Требник 1881], в которых огубление происходит в подавляющем большинстве случаев.

В говорах современных кряшен также при *о*, *ө* первого слога происходит огубление *ы*, *е* последующих слогов. Эта особенность системно сохранилась в заказанском говоре кряшен, в дрожжановском, чистопольском говоре мишарского диалекта [Баязитова 1986: 54], ср. карту этого явления в современных диалектах http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=7#.

Употребление дифтонгов

В татарском языке истинных дифтонгов нет, имеются только «ложные» нисходящие и восходящие дифтонги, которые имеют в своем составе один полноценный гласный и второй полугласный звук. В сборнике Якова Емельянова [С] зафиксированы последовательности типа *-ыу, -еў, -оу, -ей, -ӧй.*

Сам Н. И. Ильминский специально оговаривает специфику употребления дифтонгов: «Кроме приспособления русских букв к татарским звукам мне пришлось постепенно изменять и устанавливать орфографию. В первом издании букваря я писал *су* ‘вода’, *аул* ‘деревня’, *аю* ‘медведь’. Теперь пишем *сыу*, *ауыл*, *айыу*. Это сочетание *-ыу* род двугласной, внушено мне крещено-татарскими мальчиками, учениками Казанской школы, которые по чутью употребляли его в своих письмах, но оно совпадает с нормальным составом слов в основном тюркском языке» [Ильминский 1892: 8]. Примеры:

а) *ыу* — литер. *у: кыуаныр* — литер. *куаныр* ‘обрадуется’ [С: 7, 11], *сыуы* — литер. *суы* ‘его вода’ [С: 31], *сыналыуны* — литер. *сыналуны* ‘испытание’ (вин. падеж) [С: 6], *ыулаб* — литер. *улап* ‘зазывая’ [С: 8], *кыуаныб* — литер. *куанып* ‘радуясь’ [С: 10], *жыуаныр* — литер. *юаныр* ‘утешится’ [С: 11], *жыуансын* — литер. *юансын* ‘пускай утешается’ [С: 11], *жыуата* — литер. *юата* ‘утешать’ [С: 13], *калдырыудан* — литер. *калдырудан* ‘оставивший’ [С: 15], *жыуганчук* — литер. *юганчы ук* ‘прежде чем помоет’ [С: 16], *кыусалар да* — литер. *кусалар да* ‘если будут гнать’ [С: 18], *уятыу* — литер. *уяту* ‘пробуждение’ [С: 20], *арыумы* — литер. *арумы* ‘как здоровье’ [С: 27], *арыу* — литер. *ару* ‘хороший’ [С: 28], *булыу блӓн* — литер. *булу белӓн* ‘будет’ [С: 32];

б) *еў* — литер. *ү: кўреў блӓн* — литер. *күрү белӓн* ‘увидев’ [С: 5], *биреўчедӓн* — литер. *бирүчедӓн* ‘у дающего’ [С: 14], *эчеўне* — литер. *эчүне* ‘питье’ [С: 17], *килеўдӓ* — литер. *килү дӓ* ‘приход’ [С: 26], *чӓй эчеў* — литер. *чӓй эчү* ‘чаепитие’ [С: 31];

в) *оу* — литер. *у: тойоучы* — литер. *тоючы* ‘ощущающий’ [С: 6];

г) *ей* — литер. *и*: *нейдӓндер* — литер. *нидӓндер* ‘наверное, от чего’ [С: 26], *кейгӓннӓр* — литер. *кигӓннӓр* ‘надели’ [С: 19, 26, 29], *деймӓ* — литер. *димӓ* ‘не говори’ [С: 31], *ӓбей* — литер. *ӓби* ‘бабушка’ [С: 27], *сейрӓк* — литер. *сирӓк* ‘редки’ [С: 31], *килешмей* — литер. *килешми* ‘не подходят’ [С: 31], *бирешмей* — литер. *бирешми* ‘пренебрегают’ [С: 31], *эчейем* — литер. *эчим* ‘выпью’ [С: 32], *телеймен* — литер. *телим* ‘желаю’ [П], *тирлейем* — литер. *тирлим* ‘потею’ [С: 32], *шишейем* — литер. *чишим* ‘расстегну’ [С: 32], *тирлей-тирлей* — литер. *тирли-тирли* ‘потея’ [С: 32].

д) *ӧй* — литер. *и: жӧрӧй* — литер. *йөри* ‘ходит’ [С: 18].

По употреблению дифтонгов *-ыу, -еў, -ей* наблюдаем идентичную картину в текстах переводных миссионерских богослужебных книг. Примеры: *ышаныу* — литер. *ышану* ‘поверить’ [Евангелие: 21], *куркыу* — литер. *курку* ‘испуг’ [Евангелие: 22], *тыйыу* — литер. *тыю* ‘запрещать’ [Евангелие: 22], *ней* — литер. *ни* ‘что’ [Евангелие: 22], *бетмей* — литер. *бетми* ‘не заканчивается’ [ЧДК: 29], *кыуыб* — литер. *куып* ‘прогнав’ [Евангелие: 22], *ӓйтеу* — литер. *әйтү* ‘сказать’ [ЧДК: 28], *кыуат* — литер. *куәт* ‘сила, мощь’ [ЧДК: 30] и др.

Аналогичное явление сохранилось в говорах современных крещеных татар. Кроме дифтонгов, которые имеются в татарском литературном языке, употребляются дифтонги *-ыw, -еw, -ей*. Примеры: *ней* — литер. *ни* ‘что’, *бейем* — литер. *бием* ‘моя свекровь’, *үгей* — литер. *үги* ‘не родной’, *телей* — литер. *тели* ‘желает’, *эшләмей* — литер. *эшләми* ‘не работает’, *кейем* — литер. *кием* ‘одежда’, *тейеш* — литер. *тиеш* ‘должен’. Употребление дифтонга *ей* особенно характерно для говоров заказанских кряшен, т. е. мамадышских и лаишевских. В конце слогов и слов звукам литературного языка *у*, *ү* в говорах заказанских кряшен соответствуют дифтонги *-ыw*, *-еw,* например: *укыw* — литер. *уку* ‘учеба’, *тыwган* — литер. *туган* ‘родной, родственник’, *сыw* — литер. *су* ‘вода’, *китеw* — литер. *китү* ‘уйти’, *ыwтырма* — литер. *утырма* ‘не садись’, *җыw* — литер. *ю (йу)* ‘мой!’, *қыwақ* — литер. *куак* ‘кустарник’, *сылыw* — литер. *сылу* ‘стройный, красивый’ [Баязитова 1986: 56].

Таким образом, употребление дифтонгов *-ыу*, *-еў*, *-ей* в [С] соответствует богослужебным текстам и современным говорам заказанских кряшен, также оно представлено в диалектах пермских, сибирских, касимовских татар [Баязитова 1986: 56—57].

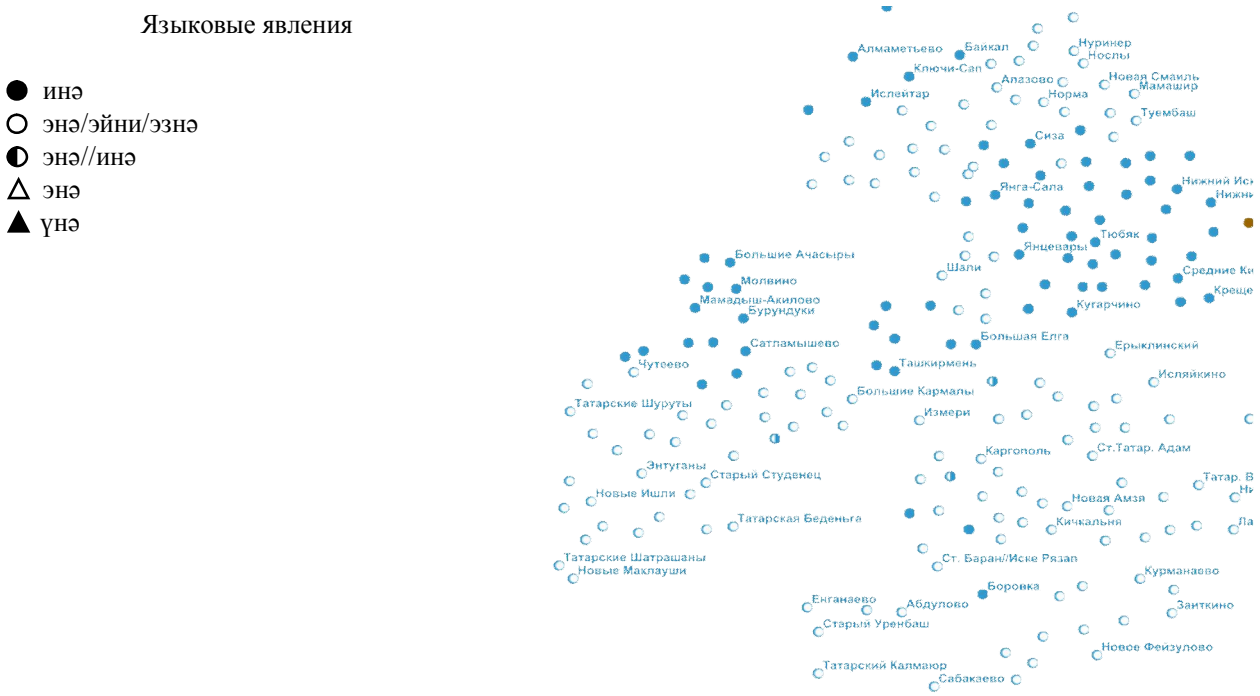
и в соответствии с литературным *е* (э)

В тексте сборника Емельянова [С] встречены написания *и* вместо литературного *е (э)*: *ирелӓрен* — литер. *эреләрен* ‘крупные’ [С: 13], *инӓ* — литер. *энә* ‘иголка’ [С: 21], *гўчтинӓченгӓ* — литер. *күчтәнәчеңә* ‘гостинцы’ [С: 28]. Последнее слово – русское заимствование, для которого в памятнике наблюдается менее адаптированнная, чем в литературном татарском, форма, а первые два относятся, видимо, к случаю специфической рефлексации пракыпчакского сочетания **ij-*, на который имеется карта № 15 в

[http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=15] АТНГ. См., например, [Дыбо 2013: 125] с реконструкцией **ijrig* или **iδrig* для «крупный»; ср. также кыпчакские формы слова «игла» типа *ijne*: казах. *ине* /əjne/ 'игла' (ср. *іні* /ənə/ 'младший брат'), кирг. *ийне*, алт. *ийне*.

Эта черта не зафиксирована нами в других кряшенско-татарских книгах, проанализированных нами ранее [Евангелие 1866; Словарь 1876; Словарь 1880; Требник 1881; ОП 1883; Учение 1897; Земная жизнь 1900; Евангелие 1908]. В мишарском памятнике есть внешне схожее явление, ср. примеры употребления графемы *и* в соответствие с лит. *е*, э: *Билдирирь* [Священная история 1862: 1] – лит. тат. *белдерер* ‘даст знать’, *устирирь* [Священная история 1862: 9] – лит. тат. *үстерер* ‘вырастит’, *битиргянь* [Священная история 1862: 9] — лит. тат. *бетергән* ‘уничтожил’. Эта особенность прослеживается во всей книге практически регулярно за исключением *е* в однослогах, например, в *эшь* – лит. тат. *эш* ‘работа’ [Священная история 1862: 46], и в формах слова *бер-* ‘один’: *берга* – лит. тат. *бергә* ‘вместе’ [Священная история 1862: 15], *берси* – лит. тат. *берсе* ‘один из них’ [Священная история 1862: 24]. В мишарском памятнике речь идет скорее о сохранении архаичного рефлекса ПТю **i* (без эффектов волго-уральского «перелома гласных»).

По данным Атласа татарских народных говоров явление *i*-образного отражения пракыпчакского сочетания **ij* характерно для мамадышского, дубъязского, лаишевского говоров Заказанья http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=15#.



Сравни мамадышский: *инə* — литер. *энə* ‘иголка’, *ире* — литер. *эре* ‘крупный’ [ТХС 2008: 1, 30].

у в соответствии с литературным *о*

Эти особенности отмечены в тексте [С]: *сунгы* — литер. *соңгы* ‘последний’ [С: 4], *сунгыннан* — литер. *соңыннан* ‘позже’ [С: 7], *нугытынг* — литер. *ногытың* ‘твой горох’ [С: 33], подобная рефлексация не была выявлена нами в других заказанских первых миссионерских книгах. Данное явление может быть сопоставлено с отмеченным соответствием для мишарской книги в статье [Норманская, Нуриева 2018: 105]: *кутылырсынъ* [Священная история 1862: 2] — литер. *котылырсың* ‘освободишься’, *турсын* [Священная история 1862: 1] — литер. *торсын* ‘пусть встает, живет’, *муны* [Священная история 1862: 1] — литер. *моны* ‘это’, *кушларъ* [Священная история 1862: 4] — литер. *кошлар* ‘птицы’. В современных говорах кряшен Нижнего Прикамья и нагайбаков литературному *о* соответствует *у*: *тукмач* — литер. *токмач* ‘лапша’, *бутка* — литер. *ботка* ‘каша’ [Баязитова 1986: 51]. Но все эти случаи относятся к рефлексам ПТю **u,* которое вследствие волго-уральского «перелома гласных» дает в литературном татарском, а также в среднем диалекте и в большинстве диалектов башкирского *у*, а в мишарском памятнике сохраняется, по-видимому, архаическое состояние. В случае же *суң, соң* мы имеем дело с ПТю **soŋ*, см. [Ахметьянов II: 168], для которого нуждается в объяснении сохранение *о* в литературном татарском (заимствование из чагатайского?). Тем не менее, именно это соответствие наблюдается

в современном мамадышском говоре, ср.: *суӊ* — литер. *соӊ* ‘поздно’, *суӊгы* — литер. *соӊгы* ‘последний’ [ТХС 2008: 1, 30].

Во всяком случае, в стихах поэта Я. Емельянова отражена реальная диалектная особенность, характерная и для современных диалектов этого ареала.

ы в соответствии с литературным *о*

В тексте анализируемого сборника [С] встречаются спорадически явления делабиализации: *быгаулар* — литер. *богаулар* ‘оковы’ [С: 22], *башырыб* — литер. *баш орып* ‘склонив голову’ [С: 4], *мыннан* — литер. *моннан* ‘отсюда’ [С: 7], *пышкырды* — литер. *пошкырды* ‘фыркнул’ [С: 14], *мында* — литер. *монда* ‘тут’ [С: 16, 23, 33]; *тылымын* — литер. *толымын* ‘косу’ [23].

Для указательных местоимений эта черта была отмечена в других кряшенских книгах, рассмотренных ранее. В ряде случаев (в корнях указательных местоимений) звуку [*о*] 1-го слога соответствует неогубленное [*ы*]: *былай* [Евангелие 1908: 36; Учение 1897: 37] — литер. *болай* ‘так, таким образом’, *мыны* [Евангелие 1908: 23; Учение 1897: 37] — литер. *моны* ‘так’. Делабиализация огубленного *о* является характерной особенностью мишарских говоров подберезинских и чистопольских кряшен, например, в подберезинском говоре *сылы* — литер. *солы* ‘овес’, *бырынгы* — литер. *борынгы* ‘древний’; в чистопольском говоре: *быдай* — литер. *бодай* ‘пшеница’ [Баязитов 1986: 54]. В современных мамадышском и лаишевском говорах это соответствие в атласе не зафиксировано, хотя ср. в заказанско-кряшенских говорах *мына*; *мынатыра*: *мынатыра бу карт сүләр сезгә* — литер. *моны бу карт сөйләр сезгә* ‘об этом расскажет вам этот старик’ [ТХС 2008: 96, 98]; в лаишевском тексте *мына* (2 р.): *мына труйсында зырлыйбыз инде* — литер. *моның турында җырлыйбыз инде* ‘поем об этом’ [ТХС 2008: 108].

Таким образом, анализ стихов Я. Емельянова показывает, что употребление *ы* в соответствии с *о* 150 лет назад встречалось не только в мишарских, но и в заказанских диалектах; такое употребление, по-видимому, встречается и в настоящее время.

Эпентеза

Эпентеза, или вставка гласных внутри слова, по мнению исследователя татар-кряшен Ф. С. Баязитовой, в говорах кряшен встречается чаще, чем в других говорах татарского языка: *күреше* — литер. *күрше* ‘сосед’, *карышы* — литер. *каршы* ‘напротив’, *җөремей* — литер. *йөрми* ‘не ходит’ и другие [Баязитова 1986: 54]. Вставка гласных внутри слова отмечена и в стихах Я. Емельянова, например: *карышы* — литер. *каршы* ‘противоположные’ [С: 31], *тизерӓк* — литер. *тизрәк* ‘быстрее’ [С: 33].

Выпадение гласных *ы*, *е*

В сборнике стихов Емельянова [С] подвержены выпадению (в специфических контекстах: взрывной + сонант, взрывной + сибилянт, сонант + сонант) гласные, которые соответствуют литер. татар. редуцированным *ы*, *е*: *блӓн* — литер. *белән* ‘с’ [С: 4, 8], *калтраб* — литер. *калтырап* ‘дрожа’ [С: 8], *ксӓмӓ* — литер. *кесәмә* ‘мой карман’ [С: 11, 12, 15, 17, 33], *мнӓ* — литер. *менә* ‘вот’ [С: 16, 11], *какна* — литер. *хакына* ‘из-за’ [С: 12], *блай* — литер. *болай* ‘так’ [С: 13], *утра* — литер. *утыра* ‘садиться’ [С: 13], *урны* — литер. *урыны* ‘место’ [С: 18, 19], *крӓшен* — литер. *керәшен* ‘кряшенский’ [С: 21], *брӓўне* — литер. *берәүне* ‘никого’ [С: 24, 35], *гна* — литер. *гына* ‘только’ [С:28] .

Это явление не было отмечено нами в заказанских миссионерских книгах, но часто встречается в мишарской: *блай* [Священная история 1862: 1] — литер. *болай* ‘так’, *кишлярга* [Священная история 1862: 1] — литер. *кешеләргә* ‘людям’, *брь* [Священная история 1862: 1] — литер. *бер* ‘один’, *блянь* [Священная история 1862: 2] — литер. *белән* ‘с’, *кряшинчя* [Священная история 1862: 2] — литер. *керәшенчә* ‘по-кряшенски’, *гна* [Священная история 1862: 1] — литер. *гына* ‘только’.

ж в соответствии с литературным *й*

К основным специфическим чертам кряшенских первых книг относится начальное жоканье. Оно характерно не только для заказанских, но и для мишарских книг. В текстах книг литературному *й*- в начале слова соответствует звонкий *җ*-, например: *жулында* [Священная история 1862: 3] — литер. *юлында* ‘на дороге (пути)’, *жиланъ* [Священная история 1862: 6] — литер. *елан* ‘змея’, *жюкли* [Священная история 1862: 7] — литер. *йөкле* ‘беременная’. Жоканье считается характерной особенностью заказанского говора среднего диалекта [Баязитова 1986: 62]. Сравни в Атласе: http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=33.

В сборнике [С] эта особенность представлена систематически во всех позициях, например, *жалан* — литер. *ялан* ‘всегда’ [С: 2]; *жаман* — литер. *яман* ‘скверный’ [С: 2], *жегет* — литер. *егет* ‘парень’ [П], *жөзөнä* — литер. *йөзенә* ‘на его лицо’ [С: 4], *жагымны* — литер. *ягымлы* ‘любезно’ [С: 4], *жакларлар* — литер. *якларлар* ‘поддержат’ [С: 5], *жарылсын* — литер. *ярылсын* ‘пускай растрескается’ [С:7], *жыгылмас* — литер. *егылмас* ‘не упадет’ [С: 8], *жукка* — литер. *юкка* ‘зря’ [С: 9, П], *жанымнан* — литер. *янымнан* ‘от меня’ [С: 9], *жаманныгынґны жарырмын* — литер. *яманлыгыңны ярырмын* ‘твое дурное расколю’ [С: 9], *жауызны* — литер. *явызны* ‘злодея’ [С: 10], *ул жан керен жыуыб ўтäдер* — литер. *ул җан керен юып үтәдер* ‘проникая отмывает грязь души’ [С: 10], *жул* — литер. *юл* ‘дорога’[С: 10], *жыуаныр* — литер. *юаныр* ‘утешится’ [С: 11].

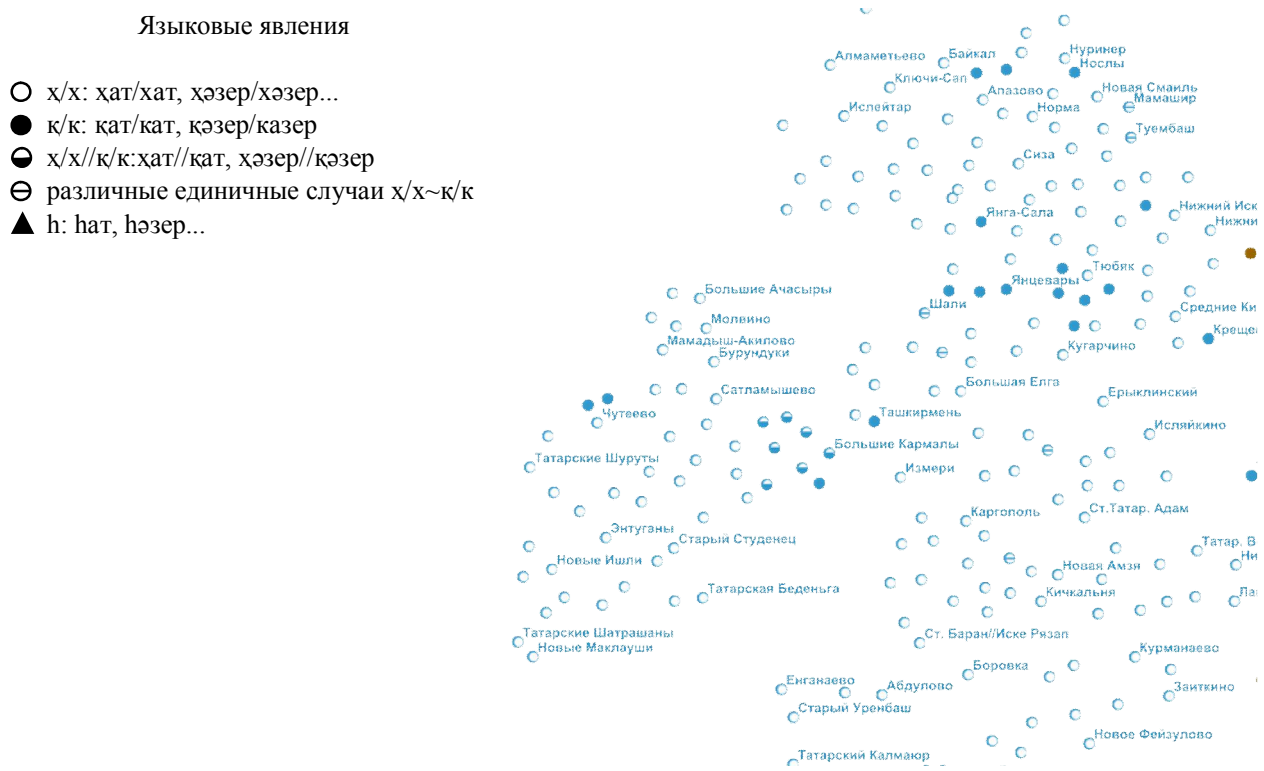
Для текстов переводов богослужебных книг также характерно явление жоканья: в большинстве случаев литературному *й* в начале и середине слова соответствует звонкий *ж*, например: *жәараулы* — литер. *яраклы* ‘пригодный’ [ЧДК: 4], *жәактыдан* — литер. *яктыдан* ‘света’ [ЧДК: 6], *жәратылган* — литер. *яратылган* ‘созданный’ [ЧДК: 6], *жәазык* — литер. *язык* ‘грех’ [ЧДК: 8], *жәазыб* — литер. *язып* ‘написав’ [ЧДК: 12], *жәолар* — литер. *йолыр* ‘искупит’ [ЧДК: 17], *жук* — литер. *юк* ‘нет’ [ЧДК: 18], *жана* — литер. *яңа* ‘новый’ [ЧДК: 15], *жәшерми* — литер. *яшерми* ‘не прячет’ [ЧДК: 19], *жарына* — литер. *ярына* ‘берегу’ [ЧДК: 36], *жул* — литер. *юл* ‘дорога’ [Евангелие: 36], *жакшы* — литер. *яхшы* ‘хорошо’[Евангелие: 37] и др. Лишь в редких текстах зафиксированы примеры с анлаутным *й*: *юрисен* — литер. *йөрисең* ‘ходишь’[ОП: 344], *іерлярга* — литер. *җирләргә* ‘в земли, страны’ [ОП: 344]. Эта особенность представлена и в [Словарь 1880]: *жыл* — литер. *ел* ‘год’; жылан — литер. *елан* ‘змея’.

Такие примеры по [ДС 2009] спорадически встречаются и в современных говорах среднего диалекта татарского языка: касимовском, дубъязском и мамадышском: ср. сред. *жылан* ‘змея’; касим. *жылау* ‘плакать’; дубъяз., мамадыш. *жылқы жыл* ‘год с теплой зимой’ и другие. По современным полевым данным, «полное жоканье» характерно для заказанских кряшенских говоров, в частности, мамадышского и лаишевского, см. http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3313/19304/perspective/3313/19305/view, http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3313/13940/perspective/3313/13941/view; анализ и карту № 3 в статье [Дыбо 2020: С. 706—708].

к в соответствии с литературным *х* в заимствованных основах

Активное употребление *к* вместо литературного *х* (явление, связанное с адаптацией заимствованной арабо-персидской лексики) в разной степени распространено во всех говорах татарского языка. Как отмечают татарские диалектологи, это явление особенно характерно для кряшено-татарских говоров среднего диалекта [Махмутова 1978: 89].

Данное соответствие характерно для всех групп кряшен, имеет место во многих говорах среднего и мишарского диалектов и говорах сибирских татар: http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=30.



Что касается употребления согласных ***к*** и ***х*** в сборнике [С], то здесь наблюдается активное использование Я. Емельяновым ***к*** вместо литературного ***х***, например, *катере* — литер. *хәтере* ‘память’ [С: 2], *калыклар* — литер. *халыклар* ‘народы’ [С: 5], *касерәте* — литер. *хәсрәте* ‘печаль’ [С: 6], *закмәттән* — литер. *зәхмәттән* ‘от страдания’ [С: 9], *курлармын* — литер. *хурлармын* ‘оскорблю’ [С: 9], *курларлар* — литер. *хурларлар* ‘опозорят’ [С: 9], *курлык* — литер. *хурлык* ‘позор’ [С: 10], *закмәтне* — литер. *зәхмәтне* ‘страдания’ [С: 10], *куш* — литер. *хуш* ‘прощай’ [С: 11], *какна* — литер. *хакына* ‘из-за’ [С: 12], *катынны* — литер. *хатынны* ‘жену’ [С: 13], *калкын* — литер. *халкын* ‘народ’ [С: 16].

Соответствие ***х*** ~ ***к*** наблюдается и в других переводных религиозных текстах. например: *курлый* — литер. *хурлый* ‘оскорбляет’ [Евангелие: 23], *катын* — литер. *хатын* ‘жена’ [ЧДК: 26], *калык* — литер. *халык* ‘народ’ [Евангелие: 41], *каста* — литер. *хаста* ‘больной’ [Евангелие: 21], *кызмят* — литер. *хезмәт* ‘труд’ [Евангелие: 21] и др. Соответствие ***х*** ~ ***к*** наиболее систематично наблюдается в кряшенских говорах и в говоре пермских татар [МТД 1962: 30].

0 в соответствии с литературным *h* в заимствованных основах

Звук *h* в современном татарском языке встречается только в заимствованных словах, а в говорах кряшен вовсе не употребляется. Действительно, в рассматриваемом памятнике фарингальный согласный *h* в начале слов выпадает. Например: *әр* — литер. *hәр* ‘каждый’ [С: 2, 5, 6, 10, 21, 25], *ич бер чакта* — литер. *hич бер чакта* ‘никогда’ [С: 2, 7, 8, 12].

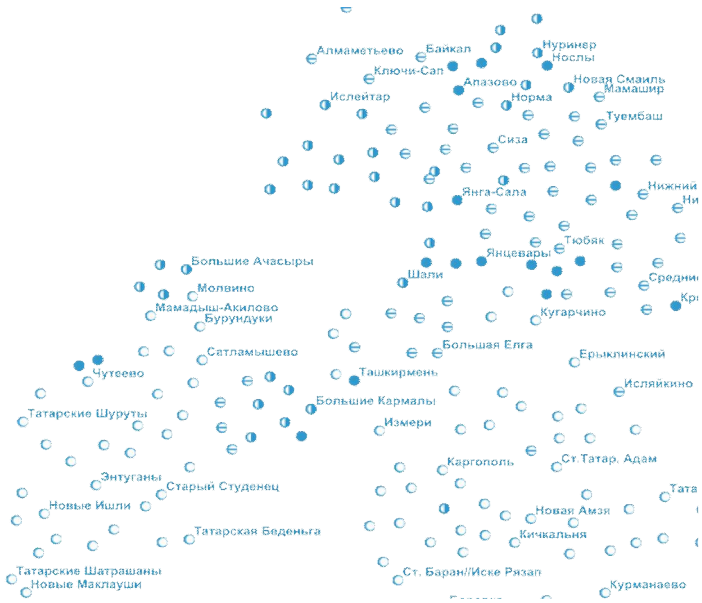
Подобное языковое явление наблюдается и в других кириллических книгах: *әр* — литер. *hәр* ‘каждый’ [ЧДК: 7], *ич-кем* — литер. *hичкем* ‘никто’ [ЧДК: 17], *ичтя* — литер. *hичтә* ‘никак’ [ЧДК: 20], *ава* — литер. *hава* ‘погода’ [Евангелие: 39], *әммя* — литер. *hәммә* ‘все’ [Евангелие: 37] и др.

Фарингальный звук *h* в анлауте арабских заимствований в современных говорах кряшен всегда опускается [ТХС 2008: 95]. В Атласе татарских народных говоров эта особенность не отражена.

п в соответствии с литературным *ф* в заимствованных основах

В тексте анализируемого поэтического сборника [С] губно-зубной щелевой звук *ф* в арабо-персидских заимствованиях заменяется смычным согласным *п*: *пайда* — литер. *файда* ‘польза’ [С: 15], *көпөрлөк* — литер. *көферлек* ‘богохульство’ [С: 23], *пәриштәң* — литер. *фәрештәң* ‘ангел’ [С: 34]. Это явление встречается и в других первых кириллических книгах: *пәриштя* — литер. *фәрештә* ‘ангел’ [ЧДК: 32], *пайдасыз* — литер. *файдасыз* ‘бесполезный’ [Евангелие: 44]

В настоящее время аналогичное соответствие в основном характерно для речи старшего поколения в определенных районах, см. http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=65.



б в соответствии с литературным *в* в заимствованных основах:

В тексте [С] соответствие *б* ~ *в* встречается в арабских заимствованиях: *багыты* — литер. *вакыты* ‘время’ [С: 5, 10], *багытта* — литер. *вакытта* ‘время’ [С: 10], *кайбан* — литер. *хайван* ‘животное’ [С: 34].

В кириллической мишарской книге в аналогичных заимствованиях представлено такое же соответствие: *багытта* — литер. *вакытта* ‘время’ [Священная история 1862: 1], *хайбаннаръ* — литер. *хайваннар* ‘звери’ [Священная история 1862: 5]. Можно отметить, что аналогичные примеры зафиксированы в говоре заказанских кряшен: *багыт* — литер. *вакыт* ‘время’ [ТХС 2008: 95]. Такое соответствие имеет место и в говорах среднего диалекта, цокающих говорах мишарского диалекта, главным образом в речи старшего поколения [Махмутова 1978: 72].

б в соответствии с литературным *п*

По всему тексту книги [С] в показателе деепричастия форма с соответствием *-б* (литературный *-п*) встречается системно, примеры: *сыгылыб, башырыб калыгыз* — литер. *сыгылып, баш орып калыгыз* ‘оставайтесь прогнувшись, склонив голову’ [С: 4], *биренеб* — литер. *бирелеп* ‘усердно’ [С: 5], *диб* — литер. *дип* ‘сказав’ [С: 6], *каушатыб* — литер. *каушатып* ‘смутившись’ [С:8], *шаулаб* — литер. *шаулап* ‘бурно’ [С: 8], *ыулаб* — литер. *улап* ‘зазывая’ [С: 8], *каушаб, калтраб жыгылмас* — литер. *каушап, калтырап егылмас* ‘смутившись, дрожа не упадет’ [С: 8], *короб* — литер. *корып* ‘воздвигая’ [С: 9], *кўреб* — литер. *күреп* ‘увидев’ [С: 11], *абтраб* — литер. *аптырап* ‘в недоумении’ [С: 12], *арыб* — литер. *арып* ‘устав’ [С: 14], *жирәнеб басыб* — литер. *җирәнеп басып* ‘сдавливая брезгуя’ [С: 21], *шаркылдаб көлөп* — литер. *шаркылдап көлеп* ‘хохоча’ [С: 7, 22], *басыб* — литер. *басып* ‘сдавливая’ [С: 22] и др. Также с *-б* на конце выписывается арабское заимствование (*жауаб* — литер. *җавап* ‘ответ’ [С: 21]) и односложные тюркские корни, оканчивавшиеся на **-р* (*чўб* — литер. *чүп* ‘мусор’ [С: 17], *кўб* — литер. *күп* ‘много’ [С: 31], *табмыйсыҥ* — литер. *тапмыйсың* ‘не находишь’ [С: 21]) и др.

Эта черта характерна и для других кириллических книг на татарском, казахском и башкирском языках [Евангелие 1908; Священная история 1862; Шаймердинова 2016: 129—132; Дыбо, Норманская 2016: 144; Норманская, Каримова, Экба 2017: 49]; пока неясно, соответствует ли это какой-то фонетической реальности или же чисто орфографический прием.

н в соответствии с литературным *л*

В текстах стихотворений в [С] после носовых согласных переднеязычный *л* подвергается прогрессивной ассимиляции, например, в аффиксах *-ла*, *-лә*, *-лы*, *-ле*, *-лар*: *саннар* — литер. *санлар* ‘почитать’ [С: 4], *саннагыз* — литер. *санлагыз* ‘уважайте’ [С: 2], *аҥнагыз* — литер. *аңлагыз* ‘поймите’ [С: 2], *тыҥнагыз* — литер. *тыңлагыз* ‘слушайте’ [С: 2], *жагымны* — литер. *ягымлы* ‘любезно’ [С: 4], *саннау* — литер. *санлау* ‘уважение’ [С: 4], *саннаучы* — литер. *санлаучы* ‘уважающий’ [С: 4], *аҥҥарлар* — литер. *аңларлар* ‘поймут’ [С: 5], *даннарлар* — литер. *данларлар* ‘прославят’ [С: 5], *даннарга* — литер. *данларга* ‘прославлять’

[С: 6], *женне* — литер. *җенле* ‘бесноватый’ [С: 18], *аңнатыб биргäч* — литер. *аңлатып биргәч* ‘после объяснения’ [С: 21], *жангышларын* — литер. *ялгышларын* ‘ошибки’ [С: 26], *жүннäб* — литер. *юньләп* ‘старательно’ [С: 33].

Ассимиляция ***н*** ~ ***л*** наблюдается и в других заказанских и мишарских переводных религиозных текстах: *былар ирле* ***катынны*** *икесе дя* — литер. *булар ирле-**хатынлы** икесе дә* ‘эти двое муж и жена’ [Земная жизнь: 6]; *исерткеч* ***эчемнек*** *эчмяскя тейеш* — литер. *исерткеч* ***эчемлек*** *эчмәскә тиеш* ‘не должен пить спиртное’ [Земная жизнь: 7]; *жирдян арь тюрлю три* ***жаннык*** *чыксын* — литер. *җирдән һәр төрле тере* ***җанлы*** *чыксын* ‘пусть из земли поднимутся живности’ [Священная история 1862: 5]

Данное соответствие редко встречается в татарских говорах, но оно характерно для говоров кряшен Заказанья и нагайбаков [ТХС 2008: 127; 159], ср. http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=55; также ср. подробный разбор явления в [Норманская, Гаджиева 2020] и в [Дыбо и др. 2020:1422—1424; карта 5]

Итак, в результате анализа графико-фонетических особенностей в тексте стихотворений Я. Емельянова в сравнении с богослужебными переводными текстами и современными диалектами выявлены следующие типы особенностей:

1) есть в других заказанских первых книгах и есть в современном мамадышском и лаишевском говорах: а) ***ж*** *в соответствии с литературным* ***й***; б) ***к*** *в соответствии с литературным* ***х***; в) ***п*** *в соответствии с литературным* ***ф***; г) ***б*** *в соответствии с литературным* ***п***; д) ***н*** *в соответствии с литературным* ***л***; е) *губная гармония*; ж) *употребление дифтонгов*;

2) есть в других заказанских первых книгах, но нет в современном мамадышском и лаишевском по Атласу; однако есть по материалам [ТХС 2008]: а) ***ы*** *в соответствии с литературным* ***о***;

3) нет в других заказанских книгах, но есть в мишарских и в современных мамадышском, дубъязском, лаишевском говорах: а) ***б*** *в соответствии с литературным* ***в***; б) ***и в*** *соответствии с литературным* ***е*** (***э***); в) ***у*** *в соответствии с литературным* ***о***;

4) не отмечено в совр. мамадышском, нет в заказанских первых книгах, но есть в первых мишарских книгах и современных диалектах: а) *выпадение гласных* ***ы, е***.

Подводя итог рассмотрения графико-фонетических особенностей текстов Якова Емельянова, можно отметить, что его книга несколько отличается от первых заказанских переводов богослужебной литературы, рассмотренных нами ранее, ср. [Нуриева 2015; Норманская, Нуриева 2017], в которых не были отмечены особенности 3–4 типов. Все эти особенности характерны для первой книги на мишарском диалекте [Священная история 1862]. Но, в отличие от нее, черты 3-го и 4-го типов в стихах Якова Емельянова встречаются весьма редко и спорадически, а в [Священная история 1862] они представлены регулярно. Следует также отметить, что особенности 3-го типа представлены в современном мамадышком и лаишевском говорах. Таким образом, по большинству графико-фонетических особенностей поэзия Якова Емельянова совпадает с современными говорами того региона, где он родился и жил.

Морфологические особенности

Морфологические особенности языка Я. Емельянова, отличающие его от татарского литературного языка, полностью соответствуют современным диалектам заказанских татар-кряшен.

Аффиксы родительного падежа

В качестве характерных черт говора заказанских кряшен, зафиксированных в сборнике [С], можно отметить аффиксы родительного падежа *-нын*, *-нен* в именах существительных и местоимениях. Примеры: *Ашыңнын тäмен белмäсен* — литер. *Ашыңның тәмен белмәсен* ‘Пусть не знает вкус твоей пищи’ [С: 34]. *Уйсыз ирнен ауызыннан* — литер. *Уйсыз ирнең авызыннан* ‘Изо рта бездумного мужчины’ [С: 19]. *Безнен жакка чäйнеңчүбен жöклäб-жöклäб тарата* — литер. *Безнең якка чәйнеңчүбен йөкләп-йөкләп тарата* ‘Чайный мусор в нашу сторону загружая отправляет’ [С: 16] и др.

Родительный падеж на *-нын*, *-нен* характерен и для заказанских богослужебных книг*: Шушы* ***кечкенялярнен*** *öйрянеүчелеге какына бер гня сауыт салкын сыу эчерткян кеше ...сауабын алмый калмас* — литер. *Шушы кечкенәләрнең өйрәнүе өчен бер генә савыт салкын су эчерткән кеше савабын алмый калмас ‘тому, кто напоит стаканом холодной воды маленьких обучающихся воздастся’* [Евангелие 1908: 29]; *җазыклы* ***кешелярнен*** *дусы* — литер. *языклы* ***кешеләрнең*** *дусты* ‘друг грешних людей’ [Евангелие 1908: 31]; ***кюкнен, жирнен*** *Ходайы* — литер. ***күкнең, җирнең*** *Ходае* ‘Бог неба и земли’ [Евангелие 1908: 31]; ***бакчанын*** *арь брь агачыннан жимишь алыбъ аша* — литер. ***бакчаның*** *һәрбер агачыннан җимеш алып аша* ‘ешь яблоко с каждого дерева’ [Земная жизнь1900: 7].

По [Баязитова 1986: 75], [ТХС 2008: 97] такие показатели родительного падежа свойственны всем говорам кряшен, ср. в Атласе http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=54.

Аффикс 1 л. ед. ч. будущего времени

В спряжении будущего времени на *-р*, *-ар*, *-әр* в тексте стихотворений глаголы первого лица единственного числа имеют аффикс *-ым*, *-ем* (вместо литературного *-мын*, *-мен*). Примеры: *тоймастын тартыб* ***жыгарым*** *диб* — литер. *тоймастан тартып егармын дип.* ‘сказав, уроню незаметно’ [С: 9]; *жарар, бәбкәм,* ***барым*** — литер. *ярар, бәбкәм, барырмын* ‘ладно, дитя, пойду’ [С: 28].

Эта черта была отмечена в других кряшенских книгах: *кюктяге Атам алдында әйтеб* ***белдерем***— литер. *күктәге Атам алдында әйтеп* ***белдерермен*** ‘перед небесным Отцом выскажу’ [Евангелие 1908: 29]; *мин сезне* ***тынычландырым*** — литер. *мин сезне тынычландырырмын* ‘я вас успокою’ [Евангелие: 31].

В [Баязитова 1986: 95], [ТХС 2008: 100] отмечается, что это явление характерно и для современных кряшенских говоров, например: *мин* ***барым*** — литер. *барырмын* ‘я пойду’. Но в речи среднего поколения и моложе под влиянием литературного языка может употребляться и форма *-мын*, ср. [Махмутова 1978: 144].

Аффиксы инфинитива

В тексте стихотворений зафиксированы две формы инфинитива. Наряду с наиболее частотной формой на *-рга*, характерной и для татарского литературного языка, например, *ашарга жибәреб алдырдык* — литер. *ашарга җибәреп алдырдык* ‘чтобы покушать заказали’ [С: 12], в 2 словоформах зафиксирован аффикс инфинитива на *-мага*: *байга бардым алмага* — литер. *байга бардым алырга* ‘пошел получить к богачу’ [С: 11]; *артыкларны салмага* — литер. *артыкларны салырга* ‘лишнее класть’ [С: 12].

По [Баязитова 1986: 119—120], инфинитив *-мага* характерен как для некоторых говоров кряшен, так и для касимовского, параньгинского, заказанского, карино-глазовского говоров среднего диалекта и диалекта пермских татар, ср. карту http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=90, где эта форма представлена на западе распространения мишарских говоров, в касимовском, бастанском, куршинском, нукратском, параньгинском, частично в дубъязском, балтачском говорах татарского языка. Ограниченное употребление отмечено и на территории распространения бугурусланского говора (Оренбуржье).

По данным карты, инфинитив *-мага* не встречается в современных мамадышском и лаишевском говорах, но, по материалам [ТХС 2008: 33], присутствует в определенных выражениях: *алмага килдем* — литер. *алырга килдем* ‘пришла забрать’. Это может свидетельствовать о том, что форма из этих говоров постепенно исчезает – в стихах Якова Емельянова она регистрируется всего 2 раза. Ср., впрочем, данные об употребительности ее в современных (точнее, 2-й половины XX в.) заказанских кряшенских говорах в [ТХС 2008: 103].

Значимым является и использование в стихах Я. Емельянова формы *-рга* в соответствии с литературным татарским именем действия на *-у*, *-ү* в дательном падеже (*-га*), например: *мин* ***кайтырга*** *самауар куй* — литер. *мин кайтуга самавыр куй* ‘сказал, поставь самовар к моему приходу’ [С: 12]; *мин* ***кайтырга*** *самауар бик шатырдаб кайнаган* — литер. *мин кайтуга самовар бик шатырдап кайнаган* ‘к моему приходу самовар с треском закипел’ [С: 12]. Эта черта по [Баязитова 1986: 119], [ТХС 2008: 103] является важной диалектной особенностью говора заказанских кряшен.

Итак, видно, что морфологический строй языка стихотворений Я. Емельянова очень близок к современному татарскому литературному языку, а все отличия характерны для мамадышского и лаишевского кряшенских говоров татарского языка.

Лексика

Лексика языка сборника [С], в основном, совпадает с лексикой татарского литературного языка, однако есть специфические особенности, как было отмечено выше, по нашим подсчетам они малочисленны (90 лексических единиц) и в большинстве своем зафиксированы по [ДС 2009] в кряшенских говора заказанского диалекта. Приведем некоторые примеры, указывая на параллели в мамадышском:

— *жалан* [С: 4, 24] — мамад. *җалан* ‘постоянно’ [ДС 2009: 178] — литер. *һәрвакыт*: *Үгетен* ***жалан*** *тыңнагыз* ‘Слушайте его наставления **постоянно**’ — литер. *Үгетен* ***һәрвакыт*** *тыңлагыз* ‘Слушайте его наставления **каждый раз**’ [С: 4]. *Көн дя ызгыш,* ***жалан*** *әр* ***жебкертте*** *инде жанымны* ‘Каждый день

ссоры, постоянные руганья, **излохматили** мою душу’ [С: 24] — литер. *Көн дә ызгыш,* ***һәрвакыт*** *әрләшү* ***телгәләде*** *инде җанымны* ‘Каждый день ссоры, постоянные руганья, **ранили** мою душу’ [С: 24].

— *инәл* [С: 24] — мамад. *инәлү* ‘умолять’ [ДС 2009: 211] — литер. *ялын*: *Кайгыр, көйөн. Интек,* ***инәл*** ‘Переживай, печалься. Мучайся, **умоляй**’ — литер. *Кайгыр, көен. Интек,* ***ялын*** ‘Переживай, печалься. Мучайся, **умоляй**’ [С: 24].

— *кнäген* [С: 25] — мамад. *кенәген* 'вчера' [ДС 2009: 298] — литер. *кичә*: ***Кнäген*** *ўлде бер тауык, бөгөн берсе чирләгән, син аней сизмәсең, безнен кläулäр кирелägän* ‘**Вчера** умерла одна курица, сегодня одна заболела, ты, мама, не чувствуешь, наши желания обернулись вспять’ — литер. ***Кичә*** *үлде бер тавык, бүген берсе чирләгән, син, әни, сизмисең, безнең теләкләр кабул булмаган* ‘**Вчера** умерла одна курица, сегодня одна заболела, ты, мама, не чувствуешь, наши желания не сбылись’ [С: 25].

Интересно, что графический облик арабо-персидских заимствований в стихах Я. Емельянова часто отличается от литературного. Кроме уже описанных выше различий, это следующие:

а) употребление *а* в соответствии с лит. *ә*: *катер* — литер. *хәтер* ‘память’ [С: 5], *касрät* — литер. *хәсрәт* ‘горе’ [С: 6, 25], *закмят* — литер. *зәхмәт* ‘порча’ [С: 9, 10, 19]; *хальфа* — литер. *хәлфә* ‘учитель’ [С: 20], *казер* — литер. *хәзер* ‘сейчас’ [С: 16, 29], *жаза* — литер. *җәза* ‘наказание’ [С: 21], *хайла* — литер. *хәйлә* ‘хитрость’ [С: 21], *ракмät* — литер. *рәхмәт* ‘спасибо’ [С: 28, 32], .

б) другие отличия гласных: *гўмер* — литер. *гомер* ‘жизнь’ [С: 4], *кäдер* — литер. *кадер* ‘уважение’.

В целом, такая адаптация заимствований характерна и для других первых кириллических книг, и для современных кряшенских диалектов.

Заключение

Анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей текстов поэтического сборника [С] священника Якова Емельянова, родившегося в Лаишевском уезде и проживавшего на момент создания стихов в Мамадышском уезде Казанской губернии, показывает, что текст весьма близок к богослужебным и учебным первым кириллическим книгам, написанным на татарском языке. С точки зрения наличия сингармонизма в большинстве слов с *о*, *ö* в первом слоге [С] наиболее близок книгам [Словарь 1876; Требник 1881], системы которых были разобраны в [Норманская, Нуриева 2018]. Но есть ряд особенностей, пока не выявленных нами в заказанских миссионерских книгах: а) *б* в соответствии с литературным *в*, б) *и* в соответствии с литературным *е* (э); в) *у* в соответствии с литературным *о*; г) выпадение гласных *ы, е*. Учитывая, что черты, перечисленные в пунктах а), б), в), характерны для современных мамадышского и лаишевского говоров, мы предполагаем, что эти особенности реально присутствовали в речи носителей-кряшен в XIX в., но были нивелированы в миссионерских книгах, а в стихах Якова Емельянова представлены реальные разговорные варианты слов того времени.

С точки зрения морфологических отличий от литературного татарского языка говор стихов Якова Емельянова также близок к мамадышскому и лаишевскому говорам. С точки зрения лексических особенностей стихи Якова Емельянова также представляют ценный источник по мамадышскому и лаишевскому говорам татарского языка.

В настоящее время, к сожалению, не удается точно определить, какой говор, мамадышский или лаишевский, лег в основу стихов (поскольку по имеющимся диалектологическим источникам сложно выяснить различия этих говоров). Возможно, дальнейшие полевые исследования позволят выявить более полный список различий между ними, соотнести их с текстом стихов Якова Емельянова и уточнить диалектную принадлежность текста.

Сокращения

С – Стихи на крещено-татарском языке Я. Емельянова
П – Письма Я. Емельянова В. Тимофееву и Н. Ильминскому
сред. – средний диалект татарского языка
касим. – касимовский говор среднего диалекта татарского языка
дубъяз. – дубъязский говор среднего диалекта татарского языка
мамадыш. – мамадышский говор среднего диалекта татарского языка
ПТю — пратюркский язык

Литература

Баженов, 1847 — *Баженов Н.* Казанская история: в 3-х частях. Казань, 1847. {*Bazhenov N.* History of Kazan: in 3 parts. Kazan, 1847.}

Баязитова 1986 — *Баязитова Ф. С.* Говоры татар-крящен в сравнительном освещении. М., 1986. {*Bayazitova F. S.* Subdialects of the Kryashen Tatars in comparative coverage. M., 1986.}

Баязитова, Хайбуллина 2013 — *Баязитова Ф. С.*, *Хайбуллина Г. Х.* Язык и культура: Этнолингвистические и этноконфессиональные особенности татарских говоров Западного Закамья Татарстана. Казань, 2013. {*Bayazitova F. S., Khaybullina G. Kh.* Language and Culture: Ethnolinguistic and ethno-confessional features of the Tatar subdialects of Western Zakamye of Tatarstan. Kazan, 2013.}

Баязитова 1997 — *Баязитова Ф. С.* Крәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола иҗаты. (Кряшены. Языковые особенности и обряды). Казан, 1997. {*Bayazitova F. S.* Kryashen Tatars. Linguistic features and ceremonies. Kazan, 1847.}

Воробьев 1953 — *Воробьев Н. И.* Казанские татары. Казань, 1953. {*Vorobyev N. I.* Kazan Tatars. Kazan, 1953.}

ДС 1969 — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969. {Dialectological dictionary of the Tatar language. Kazan, 1969.}

ДС 2009 — Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан, 2009. {Dialectological dictionary of the Tatar language. Kazan, 2009.}

Дыбо 2020 — *Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Айбазова З. К., Зимин М. М., Коровина Е. В., Мальцева В. С., Мудрак О. А., Ренковская Е. А., Савельев А. В., Хисамов О. Р., Шаров А. В., Шеймович А. В.* Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // Oriental Studies. 2020, 13 (3). С. 696—713. {*Dybo A. V., Abubakirova L. F., Aibazova Z. K., Hisamov O. R., Korovina E. V., Maltseva V. S., Mudrak O. A., Renkovskaya E. A., Savelyev A. V., Sharov A. V., Sheimovich A. V., Zimin M. M.* Some New Results in the Genealogical Classification of Turkic Dialects: 'Cases of Affricates' // Oriental Studies. 2020, 13(3). P. 696—713.}

Дыбо и др. 2020 — *Дыбо А. В., Абубакирова Л. Ф., Зимин М. М., Коровина Е. В., Кочакаева З. К., Шаров А. В.* Еще раз о формах показателя множественного числа в тюркских языках. *Oriental Studies*. 2020, 13 (5). С. 1415—1437. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437 {*Dybo A. V., Abubakirova L. F., Kochakaeva Z. K., Korovina E. V., Sharov A. V., Zimin M. M.* Once Again about Allomorphism of the Plural -*lar* in Turkic Languages // Oriental Studies. 2020, 13(5). P. 1415—1437. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1415-1437}

Дыбо, Норманская 2016 – *Дыбо А. В., Норманская Ю. В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 138—153. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V.* First Cyrillic books in Kazakh language as sources for studying the history of dialects and creating a literary norm // Ural-Altaic Studies. 2016, 4(23). P. 138—153.}

Евангелие 1866 – Святое Евангелие Господа нашего Иисуса Христа на народно-татарском языке. Казань, 1866. {Holy Gospel of Our Lord Jesus Christ in Tatar. Kazan, 1866.}

Евангелие 1908 — Святое Евангелие господа нашего Иисуса Христа на татарском языке. Казань, 1908. {Holy Gospel of Our Lord Jesus Christ in Tatar. Kazan, 1908.}

Ешевский 1900 — *Ешевский С. В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 202—362. {*Yeshevsky S. V.* Works on Russian History. Moscow, 1900. P. 202—362.}

Җәләй 1954 — *Җәләй Л.* Татар теленең урта диалекты буенча монография (*Заляй Л.* Монография по среднему диалекту татарского языка). Казан, 1954. {*Zalay L.* Monograph on the average dialect of the Tatar language. Kazan, 1954.}

Земная жизнь 1900 — Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Казань, 1900. {The earthly life of our Lord Jesus Christ. Kazan, 1900.}

Загидуллин 2014 — *Загидуллин И. К.* Татарское национальное движение в 1860—1905 гг. Казань, 2014. {*Zagidullin I. K.* Tatar national movement in 1860—1905. Kazan, 2015.}

Загидуллина 2013 — *Загидуллина Д. Ф.* Просветительство и татарская литература // История татар с древнейших времен. Т. VI. Казань, 2013. {*Zagidullina D. F.* Education and Tatar literature // History of the Tatars from ancient times. Vol. VI. Kazan, 2013.}

Ильминский 1892 — *Ильминский Н. И.* Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892. {*Ilminsky N. I.* Selected parts from pedagogical essays. Kazan, 1892.}

Ильминский 1887 — *Ильминский Н. И.* Казанская центральная крещено-татарская школа. Материалы для истории христианского просвещения крещенных татар. Казань, 1887. {*Ilminsky N. I.* Kazan central Krayshen-Tatar school. Materials for the History of Christian education of Christianized Tatars. Kazan, 1887.}

Ильминский 1884 — *Ильминский Н. И.* К истории инородческих переводов. Казань, 1884. {*Ilminsky N. I.* To the History of non-Slavic translagtions. Kazan, 1884.}

Ильминский 1883 — *Ильминский Н. И.* Опыты переложения христианских вероучительских книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1883. {*Ilminsky N. I.* The experiences of translating Christian teaching books into Tatar and other foreign languages at the beginning of this century. Kazan, 1883.}

Ильминский 1869 — *Ильминский Н. И.* Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. {*Ilminsky N. I.* Collection of documents and articles on the issue of the non-Slavic education. St. Petersburg, 1869.}

Исхаков 2015 — *Исхаков Р. Р.* Православные религиозные институты кряшен (крещеных татар) Волго-Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в. // Грамота. Тамбов, 2015. 11 (61). С. 71—74. {*Iskhakov R. R.* Orthodox religious institutes of Kryashen (Christianized Tatars) of the Volga-Ural region in the second half of the 19th and early 20th centuries // Gramota. Tambov, 2015. 11(61). P. 71—74.}

Малов 1872 — *Малов Е. А.* Очерк религиозного положения крещеных татар, подвергшихся влиянию магометанство (миссионерский дневник). Казань, 1872. {*Malov E. A.* Essay on the religious situation of Christianized Tatars influenced by Mohammedanism (missionary diary). Kazan, 1872.}

Махмутова 1978 — *Махмутова Л. Т.* Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М., 1978. {*Mahmutova L. T.* A study in Turkic dialects (the Mishar dialect of Tatar). Moscow, 1978.}

Машанов 1875 — *Машанов М. А.* Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещенных татар Казанской губернии Мамадышеского уезда, Казань, 1875. {*Mashanov M. A.* Article on the religious and moral condition of the Christianized Tatars of the Kazan province of Mamadysh district. Kazan, 1875.}

Миллер 1791 — *Миллер Г.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. {*Miller G.* Description of pagan peoples living in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyakov. St. Petersburg, 1791.}

МТД 1962 — Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. {Materials on Tatar dialects. Kazan, 1962.}

Мухаметшин 1977 — *Мухаметшин Ю. Г.* Татары-кряшены. М., 1977. {*Mukhametshin Yu. G.* Tatar-Kryashens. Moscow, 1977.}

Никольский 1905 — *Никольский Н. В.* Переводческая комиссия в Казани и просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905. {*Nikolsky N. V.* Translation commission in Kazan and educational activities among non-Slavic population. Kazan, 1905.}

Норманская, Гаджиева 2020 — *Норманская Ю. В., Гаджиева А. А.* Как изменилась форма показателя множественного числа в тюркских языках за последние 150 лет // Oriental Studies. 2020, 13 (4). С. 1121—1134. {*Normanskaya Yu. V., Gadzhieva A. A.* How has the plural form changed in Turkic languages over the past 150 years // Oriental Studies. 2020. 13(4). P. 1121—1134.}

Норманская, Каримова, Экба 2017 — *Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Экба З. Н.* В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке // Урало-алтайские исследования. 2017, 2 (25). С. 46—52. {*Normanskaya Yu. V. Karimova R. N., Ekba Z. N.* V. V. Katarinsky — the author of the first Cyrillic book in Bashkir language // Ural-Altaic Studies. 2017, 2(25). P. 46—52.}

Норманская, Нуриева 2018 — *Норманская Ю. В., Нуриева Ф. Ш.* Диалектные особенности первых кириллических книг на татарском языке // Вопросы тюркской филологии. Вып. 12. 2018. С. 95—111. {*Normanskaya Yu. V., Nurieva F. Sh.* Dialectal features of the first Cyrillic books in the Tatar language // Questions of Turkic philology. Vol. 12. 2018. P. 95—111.}

Нуриева 2015 — *Нуриева Ф. Ш.* Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015, 2 (17). С. 67—74. {*Nurieva F. Sh.* Dialectal basis of the books in “Kresheno-Tatar” language of the second half of the 19th century // Ural-Altaic studies. 2015, 2(17). P. 67—74.}

Нуриева 2017 — *Нуриева Ф. Ш.* Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования. 2017, 3 (26). С. 167—179. {*Nurieva F. Sh.* The language monument of the dialect of Sergach Mishars: the text of the 19th century confession // Ural-Altaic Studies. 2017, 3(26). P. 167—179.}

ОП 1883 — Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Материал для истории православного русского миссионерства. Казань: Типография императорского ун-та,1883. {A record of translating the Christian books of creed in Tatar and other non-Russian languages in the beginning of the present century. Materials for the history of the Orthodox Russian missionary work. Kazan: Imperial University press, 1883.}

Перетяткович 1882 — *Перетяткович Г. И.* Поволжье в XVII—в начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. {*Petryatkovich G. I.* The Volga region in 17th and at the beginning of 18th centuries (Essays from the history of the colonization of the region). Odessa, 1882.}

Рыбушкин 1849 — *Рыбушкин М.* . Краткая история города Казани. Казань, 1849. {*Rybushkin M. S.* A brief history of the city of Kazan. Kazan, 1849.}

Рычков 1762 — *Рычков П. И.* Топография Оренбургская, то есть: областное описание Оренбургской губернии, сочиненное колледжским советников и императорской академией наук корреспондентом Петром Рычковым: в 2-х ч. СПб., 1762. {*Rychkov P. I.* The Orenburg topography, that is: a regional description of the Orenburg province, composed by college advisers and the imperial academy of sciences, correspondent Peter Rychkov, in 2 parts. St. Petersburg, 1762.}

Рычков 1896 — *Рычков П. И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. {*Rychkov P. I.* History of Orenburg on the establishment of the Orenburg province. Orenburg, 1896.}

Священная история 1862 – Священная история от сотворения мира до кончины Иосифа по книге Бытия, изложенная на народном татарском языке. Казань, 1862. {Sacred history from the creation of the world to the death of Joseph according to the book of Genesis, set out in the folk Tatar language. Kazan, 1862.}

Словарь 1876 — Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии. Составитель Николай Остроумов. Казань, 1876. {The first experience of the dictionary of the folk Tatar language on the reprimand of the baptized Tatars of the Kazan province. Compiled by Nikolay Ostroumov.}.

Словарь 1880 — Словарь татарского языка. Казань, 1880. {Tatar language dictionary. Kazan, 1880.}

Соловьев 1851—1879 — *Соловьев С. М.* История России с древних времен: в 6 книгах. СПб., 1851—1879. {*Solovyev S. M.* History of Russia from ancient times in 6 books. St. Petersburg, 1851—1879.}

Требник 1881 — Требник на татарском языке. Казань, 1881. {Trebnik in Tatar language. Kazan, 1881.}

ТХС 2008 — Татар халык сөйләшләре. Беренче китап. (Говоры татарского народа. Первая книга). Казан, 2008. {Tatar people subdialects. Second edition. Kazan, 2008.}

ТЭС 1999 — Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. {Tatar encyclopedic dictionary. Kazan, 1999.}

Учение 1897 — Чын ден княгясе. (Учение о православной вере). Казань, 1897. {Studies on The Orthodox faith. Kazan, 1897.}

ЧДК 1897 — Чын ден княгясе. (Учение о православной вере). Казань, 1897. {Чын ден княгясе. Doctrine of the Orthodox faith. Kazan, 1897.}

Чернышев 1971 — *Чернышев Е. Н.* Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Вып. 1. Казань, 1971. {*Chernyshev E. N.* Kazan Khanate Villages // Questions of ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region. Vol. 1. Kazan, 1971.}

Шаймердинова 2016 — *Шаймердинова Н. Г.* Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX — начала XX вв. // Урало-алтайские исследования. 2016, 4 (23). С. 128—137. {*Shaymerdinova N. G.* Analysis of the system of consonants in Kazakh monuments of the late 19th — early 20th centuries // Ural-Altaic Studies. 2016, 4(23). P. 128—137.}

Wolgatatarische Dialektstudien 1988 — Wolgatatarische Dialektstudien. Textkritische Neuausgabe der Originalsammlung von G. Bálint 1875—76. Herausgegeben von Á. Berta. Oriental Studies 7. Budapest, 1988.

Concordance of the book of Jakov Emelyanov “Стихи на крещено-татарском языке”: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3914/1/perspective/3914/2/publish.

Электронный атлас татарских народных говоров: http://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=2.

DOI: 10.37892/2500-2902-2021-43-4-124-148

И. А. Хомченкова, Д. О. Жорник

Именное сочинение и комитативные конструкции в северных диалектах мансийского языка

Хомченкова Ирина Андреевна, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (Москва); irina.khomchenkova@yandex.ru
Жорник Дарья Олеговна, ИЯз РАН, НИУ ВШЭ (Москва); daria.zhornik@yandex.ru

В данной работе описывается именное сочинение и комитативные конструкции в северных диалектах мансийского языка. Мы рассматриваем следующие сочинительные показатели: аддитивная единица *os* ‘ADD’, лексема *tuwəl* ‘затем’, а также показатель -*ɣ* ‘DU’. Мы также рассматриваем комитативный послелог *jot* ‘COM’ и показатель инструментального падежа -(*ə*)*l*, -*təl*. Мы показали, что единицы *os* и *tuwəl* не накладывают ограничения на количество и части речи конъюнктов и могут сочинять существительные с модификаторами. В некоторых идиолектах базовой союзной стратегией сочинения ИГ является использование *tuwəl*, в то время как *os* более ограничен и в первую очередь используется в качестве аддитивной частицы. Двойной дуалис может сочинять только две ИГ без модификаторов. Его основной функцией является сочинение симметричных пар объектов, часто встречающихся вместе (например, мать и отец, дочь и сын). Послелог *jot* употребляется в собственно комитативной конструкции, а также в актантной, сочинительной и инклюзорной конструкциях. В некоторых идиолектах он также употребляется в копредикативных конструкциях. Дистрибуция падежного показателя инструменталиса в комитативной функции сильно ограничена: он употребляется только в сочинительных и инклюзорных конструкциях. В этом случае перед ним может присоединяться посессивный показатель двойственного числа, который отсылает к референтам обеих ИГ. Также, в отличие от послелога *jot*, инструменталис не может присоединяться к местоимениям. В сочинительных комитативных конструкциях с помощью рассматриваемых единиц можно сочинить менее симметричные пары объектов, часто встречающиеся вместе (например, мать и дочь).

Ключевые слова: комитатив, сочинение, двойственное число, именная морфология, мансийский язык, обско-угорские языки, финно-угорские языки

NOMINAL COORDINATION AND COMITATIVE CONSTRUCTIONS IN NORTHERN MANSI

Irina A. Khomchenkova, Vinogradov Russian Language Institute of RAS, Lomonosov Moscow State University, Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage” (Moscow); irina.khomchenkova@yandex.ru
Daria O. Zhornik, Institute of Linguistics of RAS, HSE University (Moscow); daria.zhornik@yandex.ru

The paper describes coordinating and comitative constructions in Northern Mansi. It examines the following coordinating markers: the additive item *os* ‘ADD’, the lexeme *tuwəl* ‘then’, and the marker -*ɣ* ‘DU’ as well as the comitative postposition *jot* ‘COM’ and the instrumental marker -(*ə*)*l*, -*təl*. It shows that the items *os* and *tuwəl* do not impose restrictions on the number and part-of-speech attribution of conjuncts and can coordinate nouns with modifiers. In some idiolects, the basic NP coordinating strategy is to use *tuwəl*, while *os* is more restricted and primarily used as an additive particle. The double dual marker can only coordinate two NPs without modifiers. Its main function is to coordinate symmetrical pairs denoting objects that often occur together (e.g., mother and father, daughter and son). The postposition *jot* is used in the genuine comitative construction as well as in the actant, coordinating, and inclusory constructions. In some idiolects, it is also used in copredicative constructions. The distribution of the instrumental case marker in the comitative function is very limited: it is only used in coordinating and inclusory constructions. In this case, it can be preceded by the dual possessive marker, which refers to both NPs. Furthermore, unlike the postposition *jot*, the instrumental case marker cannot be attached to pronouns. In coordinating comitative constructions, these markers can coordinate less symmetrical pairs denoting objects that often occur together (for example, mother and daughter).

Keywords: comitative, coordination, dual, noun morphology, Mansi, Ob-Ugric languages, Finno-Ugric languages

Работа над статьей поддержана грантом РНФ №19-78-10139 «Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири» (рук. Д. А. Рыжова)

1. Введение

В данной работе будут описаны комитативные и сочинительные конструкции (в первую очередь рассматриваются случаи сочинения ИГ) в северных диалектах мансийского языка. Мансийский язык (< ОБСКО-УГОРСКИЕ < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ) распространен на территории ХМАО-Югры и Свердловской области и насчитывает около 1000 носителей (938 по переписи 2010 года). В тексте настоящей статьи под наименованием «мансийский язык» мы будем понимать лишь северную группу его диалектов, поскольку остальные диалектные группы на данный момент уже не имеют живых носителей. Основные данные для статьи получены в ходе анкетирования[1] трех носителей верхнелозьвинского диалекта родом из д. Тресколье (двое носителей женского пола в возрасте 29 и 34 лет, один носитель мужского пола в возрасте 24 лет). Помимо этого, материалы для нашего исследования взяты из корпуса текстов (53 332 словоупотребления), собранных в ходе экспедиций Д. О. Жорник, С. В. Покровской и В. С. Харитонова к носителям верхнелозьвинского диалекта в дд. Ушма и Тресколье Ивдельского района Свердловской области в 2017—2019 гг. Также использовались данные из словаря верхнелозьвинского диалекта [Бахтиярова, Динисламова 2016], тексты (преимущественно верхнелозьвинские) из архива В. Н. Чернецова (дела 40, 49, 50, 51), примеры из корпуса Ob-babel[2], грамматик и других работ по мансийскому языку. Помимо верхнелозьвинских данных, мы учитываем и материалы других северных диалектов мансийского языка — сосьвинского и сыгвинского (Березовский район ХМАО-Югры).

Согласно [Stassen 2000: 4], соединение именных групп может происходить с помощью сочинительной (*Маша и Петя пришли*) и комитативной стратегии (*Маша пришла с Петей*). Предложение содержит соединение именных групп, если оно описывает единичное событие, заявленное одновременно для двоих участников, которые мыслятся как отдельные индивиды. Так, Л. Стассен рассматривает примеры, приведенные выше, но не рассматривает предложения типа *Маша пришла, и Петя пришел*, где описывается два события, и *Мои друзья пришли*, где к референтам ИГ *мои друзья* не происходит отсылки по отдельности.

Именные группы, соединяемые с помощью сочинительной стратегии, выполняют одинаковую синтаксическую функцию, и (в типичном случае) образуют единую составляющую и вызывают множественное (или двойственное в языках с двойственным числом) согласование предиката. При комитативной стратегии две ИГ (центральная и комитативная) выполняют различные синтаксические функции (структурный ранг[3] центральной ИГ выше комитативной), они не образуют единую составляющую, а согласование предиката контролируется только центральной именной группой.

К сочинительным показателям в мансийском языке относятся аддитивная единица *os* ‘ADD’ (1), единица *tuwəl* ‘затем’, ‘потом’ (2), а также двойной показатель двойственного числа *-ɣ*[4] ‘DU’ (3).

(1) *am* ***os*** *kūt'uw-əm* *akw-tōriɣ* *juw* *joxt-əs-amēn*[5]
1SG ADD собака-POSS.1SG один-период домой прийти-PST-1DU
‘Я и моя собака одновременно вернулись домой’. [Ромбандеева 1973: 199]

(2) *Ам* *апщи-рищ-ан-ум* ***тувыл*** *ейрищ-ан-ум* *пуссын* *ānум-ныл* *мāн-ит*
1SG младший_брат-PEJ-PL-POSS.1SG затем младшая_сестра-PL-POSS.1SG весь 1SG.OBL-ABL маленький-PL
‘Все мои братья и сестры младше меня’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 33]

(3) *ēkwa-**ɣ*** *ōjka-**ɣ*** *ōl-ē-ɣ*
женщина-DU мужчина-DU быть-NPST-3DU
‘Мужчина с женщиной живут-поживают’. [Корпус: AVN_SP_160818_kukkuk]

---

[1] Мы выражаем благодарность В. С. Харитонову за помощь в сборе материала для настоящего исследования.

[2] http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=all_mansi_corpus&subnavi=corpus_pub/

[3] Структурный ранг ИГ соответствует позиции на иерархии Subj (субъект) > DO (прямой объект) > IO (непрямой объект) > Obl (косвенный объект), см., например, [Comrie, Keenan 1979].

[4] Фонема <ɣ> в верхнелозьвинском диалекте мансийского языка в своем фонетическом выражении у большинства носителей слилась с фонемой <j>, и обе они чаще имеют поверхностную реализацию в виде звука [j]. Тем не менее, для сохранения смыслоразличительной функции в нашей системе записи на данный момент мы продолжаем использовать <ɣ> в тех случаях, где эта фонема присутствует диахронически. В статье приведена фонематическая система записи, разработанная в ходе экспедиций к носителям верхнелозьвинского диалекта мансийского языка.

[5] Примеры из источников приводятся с сохранением их системы записи, глоссирование унифицируется по используемой нами системе. Мы указываем конкретный диалект мансийского языка, если он был указан в цитируемой нами работе. Примеры, полученные при опросе носителей, приводятся без помет; примеры из корпуса помечаются, и приводится название текста.

Также сочинение может происходить с помощью соположения (4) и сочинительного союза *i* ‘и’ (5), заимствованного из русского языка, однако мы не рассматриваем эти стратегии в данной работе.

(4) *xum-it nē-t n'āwram-ət jīkw-ēɣ-t jalpəŋ xōtal-t*
мужчина-PL женщина-PL ребенок-PL танцевать-NPST-3PL святой день-LOC
‘Мужчины, женщины, дети танцуют на празднике’.

(5) *ōl-s-ət ɛān' āɛ **i** kit saw-əŋ n'āwram-iɣ*
быть-PST-3PL мать отец и два лень-PROP ребенок-DU
‘Жили мать, отец и двое ленивых детей’. [AEJ_SP_070818_kukkuk]

К комитативным показателям относятся послелог *jot* ‘COM’ (6) и показатель инструментального падежа -(*ə*)*l*, -*təl* (7).

(6) *matum-nuw ēlmxōlas-t tōnt sāw ōl-əs taj*
старший-CMPR человек-PL тогда много быть-PST[3SG] это
*xotjut janiɣ xōtpa **jot** min-ēɣ-um tōnt*
кто большой личность COM пойти-NPST-1SG тогда
‘Старших людей тогда больше было, с кем-нибудь повзрослее пойду тогда’. [ASN_DZh_SP_310717_sujwatpaul]

(7) *an χum ɻaɣ-āɣi-tēn-**təl** ōl-è-ɻ*[Y]
один мужчина старший-сестра-POSS.3DU-INS жить-NPST-3DU
‘Один мужчина со старшей сестрой живет’. [Архив В. Н. Чернецова, дело 50: 1]

Кроме того, комитативные отношения могут выражаться с помощью единиц *tāɣəl* ‘полностью’ (8), а также *lūt* ‘все прочее’ в сочетании с инструментальным падежом (9). Как показал предварительный анализ примеров с этими единицами, с семантической точки зрения они отличаются от прототипических комитативных показателей, и их подробное описание выходит за рамки текущего исследования.

(8) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
*tār-əŋ **tāɣl** nōx=xart-s-an-e*
корень-PROP полностью вверх=тянуть-PST-PL.O-3SG.S
‘Он вытащил их с корнем’. [Сайнахова 1966: 137]

(9) *taw laj sāli-t pussən taw taj-ap-as-an-e ēlmxōlas-e **lūt-e-təl***[6]
3SG DISC олень-PL весь 3SG съесть-PFV-PST-PL.O-3SG.S человек-POSS.3SG все_прочее-POSS.3SG-INS
‘Он, говорит, оленей всех съел, вместе с людьми’. [ASN_SP_060218_menkvy]

Ранее в мансийском языке для соединения ИГ, обозначающих человеческие отношения (‘друг’, ‘супруг’, ‘брат’), был также употребителен «социативный» показатель -*n'ɛ* (10), см. [Murphy 1968: 42]. В прочих грамматиках и корпусах информации об этом показателе не нашлось. Опрошенные нами носители подтвердили существование такого показателя, однако, в отличие от (10), они допускают лишь единственное число на глаголе, а не двойственное (11). Этот показатель мы также в данной работе далее рассматривать не будем.

(10) *akw ōjka āɣi-**n'ɛ** juw ɛalt-s-iɣ*
один мужчина дочь-SOC домой зайти-PST-3DU
‘Мужчина с дочерью зашли в дом’. [Murphy 1968: 42]

(11) *ɛān' āɣi-**n'ɛ** joxt-əs / *joxt-əs-iɣ*
мать дочь-SOC прийти-PST[3SG] прийти-PST-3DU
‘Мать с дочерью пришла’.

Структура данной работы устроена следующим образом. В части 2 мы сообщим краткие сведения об именной морфологии мансийского языка. Часть 3 посвящена сочинительным показателям, а часть 4 — комитативным. В части 5 будут подведены итоги.

---

[6] Отметим, что употребление инструменталиса без единицы *lut* ‘все прочее’ невозможно в контексте (i); таким образом, комитативное значение привносит их сочетание.

(i) **taw sāli-t pussən taj-ap-as-an-e ēlmxōlas-e-**təl** / ēlmxōlas-t-**əl***
3SG олень-PL весь съесть-PFV-PST-PL.O-3SG.S человек-POSS.3SG-INS человек-PL-INS
Ожидаемое значение: ‘Он всех оленей съел вместе с людьми’.

2. Краткие сведения об именной морфологии

Основные именные словоизменительные категории в мансийском языке — это число, посессивность и падеж. В мансийском языке существуют граммемы единственного, двойственного и множественного числа, при этом единственное число имени не получает специального маркирования, а показатели двойственного и множественного числа имеют различный облик в зависимости от того, предшествуют ли они показателям посессивности: -(*ə*)*t* ‘PL’ и -(*i*)*ɣ* ‘DU’ в обычном случае и -(*a*)*n* ‘PL’ -(*a*)*ɣ* ‘DU’ в посессивных формах, ср. *xāp-ət* ‘лодка-PL’, *xāp-iɣ* ‘лодка-DU’ и *xāp-an-um* ‘лодка-PL-POSS.1SG’, *xāp-aɣ-um* ‘лодка-DU-POSS.1SG’.

Показатели посессивности представлены в количестве девяти, что соответствует комбинаторным вариантам трех граммем лица и трех граммем числа, см. таблицу 1.

Таблица 1. Посессивные показатели в мансийском языке

Лицо обладателя	Число обладателя		
	SG	DU	PL
1	*um*	*mēn*	(*u*)*w*
2	*ən*	(*ē*)*n*	(*ē*)*n*
3	(*t*)*e*	(*t*)*ēn*	*anəl*

В мансийском языке представлено шесть падежных граммем, и основные алломорфы падежных показателей представлены в таблице 2. Каждое значение падежа, помимо «номинатива», может быть выражено по крайней мере с помощью двух показателей, состоящих в алломорфических отношениях. Вопрос выбора алломорфа требует дальнейшего изучения: в данной ситуации наблюдается не только фонетическое (например, алломорф инструменталиса *-əl* встречается после основ на согласный, а *-l* — после основ на гласный) и морфологическое (алломорф инструменталиса *-təl* на сегодняшний день встречается только после посессивных показателей, хотя раньше картина распределения алломорфов была более сложной, см. [Murphy 1960: 39—40]) распределение, но и некоторые более сложные механизмы. Так, алломорфы показателей латива и локатива могут встречаться в разных контекстах и/или у разных носителей в сочетании с одной и той же основой.

Таблица 2. Падежная система мансийского языка

Падеж	Показатель	Пример склонения	
Номинатив	–	*xāp*	‘лодка’
Латив (LAT)	*-n, -na*	*xāp-**n***	‘в лодку’
Локатив (LOC)	*-t, -ta*	*xāp-**t***	‘в лодке’
Аблатив (ABL)	*-nəl, -əl*	*xāp-**nəl***	‘из лодки’
Инструменталис (INS)	*-l, -əl, -təl*	*xāp-**əl***	‘на лодке, лодкой’
Транслатив (TRANS)	*-ɣ, -iɣ*	*xāp-**iɣ***	‘(стать) лодкой’

Порядок следования аффиксов в именной словоформе следующий: число-посессивность-падеж, см., например: *xāp-aɣ-anəl-n* (лодка-DU-POSS.3PL-LAT) ‘в их (многих) две лодки’, *xāp-an-um-t* (лодка-PL-POSS.1SG-LOC) ‘в моих (многих) лодках’.

3. Сочинительные показатели

Как было отмечено во введении, сочинение именных групп в мансийском языке может происходить с помощью единицы *os* ‘ADD’, лексемы *tuwəl* ‘затем’, ‘потом’ и двойного показателя двойственного числа -*ɣ* ‘DU’. К сочинительной стратегии можно также отнести случаи «сочинительных» комитативных конструкций типа *Маша с Петей пришли*, поскольку в этом случае согласование происходит «по сумме» двух ИГ, которые образуют единую составляющую. Мы рассмотрим сочинительные комитативные конструкции в части 4.2.3.

Конструкции с показателями *os* ‘ADD’, *tuwəl* ‘затем’ и -*ɣ* ‘DU’ являются сочинительными с синтаксической точки зрения, поскольку на них распространяется островное ограничение сочиненной структуры (Coordinate Structure Constraint, [Ross 1967]): синтаксические операции (например, фокусирование, топикализация, релятивизация и т. д.) не могут примениться только к одному из конъюнктов. Так, в (12) во-

просительный вынос возможен с комитативным послелогом (12а), но не с сочинительными конструкциями (12б), (12в). Аналогичным образом ситуация обстоит в (13): релятивизация одного из конъюнктов невозможна (13б), (13в), в отличие от комитативной группы (13а).

(12) а. *xot'ut* ***jot*** *joxt-əs* *pēt'a*?
кто COM прийти-PST[3SG] Петя
б. **pēt'a* ***os*** / ***tuwəl*** *xot'ut joxt-əs-iɣ?*
Петя ADD затем кто прийти-PST-3DU
в. **pēt'a*(-***ɣ***) *xot'ut-iɣ joxt-əs-iɣ?*
Петя-DU кто-DU прийти-PST-3DU
'С кем пришел Петя?'

(13) а. *am at wā-ɣ-l-um* *āɣi*, *xoti* *ūn't'a* ***jot*** *joxt-əs*
1SG NEG знать-NPST-SG.O-1SG.S девочка который Андрей COM прийти-PST[3SG]
б. *⟨…⟩ *āɣi*, *xoti*(-***ɣ***) *ūn't'a-ɣ* *joxt-əs-iɣ*
девочка который-DU Андрей-DU прийти-PST-3DU
в. *⟨…⟩ *āɣi*, *xoti* ***os*** / ***tuwəl*** *ūn't'a* *joxt-əs-iɣ*
девочка который ADD затем Андрей прийти-PST-3DU
'Я не знаю девочку, которая пришла с Андреем'.

Мы рассмотрим следующие характеристики, которые могут отличаться у разных сочинительных показателей и прежде не описывались на материале мансийского языка:

— количество конъюнктов, см., например, [McNally 1993: 351];
— одушевленность референтов ИГ, см. [Haspelmath 2004: 12];
— употребление в позиции косвенного объекта, см., например, [McNally 1993: 352];
— допустимость использования с другими частями речи, см. [Haspelmath 2004: 10];
— возможность интерсективной интерпретации конъюнктов, см., например, [Wälchli 2005: 76]. Так, в предложении *Петя — типолог, пианист и спортсмен* три ИГ характеризуют Петю (интерсективное сочинение), а в предложении *Типолог, пианист и спортсмен заходят в бар* эти же три ИГ характеризуют трех различных людей (неинтерсективное сочинение);
— наличие зависимых (ср. понятия естественного и случайного сочинения [Wälchli 2005]. В первом случае конъюнкты могут представлять собой «сложное слово» (coordinative compound), в связи с чем мы можем ожидать ограничения на наличие зависимых).

В части 3.1 мы опишем свойства конструкций с единицами *os* 'ADD' и *tuwəl* 'затем', а в части 3.2 — конструкции с двойным показателем двойственного числа.

3.1. Единица *os* 'ADD' и лексема *tuwəl* 'затем', 'потом'

В некоторых работах единица *os* трактуется как частица, которая может использоваться в качестве союза, имеющего соединительную и противительную функции [Сайнахова 1966: 216—219]. Мы не будем проводить такого разделения и просто опишем ее функции.

Основная функция единицы *os* — выражение аддитивных значений, как в (14), а именно добавление аддитивной пресуппозиции (предикация верна как минимум для одной альтернативы единицы, маркированной аддитивным показателем, см., например, [Krifka 1998]). Так, в этом примере к ассерции относится утверждение 'на улице ничего не было', а к аддитивной пресуппозиции — 'не на улице ничего не было'. В [Сайнахова 1966: 217] эта функция называется «присоединительной», свойственной единице *os* как союзу.

(14) *kon* *kwāl-s* *nēmatər* ***os*** *āt'im*
снаружи выйти-PST[3SG] PRON.NEG.что.INDEF ADD NEG.EX
'Он вышел на улицу, там тоже ничего не было' (букв. 'нет'). [Kannisto 1956: 44], цит. по [Сайнахова 1966: 218]

Также в [Сайнахова 1966: 217] отмечается «усилительная функция» единицы *os* как частицы, которая проиллюстрирована в (15).

(15) *am jot-um* *taw mowint-i* *man* ***os*** *jonɣ-i*
1SG COM-POSS.1SG 3SG смеяться-NPST[3SG] Q ADD играть-NPST[3SG]
'Он смеется надо мной или же играет со мной?' [Liimola 1951: 76], цит. по [Сайнахова 1966: 217]

Единица *os* имеет контрастивное употребление (16), также типичное для аддитивных показателей (см., например, [Forker 2016: 75]). В [Сайнахова 1966: 218] эта функция называется «противительной» и относится к союзным.

(16) *ti lūpta-t taj* ***os*** *laxs-ət*
этот цветок-PL это ADD гриб-PL
‘Это цветы, а это грибы’.

Лексема *tuwəl* имеет значение ‘затем’, ‘потом’, см., например, словарный вход [Бахтиярова, Динисламова 2016: 105], которое проиллюстрировано в (17)—(19). Заметим, что *tuwəl* не может быть зависимым глагола, как в примере (20); в этом случае употребляется лексема *jotəl* ‘потом’.

(17) *xōsa sak-əs, sak-əs* ***tuwəl*** *uɛ ta nōx*
длинный кряхтеть-PST[3SG] кряхтеть-PST[3SG] потом только PTCL вверх
tot-n-ut-e ālm-əs-t-e
нести-PTCP-вещь-POSS.3SG поднять-PST-SG.O-3SG.S
‘Долго кряхтел, кряхтел, затем только смог поднять свою ношу’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 105]

(18) *maːnawn anʲ maːnki maːxm-an-uw oːwəltit matər potər xans-uŋkʷe*
1PL.LAT сейчас 1PL people-PL-POSS.1PL о что-то рассказ писать-INF
eːr-is, ***tuwəl*** *potr-uw nʲemʲetskʲij laːtŋ-əɣ tolmasʲil-aŋkwe os*
надо-PST[3SG] потом рассказ-POSS.1PL немецкий язык-TRANS переводить-INF ADD
taːnanəl-n lowinʲt-aŋkwe eːr-əs
3PL.OBL-LAT читать-INF надо-PST[3SG]
‘Мы должны были сами написать рассказ о своем народе, потом перевести свой рассказ на немецкий и прочитать им’. [Ob-babel: Northern Mansi, 1231: 32]

(19) *ta poːxan min-as. xoːntl-aŋkʷe* ***tuwəl*** *pat-s-ət*
PTCL прочь идти-PST[3SG] воевать-INF потом начать-PST-3PL
‘Она прочь ушла. Тогда они сражаться начали’. [Ob-babel: Northern Mansi, 1237: 110—111]

(20) *am tija jotəl* / ****tuwəl*** *wār-ēɣ-um*
1SG это потом затем делать-NPST-1SG
‘Я сделаю это потом’.

Обсудим сочинительные функции единиц *os* и *tuwəl*. Возможность сочинения составляющих с помощью единицы *tuwəl* не была описана в грамматиках, в отличие от единицы *os*. На ее соединительное значение приводятся примеры с сочинением глагольных групп и клауз, а также групп с числительными (21).

(21) СЫГВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
āt'a-m tit sāt ***os*** *xūrum sort al-as*
отец-POSS.1SG два сто ADD три шука добыть-PST[3SG]
‘мой отец добыл двести три щуки’ (букв. ‘двести и три’). [Сайнахова 1966: 218]

В [Ромбандеева 1973: 199] встречаются примеры на сочинение ИГ с помощью единицы *os*. В [Murphy 1968: 147] также отмечено, что *os* может использоваться в качестве сочинительного союза, однако эта возможность связывается с русским влиянием. Согласно нашим данным, не все носители используют единицу *os* для сочинения конъюнктов; в некоторых идиолектах возможно лишь ее употребление для выражения «противительных», «усилительных» и «аддитивных» (= ‘тоже’) значений. Более того, возможно сочетание *tuwəl os*[7] (22). Далее при обсуждении союзных функций единицы *os* мы приводим примеры из идиолектов, в которых она может употребляться в качестве союза.

(22) *ɛān'-um* ***tuwəl*** / ***os*** / ***tuwəl os*** *āɛ-um wōr-na min-as-iɣ*
мать-POSS.1SG потом ADD потом ADD отец-POSS.1SG лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Мои мать и отец пошли в лес’.

У единиц *os* и *tuwəl* нет ограничений на количество конъюнктов: так, в (23) и (24) соответственно они сочиняют три ИГ. Наиболее допустимым вариантом оказывается их употребление только перед последним конъюнктом.

[7] На данный момент неизвестно, является ли это сочетание составным союзом.

(23) *jēn'a* (??***os***) *ūn't'a* ***os*** *iєpan* *joxt-əs-ət*
Женя ADD Андрей ADD Степан прийти-PST-3PL
‘Женя, Андрей и Степан пришли’.

(24) *jēn'a* (??***tuwəl***) *ūn't'a* ***tuwəl*** *iєpan* *joxt-əs-ət*
Женя затем Андрей затем Степан прийти-PST-3PL
‘Женя, Андрей и Степан пришли’.

Рассматриваемые единицы не имеют ограничений и на одушевленность референтов соединяемых ИГ, ср. допустимость их использования при сочинении неодушевленных объектов:

(25) *Мōлты* *ты-т* *та-кем* *сāв* *пил* ***ос*** *лāхыс* *яный-м-āл-ыс*
прошлый этот-LOC тот-APPR много ягода ADD гриб большой-VBZ-ASP-PST[3SG]
‘В прошлом тут столько много ягод и грибов росло’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 65]

(26) *am* *taŋx-ēɣ-um* *jowt-uŋkw* *kasaj* ***tuwəl*** *sāɣrap*
1SG хотеть-NPST-1SG купить-INF нож затем топор
‘Я хочу купить нож и топор’.

Структурные позиции также не накладывают ограничений на употребление единиц *os* и *tuwəl*. Так, они могут сочинять ИГ не только в субъектной позиции, но и, например, в позиции прямого (27) и косвенного объекта: см. примеры с послелогом (28) и падежным показателем аблатива (29)[8].

(27) *am* *jēn'a* ***os*** / ***tuwəl*** *ūn't'a* *n'an'-əl* *mi-s-aɣ-um*
1SG Женя ADD затем Андрей хлеб-INS дать-PST-DU.O-1SG.S
‘Я дала Жене и Андрею еду (букв. «одарила Женю и Андрея едой»)’.

(28) *am* *an'* *min-ēɣ-um* *maša* ***os*** / ***tuwəl*** *waєa* *palt*
1SG сейчас пойти-NPST-1SG Маша ADD затем Вася к
‘Я сейчас пойду к Маше с Васей’.

(29) *am* *jēn'a-nəl* ***os*** / ***tuwəl*** *ūn't'a-nəl* *xot=oj-as-um*
1SG Женя-ABL ADD затем Андрей-ABL от=сбежать-PST-1SG
‘Я убежал от Жени с Андреем’.

Единицы *os* и *tuwəl* сочиняют не только ИГ с вершинным существительным, но и местоимения (30), прилагательные (31) и глаголы (32).

(30) *am* ***os*** / ***tuwəl*** *taw* *joxt-əs-mēn*
1SG ADD затем 3SG прийти-PST-1DU
‘Я и он пришли’.

(31) *taw* *xoram-əŋ* ***os*** / ***tuwəl*** *nomt-əŋ* *āɣi*
3SG красота-PROP ADD затем ум-PROP девушка
‘Она красивая и умная девушка’.

(32) *taw* *ūnl-i* ***os*** / ***tuwəl*** *jūnt-i*
3SG сидеть-NPST[3SG] ADD затем шить-NPST[3SG]
‘Она сидит и шьет’.

Сочиненные ИГ могут интерпретироваться неинтерсективно, как, например, в (25)—(29), где происходило сочинение двух отдельных сущностей. Однако возможна и интерсективная интерпретация[9],

[8] Мы не приводим примеры на позицию непрямого объекта по двум причинам. Во-первых, в иерархии доступности (см. [Comrie, Keenan 1979]) косвенный объект находится правее прямого и непрямого объекта, поэтому отсутствие ограничений в позиции косвенного объекта позволяет не приводить примеры на позиции левее его. Во-вторых, позиция непрямого объекта представляет собой отдельную проблему, поскольку предложения типа рус. ‘Я дал Васе книгу’ будут переводиться на мансийский язык конструкциями вида «Я одарил Васю книгой», см., например, (27), т. е. предполагаемый при взгляде на русский стимул непрямой объект оказывается в мансийском предложении прямым объектом.

[9] Отметим, что предложения такого типа оцениваются как неестественные, притом что их грамматическая приемлемость не вызывает сомнений.

как в (33): и ИГ *rumam* ‘мой друг’, и ИГ *wōrajan xum* ‘охотник’ отсылают к одному человеку — Жене (ср. также обсуждение интерсективного и неинтерсективного сочинения в [Wälchli 2005: 76]).

(33) *jēn'a ruma-m* ***os*** / ***tuwəl*** *wōr-aj-an* *xum* *wōr-na min-as*
Женя друг-POSS.1SG ADD затем лес-VBZ-NMZ/PTCP мужчина лес-LAT пойти-PST[3SG]
‘Женя, охотник и мой друг, ушел в лес’.

Обе рассматриваемые единицы могут сочинять существительные с зависимыми, см., например, (34), где происходит сочинение двух существительных, модифицированных прилагательными. Отметим, что если перед двумя сочиняемыми существительными стоит одно прилагательное, то оно может модифицировать только первый конъюнкт (35). Для того, чтобы прилагательное относилось к обоим существительным, его необходимо повторить дважды.

(34) *xoram-əŋ piɣ-riє* ***os*** / ***tuwəl*** *nomt-əŋ āɣi* *joxt-əs-iɣ*
красота-PROP сын-PEJ ADD затем ум-PROP девушка прийти-PST-3DU
‘Красивый мальчик и умная девочка пришли’.

(35) *xoram-əŋ piɣ-riє* ***os*** / ***tuwəl*** *āɣi* *joxt-əs-iɣ*
красота-PROP сын-PEJ ADD затем девушка прийти-PST-3DU
‘Красивый мальчик и девочка пришли’.
*‘Красивые мальчик и девочка пришли’.

Аналогичным образом, числительное[10], расположенное перед двумя конъюнктами, модифицирует лишь первый конъюнкт:

(36) *at piɣ-riє* ***os*** / ***tuwəl*** *āɣi* *joxt-əs-ət*
пять сын-PEJ ADD затем девушка прийти-PST-3DU
‘Пять мальчиков и девочка пришли’.
*‘Пять мальчиков и пять девочек пришли’.

Использование аддитивных единиц для сочинения конъюнктов распространено в языках мира [Forker 2016]. Такие случаи есть в том числе и в других уральских языках: например, единица *pa* в хантыйском (см., например, [Каксин 2010: 125] о казымском диалекте), единица *no* в удмуртском языке [Алатырев 1983: 587], единица *ŋопəə* в нганасанском языке (употребление которой в сочинительной функции также предположительно происходит из-за русского влияния) [Wagner-Nagy 2019: 326].

В примерах, приведенных выше, аддитивная единица употреблялась один раз и располагалась между двумя конъюнктами. Стоит отметить, что часто с помощью аддитивных единиц происходит не нейтральное сочинение (обсуждавшееся выше), а эмфатическое (или контрастивное) в терминологии [Haspelmath 2007: 15] (типа *both X and Y* ‘X и Y оба’) — в случае если аддитивная единица может присоединяться к обоим конъюнктам. Так, в русском примере *Маша и Петя дерутся* с симметричным предикатом возможно только единичное употребление такой частицы, а двойное маркирование (*И Маша, и Петя дерутся*) приводит к интерпретации, в которой и Маша, и Петя дерутся не друг с другом, а с кем-то еще, т. е. описывается их раздельное участие в драке, а не взаимное.

В мансийском двойное употребление единицы *os* невозможно (37): в этом случае возможна лишь интерпретация, при которой сначала происходит сочинение двух ИГ с помощью *os*, после чего *os* употребляется в аддитивной функции: [[*jēn'a os ūn't'a*] *os*].

(37) #*jēn'a* ***os*** *ūn't'a* ***os*** *joxt-əs-iɣ*
Женя ADD Андрей ADD прийти-PST-3DU
#‘Женя и Андрей тоже пришли’
*‘И Женя, и Андрей пришли’.

Употребление единицы ‘затем’ в качестве сочинительного союза (который сочиняет не только клаузы, но и ИГ) зафиксировано в ненецком языке [Nikolaeva 2014: 414—416]:

(38) НЕНЕЦКИЙ
Maša Wera ***təd'ekəxət°*** *Pet'a to°-q*
Маша Вера затем Петя приходить-3PL
‘Маша, Вера и Петя пришли’. [Nikolaeva 2014: 416]

[10] В количественных конструкциях в мансийском языке существительное употребляется в единственном числе.

3.2. Показатель двойственного числа -ɣ ‘DU’

Как мы показали в разделе 2, в базовом употреблении показатель двойственного числа на ИГ задает количественную характеристику объекта (39): словоформа *n'āwram-iɣ* ‘ребенок-DU’ имеет значение ‘два ребенка’.

(39) *ta=kos l'ūn'ɛ-ē-ɣ n'āwram-**iɣ** ta=xul't-iɣp-as-iɣ*
PTCL=CONC плакать-NPST-3DU ребенок-DU PTCL=остаться-ASP-PST-3DU
‘Как бы ни плакали, дети (двое) остались одни’. [BPT_SP_180818_kukkuk]

При двойном употреблении этого показателя может происходить сочинение ИГ (40): две ИГ маркированы показателем двойственного числа, однако на глаголе показатель не множественного числа, а также двойственного — из этого можно сделать вывод, что участников в ситуации два, а не четыре. Такое употребление двойственного числа отмечалось, например, в [Murphy 1968: 149] и в [Ромбандеева 1973: 42]. Отметим, что три ИГ с помощью показателей двойственного числа сочинить невозможно (41).

(40) *jēn'a-**ɣ** ūn't'a-**ɣ** joxt-əs-iɣ*
Женя-DU Андрей-DU прийти-PST-3DU
‘Женя с Андреем пришли’.

(41) #*jēn'a-**ɣ** ūn't'a-**ɣ** iɛpan-**iɣ** joxt-əs-ət*
Женя-DU Андрей-DU Степан-DU прийти-PST-3PL
‘Два Жени, два Андрея, два Степана пришли’.
* ‘Женя, Андрей и Степан пришли’.

В [Murphy 1968: 149] отмечается, что показатель множественного числа может сочинять ИГ таким же образом, как и показатель двойственного числа. Однако, как кажется, в этом случае происходит соположение конъюнктов, поскольку каждая ИГ является множественной.

(42) *āɣi-**t** piɣ-**ət***
девочка-PL мальчик-PL
‘дочери и сыновья’ [Murphy 1968: 149]

Например, в мокшанском языке (в котором отсутствует показатель двойственного числа) показатель множественного числа может сочинять ИГ (43): «несмотря на то, что множественное маркирование получает каждый компонент сочетания, соответствующий этому компоненту референт может быть единичным» [Холодилова 2018: 75].

(43) МОКШАНСКИЙ
*sa-s'-t' al'a-**t**-s't'ə̯r'-**t'***
прийти-PST.3-PL мужчина-PL-девушка-PL
‘Пришли отец и дочь’.
‘Пришли отцы и дочери’. [Холодилова 2018: 75]

Более сложным для интерпретации оказывается пример (44): «В этом предложении речь идет о двух глазах и двух ушах лешего, но имена, обозначающие их, употреблены в форме не двойственного, а множественного числа, так как два глаза и два уха как бы объединяются настолько тесно, что каждое имя, обозначающее эти предметы, оформляется суффиксом множественного числа» [Ромбандеева 1973: 42].

(44) *sam-**an**-e pal'-**an**-e nas tē-ɣ-t aj-ēɣ-ət*
глаз-PL-POSS.3SG ухо-PL-POSS.3SG просто есть-NPST-3PL пить-NPST-3PL
‘Его облик страшный’ (букв. его (многие) глаза, его (многие) уши словно вот съедят, выпьют любого). [Ромбандеева 1973: 42]

Однако Н. Л. Шибасова, обсуждая этот пример, также утверждает, что глаз и ушей у лешего может быть больше двух [Шибасова 2006: 144]. Однако опрошенные нами носители при предъявлении подобного примера сообщили, что в сумме имеется в виду 4 предмета — два уха и два глаза.

С помощью дублирования показателя двойственного числа можно сочинять не только одушевленные (в том числе животных, см. (45) и (46)), но и неодушевленные ИГ (47)—(48).

(45) *sa:li u:j-iɣ pupak^{w}e-ɣ a:wi kit pa:l-n ne:ɣ-im-eɣ ke:rk^{w}a:liɣ-na*
волк-DU медведь-DU дверь два сторона-LAT привязывать-MIR.PASS-3DU цепь-LAT
(Он подходит к двери избушки), но по обе стороны от двери сидят на цепях волк и медведь’. (Ob-babel: Northern Mansi, 750: 18)

(46) *охсар-**ыг**-шовр-**ых***
лиса-DU-заяц-DU
‘лиса с зайцем’ [Лыскова 2001: 3], цит. по [Шибасова 2006: 139]

(47) *ti-t ūnl-ē-ɣ āmpar-**iɣ** kol-**iɣ***
этот-LOC сидеть-NPST-3DU амбар-DU дом-DU
‘Здесь находятся амбар и дом’.

(48) *āmpar-əɣ kol-iɣ*
амбар-DU дом-DU
‘амбар и дом’ [Kannisto 1956: 9, 10, 43], цит. по [Шибасова 2006: 139]

ИГ, маркированные двойным дуализмом, могут быть не только в субъектной позиции, ср. примеры на позицию прямого объекта (49) и на косвенную позицию: с падежным показателем аблатива *-nəl* (50) и послелогом *palt* ‘к’ (51).

(49) *am jēn'a-**ɣ** ūn't'a-**ɣ** n'an'-əl mi-s-aɣ-um*
1SG Женя-DU Андрей-DU хлеб-INS дать-PST-DU.O-1SG.S
‘Я дала Жене и Андрею еду (букв. «одарила Женю и Андрея едой»)’.

(50) *am jēn'a-**ɣ**-nəl ūn't'a-**ɣ**-nəl xot=oj-as-um*
1SG Женя-DU-ABL Андрей-DU-ABL от=сбежать-PST-1SG
‘Я убежал от Жени с Андреем’.

(51) *am an' min-ēɣ-um maša-**ɣ** waɕa-**ɣ** palt*
1SG сейчас пойти-NPST-1SG Маша-DU Вася-DU к
‘Я сейчас пойду к Маше с Васей’.

При употреблении двойного показателя двойственного числа доступна только неинтерсективная интерпретация: происходит сочинение двух отдельных сущностей. Интерсективная интерпретация, где две ИГ отсылают к одному и тому же человеку, невозможна:

(52) **jēn'a, ruma-**ɣ**-um jēɣ-piɣ-**aɣ**-um xolitan naŋ palt-ən ɕalt-i*
Женя друг-DU-POSS.1SG старший-сын-DU-POSS.1SG завтра 2SG к-POSS.2SG зайти-NPST[3SG]
‘Женя, мой друг и брат, завтра к тебе придет’.

С помощью показателя двойственного числа невозможно сочинить два существительных с зависимыми. Так, при модификации двух существительных прилагательными показатель двойственного числа употребляется не как показатель сочинения, а задает количественную характеристику объектов (53).

(53) *xōram-əŋ āɣi-**ɣ** nomt-əŋ piɣ-riɕ-**iɣ** joxt-əs-ət / *joxt-əs-iɣ*
красота-PROP девушка-DU ум-PROP сын-PEJ-DU прийти-PST-3PL прийти-PST-3DU
‘Две красивые девочки и два умных мальчика пришли’.
*‘Красивая девочка и умный мальчик пришли’.

Если же перед двумя существительными, сочиненными с помощью показателя двойственного числа, стоит одно прилагательное, то оно модифицирует оба конъюнкта (54).

(54) *xōram-əŋ piɣ-riɕ-**iɣ** āɣi-**ɣ** joxt-əs-iɣ*
красота-PROP сын-PEJ-DU девушка-DU прийти-PST-3DU
‘Красивые мальчик и девочка пришли’.
*‘Красивый мальчик и девочка пришли’.

Отметим, что числительное, в отличие от прилагательного, не может располагаться перед конструкцией с двойным дуализмом:

(55) **joxt-əs-ət xurum āɣ-riɕ-**iɣ** piɣ-riɕ-**iɣ***
прийти-PST-3PL три девушка-PEJ-DU сын-PEJ-DU
Ожидаемое значение: ‘Пришли три пары девочек и мальчиков’.

То, что прилагательное модифицирует оба конъюнкта, может говорить о том, что эти конъюнкты образуют «сложное слово». Такая же трактовка приведена и в [Ромбандеева 1975]. Однако заметим, что в общем случае оба конъюнкта модифицируются посессивными и падежными показателями (56)—(58);

при этом модификация только второго конъюнкта падежными показателями более допустима, чем его модификация посессивными показателями, ср. (57)—(58) и (56).

(56) *ɛ̄ān'-**eɣ**-m* *āɛ-**eɣ**-m* / **ɛ̄ān'-**eɣ** *āɛ-**eɣ**-m* *wōr-na* *min-as-iɣ*
мать-DU-POSS.1SG отец-DU-POSS.1SG мать-DU отец-DU-POSS.1SG лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Мои мать с отцом пошли в лес’.

(57) *am* *māša-**ɣ**-n* *pēt'a-**ɣ**-n* / ??*māša-**ɣ*** *pēt'a-**ɣ**-n* *n'ōt-ēɣ-um*
1SG Маша-DU-LAT Петя-DU-LAT Маша-DU Петя-DU-LAT помочь-NPST-1SG
‘Я помогаю Маше с Петей’.

(58) *am* *māša-**ɣ**-əl* *wāɛa-**ɣ**-əl* / ??*māša-**ɣ*** *wāɛa-**ɣ**-əl* *xot=min-ēɣ-um*
1SG Маша-DU-ABL Вася-DU-ABL Маша-DU вася-DU-ABL от=пойти-NPST-1SG
‘Я уйду от Маши с Васей’.

Однако в случае наличия и посессивных, и падежных показателей на конъюнктах более допустимым (но все еще маргинальным) оказывается маркирование второго конъюнкта обоими этими показателями, а первого — только посессивным показателем (59), ср. также пример, который встретился в корпусе (60).

(59) *am* *ɛ̄ān'-**eɣ**-m-n* *āɛ-**eɣ**-m-n* / ??*ɛ̄ān'-**eɣ**-m* *āɛ-**eɣ**-m-n* /
1SG мать-DU-POSS.1SG-DAT отец-DU-POSS.1SG-LAT мать-DU-POSS.1SG отец-DU-POSS.1SG-LAT
ɛ̄ān'-eɣ** *āɛ-**eɣ**-m-n* *n'ōt-ēɣ-um*
мать-DU отец-DU-POSS.1SG-LAT помочь-NPST-1SG
‘Я помогаю маме с папой’.

(60) *oːnʲɣ-**aɣ**-e* *jeɣpɣ-**aɣ**-eː-təl* *anʲiɣl-axt-eɣ-t,* *sipiɣlaxt-eɣ-t*
невестка-DU-POSS.3SG брат-DU-POSS.3SG-INS целоваться-REFL-NPST-3PL обниматься-NPST-3PL
‘Он целуется и обнимается (букв. они целуются и обнимаются) с его невесткой и братом’.
[Ob-babel: Northern Mansi, 1239: 208]

Конструкция с двойным дуализмом распространена в уральских языках. Например, она зафиксирована в хантыйском (см., например, [Каксин 2010: 81] о казымском диалекте), нганасанском [Wagner-Nagy 2019: 326], лесном энецком [Siegl 2013: 241; Ханина 2016: 135]. Однако семантика таких конструкций в указанных работах подробно не обсуждалась. Так, упоминается, что в энецком языке такие конструкции характерны для «естественного сочинения» (natural coordination; оно противопоставляется «случайному сочинению» — accidental coordination, ср. обсуждение этих терминов в [Wälchli 2005: 5]) [Siegl 2013: 241], когда «две сочиненные именные группы обозначают объекты, выступающие в реальной жизни как единое целое: являются мужем и женой, двумя детьми в семье (и других детей нет), двумя друзьями и т. д.» [Ханина 2016: 135]. Согласно И. А. Николаевой, в ненецком языке конструкция с двойным дуализмом сочиняет «сущности, которые естественно связаны друг с другом (natural coordination), легко идентифицируемые (определенные) и/или топикальные в момент высказывания» [Nikolaeva 2014: 419][11].

В нашем корпусе двойной дуализм маркировал следующие пары: отец и мать (3 раза), мужчина и женщина, муж и жена, девочка и мальчик, дочь и сын. Более асимметричные пары (даже если они тоже относятся к естественному сочинению) дуализм сочинять не может. Так, в (61) жена является реляционным словом (для которого необходимо указать, по отношению к кому референт слова *жена* является женой), а Вася — нет. В (62) оба конъюнкта являются реляционными словами, однако между ними наблюдаются иерархические отношения (*мать* > *дочь*), а не симметричные (*жена* >< *муж*). В этом случае предпочтительно использование комитативного сочинения (63)—(64), см. об этом в разделе 4.2.3.

(61) ***wāɛa-**ɣ** *ēkwa-**ɣ**-e* *wōr-na* *min-as-iɣ*
Вася-DU жена-DU-POSS.3SG лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Вася с женой ушел в лес’.

(62) ***ɛ̄ān'-**iɣ** *āɣi-**ɣ*** / *ɛ̄ān-**iɣ*** *āɣi-**ɣ**-e* *wōr-na* *min-as-iɣ*
мать-DU дочь-DU мать-DU дочь-DU-POSS.3SG лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Мать с дочерью пошли в лес’.

[11] “The double dual construction serves to coordinate the entities that are naturally associated with each other in the mind of the interlocutors (natural coordination), are clearly identifiable (definite), and/or under discussion (topical) at the time of the utterance” [Nikolaeva 2014: 419].

(63) *wāɛa ēkwa-tēn-**təl** / ēkwa-te **jot** wōr-na min-as-iɣ*
Вася жена-POSS.3DU-INS жена-POSS.3SG COM лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Вася с женой ушел в лес’.

(64) *ɛān' āɣi-tēn-**təl** / āɣi-te **jot** wōr-na min-as-iɣ*
мать дочь-POSS.3DU-INS дочь-POSS.3SG COM лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Мать с дочерью пошли в лес’.

Г. Корбетт также обсуждает такие конструкции с двойным дуализом в некоторых уральских языках [Corbett 2000: 228]. Он отмечает, что похожие примеры есть также, например, в санскрите, ср.:

(65) САНСКРИТ
mitrā́-váruṇā
Митра.DU-Варуна.DU
‘Митра и Варуна’ [MacDonell 1916: 268—270], цит. по [Corbett 2000: 229]

Согласно [Edgerton 1910], конструкция такого типа могла появиться следующим образом: на первом этапе показатель двойственного числа употребляется в ассоциативной функции (Митра.DU = Митра и кто-то с ним связанный). На втором этапе происходит «уточнение» ассоциативной конструкции (Митра.DU Варуна = Митра и кто-то с ним связанный, а именно Варуна). На третьем этапе «уточненная» ассоциативная конструкция становится симметричной — маркируются обе ИГ (Митра.DU Варуна.DU). Однако такое развитие не может объяснить появление конструкций с двойным дуализом в обско-угорских языках, согласно [Ravila 1941: 14], поскольку двойственное число не употребляется в ассоциативной функции. Это утверждение подтверждается нашими данными: ассоциативная множественность может быть выражена показателем множественного числа (66), но не показателем двойственного числа (67). Более того, не зафиксирована и конструкция вида ‘X-DU Y’ (ср. **māša-**ɣ** vāɛil', *māša vāɛil'-**iɣ***)[12].

(66) *māša-**t** joxt-əs-ət*
Маша-PL прийти-PST-3PL
‘Маша (с детьми) пришла’.

(67) *vāɛil'-**iɣ** joxt-əs-iɣ*
Василий-DU прийти-PST-3DU
‘Два Василия пришли’. / *‘Василий (с женой) пришли’.

Таким образом, мы показали, что сочинение ИГ в мансийском языке может происходить с помощью единицы *os* ‘ADD’, лексемы *tuwəl* ‘затем’ и двойного показателя двойственного числа. Обобщим свойства сочинительных конструкций в таблице 3.

Таблица 3. Сочинительные конструкции в мансийском языке

	X *os* Y (‘ADD’)	X *tuwəl* Y (‘затем’)	X-*ɣ* Y-*ɣ* (‘-DU’)
Одушевленность/неодушевленность	OK	OK	OK
Косвенный объект	OK	OK	OK
Более двух конъюнктов	OK	OK	*
Не только ИГ	OK	OK	*
Сущ. с модификаторами	OK	OK	*
Модификаторы относятся к первому конъюнкту	OK	OK	*
Интерсективное сочинение	OK	OK	*

Единицы *os* и *tuwəl* могут употребляться как с одушевленными, так и с неодушевленными ИГ, сочинять конъюнкты в количестве больше двух, в разных структурных позициях, а также ИГ с модификаторами (при этом, например, прилагательное или числительное, расположенное перед двумя конъюнктами, может относиться только к первому). При сочинении ИГ с помощью них возможна интерсективная и неинтер-

[12] Отметим, что, помимо конструкции с двойным дуализом, в лесном энецком языке засвидетельствована конструкция ‘X-DU Y’ [Ханина 2016: 135], а в обдорском хантыйском языке — конструкция ‘X Y-DU’ [Nikolaeva 1999: 45]. Согласно И. А. Николаевой, двойственное число в обдорском хантыйском также может использоваться в ассоциативной функции, ср. *a:śe:-ŋən man-s-əŋən* (отец-DU идти-PST-3DU) ‘отец и его сын ушли’ [Nikolaeva 1999: 45].

сективная интерпретация. Более того, они сочиняют не только существительные, но и другие части речи. Однако в некоторых идиолектах базовой союзной стратегией сочинения ИГ является использование *tuwəl*, в то время как *os* более ограничен и в первую очередь используется в качестве аддитивной частицы.

Конструкция с дублированием показателя двойственного числа также не накладывает ограничения на одушевленность и структурные позиции конъюнктов. Однако двойной дуалис может сочинять только две ИГ без модификаторов (например, прилагательное может располагаться только перед двумя ИГ, причем оно обязательно будет отсылать не к первой ИГ, а к ним обеим). Интерсективная интерпретация также недоступна для этих конструкций. В первую очередь двойной дуалис сочиняет симметричные пары объектов, часто встречающиеся вместе (например, мать и отец, дочь и сын).

4. Комитативные показатели

К комитативным показателям относятся послелог *jot* ‘COM’ и показатель инструментального падежа *-(ə)l* / *-təl*. Послелог *jot* описывался, например, в [Сайнахова 1966: 123], где отмечалось, что он указывает на взаимность действия (типа ‘драться с кем-то’, мы обсудим это употребление в разделе 4.2.2), на сопроводительные отношения (типа ‘уйти с кем-то’), на совместность действия (типа ‘жить с кем-то’, ‘работать с кем-то’ (68), т. е. комитативные употребления не с глаголами движения), а также маркирует косвенный объект (69). Отметим, что в категориях сопроводительных отношений и совместности действия не проводится разграничения между конструкциями с глагольным согласованием по единственному и по множественному числу (мы обсудим конструкции с глагольным множественным согласованием отдельно в разделе 4.2.3).

(68) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
taw takwi māxm-an-e ***jot*** *rūpit-aŋkwe pat-s*
3SG 3SG.EMPH народ-PL-POSS.3SG COM работать-INF начать-PST[3SG]
‘Он начал работать со своим народом’. [Сайнахова 1966: 124]

(69) СОСЬВИНСКИЙ МАНСИЙСКИЙ
solwal-əŋ xūl kartōpka ***jot*** *tē-ŋkwe saka jomas*
соль-PROP рыба картошка COM есть-INF очень хороший
‘Очень хорошо соленую рыбу есть с картофелем’. [Сайнахова 1966: 124]

Также *jot* употребляется предглагольно в предложениях с пресуппозицией перемещения объекта, как в (70), ср. также (71) и невозможность его употребления без такой пресуппозиции.

(70) *Тав са̄в пормас* ***ёт****=ōньщ-и*
3SG много груз COM=иметь-NPST[3SG]
‘У него много груза с собой имеется’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 78]

(71) a. *am sāγrap jun kos ōn'ɛ-ēγ-um xot=joruwl-as-l-um jot=wi-ŋkw*
1SG топор дома хотя иметь-NPST-1SG от=забыть-PST-SG.O-1SG.S COM=взять-INF
‘У меня хотя дома есть топор, с собой взять забыл’.
b. **am sāγrap* ***jot****=ōn'ɛ-ēγ-um xot=joruwl-as-l-um jot=wi-ŋkw*
1SG топор COM=иметь-NPST-1SG от=забыть-PST-SG.O-1SG.S COM=взять-INF
Ожидаемое значение: ‘У меня есть с собой топор, только взять забыл’.

Кроме ‘быть/иметь’ (70), послелог *jot* может употребляться и с глаголами типа ‘брать’ (72), ‘звать’ (73), ‘давать’ (74) (эти четыре семантических класса предикатов были выделены в [Перкова 2014: 159—160] на материале русского языка. Мы использовали мансийские переводы этих глаголов).

(72) *lāw-i anum-n* ***jot*** *tāl-tt-e-l-n* ***jot*** *tot-e-l-n*
сказать-PST[3SG] 1SG.OBL-LAT COM погрузиться-CAUS-IMP-SG.O-2SG.S COM нести-IMP-SG.O-2SG.S
‘Говорит, меня с собой посади, с собой возьми’.

(73) *Ам тав-е* ***ёт*** *во̄в-уŋкв пат-ыс-л-ум*
1SG 3SG-POSS.3SG COM звать-INF начать-PST-SG.O-1SG.S
‘Я его с собой звать стал’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 30]

(74) *jēn'a ūn't'a-n sāγrap* ***jot*** *mi-s*
Женя Андрей-LAT топор COM дать-PST[3SG]
‘Женя дал Андрею с собой топор’.

Также с помощью *jot* образуется лексема ‘вместе’:[13]

(75) *ēkwa nopəl lāw-nē-te* ***akw-jot*** *tān wār-i-mēn*
женщина к сказать-MIR.NPST-3SG один-COM жилы делать-NPST-1DU
‘Женщине говорит: «Давай вместе поделаем из жил нити»’. [ASN_SP_060218_tanwarpekwa]

Послелог *jot* может употребляться с местоимениями, при этом он маркируется соответствующими посессивными показателями, ср. примеры с местоимениями 1 и 3 лица единственного числа:

(76) *Тав ам* ***ёт-ум*** *ял-ыс*
3SG 1SG COM-POSS.1SG сходить-PST[3SG]
‘Он со мной ходил’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 78]

(77) *taw at=wērm-i ну єōrown taw* ***jot-e*** *ōl-uŋkw*
3SG NEG=мочь-NPST[3SG] ну все_равно 3SG COM-POSS.3SG быть-INF
‘Она не смогла бы все равно с ней жить’. [ASN_DZh_SP_030218_misne]

Описание функций инструментального падежного показателя можно найти в [Ромбандеева 1973: 52—54]. Одним из основных его значений является инструментальное (78). Также с его помощью можно обозначать, например, средство передвижения (79) и обстоятельство образа действия (80).

(78) *kol'a ul'l'uw sāγrap-****əl*** *sāγr-i*
Коля дрова топор-INS рубить-NPST[3SG]
‘Коля рубит дрова топором’.

(79) *āγi-m ūs-ən towl-əŋ-xāp-****əl*** *tilaml-as*
дочь-POSS.1SG город-LAT крыло-PROP-лодка-INS улететь-PST[3SG]
‘Дочь улетела в Березово на самолете’. [Ромбандеева 1973: 52]

(80) *n'āj-əŋ-xāp oєєa tur-****l*** *rōŋx-i*
огонь-PROP-лодка тонкий голос-INS кричать-NPST[3SG]
‘Пароход кричит тоненьким голоском (свистит)’. [Ромбандеева 1973: 52]

В [Ромбандеева 1973: 100] приводятся примеры на формы инструментального падежа от местоимений в парадигмах. Однако по нашим данным инструменталис не может присоединяться к местоимениям: **naŋəntəl* ‘2SG.INS’. В [Murphy 1968: 48] в парадигмах личных местоимений также не приводится форма инструменталиса.

Также в [Ромбандеева 1973: 54] отмечается, что инструментальный показатель может выражать значение совместности, но только присоединяясь к существительному с посессивным показателем, который отсылает к обоим участникам (81). Согласно нашим данным, он может присоединяться и к существительному без посессивного показателя (82). Мы обсудим эти конструкции подробнее в части 4.2.3 при обсуждении сочинительных комитативных конструкций.

(81) *єan' rum-ēkwa-****tēn-təl*** *joxt-əs-iγ*
мать друг-женщина-POSS.3DU-INS прийти-PST-3DU
‘Мать с подругой пришли’.

(82) *kol'a wōraj-an xum-****əl*** *joxt-əs-iγ*
Коля охотиться-PTCP.NPST мужчина-INS прийти-PST-3DU
‘Коля с охотником пришли’.

Мы сравним дистрибуцию послелога *jot* и инструментального падежа *-l*, используя типы комитативных конструкций, выделенных в [Архипов 2009], которые также прежде не рассматривались на материале мансийского языка. В части 4.1 мы опишем возможность этих единиц употребляться в собственно комитативной конструкции, а в части 4.2 — в модификациях собственно комитативной конструкции: копредикативной, актантной, сочинительной, инклюзорной и определительной конструкциях.

---

[13] Значение ‘вместе’ может также выражаться превербом *akwan-*:

(i) *Кӯтюв-ыт* ***акван****-хāйт-с-ыт*
собака-PL вместе-бежать-PST-3PL
‘Собаки вместе сбежались’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 11]

4.1. Собственно комитативная конструкция

Под собственно КомК, или КомК в узком смысле, А. В. Архипов понимает конструкцию, с помощью которой происходит выражение «множественного участника У ситуации С, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников У1 и У2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг» [Архипов 2009: 67]. Первый участник (У1) выражается центральной ИГ, а остальные участники (У2) — периферийной (комитативной) ИГ. Согласно [Архипов 2009: 68], диагностическим контекстом прототипических комитативных конструкций являются предложения вида «X пришел/пошел в (место) Z с Y-ом».

Согласно [Riese 2001: 26], комитативность в мансийском выражается скорее послелогом *jot*, чем инструментальным показателем. Это утверждение подтверждается нашими данными, поскольку в собственно комитативной конструкции (с глагольным согласованием по единственному числу) может употребляться послелог *jot* (83), но не инструменталис (84), в том числе с посессивным показателем двойственного числа, который отсылает к обоим участникам (85).

(83) *Тав юрт-э* ***ёт*** *ёхт-ыс*
3SG друг-POSS.3SG COM прийти-PST[3SG]
'Он пришел с другом'.

(84) **kōl'a kuɕta-**l** joxt-əs*
Коля Костя-INS прийти-PST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Коля с Костей пришел'.

(85) a. **kōl'a ruma-te-**l** / ruma-tēn-**təl** joxt-əs*
Коля друг-POSS.3SG-INS друг-POSS.3DU-INS прийти-PST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Коля с другом пришел'.

b. **ɕan' āɣi-tēn-**təl** joxt-əs*
мать дочь-POSS.3DU-INS прийти-PST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Мать с дочерью пришла'.

4.2. Модификации собственно комитативной конструкции

Рассмотрим основные модификации собственно комитативной конструкции по [Архипов 2009]: копредикативную (4.2.1), актантную (4.2.2), сочинительную (4.2.3), инклюзорную (4.2.4) и определительную (4.2.5).

4.2.1. Копредикативная КомК

Копредикативные комитативные конструкции характеризуются тем, что синтаксически периферийная ИГ зависит от главного предиката, но при этом семантически определяет одного из участников. Так, в примерах *Женя ушел с другом* и *Женя ушел с топором* комитативная группа является адъюнктом к глагольной, однако с семантической точки зрения эти примеры отличаются: в первом случае сообщается, что Женя ушел, и его друг тоже ушел, а во втором случае — что Женя ушел и был с топором, но не что топор тоже ушел.

В копредикативных КомК *jot* допускается в некоторых идиолектах (86), в то время как употребление инструментального падежа вовсе невозможно (87).

(86) *ʔjēn'a sāɣrap **jot** joxt-əs*
Женя топор COM прийти-PST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Женя пришел с топором'.

(87) **jēn'a sāɣrap-**əl** joxt-əs*
Женя топор-INS прийти-PST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Женя пришел с топором'.

4.2.2. Актантная КомК

Актантная конструкция подразумевает использование комитативных показателей при естественно множественных предикатах (например, *ругаться*, *беседовать* и т. д.), в которых наличие множественно-

го участника обязательно. Так, в предложении *Даша беседует с Василием* множественный участник обязателен (ср. невозможность предложения **Даша беседует*)[14].

В актантных конструкциях может употребляться послелог *jot* (ср. также упоминание этой функции в [Сайнахова 1966: 123], где отмечалось, что *jot* может указывать на взаимность действия, что мы обсуждали в начале раздела 4.1). Показатель инструментального падежа не может быть употреблен в актантной конструкции.

(88) *jēn'a ūn't'a* ***jot*** *al-xat-i*
Женя Андрей COM добыть-REFL-NPST[3SG]
'Женя дерется с Андреем'.

(89) **jēn'a ūn't'a-**l al-xat-i*
Женя Андрей-INS добыть-REFL-NPST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Женя дерется с Андреем'.

4.2.3. Сочинительная КомК

Сочинительная комитативная конструкция[15] — это такая конструкция, которая проявляет некоторые (или все) свойства сочинения [Архипов 2009: 234]. Например, в русском языке центральная ИГ и периферийная ИГ образуют единую составляющую, которая отсылает ко множественному объекту и требует маркирования глагола множественным числом: [*Даша с Иваном*] *пошли гулять* (ср. невозможность предложения **Даша пошли гулять с Иваном*).

В мансийском языке в сочинительной комитативной конструкции может употребляться и комитативный послелог *jot* (90), и показатель инструментального падежа (91).

(90) *ɕān' āɣi-te* ***jot*** *joxt-əs-iɣ*
мать дочь-POSS.3SG COM прийти-PST-3DU
'Мать с дочерью пришли'.

(91) *jēn'a ūn't'a-***l** *wōr-na min-as-iɣ*
Женя Андрей-INS лес-LAT пойти-PST-3DU
'Женя с Андреем пошли в лес'.

До показателя инструментального падежа может также присоединяться посессивный показатель 3 л. дв. ч. (92)=(81). В этом случае посессивный показатель как бы отсылает сразу к двум соединяемым именным группам. Посессивные показатели в мансийском обозначают лицо и количество обладателя; таким образом, предложение (92) при дословном переводе значит 'Мать с их (двоих) дочерью пришли' (ср. также обсуждение употребления показателя POSS.DU в инклюзорных конструкциях в конце раздела 4.2.4).

(92) *ɕan' āɣi-***tēn-təl** *joxt-əs-iɣ*
мать дочь-POSS.3DU-INS прийти-PST-3DU
'Мать с дочерью пришли'.

Отметим, что употребление послелога *jot* с показателем POSS.3DU в таком контексте невозможно (93a); также невозможно и употребление в аналогичной функции инструменталиса с показателем POSS.3SG (93b).

(93) a. **ɕan' āɣi-tēn* ***jot*** *joxt-əs-iɣ*
мать дочь-POSS.3DU COM прийти-PST-3DU
Ожидаемое значение: 'Мать с дочерью пришли'.

b. **ɕan' āɣi-***te-l* *joxt-əs-iɣ*
мать дочь-POSS.3SG-INS прийти-PST-3DU
Ожидаемое значение: 'Мать с дочерью пришли'.

---

[14] Также к актантной конструкции можно отнести случаи, когда комитативная группа выражает семантическую роль, отличную от роли центральной именной группы, например роль инструмента. Как мы показали выше, инструментальные функции выполняет показатель инструментального падежа.

[15] Существуют и другие термины для обозначения таких конструкций. Например, псевдосочинение [Даниэль 2000], квазисочинение [Архипов 2004], ср. англ. quasi-comitative coordination [Dyła 1988], а также комитативное сочинение [Беляев 2015], ср. англ. comitative coordination [McNally 1993; Dyła, Feldman 2008]. В текущей работе, вслед за [Архипов 2009], мы будем использовать термин «сочинительные комитативные конструкции».

В корпусе встретились только такие примеры, в которых инструменталис с посессивным показателем двойственного числа присоединяется к терминам родства. Согласно [Ромбандеева 1973: 54], посессивный показатель может также присоединяться к животным (94) и неодушевленным объектам (95).

(94) *āmp-uw* *kat'i-tēn-**təl*** *os* *ta* *xōtal* *l'al't* *powar-tt-axt-as-iɣ*
собака-POSS.1PL кошка-POSS.3DU-INS ADD PTCL солнце на валяться-CAUS-REFL-PST -3DU
'Наша собака со своей кошкой опять развалилась на солнце'. [Ромбандеева 1973: 54]

(95) *tōwl-əŋ-xāp-uw* *nāj-əŋ-xāp-ēn-**təl*** *akw-toriɣ* *joxt-əs-iɣ*
крыло-PROP-лодка-POSS.1PL огонь-PROP-лодка-POSS.3DU-INS один-период прийти-PST-3DU
'Наш самолет с пароходом одновременно пришли'. [Ромбандеева 1973: 54]

Согласно нашим данным, модификация посессивным показателем дв. ч. именной группы, обозначающей животное, возможна (96), в то время как неодушевленные объекты не могут модифицироваться этим посессивным показателем (97).

(96) *kūt'uw* *kati-tēn-**təl*** *akw-jot* *joxt-əs-iɣ*
собака кошка-POSS.3DU-INS один-COM прийти-PST-3DU
'Собака с кошкой вместе пришли'.

(97) **xāp* *buran-ēn-**təl*** *akw-pora-t* *joxt-əs-iɣ*
лодка буран-POSS.3DU-INS один-время-LOC прийти-PST-3DU
Ожидаемое значение: 'Лодка с бураном пришли одновременно'.

Видимо, имея в виду именно сочинительные комитативные конструкции, Л. Мёрфи отмечает, что послелог *jot* и показатель инструментального падежа имеют идентичное значение [Murphy 1968: 43]. Однако даже в пределах сочинительной комитативной конструкции оказываются заметны различия между ними. Например, если в комитативной группе находится существительное с показателем множественного числа, допустимым оказывается только послелог *jot*, в то время как показатель инструменталиса невозможен (98). Использование посессивного показателя POSS.3PL, который мог бы отсылать ко всем референтам ИГ, также не улучшает предложение с инструменталисом (99).

(98) *jēn'a* *āɣi-t* ***jot*** / **āɣi-t-**əl*** *joxt-əs-ət*
Женя девушка-PL COM девушка-PL-INS прийти-PST-3PL
'Женя с девочками пришли'.

(99) **jēn'a* *jēɣ-āɣi-janəl-**təl*** *joxt-əs-ət*
Женя старший-дочь-PL.POSS.3PL-INS прийти-PST-3PL
Ожидаемое значение: 'Женя со старшими сестрами пришли'.

Более того, в случае наличия посессивного показателя на второй ИГ, который не отсылает к обоим конъюнктам, предпочтительно использование конструкции с послелогом *jot*, а не с инструментальным падежом (100), однако ср. отсутствие этого ограничения в инклюзорных конструкциях (4.2.4).

(100) *wāɛa* *am* *ruma-m* ***jot*** / *ʔam* *ruma-m-**təl*** *wōr-na* *min-as-iɣ*
Вася 1SG друг-POSS.1SG COM 1SG друг-POSS.1SG-INS лес-LAT пойти-PST-3DU
'Вася с моим другом пошли в лес'.

Отметим, что в корпусе Ob-babel встретился пример с использованием двух посессивных инструменталисов в сочинительной комитативной конструкции (101), однако носители верхнелозьвинского диалекта оценили такую конструкцию как неграмматичную (102).

(101) *eːkʷa piɣrisʲ* *aːkʷ-en-təl* *eːkʷa-te-təl*[16] *takeːm* *ta* *jomasʲ-akʷe*
Эква_Пыйрищ тетя-POSS.3DU-INS женщина-POSS.3SG-INS так тот хороший-DIM
oːl-uŋkʷe *usʲ* *ta* *pat-s-ət*
быть-INF сейчас PTCL начать-PST-3PL
'Потом Эква Пыйрищ со своей тетей и женой так хорошо жить стали'. [Ob-babel: Northern Mansi, 1238: 120]

[16] В данном примере представляется крайне странным употребление посессивного показателя единственного числа. Мы предполагаем, что в примере может быть ошибка, связанная с пропуском одной фонемы: *eːkʷa-te**n**-təl* 'женщина-POSS.3DU-INS'.

(102) *wāɛa āɣi-jaɣ-e piɣ-aɣ-e jot / *piɣ-e-təl āɣi-te-təl joxt-əs-ət*
Вася дочь-DU-POSS.3SG сын-DU-POSS.3SG COM сын-POSS.3SG-INS дочь-POSS.3SG-INS прийти-PST-3PL
'Вася с сыном и дочерью пришли'.

Сочинительные комитативные конструкции не могут образовываться с местоимениями ни с послелогом *jot*, ни с показателем инструменталиса (103). В этом случае будут использоваться инклюзорные комитативные конструкции (типа *мы с тобой*), которые мы обсудим в следующем разделе.

(103) **am naŋ **jot**-ən / naŋən-**təl** уже low tāl akw-jot ōl-i-mēn*
1SG 2SG COM-POSS.2SG 2SG.OBL-INS уже десять год один-COM быть-NPST-1DU
Ожидаемое значение: 'Мы с тобой уже десять лет вместе живем'.

И комитативный послелог, и показатель инструменталиса могут модифицировать существительные с зависимыми, ср., например, (104). Если перед двумя существительными стоит одно прилагательное, то оно относится только к первому существительному (105).

(104) *xōram-əŋ āɣi nomt-əŋ piɣ-riɛ **jot** / piɣ-riɛ-**il** joxt-əs-iɣ*
красота-PROP девушка ум-PROP сын-PEJ COM сын-PEJ-INS прийти-PST-3PL
'Красивая девочка и умный мальчик пришли'.

(105) *xōram-əŋ āɣi piɣ-riɛ **jot** / piɣ-riɛ-**il** joxt-əs-iɣ*
красота-PROP девушка сын-PEJ COM сын-PEJ-INS прийти-PST-3PL
'Красивая девочка и мальчик пришли'.
*'Красивые девочка и мальчик пришли'.

При употреблении послелога *jot* и инструментального падежа доступна только неинтерсективная интерпретация. Интерсективная интерпретация, где две ИГ отсылают к одному и тому же человеку, невозможна (106).

(106) **jēn'a wōr-aj-an xum xan'iɛt-an xum **jot** / xum-**əl** wōr-na min-as*
Женя лес-VBZ-NMZ/PTCP мужчина учить-NMZ/PTCP мужчина COM мужчина-INS лес-LAT пойти-PST[3SG]
Ожидаемое значение: 'Женя, охотник и учитель, ушел в лес'.

Комитативное сочинение возможно в позиции прямого объекта, что подтверждается двойственным числом объектного спряжения в (107).[17]

(107) *am jēn'a un't'a **jot** / un't'a-**l** tujas-as-aɣ-um*
1SG Женя Андрей COM Андрей-INS толкнуть-PST-DU.O-1SG.S
'Я толкнула Женю с Андреем'.

В косвенной позиции комитативные показатели практически недопустимы, ср. примеры на аблатив (108), латив (109), а также послелог *palt* 'к' (110). Заметим, что, несмотря на общую неприемлемость таких примеров, маркирование первых ИГ падежными показателями более допустимо, чем их маркирование послелогами.

(108) ??*am māša-nəl wāɛa **jot** / wāɛa-**l** xot=min-ēɣ-um*
1SG Маша-ABL Вася COM Вася-INS от=пойти-NPST-1SG
'Я уйду от Маши и Васи'.

(109) ??*am māša-n pēt'a **jot** / pēt'a-**l** n'ōt-ēɣ-um*
1SG Маша-LAT Петя COM Петя-INS помочь-NPST-1SG
'Я помогаю Маше с Петей'.

---

[17] Отметим, что в языках без объектного спряжения затруднительно определить, образуют ли две ИГ, соединенные комитативным показателем, составляющую в позиции прямого объекта. Если применить синтаксический тест на линейный разрыв (см. [Архипов 2009: 139]), то можно увидеть, что в позиции непрямого объекта две ИГ образуют единую составляющую, поскольку они не могут быть разорваны (i). В позиции же прямого объекта две ИГ могут быть разорваны, т. е. могут не образовывать единой составляющей (ii).

(i) а) *Он дал* [*Маше с Петей*] *двести рублей.*
б) **Он дал Маше двести рублей с Петей.* [Архипов 2009: 139]

(ii) а) *Вчера я видел Машу с Петей.*
б) *Машу я видел вчера в театре с Петей.* [Архипов 2009: 139]

(110) **am an′ māša palt wāɛa **jot** / wāɛa-**l** min-ēɣ-um*
1SG сейчас Маша к Вася COM Вася-INS пойти-NPST-1SG
‘Я сейчас пойду к Маше и Васе’.

Стоит отметить, что в [Nikolaeva 2014: 420] утверждается, что в сочинительных комитативных конструкциях в ненецком языке комитативный послелог может как следовать за второй ИГ, так и располагаться между двумя ИГ:

(111) НЕНЕЦКИЙ
a. *Wera n′a-nta **n′ah** toŋa-x°h*
Вера друг-GEN.3SG с приходить-3DU
‘Вера пришел с другом’.
b. *n′a-nta **n′ah** Wera toŋa-x°h*
друг-GEN.3SG с Вера приходить-3DU
‘Вера пришел с другом’. [Nikolaeva 2014: 420]

Однако в мансийском языке порядок [X Y COM] гораздо предпочтительнее, чем [X COM Y].

(112) *jēn′a ūn′t′a **jot** wōr-na min-as-iɣ*
Женя Андрей COM лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Женя с Андреем пошли в лес’.

(113) ??*jēn′a **jot** ūn′t′a wōr-na min-as-iɣ*
Женя COM Андрей лес-LAT пойти-PST-3DU
‘Женя с Андреем пошли в лес’.

Допустимость расположения комитативной группы перед центральной именной группой в сочинительных КомК варьируется по уральским языкам. Например, такие конструкции вида [X COM Y] распространены в марийских и мордовских языках. Так, в корпусе мокшанского языка (объем корпуса 20105 словоупотреблений, неопубликован и доступен по запросу у авторов) эта конструкция встретилась в 3,75 раз чаще, чем конструкция [X Y COM (V-PL)] (15 vs. 4), см. иллюстрацию в (114). В корпусе горномарийского языка (объем корпуса 63522 словоупотребления, доступен по ссылке http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus) конструкция [X Y COM (V-PL)] не встретилась вовсе, а конструкция [X COM Y] встретилась 79 раз.

(114) МОКШАНСКИЙ
а. *i baba-n′ɛ-s′ unək-ən′a-nc **maɣtə** bazar-u tu-s′-t′*
и бабушка-DIM-DEF.SG внук-DIM-POSS.3SG.GEN с базар-LAT уходить-PST.3-PL
s′akan′ɛ-n′ rama-mə
горшок-GEN покупать-INF
‘И бабушка с внуком пошли на базар покупать горшки’. [Мокшанский корпус (BAA_AK_10082014_skazka)]
б. *baba-n′ɛ-t′ **maɣtə** s′ora-n′ɛ-s′ sa-s′-t′ i aš ver′əskɛ-n′a-t*
бабушка-DIM-DEF.SG.GEN с парень-DIM-DEF.SG приходить-PST.3-PL и NEG.EX ягненок-DIM-PL
‘Бабушка с мальчиком пришли, и нет козлят’. [Мокшанский корпус (BAA_AK_10082014_skazka)]

4.2.4. Инклюзорная КомК

В инклюзорных конструкциях[18] референт местоимения включает в себя референт группы, маркируемой комитативным показателем (*Мы$_{i+j}$ с Петей$_j$ ушли в лес*.).

В таких конструкциях допустим и комитативный послелог (115), и падежный показатель инструменталиса: как без посессивного двойственного числа показателя, отсылающего к обеим ИГ (116), так и с ним (117).

(115) *tuwəl mēn jurt-xum-im **jot** tuw ta worat-as-mēn ta māssin-na*
затем 1DU товарищ-мужчина-POSS.1SG COM туда PTCL стремиться-PST-1DU тот машина-LAT
‘Тогда мы с моим другом попросились в ту машину’. [Корпус: AEJ_SP_030218_lovestory]

[18] Ср. термин inclusory construction, например, в [Haspelmath 2007: 33]. В англоязычной литературе также распространен термин plural pronoun construction, см., например, [Vassilieva 2005]. В [Даниэль 2000; Архипов 2009] эта конструкция также называлась конструкцией с поглощением референта.

(116) *mēn ruє āγi-**l** xal-mēn jōm-iγt-as-men*
1DU русский девушка-INS между-POSS.1DU шагать-ASP-PST-1DU
‘Мы с русской девочкой вместе ходили’. [Корпус: AEJ_SP_030218_lovestory]

(117) *Мēн ōйка-мēн-**тыл** аквхойпулув тāл аквъёт ōл-ы-мēн*
1DU мужчина-POSS.1DU-INS одиннадцать год один.COM быть-NPST-1DU
‘Мы с мужем одиннадцать лет вместе живем’. [Бахтиярова, Динисламова 2016: 13]

Употребление инструментального падежа с посессивным показателем двойственного числа, отсылающего к референтам обеих ИГ, обсуждалось в [Corbett 2000: 232]. Г. Корбетт сравнивал этот случай с употреблением двойного показателя двойственного числа в сочинительной функции. В своей работе он упомянул только сочинительные комитативные конструкции с посессивным показателем дв. ч., однако, как видно из примеров, этот посессивный показатель может использоваться и в инклюзорной конструкции. Этот факт можно объяснить тем, что и в сочинительной комитативной конструкции, и в инклюзорной комитативной конструкции две ИГ образуют единую составляющую.

В качестве еще одной параллели для сочетания инструменталиса и посессивного показателя дв. ч. может служить «ассоциативный» суффикс *-sa* в хантыйском языке, присоединяемый к терминам родства. Согласно [Шибасова 2006: 148—149], «за суффиксом *-са* обязательно следует числовой суффикс, указывающий общее количество людей в совокупности», см., например, (118).

(118) ХАНТЫЙСКИЙ (кам.)
a. *jəγ-**sȧ**-ŋən*
отец-ASSOC-DU
‘отец с ребенком’
b. *jeγ-**sȧ**-t*
отец-ASSOC-PL
‘отец с детьми’ [Steinitz 1968], цит. по [Шибасова 2006: 148]

Аналогичным образом, этот суффикс может использоваться и в сочинительной (119), и в инклюзорной комитативной конструкции (120).

(119) ХАНТЫЙСКИЙ (вах.)
*älвäли äни-**cä**-γəн m'и вəл-лə-γəн m'и вəл-лə-γəн*
Альвали старшая_сестра-ASSOC-DU этот жить-PRES-3DU этот жить-PRES-3DU
‘Альвали с сестрой живут-поживают’. [Терешкин 1961: 109], цит. по [Шибасова 2006: 149]

(120) ХАНТЫЙСКИЙ (вах.)
*əj äл-əŋ мин əс-**cä**-γəн мəн-γäл-мəн ула-ты*
один год-LOC мы.DU мать-ASSOC-DU пойти-PSTINDEF.EVID-1DU собирать_ягоды-INF
‘Однажды мы с матерью пошли по ягоды’. [Терешкин 1961: 121], цит. по [Шибасова 2006: 149]

Заметим, что в инклюзорных конструкциях (в отличие от сочинительных, см. раздел 4.2.3) инструменталис свободно сочетается с посессивными показателями, не отсылающими к двум ИГ, ср. (121) и (117).

(121) *mēn єān'-um-**təl** tarəγ n'aj akwmartērt tē-s-mēn*
1DU мать-POSS.1SG-INS сосна камбий однажды есть-PST-1DU
‘Мы с мамой однажды ели сосновый камбий’. [Корпус: AAN_SP_25012017_food]

В инклюзорных конструкциях возможно сочетание двух местоимений с помощью послелога *jot*, хотя более естественно в данном случае употребление подходящего по смыслу местоимения двойственного или множественного числа (122). Инструментальный показатель с местоимениями употребляться не может (123), как мы отмечали в части 4.1.

(122) *mēn-ki / ʔmēn naŋ **jot**-ən уже low tāl akw-jot ōl-i-mēn*
1DU-EMPH 1DU 2SG COM-POSS.2SG уже десять год один-COM быть-NPST-1DU
‘Мы с тобой уже десять лет вместе живем’.

(123) **mēn naŋən-**təl** уже low tāl akw-jot ōl-i-mēn*
1DU 2SG.OBL-INS уже десять год один-COM быть-NPST-1DU
‘Мы с тобой уже десять лет вместе живем’.

Что касается различных структурных позиций, в инклюзорных конструкциях комитативные показатели возможны, в отличие от сочинительных конструкций (см. часть 4.2.3). В случае с маркированием

местоимения падежными показателями инструменталис оказывается более допустимым, чем комитативный послелог (124), (125). В случае же маркирования местоимения послелогом (126) предпочтительность инструменталиса перед комитативным послелогом сохраняется, однако такие предложения в целом оказываются не вполне приемлемыми.

(124) *am nēnan-əl wāɛa-**l** / ʔwāɛa **jot** xot=min-ēɣ-um*
1SG 2DU.OBL-ABL Вася-INS Вася COM от=пойти-NPST-1SG
‘Я от вас с Васей уйду’.

(125) *am nēnan-n wāɛa-**l** / ʔwāɛa **jot** n'ōt-ēɣ-um*
1SG 2DU.OBL-LAT Вася-INS Вася COM помочь-NPST-1SG
‘Я вам с Васей помогу’.

(126) *am nēn palt-en (ʔwāɛa-**l** / ??wāɛa **jot**) koɛti joxt-ēɣ-um*
1SG 2DU к-POSS.2DU Вася-INS Вася COM в_гости прийти-NPST-1SG
‘Я к вам с Васей в гости приду’.

4.2.5. Определительная КомК

Под определительной конструкцией понимается такая конструкция, в которой комитативная группа используется в качестве приименного модификатора, а не аргумента глагола, ср. рус. *Даша купила* [*книжку с картинками*].

В мансийском языке в таких конструкциях используется проприетивный показатель (127).

(127) *ut tarəm ūnt-s-am aman-sir-man janiɣ tel'aki-**ŋ** mat sun tarəm*
вещь на сесть-PST-MIR.PST[3SG] Q-разный-Q большой колесо-PROP INDEF сани на
на это садился, на какую-то технику **с** большими колесами. [Корпус: AAA_DZh_020218_medved]

Употребление послелога *jot* или показателя инструментального падежа в таких конструкциях невозможно:

(128) *mān janiɣ tel'aki-**ŋ** / *tel'aki-**l** / *tel'aki **jot** māšina-n tāl-s-uw*
1PL большой колесо-PROP колесо-INS колесо COM машина-LAT погрузиться-PST-1PL
‘Мы сели в машину с большими колесами’.

Таким образом, мы описали свойства комитативных конструкций с единицами *jot* ‘COM’ и -(*ə*)*l* / -*təl* ‘-INS’. Обобщим их в таблице 4.

Таблица 4. Комитативные конструкции в мансийском языке.

	jot ‘COM’	-(*ə*)*l* / -*təl* ‘INS’
Собственно КомК (‘X пришел с Y’)	OK	*
Актантная КомК (‘X дерется с Y’)	OK	*
Сочинительная КомК (‘X с Y ушли’)	OK	OK
Инклюзорная КомК (‘мы с X ушли вдвоем’)	OK	OK
Копредикативная КомК (‘уйти с сумкой’)	?	*
Определительная КомК (‘книга с картинками’)	*	*

Послелог *jot* употребляется в собственно комитативной конструкции, а также в актантной, сочинительной и инклюзорной. В некоторых идиолектах он также может употребляться в копредикативных конструкциях. Дистрибуция падежного показателя инструменталиса ограничена: он может употребляться только в сочинительных и инклюзорных конструкциях. В этом случае перед ним также может присоединяться посессивный показатель двойственного числа, который отсылает к референтам обеих ИГ. Также, в отличие от послелога *jot*, инструменталис не может присоединяться к местоимениям.

В сочинительных комитативных конструкциях с рассматриваемыми единицами допустима лишь неинтерсективная интерпретация ИГ. Если перед двумя существительными стоит прилагательное, то оно будет отсылать только к первому конъюнкту. Конструкции с комитативным сочинением возможны только в позициях субъекта и прямого объекта, в то время как инклюзорные конструкции допустимы и в позиции косвенного объекта.

Отметим, что в некоторых других уральских языках также зафиксирована конкуренция комитативного послелога и показателя, выражающего инструментальные отношения. Так, в мокшанском языке с

комитативным послелогом *mar̥tə* конкурирует инессивный падежный показатель (в том числе с инструментальной функцией [Козлов 2018: 157]). В комитативных контекстах инессив в первую очередь маркирует неодушевленный объект, в то время как для одушевленных объектов предпочтительно маркирование послелогом [там же: 162].

В ненецком и в лесном энецком языках также отмечается конкуренция комитативного послелога и локативного падежного показателя (также имеющего инструментальные функции). Согласно [Nikolaeva 2014: 64], в ненецком языке комитативное значение локативного показателя доступно только для существительных, обозначающих людей. Похожим образом ситуация обстоит и в лесном энецком: локатив может маркировать только одушевленного участника [Siegl 2013: 161].

Как мы показали, ситуация в мансийском языке отличается от ситуации в мокшанском, ненецком и энецком, и одушевленность не влияет на выбор между комитативным послелогом и инструментальным падежом.

5. Выводы

Мы описали комитативные и сочинительные конструкции в северных диалектах мансийского языка (< ОБСКО-УГОРСКИЕ < ФИННО-УГОРСКИЕ < УРАЛЬСКИЕ; в основном на материале верхнелозьвинского диалекта), а именно аддитивную единицу *os* ‘ADD’, лексему *tuwəl* ‘затем’, показатель двойственного числа *-ɣ* (сочинительные показатели), а также послелог *jot* ‘COM’ и показатель инструментального падежа *-(ə)l*, *-təl* (комитативные показатели).

Единицы *os* и *tuwəl* не накладывают ограничения на одушевленность, количество, структурные позиции, части речи конъюнктов. Они могут сочинять существительные с модификаторами (при этом, например, прилагательное, расположенное перед двумя конъюнктами, относится только к первому из них). При сочинении ИГ с их помощью возможна интерсективная и неинтерсективная интерпретация. В некоторых идиолектах базовой союзной стратегией сочинения ИГ является использование *tuwəl*, в то время как *os* более ограничен и в первую очередь используется в качестве аддитивной частицы. Двойной дуалис также не накладывает ограничения на одушевленность и структурные позиции конъюнктов. Однако он может сочинять только два существительных без модификаторов (например, прилагательное может располагаться только перед двумя существительными, причем оно обязательно будет отсылать не к первому конъюнкту, а к ним обоим). Интерсективная интерпретация также недоступна для конструкций с двойным дуалисом. В первую очередь двойной дуалис сочиняет симметричные пары объектов, типично встречающихся вместе (например, мужчина с женщиной, отец с матерью, дочь с сыном). Для сочинения более асимметричных пар, которые также типично встречаются вместе (например, женщина с ребенком) предпочтительно использование комитативного сочинения.

Послелог *jot* употребляется в собственно комитативной конструкции, а также в актантной, сочинительной и инклюзорной конструкциях. В некоторых идиолектах он также употребляется в копредикативных конструкциях. Дистрибуция падежного показателя инструменталиса в комитативной функции ограничена: он употребляется только в сочинительных и инклюзорных конструкциях. В этом случае перед ним может присоединяться посессивный показатель двойственного числа, который отсылает к референтам обоих существительных. Также, в отличие от послелога *jot*, инструменталис не может присоединяться к местоимениям. В сочинительных комитативных конструкциях с рассматриваемыми единицами допустима лишь неинтерсективная интерпретация ИГ. Если перед двумя существительными стоит прилагательное, то оно будет отсылать только к первому конъюнкту. Конструкции с комитативным сочинением возможны только в позициях субъекта и прямого объекта, в то время как инклюзорные конструкции допустимы и в позиции косвенного объекта.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть наиболее важные моменты из нашей статьи. Во-первых, в отличие от собственно сочинения, комитативное сочинение в первую очередь используется для маркирования естественного сочинения, а не случайного. Так, в [Kasyanenko 2018] была формализирована интуиция носителей русского языка, говорящая, что референты ИГ, соединенные с помощью предлога *с* (в предложениях типа ‘Маша с Петей пришли’) должны быть «как-то связаны друг с другом», ср. также разницу в допустимости предложений *Вася и Маша — муж с женой* и ??*Вася и Петя — художник с поэтом*; последнее предложение может быть допустимо только при эксплицитном указании на их связь: *Вася и Петя — художник с поэтом, которые ненавидят друг друга*.

Однако в мансийском языке, помимо сочинительных КомК, для которых мы ожидаем ограничение на «связь» двух ИГ, присутствует и конструкция с двойным дуалисом, также типичная для случаев естественного сочинения. Мы показали, что сочинительные комитативные конструкции и конструкции с двойным дуалисом используются в зависимости от симметричности объектов: двойной дуалис марки-

рует симметричное отношение (мать с отцом), а комитатив — несимметричное (мать с ребенком). Кроме того, некоторые исследователи предполагали, что комитативные конструкции с послелогом *jot* и инструментальным падежом идентичны. Мы демонстрируем различия между этими показателями в пределах сочинительной комитативной конструкции и инклюзорной комитативной конструкции. Так, послелог *jot* не накладывает ограничений на число референта комитативной группы, а также он может употребляться с местоимениями.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ABL — аблатив, ADD — аддитивная частица, APPR — аппроксиматив, ASP — аспектуальный показатель, ASSOC — ассоциативный показатель, CAUS — каузатив, CMPR — компаратив, COM — комитатив, CONC — концессив, DEF — определенное склонение, DETR — детранзитив, DIM — диминутив, DISC — дискурсивная частица, DU — дуалис, EMPH — эмфатический показатель, EVID — эвиденциальность, GEN — генитив, IMP — императив, INDEF — показатель неопределенности, INF — инфинитив, INS — инструменталис, IPFV — имперфектив, LAT — латив, LOC — локатив, MIR — миратив, NEG — отрицание, NEG.EX — экзистенциальное отрицание, NMZ — номинализация, NPST — непрошедшее время, O — показатель объекта, OBL — косвенная форма, PEJ — пейоратив, PFV — перфектив, PL — множественное число, POSS — посессивный показатель, PRES — настоящее время, PRON — местоименный показатель, PROP — проприетив, PST — прошедшее время, PTCL — частица, PTCP — причастие, Q — вопросительная частица, REC — реципрок, REFL — рефлексив, S — показатель субъекта, SG — единственное число, SOC — социатив, ST — производная основа, TRANS — транслатив, VBZ — вербализатор.

Литература

Алатырев 1983 — *Алатырев В. И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М., 1983. С. 561—591. {*Alatyryov V. I.* A brief Udmurt grammar sketch // Udmurt-Russian dictionary. Moscow, 1983. P. 561—591.}

Архипов 2004 — *Архипов А. В.* Языки ‘AND’ и языки ‘WITH’: Сколько делений бывает на бинарной шкале? // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24—25 сентября 2004 г.). СПб., 2004. С. 17—21. {*Arkhipov A. V.* ‘AND’ and ‘WITH’ languages: how many marks are there on a binary scale? // First Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. Book of abstracts. (Saint-Petersburg, 24—25th September 2004). Saint-Petersburg, 2004. P. 17—21.}

Архипов 2009 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций. М., 2009. {*Arkhipov A. V.* Typology of comitative constructions. Moscow, 2009.}

Баландин 1938 — *Баландин А. Н.* Маньси мойтыт (мансийские сказки). Л., 1938. {*Balandin A. N.* Mansi mojtyt (Mansi fairy tales). Leningrad, 1938.}

Бахтиярова, Динисламова 2016 — *Бахтиярова Т. П.*, *Динисламова С. С.* Мансийско-русский словарь (верхнелозьвинский диалект). Ханты-Мансийск, 2016. {*Bakhtiyarova T. P.*, *Dinislamova S. S.* Mansi-Russian dictionary (Upper Lozva dialect). Khanty-Mansijsk, 2016.}

Беляев 2015 — *Беляев О. И.* Псевдосочинение в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. № 2. С. 33—59. {*Belyaev O. I.* Pseudocoordination in Ossetic // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. № 2. P. 33—59.}

Даниэль 2000 — *Даниэль М. А.* Типология ассоциативной множественности: дис. … канд. филол. наук. М., 2000. {*Daniel M. A.* A typology of associative plurality: PhD thesis. Moscow, 2000.}

Каксин 2010 — *Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2010. {*Kaksin A. D.* The Kazym Khanty dialect. Khanty-Mansijsk, 2010.}

Козлов 2018 — *Козлов Л. С.* Локативные падежи // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / *Толдова С. Ю.*, *Холодилова М. А.*, *Татевосов С. Г.*, *Кашкин Е. В.*, *Козлов А. А.*, *Козлов Л. С.*, *Кухто А. В.*, *Привизенцева М. Ю.*, *Стенин И. А.* (ред.). М., 2018. С. 154—181. {*Kozlov L. S.* Locative cases // Elements of Moksha Mordvin in typological perspective / *Toldova S. Yu*, *Kholodilova M. A.*, *Tatevosov S. G.*, *Kashkin E. V.*, *Kozlov A. A.*, *Kozlov L. S.*, *Kukhto A. V.*, *Privizentseva M. Yu.*, *Stenin I. A.* (eds.). Moscow, 2018. P. 154—181.}

Лыскова 2001 — *Лыскова Н. А.* Процесс утраты форм двойственного числа (DUAL) в современных обско-угорских языках // Материалы 30-й межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 27. Секция Уралистики. Ч. 2. СПб., 2001. С. 3—9. {*Lyskova N. A.* The loss of the dual number (DUAL) in modern Ob-Ugric languages // Materials of the 30th scientific-methodological conference for teachers and postgraduate students. Issue 27. Session on Uralic studies. Part 2. Saint-Petersburg, 2001.}

Перкова 2014 — *Перкова Н. В. С собой* в русском языке: комитативные конструкции каузации перемещения и их свойства // Acta Linguistica Petropolitana. 2014, 10 (2). С. 157—179. {*Perkova N. V.* 'Together' in Russian: comitative constructions of causing motion and their characteristics // // Acta Linguistica Petropolitana. 2014, 10 (2). P. 157—179.}

Привознов 2017 — *Привознов Д. К.* Синтаксис и семантика ассистива // Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / *Татевосов С. Г.*, *Пазельская А. Г.*, *Сулейманов Д. Ш.* (ред.). М., 2017. С. 197—226. {*Privoznov D. K.* The syntax and semantics of assistive // Elements of Tatar in typological perspective. The Mishar dialect / *Tatevosov S. G.*, *Suleimanov D. Sh.* (eds.). Moscow, 2017. P. 197—226.}

Ромбандеева 1973 — *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М., 1973. {*Rombandeeva E. I.* The Mansi (Vogul) language. Moscow, 1973.}

Ромбандеева 1975 — *Ромбандеева Е. И.* Сложные слова в мансийском языке // Вопросы финноугроведения. 1975. Вып. 6. С. 166—171. {*Rombandeeva E. I.* Compound words in Mansi // Issues in Finno-Ugric studies. 1975. Issue 6. P. 166—171.}

Сайнахова 1966 — *Сайнахова А. Н.* Служебные слова в мансийском языке: дис. … канд. филол. наук. М., 1966. {*Saynakhova A. N.* Auxiliary words in Mansi: PhD thesis. Moscow, 1966.}

Терешкин 1961 — *Терешкин П. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект. Л., 1961. {*Teryoshkin P. I.* Outlines of Khanty dialects. P. 1. The Vakh dialect. Leningrad, 1961.}

Ханина 2016 — *Ханина О. В.* Сочинительные стратегии энецкого языка // Урало-алтайские исследования. 2016. Вып. 2 (21). С. 131—148. {*Khanina O. V.* Coordination strategies in Enets // Ural-Altaic studies. 2016. Issue 2 (21). P. 131—148.}

Холодилова 2018 — *Холодилова М. А.* Морфология имени // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / *Толдова С. Ю.*, *Холодилова М. А.*, *Татевосов С. Г.*, *Кашкин Е. В.*, *Козлов А. А.*, *Козлов Л. С.*, *Кухто А. В.*, *Привизенцева М. Ю.*, *Стенин И. А.* (ред.), М., 2018. С. 63—121. {*Kholodilova M. A.* Nominal morphology // Elements of Moksha Mordvin in typological perspective / *Toldova S. Yu*, *Kholodilova M. A.*, *Tatevosov S. G.*, *Kashkin E. V.*, *Kozlov A. A.*, *Kozlov L. S.*, *Kukhto A. V.*, *Privizentseva M. Yu.*, *Stenin I. A.* (eds.). Moscow, 2018. P. 63—121.}

Шибасова 2006 — *Шибасова Н. Л.* Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков): дис. … канд. филол. наук. М., 2006. {*Shibasova N. L.* A typology of pair words (in several Finno-Ugric languages): PhD thesis. Moscow, 2006.}

Corbett 2000 — *Corbett G.* Number. Cambridge, 2000.

Dyła 1988 — *Dyła S.* Quasi-comitative coordination in Polish // Linguistics. 1988, 26(3). P. 383—414.

Dyła, Feldman 2008 — *Dyła S.*, *Feldman A.* On comitative constructions in Polish and Russian // Gerhild Zybatow, Luka Szucsich, Uwe Junghanns, Roland Meyer (eds.) Formal description of Slavic languages: the fifth conference (Leipzig 2003). Frankfurt am Main. P. 288—299.

Edgerton 1910 — *Edgerton F.* Origin and development of the elliptic dual and of dvandva compounds // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen. 1910, 43. S. 110—120.

Forker 2016 — *Forker D.* Toward a typology for additive markers // Lingua. 2016, 180. P. 69—100.

Haspelmath 2007 — *Haspelmath M.* Coordination. Language typology and syntactic description 2. Cambridge, 2007. P. 1—51.

Kannisto 1956 — *Kannisto A.* Wogulische Volksdichtung gesammelt und ubersetzt von Artturi Kannisto. Bd. 3. Märchen. Helsinki, 1956.

Kasyanenko 2016 — *Kasyanenko S.* Varieties of collectivity. PhD thesis. New York University, 2016.

Krifka 1998 — *Krifka M.* Additive particles under stress // Semantics and Linguistic Theory. Vol. 8. 1998. P. 111—128.

Liimola 1951 — *Liimola M.* (ed.). Wogulische Volksdichtung. Helsinki, 1951.

MacDonell 1916 — *MacDonell A. A.* A Vedic Grammar for Students. London, 1916.

McNally 1993 — *McNally L.* Comitative coordination: A case study in group formation // Natural Language & Linguistic Theory. 1993, 11.2. P. 347—379.

Murphy 1968 — *Murphy L. W.* Sosva Vogul Grammar. PhD thesis. Indiana University, 1968.

Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* Ostyak. München, 1999.

Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* A grammar of Tundra Nenets. Berlin — Boston, 2014.

Ravila 1941 — *Ravila P.* 1941. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen (Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprachund Volkskunde). 1941, 27. S. 1—136.

Riese 2001 — *Riese T.* Vogul. München, 2001.

Ross 1967 — *Ross J. R.* Constraints on variables in syntax. PhD thesis. MIT, 1967

Shultze Berndt, Himmelmann 2004 — *Schultze-Berndt E.*, *Himmelmann N. P.* Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective // Linguistic typology. 2004, 8(1). P. 59—131.

Siegl 2013 — *Siegl F.* Materials of Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia. Helsinki, 2013.

Stassen 2000 — *Stassen L. M. H.* AND-languages and WITH-languages // Linguistic Typology. 2000, 4(1). P. 1—54.

Steinitz 1968 — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Worterbuch der ostjakischen Sprache. Bd. 1—12. Berlin, 1966—1984.

Van Pareren 2011 — *Van Pareren R.* Areal features in the Volga-Kama region: on some non-lexical Turkic influences in Mordvin // Language Contact in Times of Globalization. 2011 (1). P. 251—265.

Vassilieva 2005 — *Vassilieva M.* Associative and Pronominal Plurality. PhD thesis. Stony Brook University, 2005.

Wagner-Nagy 2019 — *Wagner-Nagy B.* A grammar of Nganasan. Leiden, 2019.

Wälchli 2005 — *Wälchli B.* Co-compounds and natural coordination. Oxford, 2005.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.
Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.
Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.
В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.
Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.
Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или р а з р я д к о й.
Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.
Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.
Цитаты заключаются в «кавычки».
Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.
Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.
Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:
в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).
В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.
Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.
Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.
Please use Unicode fonts.
Please indicate the author’s name and affiliation on the title page.
Headings have to be **boldfaced**.
Use *italics* for language data; **boldface** or s p a c i n g for emphasis.
Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.
Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.
Please use «double quotes» for quotations.
Please use ‘single quotes’ for meanings.
Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F.*, *Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t*, *d*, *δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s*, *z*, *š*, *č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Svetlana Pereverzeva

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003